

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 20. № 5

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 20. No. 5

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021

Том 20. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021

Volume 20. No. 5

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2021. Vol. 20. No. 5

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, E.A. Agarkova*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing Sept. 2, 2021.

Date of publication Jan. 20, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 19.3. Published pages 20.8.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–31).

Order 204. «C» 40.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2021. Т. 20. № 5

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры:

Н.М. Вишнякова, И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов:

О.С. Волкова, Е.А. Агаркова

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 02.09 2021 г.

Дата выхода в свет 20.01 2022 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,3.

Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31).

Заказ 204. «С» 40.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

Е-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

Е-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Коряковцева Е.И., Рацибурская Л.В., Сандакова М.В.
Динамика оценочных интенсификаторов
в русском языке XXI в.:
словообразовательный и семантический аспекты 6

Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г. Особенности
лингвистического кодирования элементов
годонимического пространства 20

Щетинина А.В. Между именем собственным
и аппеллятивом: лексикографирование слов
с пограничным статусом
(на примере неологизма *Брексит*) 32

Радбиль Т.Б., Маркина М.В.
Вероятностно-статистическая методика
установления гендерной принадлежности текстов
на русском языке в судебном автороведении 43

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Макухин П.Г., Калинин С.С. Возникновение
и развитие контактных идиомов в контексте
философии глобального эволюционизма 56

Кочетова Л.А., Ильинова Е.Ю., Клепикова Т.А.
Лингвопрагматическое исследование
разделительного вопроса
в англоязычном межличностном общении:
корпусный анализ 67

Леонтович О.А., Котельникова Н.Н.
Китайские и российские субкультуры
в контексте медиаурбанистического дискурса
[На англ. яз.] 87

Третьякова Т.П. Детерминанты
современного научного дискурса
в контексте «социализации» знания 97

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Калинин О.И. Когнитивная метафора и дискурс:
направления и методы
современных исследований 108

Милованова М.В., Терентьева Е.В.
Конфликтная мобилизация
в сообществах социальных сетей России
как актуальная практика
протестной коммуникации:
коллективно-личностное измерение 122

Замальдинов В.Е., Хоригучи Д.
«Коронавирусные» новообразования
в языке СМИ и интернет-коммуникации 141

Жура В.В., Рудова Ю.В., Семенова Е.Г.
Вторичные соматические номинации
в медиатекстах экономической, деловой
и политической направленности 153

Шамне Н.Л., Шишкина Е.В. Репрезентация доверия
в медицинском рекламном дискурсе 167

ДИСКУССИИ

Богоявленская Ю.В. Теория
абсолютной причастной конструкции:
дискуссионные вопросы 177

Шевченко С.Н. Поэтический функциональный стиль
в общей системе языка: прогностический аспект 191

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Koriakowcewa E.I., Ratsiburskaya L.V., Sandakova M.V.
Intensifiers in the Language of the 21st Century:
Word-Building, Semantics, Syntagmatics
and Dynamics of Evaluation 6

Ilyin D.Yu., Sidorova E.G. Specific Features
of Linguistic Coding of Elements
of Godonym Space 20

Shchetinina A.V. Between Proper Name
and Appellative: Lexicography of Words
with Borderline Status
(Exemplified by Neologism *Brexit*) 32

Radbil T.B., Markina M.V.
Russian Text Author's Gender Identification
in Forensic Examination:
Probability-and-Statistics Method 43

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

Makuhin P.G., Kalinin S.S. Emergence
and Development of Contact Idioms in the Frame
of Philosophy of Global Evolutionism 56

Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., Klepikova T.A.
Tag Questions in English Spoken Discourse:
Corpus-Based Linguistic and Pragmatic Analysis 67

Leontovich O.A., Kotelnikova N.N.
The Nature of Chinese and Russian Subcultures
in Urban Discourse 87

Tretyakova T.P. Determinants
of Modern Scientific Discourse
in the Context of "Socialization" of Knowledge 97

MATERIALS AND REPORTS

Kalinin O.I. Cognitive Metaphor and Discourse:
Research Methods and Paradigms 108

Milovanova M.V., Terentyeva E.V.
Conflict Mobilization
in Russian Social Media Communities
As an Actual Practice of Protest Communication:
Collective and Personal Dimension 122

Zamaldinov V.E., Horiguchi D.
"Coronavirus" Innovations
in Media Language and Internet Communication 141

<i>Zhura V.V., Rudova Yu.V., Semenova Ye.G.</i> Secondary Somatic Nominations in Media Texts Covering Economy, Business and Politics Spheres	153
<i>Shamne N.L., Shishkina E.V.</i> Representation of the Phenomenon “Trust” in Medical Advertising Discourse	167

DISCUSSIONS

<i>Bogoyavlenskaya Yu.V.</i> Absolute Participial Construction Theory: Controversial Issues	177
<i>Shevchenko S.N.</i> Poetic Diction and Standard Language: Predictive Aspect	191

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1>

UDC 811.161.1'06:81'373.611

LBC 81.411.2-20

Submitted: 05.04.2021

Accepted: 07.06.2021

INTENSIFIERS IN THE LANGUAGE OF THE 21st CENTURY: WORD-BUILDING, SEMANTICS, SYNTAGMATICS AND DYNAMICS OF EVALUATION ¹

Elena I. Koriakowcewa

Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

Larisa V. Ratsiburskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Marina V. Sandakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article considers the categories of evaluation and intensity in cognitive and pragmatic aspects. The purpose of the research is to establish the relationship between the categories of evaluation and intensity based on the material of word-building and lexical-semantic units from lexicographic sources and media and fiction texts. As a result of the research, word-building and lexical-semantic intensifiers are characterized by the use of word-building, semantic and contextual methods. The article shows such kinds of intensifiers as affixes and affixoids in neoderivatives, neoderivatives created on the base of reduplication. The article shows the estimated ambivalence of dimensional-evaluative affixes, in connection with pragmatic conditions, context and semantics of productive base. The article describes such an extension of the functional range of intensifiers as oxymoron quality and ambivalence of lexical intensifiers. The functions of the intensifiers (pragmatic and stylistic) are defined. The repeatability of syntagmatic bias models indicates the dynamics of evaluation in the class of lexical intensifiers in the Russian language of the modern period. The phenomena described in the article generally show the development of the semantic category of intensity in the Russian language of the 21st century, which is expressed in the dynamics of its components, such as word-building means, word-building units, lexical units.

Key words: Russian language, intensifier, word-building, lexical unit, semantics, evaluation, syntagmatics, active processes in the language.

Citation. Koriakowcewa E.I., Ratsiburskaya L.V., Sandakova M.V. Intensifiers in the Language of the 21st Century: Word-Building, Semantics, Syntagmatics and Dynamics of Evaluation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 6-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1>

ДИНАМИКА ОЦЕНОЧНЫХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI в.: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ¹

Елена Ивановна Коряковцева

Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, г. Седльце, Польша

Лариса Викторовна Рацибурская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Марина Всеволодовна Сандакова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам лингвокогнитивного и прагмалингвистического изучения категорий оценочности и интенсивности. Цель исследования – установление связи между ними на материале словообразовательных и лексических единиц из лексикографических источников, медийных и художественных текстов XXI века. В результате исследования с использованием методов словообразовательного, семантического и контекстуального анализа охарактеризованы словообразовательные (Е.И. Коряковцева, Л.В. Рацибурская) и лексические (М.В. Сандакова) интенсификаторы. Выявлены аффиксальные и аффиксоидные интенсификаторы, неодериваты с интенсификационной семантикой, созданные способом редупликации (Л.В. Рацибурская). Обнаружена оценочная амбивалентность размерно-оценочных аффиксов, обусловленная прагматической установкой, контекстными условиями, семантикой мотивирующей основы (Е.И. Коряковцева, Л.В. Рацибурская). Описано синтагматическое расширение лексических интенсификаторов, образование интенсификационно-оценочного оксюморона и словосочетаний с интенсификационно-оценочной амбивалентностью (М.В. Сандакова). Определены функции интенсификатора в оценочно диссоциирующем окружении (прагматические и стилистические). Установлено, что повторяемость моделей смещения сочетаемости свидетельствует об актуализации класса интенсификаторов и их оценочной динамике. Показано развитие семантической категории интенсивности в русском языке XXI в., находящее выражение в динамике таких ее составляющих, как способы словообразования, словообразовательные и лексические единицы.

Ключевые слова: русский язык, интенсификатор, словообразование, лексическая единица, семантика, оценка, синтагматика, активные процессы в языке.

Цитирование. Коряковцева Е. И., Рацибурская Л. В., Сандакова М. В. Динамика оценочных интенсификаторов в русском языке XXI в.: словообразовательный и семантический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 6–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.1>

Введение

Интенсивность рассматривается в современной лингвистике как семантическая категория, производная от категорий количественности и качественности [Родионова, 2005]. Она выражает степень, градацию того или иного свойства или явления. При этом в отличие от категории градуальности, которая

отражает представления об объективной мере [Колесникова, 2016; Косова, 2013], интенсивность вносит субъективное отношение человека к объекту и связана с определенными прагматическими задачами говорящего [Князев, 1996].

Это находит проявление в том, что семантика интенсивности обычно сопряжена с эмоционально-экспрессивной окраской и оцен-

кой (подробно см.: [Арутюнова, 1988; Вольф, 2002; Ермакова, 2005; Лукьянова, 1986]).

Категория интенсивности имеет разнообразнейшие средства выражения на всех уровнях языка – от фонетического до синтаксического [Родионова, 2005, с. 159–165]. Ее ядро образуют лексические единицы со значением степени [Ермакова, 2005; Кустова, 2005] и деривационные средства выражения значения усиления или ослабления признака [Райцева, 2012; Шептухина, Мешкова, 2011] и др.

Происходящие в конце XX – начале XXI в. процессы демократизации языка – усиление в речи личностного начала, повышение эмоциональности и раскованности, размывание литературной нормы – создают благоприятные условия для развития класса интенсификаторов. Оно происходит благодаря возникновению новых единиц в результате действия механизмов словообразования и семантической деривации [Радбиль, Рацибурская, Палоши, 2021]. Не менее заметным вектором изменения класса служит динамика оценки, сопровождающая деривационные и семантические явления.

Материал и методы

В статье рассматриваются лексические единицы с интенсификационным значением, извлеченные из медийных и художественных текстов XXI в., современной разговорной речи, с привлечением материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также данных лексикографических источников.

Словообразовательные и лексические интенсификаторы исследуются с применением методов словообразовательного, семантического и контекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

Словообразовательные интенсификаторы в неoderиватах

В современных медийных текстах, которые характеризуются высокой степенью оценочной тональности, частотны неoderиваты с семантикой интенсивности. «Словообразование в современном медиадискурсе

является эффективным инструментом для решения прагматических задач, которые ставят перед собой журналисты в соответствии с авторскими интенциями» [Коряковцева, 2016, с. 9]. Словотворческое экспериментирование журналистов приводит к появлению новообразований неузального характера, отличающихся яркой экспрессией и оценочностью. Анализ этих медийных неoderиватов позволяет понять, каким именно образом в ходе номинации осмысливаются явления современной общественной жизни: как известно, деривационные процессы и отношения отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективизации новых концептов и связей.

В структуре неoderиватов в качестве словообразовательных интенсификаторов выступают аффиксы с определенными семантико-стилистическими характеристиками. К ним относятся некоторые префиксы с семантикой незначительной интенсивности, в частности глагольный префикс *под-*, а также префикс *недо-*, который сочетается с глагольными и именными основами. Префикс *под-* указывает на незначительную интенсивность действия:

(1) Ультиматум будущих нациков может и **подрассосаться** (Россия-1. 20.10.2019);

(2) Скандал отгремел... Это все **подуспокоилось** (1-й канал. 11.07.2020).

Негативная оценка выражается префиксом *недо-*, указывающим на неполноту действия:

(3) Когда люди любят друг друга, они <...> **недозамечают** ребенка (1-й канал. 06.04.2020);

(4) Обращаю тебя к твоей же книжке, еще **недоизданной** (Вести FM. 27.03.2020).

Префикс *недо-* может также вносить в новообразования ироническую оценку:

(5) **недоотравленная** госпожа Шапиро (Вести FM. 19.09.2018).

В сочетании с именными основами рассматриваемый префикс имеет значение «не в полной мере наделенный тем или не в

полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом; заключающий в себе его признаки, но не являющийся им в полной мере»:

(6) смехотворный **недокандидат** (Вести FM. 31.01.2018);

(7) ...бывает Ален Делон, а бывает Ален **недоДелон** (1-й канал. 14.08.2018);

(8) Порошенко страдает комплексом **недоПутина** (Вести FM. 26.03.2019);

(9) Она стала мамой, но материнский инстинкт проявится в ней гораздо позднее. Есения все-таки, можно сказать, «**недоженщина**» по роду своей деятельности (Собеседник. 08.11.2020).

Словообразовательными интенсификаторами являются также размерно-оценочные префиксы *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *мега-*, *сверх-*. Они обычно характеризуются амбивалентной оценочностью.

Так, размерно-оценочный префикс *супер-*, указывающий на высокую степень проявления признака или качества денотата, содержит также указание на высокую позитивную оценку:

(10) Те готовились к спору по существу, получили заключение: матрас – не медицинское изделие. Думали, **супердовод**... (Российская газета. Неделя. 27.03.2019);

(11) Она у меня не только **супермама**, но и **супержена**. За этими **суперзваниями** она не должна забывать, что она **суперженщина** (1-й канал. 01.06.2020);

(12) По словам Конева, всех долгожителей и **супердолгожителей** объединяют небольшие габариты (Радио «Комсомольская правда». 30.06.2020);

(13) Но вот «дожила» бы она в спорте до второго олимпийского шанса – далеко не факт. Особенно учитывая скорое появление нового **суперпоколения** (Life. 04.04.2020);

(14) Патрисия Каас: **суперконцерт** с нотками грусти (День города. 15–21.07.2020);

(15) Еще одна **суперновинка** – беспилотный камаз (Россия-1. 12.07.2020);

(16) Не приходят на ум какие-то **суперназвания** (Вести FM. 25.02.2021);

(17) Ваш кот – это **суперисключение!** (Вести FM. 06.03.2021);

(18) Мы играем **суперпревалирующую** роль во всем, что касается интернета (Вести FM. 27.02.2019);

(19) А если это **суперантипригарная** сковородка? (Радио России. 04.03.2021);

(20) ...**суперлегко** переносящий инфекцию (1-й канал. 08.04.2020).

Позитивная оценка префикса может усиливать положительную семантику мотивирующей основы:

(21) С бананами и их **суперпользой** мы разобрались (1-й канал. 31.05.2020);

(22) Я по своей природе оптимист, но любого, даже **супероптимиста**, могут огорчить внешние обстоятельства (Радио России. 04.08.2019);

(23) Сербы мне очень помогли, за что я им **суперблагодарен** (1-й канал. 08.10.2019).

Вместе с тем новообразования с префиксом *супер-* могут выражать и негативную оценку в сочетании с определенной мотивирующей основой и в определенном контексте:

(24) Вирус – это **суперпаразит** (1-й канал. 18.03.2020);

(25) 80 % сидят дома, но это те самые **суперразносчики** инфекции (1-й канал. 02.03.2020);

(26) ...это не какая-то **суперсмертельная** инфекция, **суперчума** (1-й канал. 19.03.2020);

(27) ...**суперсоветы** дня от нескончаемых коучей (Sunmag.me. 25.06.2019).

В примере (27) префикс вносит в новообразование ироничную оценку. Во всех рассмотренных случаях негативная оценка, связанная с семантикой мотивирующей основы и/или контекстом, усиливается размерной семантикой префикса.

К интенсификаторам относится также размерно-оценочный префикс *гипер-*:

(28) Какова **гиперзадача**? Главная задача? (Радио России. 03.03.2021);

(29) Сам по себе эпизод ну **гиперкороткий!** (1-й канал. 04.05.2019).

Присоединение префикса может сопровождаться появлением у новообразования позитивной оценки:

(30) Вы какие-то **гиперпонимающие** родители (1-й канал. 03.02.2019).

В некоторых случаях формируется негативная оценочность новообразований, которая поддерживается контекстом:

(31) Не просто начальник столицы, где сосредоточено больше половины коронавирусных заражений и трупов (расплата за **гиперцентрализацию** РФ, где все вопросы решаются в Москве... (Собеседник. № 15/16, 2020).

Еще один префикс с семантикой интенсификатора – *ультра-* – представлен в новообразованиях значительно реже, чем синонимичные ему *супер-*, *гипер-*:

(32) Как показало новейшее исследование испанских ученых, чрезмерное увлечение **ультраобработанными** продуктами уменьшает срок жизни клеток в организме человека (Версия. 29.06–05.07.2020).

Возможно ироническое наполнение деривата с префиксом *ультра-*:

(33) Если речь не идет о нашей **ультраинтеллекции**, когда за любой кипеж власть должна давать им деньги (Вести FM. 03.02.2021).

К новым интенсификаторам относится заимствованный в конце XX в. префикс *мега-*, который прежде всего указывает на большой размер денотата, а также на обладание денотатом признаками, качествами намного сверх обычного [Козулина, Левашов, Шагалова, 2009, с. 143]:

(34) Компанию, сотрудниками которой на Ямале задерживают зарплату, обманули на **мегастройках** к чемпионату мира 2018 года (URA.RU. 07.02.2019);

(35) Это **мегаопыт**, он был уникален для меня (НТВ. 26.04.2020).

Количественная семантика нередко осложняется оценочной. Характер оценки (положительная, отрицательная), как правило, зависит от семантики мотивирующей основы и контекста:

(36) Я понимала, что он не такой человек, он **мегаправильный** (НТВ. 11.05.2019);

(37) Мы вам покажем не просто уникальную квартиру, а **мегауникальную** квартиру (Youtube. 08.04.2020);

(38) Не просто хорошо, а **мегахорошо** (1-й канал. 09.08.2019);

(39) Узорные губы могут подойти **мегакреативным** людям (НТВ. 08.12.2019);

(40) Создатель **мегаисторического** проекта «Ласковый май»... (Россия-1. 13.03.2021);

(41) Мы подогрели все эти польские **мегамечтания** (Вести FM. 28.02.2019).

В примере (41) неодериват выражает явную иронию.

В качестве интенсификатора может выступать префикс *сверх-*, исконно русский синоним префиксов *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *мега-*:

(42) Я как бы в театре еще и реализую **сверхцель** – потом из этого сделать кино... (Московский комсомолец. 29.04–13.05.2020).

Новообразования с префиксом *сверх-* в определенных контекстах могут приобретать негативную оценочность:

(43) Чем опасен **сверхтуризм**? Слово достаточно новое, но от него уже пострадали Барселона, Париж... (Радио России. 10.06.2019);

(44) Философия «особых людей», получающих высокие оклады и бонусы за свои якобы **«сверхдолжные»** заслуги, вызывает, как правило, иронию и сарказм у обычных людей (Российская газета. 04.02.2021);

(45) Странные события происходят на всем цивилизованном, **сверхтолерантном** Западе (Комсомольская правда. 24.06–01.07.2020).

В последнем примере префикс усиливает ироничную характеристику Запада.

К префиксам-интенсификаторам можно отнести *пре-* с семантикой усилительности:

(46) Какая была популярность у Юрского? Кумир-**прекумир**! (1-й канал. 12.02.2021).

К интенсификаторам относятся и префиксоиды, в частности размерный префиксоид *мини-* ‘небольшой по физическим размерам’ (*мини-автобус*, *мини-государство*, *мини-компьютер*, *мини-пекарня*), ‘небольшой, значительно менее обычного по количественному составу’ (*мини-бюджет*, *мини-гостиница*, *мини-зоопарк*), ‘незначительный по действию’ (*мини-аборт*, *мини-война*, *мини-исследование*), ‘очень короткий по длине’ (*мини-юбка*, *мини-пальто*, *мини-шорты*) [Козулина, Левашов, Шагалова, 2009, с. 153–154], а также антонимичный ему префиксоид *макси-* ‘очень крупный по размерам, величине’ (*макси-обувь*, *макси-такси*), ‘очень длинный’ (*макси-пальто*, *макси-юбка*), ‘очень значительный по своему проявлению, по своей сути’ (*макси-доходы*, *макси-процесс*, *макси-интерес*) [Козулина, Левашов, Шага-

лова, 2009, с. 140]. Оценочно-экспрессивный характер данные префиксоиды приобретают в медийных новообразованиях:

(47) А все хорошие хотят быть **миниЭрнстом** – приводит журналистка слова Богомолова (Sm-news. 04.10.2019).

Помимо размерно-оценочных префиксов и префиксоидов к интенсификаторам относятся размерно-оценочные суффиксы *-ик-*, *-к-*, *-ишк-*, *-иш-* и под. Они указывают на небольшой, незначительный или, наоборот, значительный размер, значительность денотата:

(48) Жили очень бедно. Был такой маленький чемоданчик, был **скарбик** (Россия-24. 19.07.2018);

(49) Вот это была борьба! Не борьба, а **борьбища** (Вести FM. 23.04.2019).

«Обычно с деминутивами ассоциируются симпатия, сочувствие, жалость, так как слова этой категории чаще связаны с выражением положительной оценки обозначаемого, с похвалой» [Коряковцева, 2016, с. 99]:

(50) «**Феюшки**» из врачебной династии (Нижегородская правда. 21.06.2012).

«Однако деминутивы способны также к передаче отрицательных эмоций и негативных оценок, выполняя пейоративную или даже инвективную прагматическую функцию» [Коряковцева, 2016, с. 99–100]:

(51) Я еще тогда предполагал, чем кончится твоя **карьерка** (Вести FM. 05.07.2018);

(52) **Карьерка**-то у него была ох какая неплохая! (Вести FM, 13.03.2019);

(53) Это уже **секточка** (о либеральной оппозиции в период пандемии. – Авт.) (Вести FM. 27.03.2020).

Ирония прослеживается в новообразованиях на базе жаргонизмов:

(54) Американцы неожиданно получили такую **обраточку** (Вести FM. 28.02.2019).

Значение уничижительности может быть присуще дериватам от наименований лиц:

(55) ... **женишок-адвокатишко** ее скоро забудет (Комсомольская правда. 03.06–10.06.2020).

Суффиксы с аугментативным значением, наоборот, могут способствовать формированию позитивной оценки:

(56) Это же такой **плюсище!** (Радио России. 13.12.2019).

Аксиологическая функциональная амбивалентность деминутивов объясняется тем, что «деминутивный аффикс не имеет постоянного значения: оно модифицируется в зависимости от семантики основы. <...> На оценочные средства языка, к которым относятся деминутивы, непосредственно влияют социокультурные факторы» [Коряковцева, 2016, с. 100]. Существенные перемены в жизни российского общества, ускорившие эволюционные процессы в русском языке, привели к преобразованиям также в области модификационной деривации: «квазидеминутивы со стабильным словообразовательным, а не контекстуально обусловленным пейоративным значением... появляются в результате присоединения исконных уменьшительных суффиксов к производящим *nomina abstracta*» [Коряковцева, 2016, с. 100]: *акцийка, информациейка, сенсацийка, патриотизмик, коммунизмик, маразмик, самосознание и т. п.* (см.: [Коряковцева, 2016, с. 100–105]). Преднамеренная деминутивная «инфантилизация» *nomina abstracta* снижает социальную значимость обозначаемых ими идеологических концептов, способствуя развитию конфликтогенного потенциала. Экспрессивное напряжение русских деминутированных *nomina abstracta*, весьма далекое от уменьшительного значения, выражается в усилении степени пейоративизации от иронического пренебрежения к фамильярному презрению и саркастической издевке. По-видимому, высокая степень интенсивности эмоций в пейоративных квазидеминутивных недериватах обусловлена национальным характером носителей русского языка: взрывчатостью темперамента и открытостью.

Полагаем, что к аффиксальным интенсификаторам, обладающим конфликтогенным потенциалом, можно отнести не только деминутивные суффиксы, но и суффиксы с семантикой невзрослости, ср.:

(57) Принц или **бомжонок?** (Нижегородская правда. 21.06.2012);

(58) Путь в никуда: “февралист” Стрелков и **чубайсенок** Навальный объединились против Путина (Katyusha.org. 21.07.2017).

В семантике существительных типа *чубайсенок* значение незрелости утрачивает первоначальный физиологический характер и приобретает стилистическую отрицательную социальную коннотацию ‘незрелый в своих взглядах, поступках’. Таким образом, в ходе модификационного словопроизводства при образовании деривата, характеризующего процессы и результаты психической и интеллектуальной деятельности человека, к его поведению, смысл ‘меньше нормы’ трансформируется в ‘не имеющий социальной значимости’.

В качестве интенсификаторов могут выступать не только словообразовательные средства, но и словообразовательные способы. В последнее время в медийной речи распространены неодериваты, созданные путем редупликации. Можно отметить две группы таких слов. Одни указывают на своего рода «настоящий, истинный характер» обозначаемого:

(59) Физика – это **наука-наука** (Вести FM. 10.09.2019);

(60) Есть мужчины, которые называют девочками всех подряд. <...> А мы говорим о **девочках-девочках**, которым пять лет (Радио России. 03.06.2019);

(61) Я бы порекомендовал еще **классику-классику** <...> музыканта **русского-русского** происхождения. Это Игорь Левит (1-й канал. 07.04.2020);

(62) Мы стали такими **европейскими-европейскими**... (Вести FM. 19.01.2021).

У подобных дериватов возможна ироническая окраска:

(63) У нас такая прямо **демократия-демократия**, свобода, что можно свободно вынести из музея художественные ценности (Вести FM. 28.02.2019).

Другие новообразования указывают на усиленное качество обозначаемого:

(64) Конечно, гибель четырнадцати человек... это **трагедия-трагедия** (Вести FM. 03.07.2019);

(65) О Ким Чен Ёне много пишут, что это **чудовище-чудовище** (Вести FM. 25.04.2019);

(66) Сегодня выходит книга Болтона. Книга **жесткая-жесткая** (Вести FM. 23.06.2020).

Способ образования подобных неодериватов можно также отнести к словообразовательным интенсификаторам.

Динамика оценки в семантике лексических интенсификаторов

Одним из основных средств выражения категории интенсивности в языке являются лексические интенсификаторы – наречия, прилагательные и устойчивые сочетания, обозначающие ту или иную степень интенсивности явления (*очень, совершенно, чуть-чуть, абсолютный, в высшей степени*).

Лингвистами уже отмечалось, что в разговорной речи интенсификаторы с негативной оценкой могут сочетаться с наименованиями сущностей, оцениваемых позитивно [Ермакова, 2005, с. 277; Кустова 2005, с. 299]. Некоторые такие сочетания получили широкую употребительность: *дикий восторг, дико понравиться; зверски хорошо; жуткое везение, жутко доволен; страшно умный, страшно весело; ужасно умен, ужасно влюбиться; до умопомрачения увлекательный*.

Известно и другое явление, когда слово с семантикой общей мелиоративной оценки, выступающее в разговорной речи в роли интенсификатора, употребляется при описании нейтральных или негативных явлений. Ср. также: *Хорошо же его жизнь потрепала; Он получил хорошую выволочку; ...на лице его привычная деловая сухость боролась с благодушием человека, только что простившегося с родней и хорошо выпившего...* (А.П. Чехов. Степь).

Перенесение интенсификатора в оценочном чуждый контекст – процесс, развивающийся в русском языке новейшего периода и охватывающий все более широкий круг единиц. Этот процесс вписывается в общую динамику класса интенсификаторов, связанную с семантической деривацией, синтагматическим расширением и трансформацией закономерностей сочетаемости. Остановимся на двух явлениях, характеризующих оценочную динамику класса интенсификаторов в языке XXI века.

*Интенсификационно-оценочный
оксюморон*

Обычно оксюморон представляет собой фигуру алогизма [Москвин, 2006, с. 208], которая основана на сочетании слов, противоречащих друг другу по смыслу. Смысловая несовместимость компонентов может сопровождаться оценочной несовместимостью. Слово-сочетания такого типа описаны О.С. Декатовой как оценочный оксюморон: *умный дурак, вежливый хам, благородный убийца* [Декатова, 2013].

На наш взгляд, как разновидность оксюморона можно рассматривать словосочетания с интенсификаторами, в которых нарушено соответствие компонентов по выражаемой ими оценке. Назовем такой оксюморон интенсификационно-оценочным. Он выражается в том, что оценочный интенсификатор образует противоречие по знаку оценки либо со своим определяемым, либо с более широким контекстом высказывания или текста в целом. Такое явление можно наблюдать в языке СМИ, современных художественных текстах и разговорной речи.

Положительно-оценочный интенсификатор может смещаться на определяемые с негативной оценкой.

Например, толковые словари фиксируют у слов *восхитительный, восхитительно* качественно-оценочное значение: «Вызывающий восхищение; прелестный» (БТС, с. 153). Интенсификационное значение (не отраженное в словарях) сохраняет положительную оценочность: *восхитительный* означает «такой, который имеет настолько высокую степень свойства или явления, что это вызывает восхищение», ср.: *восхитительные темпы развития, восхитительно красивые растения*. Употребление с пейоративными определяемыми создает яркий оценочный диссонанс: *восхитительная алчность, демагогия, нахальство, пьянство; восхитительно абсурдный, бесполезный, бессодержательный, однообразный*. Ср. также:

(67) Вспомним **восхитительный** по наглости, откровенно пропагандистский фильм о Березовском... (Литературная газета. 26.11.2015).

Интенсификационно-оценочный оксюморон с обратным соотношением знаков возникает при смещении негативного интенсификатора в позитивном направлении. Например, слова *бессовестный, бессовестно*, семантически выражающие отрицательную оценку, в норме имеют сочетаемость с названиями негативных явлений, и это проиллюстрировано в «Словаре русской идиоматики» Г. И. Кустовой: *бессовестная ложь, обман; бессовестно дорогой, наглый* (СЛРИ)

Сочетаемость с позитивными или нейтральными определителями порождает оценочное противоречие. Ср.:

(68) О, как я **бессовестно** счастлива на фоне глобальной беды! (Литературная газета. 27.05.2020).

Контекст словосочетания *бессовестно счастлива* коррелирует с более широким контекстом высказывания *на фоне глобальной беды*. Общая негативная окраска поддерживает и актуализирует качественно-оценочный компонент значения наречия: с этической точки зрения, не считается нравственным радоваться, когда окружающим плохо. Этический компонент семантики интенсификатора может быть деактуализирован, ср.:

(69) Осенняя сочная листва, теплый денек; я **бессовестно** рада тебе, рада просто так, нипочему; встретились – и можно окунуться в эту осень... Мы **бессовестно** счастливы и принимаем это как должное, потому что именно на нас сошелся клином белый свет (НКРЯ. Е. Завершнева. Высотка. 2012).

Деактуализация качественного компонента максимальна в контекстах, содержательно далеких от сферы нравственности. Оксюморон в этом случае может служить средством создания шутки:

(70) Три **бессовестно** простых блюда, когда живешь на минималку (Яндекс. Дзен. 25.05.2020).

Слова *неприличный, неприлично* также выражают отрицательную оценку. Ср. толкование качественно-оценочного значения: «*Неприличный*. 1. Не соответствующий, противоречащий правилам приличия, хорошего тона, непристойный» (БТС, с. 635). Широ-

ко употребительное интенсификационное значение, которое словарями пока не фиксируется, сохраняет оценку. Например, *смеяться неприлично громко* означает «смеяться настолько громко, что это нарушает правила приличия».

В языке XXI в. наблюдается сочетаемостное смещение данных интенсификаторов и употребление их с нейтральными и положительно окрашенными единицами. Происходящий при этом перенос в иную денотативную область, в которой нравственные оценки не действуют, деактуализирует качественный («нравственный») семантический компонент: *неприлично красивая девушка, неприлично большое наследство, неприлично низкие цены*. Употребления такого рода создают эффект иронии или шутки:

(71) Непременно в жизни героя, **неприлично** богатого... должна появиться та самая, и имя ей – Татьяна (Литературная газета. 30.10.2019);

(72) **Неприлично** дешево: мой заказ с самыми бюджетными кремами, про которые говорят, что они просто бомба (и один точно круче люкса) [Заголовков] (Яндекс. Дзен. 17.11. 2020).

Интенсификационно-оценочный оксюморон образуется и словосочетаниями, в которых интенсификатором является лексикализованная предложно-падежная форма имени существительного в родительном падеже с предлогом *до*: *до предела, до жути, до ужаса* и др. Модель «*до* + Р. п.» удобна для выражения семантики интенсивности, поскольку предлог *до* «указывает на высшую (предельную) степень, которой достигает действие, состояние и т. п.» (БТС, с. 263). Некоторые из таких форм имеют синонимы среди адъективных и адвербиальных интенсификаторов (*до предела – предельный, предельно*).

В языке XXI в. происходит, во-первых, пополнение единиц, образуемых по данной грамматической модели. Все более широкое распространение получают сочетания: *до безобразия*, не зафиксированное в «Словаре наречий и служебных слов русского языка» В.В. Бурцевой (СНССРЯ) и в «Словаре русской идиоматики» Г.И. Кустовой (СлРИ); *до жути*, которого нет в СлРИ; *до неприличия, до фанатизма*, отсутствующие в СНССРЯ.

Во-вторых, снимаются связанные с оценкой сочетаемостные запреты: сочетания с пейоративной оценкой активно используются в контекстах нейтральной и положительно-оценочной окраски.

Так, интенсификатор *до неприличия* употребляется не только в словосочетаниях типа *до неприличия легкомысленный, надоедливый, напиться*, но и в словосочетаниях *до неприличия хорош, модный* и под. Ср.:

(73) Исходный тезис был прост **до неприличия**: многие выпускники из элитных московских школ... получали на ЕГЭ баллы ниже ожидаемого (Литературная газета. 16.07. 2014);

(74) Живое и непосредственное удовольствие Андрей Георгиевич [Битов] получал не от безукоризненно выверенной цепочки умозаключений, а от способности глянуть на нечто **до неприличия** общепринятое с небывалой доселе точки зрения. (Труд. 13.12.2019).

Аналогично ведут себя другие сочетания. Например, *до ужаса (до ужаса ревновать, тоскливо, тощий – до ужаса похожи, доволен, восторгаться); до безобразия (до безобразия грязный, напиться – до безобразия правильный, аккуратный); до жути (до жути бояться, безобразный – до жути привлекать, интересный)*:

(75) Его избранницей стала стройная девочка Катя с большими оленьими глазами, внучка одного **до ужаса** знаменитого академика (НКРЯ. А. Моторов. Преступление доктора Паровозова. 2013);

(76) Зато им очень хотелось быть **до ужаса** хорошими в глазах других, они жаждали понимания и признания заслуг (Литературная газета. 01.07.2020);

(77) Пил Гордиевский **до безобразия** мало, и к тому же не ругался матом, что сразу бросалось в глаза во время веселых посольских застолий (Литературная газета. 29.05.2019);

(78) Отличнейший юмор: емкий, в самую точку, и актуально **до безобразия**. Очаровательный гротеск (Литературная газета. 27.10.2010);

(79) Другой – талантлив **до жути**, просто гений (НКРЯ. Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона. 2004);

(80) Видно, они сами **до жути** любят свое дело и им важно разделить это чувство с тобой (НКРЯ. Л.С. Крашенинникова. Образовательный коммунизм // Кот Шредингера. 2016).

*Интенсификационно-оценочная
амбивалентность*

У интенсификаторов, которые семантически не выражают оценки, но обычно тяготеют к оценочным определяемым, в современной речи также наблюдается сочетаемостно-оценочное расширение. Для них выход за пределы сочетаемости, закрепленной традицией и зафиксированной в словарях, и приобретение возможности интенсифицировать сущности противоположного знака можно определить как интенсификационно-оценочную амбивалентность.

Покажем это на примере слов *впечатляющий, изумительный, ослепительный* и их адвербиальных соответствий, которые функционируют как интенсификаторы. Произвести сильное впечатление, изумить могут абсолютно разные явления, в том числе неприятные и трагические, однако словарные толкования данных прилагательных связывают их только с тем, что вызывает яркие положительные эмоции. Примеры формулировок: «*Впечатляющий. Разг. Производящий сильное впечатление*» (БТС, с. 155); «*Ослепительный. 2. Производящий сильное впечатление, поражающий (красотой, блеском и т. п.)*» (БТС, с. 730). Примеры сочетаемости, приводимые в «Словаре русской идиоматики», также ограничены позитивно-оценочными словами: *впечатляющее достижение, успех; изумительная порядочность, трудолюбие; изумительно стройный, элегантный; ослепительная белизна, свежесть; ослепительно красивый, блестеть* (СлРИ).

Однако в современном употреблении они встречаются также и в отрицательно-оценочных контекстах:

(81) Другой **впечатляюще** пессимистичный прогноз Bloomberg тоже связан с началом войны – но не торговой, а между поколениями (НКРЯ. lenta.ru. 05.01.2018);

(82) Он бежал и плакал... улицы были пусты и **изумительно** угрюмы (НКРЯ. Е. Радов. Змеесос. 2003);

(83) Роман мой джойсовский... будет о девушке. Нежной, тонкой, **ослепительно** некрасивой... (Литературная газета. 04.03.2009).

Примером обратного направления оценочно-сочетаемостного развития могут по-

служить слова *крайний, крайне*. Обычно они интенсифицируют явления, воспринимаемые как негативные, что подчеркивается в «Новом объяснительном словаре синонимов» под ред. Ю.Д. Апресяна (НОСС, с. 318). Более естественно сказать *крайний пессимизм*, чем *крайний оптимизм*; *крайне ошибочно*, чем *крайне правильно*; *крайне не понравился*, чем *крайне понравился*. Однако сегодня эта закономерность все чаще нарушается, и распространение получают сочетания типа *крайний патриотизм, крайне повезло, крайне талантливый, крайне удачно*. Ср.:

(84) А в этом особнячке расположено **крайне** симпатичное кафе «Молодость», рекомендую (Яндекс. Дзен. 21.12.2020);

(85) Щebetовский был **крайне** удовлетворен, что поймал момент и мастерски провернул хитрую операцию, когда ему прямо на руки вышло чистыми четыре с половиной миллиона долларов (А. Иванов. Ненастье).

Заключение

Описанные явления показывают развитие семантической категории интенсивности в русском языке XXI в., находящее выражение в динамике таких ее составляющих, как словообразовательные и лексические единицы (интенсификаторы).

К словообразовательным интенсификаторам относятся разные виды аффиксов (префиксы, суффиксы, аффиксоиды) с размерно-оценочной семантикой, семантикой невзрослости, интенсивности разной степени, а также редупликационный способ словообразования. Динамика словообразовательных интенсификаторов связана с амбивалентным характером семантики ряда размерно-оценочных оценочных аффиксов (в частности, префиксов *супер-, гипер-, мега-, сверх-* и под., суффиксов *-ик, -ишк(а/о), -к(а)* и под.) с широким диапазоном оценок: от позитивных, указывающих на высокое качество денотата, до иронически-негативных и даже уничижительных. Кроме того, в речевой практике носителей русского языка размерно-оценочные суффиксы расширяют свои синтагматические возможности, сочетаясь с основами существительных абстрактной семантики.

Одним из векторов развития лексических интенсификаторов является синтагматическое расширение, в результате которого в речи возникают и закрепляются новые словосочетания, не соответствующие традиции употребления и нарушающие сложившиеся правила лексической сочетаемости, закрепленные в словарях. Расширение сочетаемости служит условием семантических и оценочных трансформаций интенсификатора.

Употребление интенсификатора в оценочно диссонирующем с ним окружении выполняет в тексте определенные прагматические и стилистические функции (повышение экспрессивности текста, создание эффекта оксюморона, иронии или шутки). При этом обилие таких употреблений в медийных, художественных текстах и разговорной речи, а также повторяемость моделей синтагматического смещения свидетельствует о динамике развития оценки в классе лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода.

Оценочное расширение, когда «положительно ориентированные» интенсификаторы «вторгаются» в зону негативных явлений, и наоборот, негативные характеристики – в зону явлений позитивных, в целом можно рассматривать как проявление тенденции к снятию оценочных ограничений и универсализации оценки.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 341 с.
- Вольф Е. М., 2002. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС. 280 с.
- Декатова О. С., 2013. Структурно-семантические особенности оценочного оксюморона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6, ч. 2. С. 78–80.
- Ермакова О. П., 2005. Переход количества в качество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик. С. 272–279.
- Князев Ю. П., 1996. Степени сравнения и точка отсчета // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука. С. 129–145.
- Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н., 2009. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб. : Нестор-История. 288 с.
- Колесникова С. М., 2016. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность. М. : МПГУ. 288 с.
- Коряковцева Е. И., 2016. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce : Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. 152 с.
- Косова М. В., 2013. Информативность документного текста: лингвистические критерии меры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3 (19). С. 85–89.
- Кустова Г. И., 2005. Количественные значения качественных слов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик. С. 295–305.
- Лукьянова Н. А., 1986. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск : Наука. 231 с.
- Москвин В. П., 2006. Выразительные средства современной русской речи : Тропы и фигуры. М. : ЛЕНАНД. 376 с.
- Радбиль Т. Б., Радибурская Л. В., Палоши И. В., 2021. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. № 1. С. 63–79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
- Райцева Н. А., 2012. Словообразовательные средства выражения интенсивности в современном русском языке // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. № 1. С. 308–312.
- Родионова С. Е., 2005. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / отв. ред.

А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб. : Наука. С. 150–168.

Шептухина Е. М., Мешкова Т. А., 2011. Закономерности реализации отношений словообразовательной синонимии префиксальных глаголов в тексте (на материале разножанровых произведений Ф. Прокоповича) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. № 2 (14). С. 55–60.

ИСТОЧНИКИ

1-й канал – Первый канал : телеканал. URL: <https://www.1tv.ru>.

Версия – Версия : газета. URL: <https://versia.ru>.

Вести FM – Вести FM : радиостанция. URL: <https://radiovesti.ru>.

День города – День города : газета. URL: <http://www.dengoroda-nn.ru>.

Комсомольская правда – Комсомольская правда : газета. URL: <https://www.KP.ru>.

Литературная газета – Литературная газета : газета. URL: <https://lgz.ru>.

Московский комсомолец – Московский комсомолец : газета. URL: <https://mk.ru>.

Нижегородская правда – Нижегородская правда : газета. URL: <https://pravda-nn.ru>.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new>.

НТВ – НТВ : телеканал. URL: <https://www.ntv.ru>.

Радио «Комсомольская правда» – Комсомольская правда : радиостанция. URL: <https://www.nnov.kp.ru/radio>.

Радио России – Радио России : радиостанция. URL: <https://www.radiorus.ru>.

Российская газета – Российская газета : газета. URL: <https://rg.ru>.

Россия-1 – Россия 1: телеканал. URL: <https://russia.tv>.

Россия-24 – Россия-24: телеканал. URL: <https://www.vesti.ru>.

Собеседник – Собеседник : газета. URL: <https://sobesednik.ru>.

Труд – Труд : газета. URL: <https://www.trud.ru>.

Яндекс. Дзен – Яндекс. Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru>.

Katyusha.org – Катюша : реклам. информ. агентство. URL: <http://katyusha.org>.

Life – Life : информ. портал. URL: <https://life.ru>.

Sm-news – Social Media News. URL: <https://sm.news>.

Sunmag.me – Sunmag.me. URL: <https://sunmag.me>.

URA.RU – URA.RU : информ. агентство. URL: <https://ura.news>.

Youtube – Youtube : видеохостинг. URL: <https://www.youtube.com>.

СЛОВАРИ

БТС – Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2001. 1536 с.

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская [и др.]; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. : Яз. рус. культуры. 488 с.

СлРИ – Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. 2008. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 01.04.2021).

СНССРЯ – Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В. В. Бурцева. М. : Рус. яз. Медиа, 2005. VIII, 750 с.

REFERENCES

Arutyunova N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Values. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ. 341 p.

Volf E.M., 2002. *Funktsionalnaya semantika ocenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ. 280 p.

Dekatova O.S., 2013. Strukturno-semanticheskie osobennosti otsenochnogo oksymorona [Structural-Semantic Features of Evaluative Oxymoron]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], no. 6, part 2, pp. 78-80.

Ermakova O.P., 2005. Perekhod kolichestva v kachestvo (o prirode intensifikatorov) [The Transition from Quantity to Quality (On the Origin of Intensifiers)]. Arutyunova N.D., ed. *Logicheskiy analiz yazyka. Kvantitativnyy aspekt yazyka* [Logical Analysis of Language. Quantitative Aspect of Language]. Moscow, Indrik Publ., pp. 272-279.

Knyazev Yu.P., 1996. Stepeni sravneniya i tochka otschyota [Degrees of Comparison and Reference Point]. Bondarko A.V., ed. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Kachestvennost. Kolichestvennost* [Theory of Functional Grammar. Quality. Quantity]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 129-145.

Kozulina N.A., Levashov E.A., Shagalova E.N., 2009. *Affiksoidy russkogo yazyka. Opyt slovarya-spravochnika* [Affixoids of the Russian Language. Reference Dictionary Experience]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 288 p.

Kolesnikova S.M., 2016. *Funktsionalnaya grammatika: predikativnost, gradualnost, otsenochnost* [Functional Grammar: Predicativity, Graduality, Evaluativeness]. Moscow, MPGU. 288 p.

- Koryakovtseva E.I., 2016. *Ocherki o yazyke sovremennykh slavyanskikh SMI (semantiko-slovoobrazovatelnyy i lingvokulturologicheskiy aspekt)* [Essays on the Language of Modern Slavic Media (Semantic-Word-Formation and Linguocultural Aspects)]. Siedlce, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. 152 p.
- Kosova M.V., 2013. Informativnost dokumentnogo teksta: lingvisticheskie kriterii mery [Informativity of Document Text: Linguistic Criteria of Measure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), pp. 85-89.
- Kustova G.I., 2005. Kolichestvennye znacheniya kachestvennykh slov [Quantitative Meanings of Qualitative Words]. Arutyunova N.D., ed. *Logicheskiy analiz yazyka. Kvantitativnyy aspekt jazyka* [Logical Analysis of Language. Quantitative Aspect of Language]. Moscow, Indrik Publ., pp. 295-305.
- Lukyanova N.A., 1986. *Yekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressive Vocabulary of Colloquial Use (Problems of Semantics)]. Novosibirsk, Nauka Publ. 231 p.
- Moskvin V.P., 2006. *Vyrazite'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi: Tropy i figury* [Expressive Means of Modern Russian Speech. Tropes and Figures]. Moscow, LENAND Publ. 376 p.
- Radbil T.B., Raciburskaya L.V., Paloshi I.V., 2021. Aktivnye processy v leksike i slovoobrazovanii russkogo yazyka epokhi koronavirusa: lingvokognitivnyy aspekt [Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect]. *Nauchnyi dialog*, no. 1, pp. 63-79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
- Raytseva N.A., 2012. Slovoobrazovatelnye sredstva vyrazheniya intensivnosti v sovremennom russkom yazyke [Word-Formative Methods of Expressing Intensity in Modern Russian]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov. Social Sciences], no. 1, pp. 308-312.
- Rodionova S.E., 2005. Semantika intensivnosti i eyo vyrazhenie v sovremennom russkom yazyke [Semantics of Intensity and Its Expression in Modern Russian]. Bondarko A.V., Shubik S.A., eds. *Problemy funkcionalnoy grammatiki. Polevye struktury* [Problems of Functional Grammar. Field Structures]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 150-168.
- Sheptukhina E.M., Meshkova T.A., 2011. Zakonomernosti realizatsii otnosheniy slovoobrazovatelnoy sinonimii prefiksalnykh glagolov v tekste (na materiale raznozhanrovnykh proizvedeniy F. Prokopovicha) [Conformities to Implementation of Synonymy Relation of Word-Formative Prefixal Verb in Text (Based on Eulogistic Works of Pheophan Prokopovich)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (14), pp. 55-60.

SOURCES

- Pervyy kanal: telekanal* [Pervyy Kanal. TV Channel]. URL: <https://www.1tv.ru>.
- Versiya: gazeta* [Versiya. Newspaper]. URL: <https://versia.ru>.
- Vesti FM: radiostantsiya* [Vesti FM. Radio Station]. URL: <https://radiovesti.ru>.
- Den' goroda: gazeta* [Den' Goroda. Newspaper]. URL: <http://www.dengoroda-nn.ru>.
- Komsomolskaya pravda: gazeta* [Komsomolskaya Pravda. Newspaper]. URL: <https://www.KP.ru>.
- Literaturnaya gazeta: gazeta* [Literary Newspaper. Newspaper]. URL: <https://lgz.ru>.
- Moskovskiy komsomolets: gazeta* [Moskovskiy Komsomolets. Newspaper]. URL: <https://mk.ru>.
- Nizhegorodskaya pravda: gazeta* [Nizhegorodskaya Pravda. Newspaper]. URL: <https://pravda-nn.ru>.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new>.
- NTV: telekanal* [NTV. TV Channel]. URL: <https://www.ntv.ru>.
- Komsomolskaya pravda: radiostantsiya* [Komsomolskaya Pravda. Radio Station]. URL: <https://www.nnov.kp.ru/radio>.
- Radio Rossii: radiostantsiya* [Radio Rossii. Radio Station]. URL: <https://www.radiorus.ru>.
- Rossiyskaya gazeta: gazeta* [Rossiyskaya Gazeta. Newspaper]. URL: <https://rg.ru>.
- Rossiya 1: telekanal* [Rossiya 1 TV Channel]. URL: <https://russia.tv>.
- Rossiya-24: telekanal* [Rossiya-24. TV Channel]. URL: <https://www.vesti.ru>.
- Sobesednik: gazeta* [Sobesednik. Newspaper]. URL: <https://sobesednik.ru>.
- Trud: gazeta* [Trud. Newspaper]. URL: <https://www.trud.ru>.
- Yandex. Dzen* [Yandex. Zen]. URL: <https://zen.yandex.ru>.
- Katyusha: reklamnoe informatsionnoe agentstvo* [Katjusha. Internet Media]. URL: <http://katyusha.org>.

Life: informatsionnyy portal [Life. Informational Portal]. URL: <https://life.ru>.
Social Media News. URL: <https://sm.news>.
Sunmag.me. URL: <https://sunmag.me>.
URA.RU: informacionnoe agentstvo [URA.RU. Internet Media]. URL: <https://ura.news>.
Youtube: videohosting [Youtube. Video Hosting]. URL: <https://www.youtube.com>.

Apresyan Yu.D., Boguslavskaya O.Yu. et al., eds. *Novyy obyaynitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka. Vtoroy vypusk* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Second Edition]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 488 p.
Kustova G.I. *Slovar russkoy idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoy stepeni* [Dictionary of Russian Idioms. Combinations of Words with a High Degree of Meaning]. 2008. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (accessed 1 April, 2021).
Burtseva V.V., ed. *Slovar narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Adverbs and Auxiliary Words of the Russian Language]. Moscow, Russkiy yazyk Media Publ., 2005. VIII, 750 p.

DICTIONARIES

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2001. 1536 p.

Information About the Authors

Elena I. Koriakowcewa, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Institute of Linguistics and Literature Studies, Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Konarskiego St, 2, 08-110 Siedlce, Poland, elena.koriakowcewa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0701-1506>

Larisa V. Ratsiburskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, racib@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

Marina V. Sandakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, sandamarina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1450-6603>

Информация об авторах

Елена Ивановна Коряковцева, доктор филологических наук, профессор Института языкознания и литературоведения, Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, ул. Конарского, 2, 08-110 г. Седльце, Польша, elena.koriakowcewa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0701-1506>

Лариса Викторовна Рацибурская, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, racib@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

Марина Всеволодовна Сандакова, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, sandamarina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1450-6603>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.2>

UDC 81'373.21
LBC 81.053.16

Submitted: 30.03.2021
Accepted: 07.06.2021

SPECIFIC FEATURES OF LINGUISTIC CODING OF ELEMENTS OF GODONYM SPACE ¹

Dmitriy Yu. Ilyin

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena G. Sidorova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article analyses linguistic constituency of the godonym space of three cities in the Volgograd region – Volgograd, Kamyshin and Petrov Val. The godonym space is a set of geographic names officially assigned to linear topo objects located within settlements. Having taken into account the definitions of the term “linguistic code”, the authors offer their interpretation of the phenomenon under study. The research revealed the most important features of the linguistic code: consistency, structural unity, relevant-to-users information, as well as conventionality and symbolism, which convey positive assessments. The linguistic codes that understate intricacy linear topo objects nominations are distinguished and specified as memorial, locative, topographic, anthropogenic, symbolic, naturalistic, relatively-abstract, orderly types. Both the general features of motivations in the code actualization for naming linear topographic objects, and the specific set of odonyms that nominates locations in the godonym space of every of the three cities have been established. It was noted that, being the largest, Volgograd godonym space demonstrates variety of linguistic codes, whereas Kamyshin and Petrov Val codes are specified by memorial, local, topographic, anthropogenic and symbolic types. The article offers for observation the historically defined set of geographical names of linear topographic objects in the three cities of the Volgograd region, which reflects multiple ethnic contacts of it, and renaming of road names due to the local authorities “interference” in the godonym space.

Key words: onomastics, toponym, godonym, godonym space, linguistic code.

Citation. Ilyin D. Yu., Sidorova E.G. Specific Features of Linguistic Coding of Elements of Godonym Space. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 20-31. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.2>

УДК 81'373.21
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 30.03.2021
Дата принятия статьи: 07.06.2021

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОДИРОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ГОДОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ¹

Дмитрий Юрьевич Ильин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Геннадьевна Сидорова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье проанализировано годонимическое пространство трех городов Волгоградской области – Волгограда, Камышина и Петрова Вала. Оно понимается как совокупность географических наименований, официально закрепленных за линейными топообъектами, расположенными в пределах населенных пунктов. С учетом имеющихся в лингвистике определений термина «лингвистический код» дана автор-

ская трактовка названного феномена. Выявлено, что важнейшими чертами лингвистического кода являются системность, структурность, наполненность определенной информацией, релевантной для пользователей, а также условность и символизм, передающий позитивную оценку. Определены и охарактеризованы лингвистические коды, используемые при номинировании внутригородских линейных топообъектов, – меморативный, локативный, топографический, антропогенный, символический, натуралистический, условно-абстрактный, нумеративный. Установлены как общие черты мотивировок в актуализации кода для именования линейных топографических объектов, так и специфические признаки совокупности онимов, называющих элементы топонимического пространства трех городов региона: если для Волгограда как крупного города характерно использование всех выявленных лингвистических кодов, то для Камышина и Петрова Вала свойственны отдельные лингвистические коды – меморативный, локативный, топографический, антропогенный и символический. Описана не только исторически сложившаяся совокупность географических названий линейных топографических объектов трех городов региона, отразившая множественные этнические контакты в условиях Волгоградской области как полиэтнического региона, но и переименования объектов, возникающие в результате контекста «вмешательства» власти в топонимическое пространство.

Ключевые слова: ономастика, топоним, годоним, годонимическое пространство, лингвистический код.

Цитирование. Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Особенности лингвистического кодирования элементов топонимического пространства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 20–31. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.2>

Введение

Проблематика настоящей статьи направлена на изучение лингвистического кода, отраженного в наименованиях географических объектов.

Термин «код», востребованный в гуманитарных исследованиях, интерпретируется по-разному (см. подробнее: [Буевич, 2014]), в том числе и в лингвистике. Так, в психолингвистике и когнитивной лингвистике термин «код» используется в связи с проблемой соотношения языка и мышления и понимается как динамический механизм, который обеспечивает семиотическое преобразование сенсорных сигналов в предметную структуру, то есть денотативное отражение действительности (см. об этом: [Жинкин, 1982, с. 16]). В лингвистике текста коды трактуют как «ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре» [Барт, 1989, с. 455], а также конкретную форму того, что увидено, прочитано, сделано и отражено в письменной речи. В теории коммуникации термин «код» связывается с понятиями «текст», «сообщение», «канал связи», «модель» и в рамках информационно-кодовой коммуникативной модели толкуется как совокупность фиксированных правил, посредством которых выражается сообщение (см.: [Якобсон, 1985]). В этнолингвистике и лингвокультурологии, где язык проецируется на модель мира и интер-

претируется либо как метакод модели мира, либо как самостоятельный код модели мира, по преимуществу символический, которым может быть записана вся модель мира (см. об этом: [Цивьян, 1990]), в основу кода положены какие-либо образы и фрагменты мира, обладающие, как правило, символическим значением, при этом различные коды оказываются едиными по содержанию и характеризуют мир с позиции человека как их носителя. Следовательно, культурный код возможно интерпретировать как «сеть универсальных и национально специфичных явлений, формирующую национальную картину мира, это репертуар сигналов и одновременно способ структурирования культурного знания» [Маслова, 2001, с. 20]. В работах, посвященных семиотике, код трактуется как «система, в которой заданы (то есть оговорены по предварительному соглашению) репертуар знаков и их значений вместе с правилами комбинаций знаков» [Эко, 2006, с. 57]. С учетом системно-структурного аспекта исследования языка дефиниция кода дана О.С. Ахмановой: «правило, позволяющее соотносить (сопоставлять) с каждым передаваемым сообщением некоторую комбинацию различных сигналов» [Ахманова, 2004, с. 252].

Предпринятое нами ранее исследование топонимов позволило представить следующую трактовку понятия «лингвистический код»: «способы и средства создания лексических единиц с целью номинации объекта вне-

языковой действительности в соответствии с системой определенных правил, присущих языку» [Ильин, Сидорова, 2020, с. 71]. Соглашаясь с Е.В. Королевой, вычленившей на основе семантических критериев такие признаки кода, как «условность, неявность, наполненность определенной информацией, связь с контекстом, в котором код приобретает способность порождать смыслы и, как следствие, накапливать его (знание. – Д. И., Е. С.)» [Королева, 2015, с. 337], полагаем, что, помимо названных выше, для лингвистического кода важнейшими характеристиками могут также являться системность и структурность (см. подробно: [Ильин, Сидорова, 2016]). Актуальным для нашего исследования становится мнение М.В. Голомидовой, согласно которому «тесная связь топонимической политики с нормативной стороной употребления топонимов позволяет характеризовать ее как деятельность кодифицирующую – упорядочивающую и систематизирующую» [Голомидова, 2019, с. 46].

При анализе лингвистических кодов в ономастических исследованиях в целом и при обозначении объектов искусственной номинации в частности представляется целесообразным учитывать ряд факторов, среди которых значимыми являются параметры номинативной ситуации, коммуникативная стратегия и корреспондирующие с ней задачи позиционирования объекта, структурно-словообразовательные и семантические модели обозначения.

Объектом изучения послужили топонимы – названия «обжитого пространства населенного пункта» [Соловьев, 2018, с. 203]: улиц, переулков, площадей, проспектов и иных адресообразующих элементов улично-дорожной сети. Этот разряд ономастической лексики дает представление об отражении в наименованиях линейных топообъектов культурных представлений жителей населенного пункта, их обычаев, позволяет определить культурно-исторические, политико-идеологические и нравственно-эстетические предпочтения социума.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили данные, размещенные на Картографическом информационно-справочном сайте «Ад-

ресный реестр Волгограда и Волгоградской области» (далее – Реестр) и «Общегородском перечне наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград» (далее – Перечень).

Для анализа особенностей топонимического пространства, понимаемого как «совокупность географических наименований, официально закрепленных за линейными топообъектами, расположенными в пределах населенных пунктов» [Сидорова, 2021, с. 216], были выбраны три города: *Волгоград* как региональная столица, крупный провинциальный город с населением около 1 млн чел., *Камышин* как небольшой город областного подчинения с населением около 100 тыс. чел. и *Петров Вал* как малый провинциальный город в составе Камышинского района Волгоградской области с населением около 10 тыс. человек.

В соответствии с Приказом Министерства финансов Российской Федерации № 171н от 05.11.2015 «Об утверждении Перечня элементов планировочной структуры, элементов улично-дорожной сети, элементов объектов адресации, типов зданий (сооружений), помещений, используемых в качестве реквизитов адреса, и Правил сокращенного наименования адресообразующих элементов» (далее – Приказ № 171н) в топонимическом пространстве Волгограда можно выделить примерно 2 400 элементов улично-дорожной сети (в порядке убывания объектов – улица, переулок, проезд, площадь, проспект, бульвар, шоссе, тупик и разъезд, набережная) (Приказ № 171н). В Камышине оно представлено примерно 300 элементами (улица, переулок, проезд и площадь), в Петровом Вале – приблизительно сотней элементов улично-дорожной сети (улица, переулок и проспект). Системно-структурная характеристика топонимического пространства дана с учетом его разноплановости, поскольку инфраструктура локуса под влиянием социально-экономических приоритетов может меняться с точки зрения количества и качества называемых географических объектов.

Исследование проводилось с использованием общенаучных методов индукции, обобщения, анализа, синтеза, описания и специализированных лингвистических методов структурно-семантического анализа.

Результаты исследования

Анализ совокупности наименований внутригородских линейных топообъектов, расположенных на территории Волгограда, Камышина и Петрова Вала и зафиксированных в Реестре и Перечне, позволил выявить лингвистические коды, используемые при номинировании внутригородских линейных топообъектов.

1. Наиболее частотным кодом, которым руководствовались уполномоченные в сфере топонимической политики субъекты, является **меморативный**. В соответствии с ним объект номинируется как «имя, данное в память о человеке, событии, месте, реке организации» [Подольская, 1988, с. 119], в связи с чем можно говорить о годонимах-меморативах личностных, групповых и событийных. Р.В. Разумов отмечает, что особенно интенсивно такая номинация осуществлялась в советскую эпоху, когда во многих городах нашей страны стали массово появляться разнообразные топонимы-посвящения [Разумов, 2017, с. 155]. Рассмотрим подробнее указанные типы меморативов.

Личностные меморативы, увековечивающие память:

– о значимых в национальном и мировом масштабе общественно-политических личностях (представлены во всех указанных поселениях):

Волгоград: улицы *им. Юрия Долгорукова, им. Марата, им. Карла Маркса, им. Козьмы Минина, им. Пестеля, им. Пожарского, Пугачевская, им. Степана Разина, им. Лейтенанта Шмидта, им. Карла Либкнехта, им. Розы Люксембург, им. Патриса Лумумбы, им. Тельмана*; проспект *им. В.И. Ленина*; бульвар *им. Энгельса*;

Камышин: улица *Ленина*;

Петров Вал: улицы и переулки *Ленина, Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Тельмана*;

– общественно-политических деятелях Советского Союза:

Волгоград: улицы *им. Жданова, им. Калинина, им. Коллонтай, им. Менжинского, им. Землячки, им. Надежды Крупской, им. Луначарского*; переулок *им. Красина, им. Ногина*; площади *им. Куйбышева, им. Дзержинского*;

Камышин: улицы *Калинина, Кирова, Крупской, Куйбышева, Свердлова*;

Петров Вал: улицы и переулки *Дзержинского, Жданова, Калинина, Кирова, Красина, Крупской, Куйбышева, Орджоникидзе, Фрунзе*;

– городских общественно-политических деятелях:

Волгоград: улицы *им. Григория Засекина* (основатель г. Царицына), *им. Вершинина* (руководитель большевиков Краснооктябрьского района г. Царицына), *им. Михайлова* (первый директор Сталинградского тракторного завода);

Камышин: улицы *Гороховская, Сад Ткаченко* (городские руководители);

– значимых исторических личностях национального масштаба – участниках военных действий, не связанных с рассматриваемым регионом:

Волгоград: улицы *Кутузовская, им. Суворова, им. Сенявина* (русский флотоводец, разгромивший турецкий флот в 1807 г.), *им. Адмирала Макарова, им. Адмирала Ушакова*;

Камышин: улицы *Кутузова, Нахимова, Степана Разина, Суворова, Чапаева*;

Петров Вал: улицы *Кутузова, Суворова, Жукова, Р. Зорге, Чапаева, Щорса*;

– участниках обороны Царицына во время Гражданской войны, в том числе местных уроженцах:

Волгоград: улицы *им. Буденного, им. Тулака, им. Киквидзе, им. Братьев Толмачевых, им. Ткачева, им. Сорокина*; переулок *им. Руднева*;

Камышин: улицы *Буденного, Косолапова* (командир 1-й Камышинской дивизии), *Мартеньянова* (командир 1-го Камышинского полка), *Мулина* (командир 6-го Камышинского полка), *Братьев Сорокиных*;

– защитниках Сталинграда во время Великой Отечественной войны, в том числе местных уроженцах:

Волгоград: улицы *им. Маршала Рыбалко* (маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза), *им. Политрука Тимофеева* (воевал в составе 13-й гвардейской стрелковой дивизии, погиб в Сталинграде), *им. Стрельца* (командир батальона 64-й армии, погиб в бою за Сталинград в 1943 г.), *им. Тани Скоробогатовой* (Ге-

рой Советского Союза, погибла под Сталинградом), им. *Сержанта Воронова* (защитник Дома Павлова в Сталинграде), им. *Вычугова* (командир танковой роты народного ополчения, погиб в Сталинграде в 1942 г.), им. *Селищева* (уроженец Сталинграда);

Камышин: улицы *Героя Советского Союза А.П. Маресьева* (уроженец Камышина, Почетный гражданин города), *Героя Советского Союза В.А. Федоркова, Базарова, Давыдова, Запорожского, Липкина* (жители Камышина, удостоенные звания Герой Советского Союза);

Петров Вал: улица и переулок *Матросова* (гвардии рядовой 56-й гвардейской стрелковой дивизии, Герой Советского Союза);

– современных героях, местных уроженцах, погибших в мирное время при исполнении служебных обязанностей или в горячих точках:

Волгоград: улицы им. *Милиционера Буханцева* (погиб в 1952 г. от рук бандитов), им. *Лячина* (командир подводной лодки «Курск», погиб в 2000 г., посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации), им. *Демченко* (Герой Советского Союза, погиб в Афганистане в 1983 г.), им. *Ерина* (участник Чеченской кампании, погиб в 1995 г., награжден посмертно орденом Мужества), им. *Моисеева* (участник Чеченской кампании, погиб в 1995 г., посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации);

Камышин: площадь им. *Героя России А.М. Колгатина* (старший лейтенант российской армии, погиб в 2000 г. во время военных действий на Северном Кавказе);

– героях труда, в том числе местных жителей:

Волгоград: улицы им. *Паши Ангелиной*, им. *Матевосяна* (Паруйра Матевосян 20 лет возглавлял металлургический завод «Красный Октябрь», удостоен звания Герой Социалистического Труда);

Камышин: улицы *Стахановская, Плотникова* (в честь полного кавалера ордена Славы Бориса Плотникова), *Черкашиной* (в честь прядильщицы, удостоенной звания Герой Социалистического Труда Валентины Черкашиной), *Онкина* (в честь Кузьмы Онкина, рабочего лесозавода, удостоенного в 1935 г. звания Герой Труда);

– летчиках и космонавтах:

Волгоград: улицы им. *Нестерова*, им. *Гастелло*, им. *Леваневского*, им. *Федотова*, им. *Холь-*

зунова, им. *Гагарина*, им. *Валентины Терешковой*, им. *Германа Титова*;

Камышин: улицы *Чкалова, Осипенко, Гагарина, Леонова, Терешковой, Титова*; проезды *Егорова, Феоктистова*, в том числе местных уроженцев – улица *Малышева*;

Петров Вал: улицы *Гагарина, Леонова, Севастьянова, Терешковой, Титова, Феоктистова*;

– писателях и литературных критиках:

Волгоград: улицы им. *Булнина*, им. *Гоголя*, им. *Пушкина*, им. *Льва Толстого*, им. *Куприна*, им. *Демьяна Бедного*, им. *Богомолова*, им. *Булгакова*, им. *Диккенса*, им. *Марка Твена*, им. *Джамбула Джабаева* (казахский народный поэт), им. *Якуба Коласа* (белорусский поэт и прозаик), им. *Алишера Навои* (узбекский писатель), им. *Низами* (азербайджанский поэт), им. *Яна Райниса* (латышский поэт и драматург), им. *Сулеймана Стальского* (дагестанский поэт), им. *Ивана Франко* (украинский писатель), им. *Тукая* (татарский поэт); переулок им. *Достоевского*, им. *Лермонтова*, им. *Добролюбова*, им. *Писарева*; площадь им. *Белинского*, в том числе местных жителей – улица им. *Луконина*, им. *Маргариты Агашиной*, им. *Окунева*, им. *Сухова*;

Камышин: улицы *Герцена, Гоголя, Короленко, Лермонтова, Маяковского, Некрасова, Островского, Пушкина, Радищева, Серафимовича, Тургенева, Чернышевского, Чехова, Шевченко*; переулок *Пушкинский*;

Петров Вал: улицы *Гоголя, Достоевского, Горького, Лермонтова, Мусы Джалиля, Некрасова, Пушкина, Тургенева, Чернышевского, Шевченко*;

– музыкантах:

Волгоград: улицы им. *Лядова*, им. *Палиашвили*, им. *Римского-Корсакова*, им. *Скрябина*, им. *Собинова*, им. *Композитора Танеева*, им. *Чайковского*, им. *Шопена*, им. *Шуберта*;

Камышин: улицы *Свиридова, Мартынова* (уроженец Камышина и его Почетный гражданин);

– художниках:

Волгоград: улицы им. *Левитана*, им. *Репина*, им. *Рублева*, им. *Сурикова*, им. *Тропинина*, им. *Шишкина*;

– архитекторах и скульптурах:

Волгоград: переулок им. *Алабяна*; улицы им. *Захарова*, им. *Симбирцева*, им. *Вучетича* (автор памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы);

– актерах и режиссерах:

Волгоград: набережная *им. Владимира Высоцкого*; улицы *им. Волкова, им. Мочалова, им. Ермоловой, им. Неждановой, им. Немировича-Данченко, им. Савиной, им. Довженко, им. Хмелева, им. Копецкого* (чешский актер театра кукол, один из его основоположников), в том числе служивших в местных театрах – *им. Ивана Лапикова*;

– ученых и исследователей:

Волгоград: улицы *им. Галилея, им. Дарвина, им. Зворыкина, им. Академика Зелинского, им. Академика Комарова, им. Академика Лихачева, им. Костычева, им. Менделеева, им. Пирогова, им. Миклухо-Маклая*, в том числе и волгоградских ученых – *им. Профессора Иншакова, им. Загоруйко*;

Камышин: улицы *Королева, Менделеева, Мичурина, Седова, Тимирязева, Циолковского*, в том числе местного уроженца – *улица Ушакова* (доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, награжден орденом Трудового Красного Знамени);

Петров Вал: улицы *Мичурина, Королева*.

Наряду с личностными меморативными названиями в годонимических пространствах Волгограда и Камышина имеются и групповые меморативы, которые призваны, во-первых, сохранить память о воинских подразделениях или иных группах, принимавших участие в военных действиях:

Волгоград: улицы *10-й Дивизии НКВД, 35-й Гвардейской, 64-й Армии, 8-й Воздушной Армии, 4-х Связистов, 26 Бакинских Комиссаров, Героев Малой Земли, Героев Тулы*;

Камышин: улицы *333-й Стрелковой Дивизии, Воинов-Интернационалистов*;

Волгоград и Камышин: площади *Павших Борцов*;

во-вторых, подчеркнуть значимость созидательного труда в мирное время посредством номинирования линейного объекта в честь группы людей, объединенных профессией или сферой деятельности:

Волгоград: улицы *Автомобилистов, Водников, Космонавтов, Гидростроителей*; проспект *Металлургов*;

Камышин: улицы *Героев Труда, Краностроителей, Металлистов, Металлургов, Нефтяников*.

Событийные меморативы представляют собой названия элементов улично-дорожной сети, посвященные значимым в национальном масштабе памятным датам и вехам истории. В годонимическом пространстве данный лингвистический код получил воплощение в следующих наименованиях:

Волгоград: улицы *25-летия Октября, 50 лет Октября, 30-летия Победы, 70-летия Победы, 40 лет ВЛКСМ, 50-летия ВЛКСМ, Оборона Ленинграда, Оборона Одессы, Оборона Севастополя, Сталинградской Победы*;

Камышин: улица *XXII Партсъезда*;

Петров Вал: улицы *30 лет Победы и 40 лет Победы*.

Годонимические пространства Камышина и Петрова Вала, в отличие от пространства Волгограда, содержат единичные примеры таких номинаций, что свидетельствует о непродуктивности этого кода при номинировании внутригородских топографических объектов в небольших городах.

Меморативный лингвистический код является весьма продуктивным: среди всех элементов улично-дорожной сети Петрова Вала 55 % поименованы в соответствии с данным принципом, в Волгограде – 30 %, в Камышине доля подобных номинаций составляет около 28 %, причем абсолютное большинство из них – личностные меморативы. Персональный состав личностей, увековеченных в названиях внутригородских линейных объектов, безусловно, не одинаков. В годонимическом пространстве рассматриваемых населенных пунктов зафиксированы личные меморативы, посвященные значимым в национальном и мировом масштабе общественно-политическим деятелям, участникам военных действий (прежде всего защитникам Сталинграда), ученым, космонавтам, писателям и литературным критикам. Посвящения актерам, режиссерам, архитекторам, скульпторам и художникам зафиксированы только в Волгограде как более крупном городе. Посвящения городским общественно-политическим деятелям, участникам обороны Царицына во время Гражданской войны, летчикам, получившим общенациональную известность, героям труда, современным героям, местным уроженцам, погибшим в мирное время при исполне-

нии служебных обязанностей или в горячих точках, музыкантам имеются в годонимическом пространстве Волгограда и Камышина. Отсутствие подобных посвящений в городе Петров Вал обусловлено его относительно короткой историей существования (основан в 1942 г.) и малым размером, а значит, и невысокой потребностью в именовании новых элементов улично-дорожной сети.

2. Востребованным в качестве мотивирующей основы для называния внутригородских линейных объектов является **локативный** лингвистический код, в соответствии с которым элемент улично-дорожной сети получает наименование, образованное от уже существующего географического объекта другого типа. Данные, зафиксированные в Реестре, свидетельствуют о наличии в годонимическом пространстве Волгограда, Камышина и Петрова Вала следующих линейных топообъектов с локативной семантикой, обусловленных наименованиями:

– столиц бывших республик, входивших в состав СССР:

Волгоград: улицы, названные в честь 12 из 15 столиц: *Алма-Атинская, Ашхабадская, Бакинская, Вильнюсская, Ереванская, Киевская, Кишиневская, Минская, Московская, Рижская, Таллинская, Тбилисская*, что обусловлено статусом региональной столицы;

Камышин: улицы, именованные в честь 7 столиц: *Ашхабадская, Бакинская, Киевская, Минская, Рижская, Ташкентская*; переулок *Московский*;

Петров Вал: подобные онимы не зафиксированы;

– населенных пунктов бывшего СССР и современной России:

Волгоград: улицы *Балашовская, Верхоянская, Выборгская, Гатчинская, Геленджикская, Гомельская, Горно-Алтайская, Грозненская, Калининградская, Нижнетагильская, Одесская, Пермская, Ростовская, Самарская, Серпуховская, Сестрорецкая, Соликамская, Сочинская, Ставропольская, Туапсинская*; переулки *Винницкий, Костромской, Орианский, Псковский*; улицы *Астраханская, Аткарская, Белгородская, Борисоглебская, Брянская, Витебская, Вологодская, Вольская, Воронежская, Казанская, Коломенская, Костромская, Краснодарская, Курская, Мурманская, Новгородская, Рязанская, Саратовская, Севастопольская,*

Смоленская, Сызранская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская, Хвалынская, Ярославская;

Камышин: улицы *Саратовская, Балашовская*;

Петров Вал: переулки *Балашовский 1-й, Балашовский 2-й*;

– населенных пунктов Волгоградской области:

Волгоград: улицы *Быковская* (пос. Быково), *Волгоградская, Жирновская* (г. Жирновск), *Камышинская*, переулок *Качалинский* (ст-ца Качалинская), *Нижнечирская* (пос. Нижний Чир), *Перелазовская* (х. Перелазовский), *Пятиморская* (пос. Пятиморск), *Старополтавская* (с. Старая Полтавка), *Урюпинская* (г. Урюпинск);

Камышин: улицы *Волгоградская, Камышинская, Урюпинская*;

Петров Вал: улица *Камышинская*;

– названий иностранных государств и их населенных пунктов в качестве мотивирующих (зафиксированы только в годонимическом пространстве областного центра):

Волгоград: улицы *Венгерская, Китайская, Корейская, Монгольская, Словацкая, Варшавская, Льежская, Пражская, Софийская*; переулок *Варненский, Ченстоховский*, в том числе городов-побратимов *Ковентри, Островская, Порт-Саида, Хиросимы*;

– названий гидрообъектов:

Волгоград: улицы *Абаканская, Алданская, Амурская, Ангарская, Аральская, Байкальская, Бугская, Бурейская, Вятская, Даугавская, Днепровская, Дунайская, Ильменская* и др., в том числе на территории Волгоградской области: улицы *Добринская, Донская, Медведицкая, Хоперская, Эльтонская*; проспект *Волжский*; проезд *Бузулукский*;

Камышин: улицы *Азовская, Амурская, Ангарская, Байкальская, Балтийская, Вятская, Двинская, Днепровская, Дунайская, Енисейская, Камская, Каспийская, Ладожская, Невская, Онежская, Печерская, Черноморская*, в том числе на территории Волгоградской области: улицы *Волжская, Волго-Дон, Донская, Хоперская, Цимлянская, Эльтонская*;

Петров Вал: улица *Лебяжинская* (сохраняет название расположенного неподалеку от города озера);

– оронимических наименований:

Волгоград: улицы *Арагатская, Прикарпатская, Уральская, Эльбрусская*; переулок *Альпийский*;

Камышин: улица *Уральская*.

Результаты анализа данных Реестра и Перечня показали, что локативный код широко представлен в годонимическом пространстве исследуемых населенных пунктов, при этом наиболее обширный массив подобных наименований элементов улично-дорожной сети, как и следовало ожидать, зафиксирован в региональной столице. В наименованиях топообъектов малых городов чаще реализуется локативная соотнесенность с топонимами, расположенными в данном регионе страны либо в соседнем.

3. Многие названия элементов улично-дорожной сети обусловлены особенностями их географического расположения, ландшафта, размером и конфигурацией, что позволяет выделить в качестве общего лингвистического кода **топографический**. Примеры таких наименований внутригородских объектов:

Волгоград: улицы *Большая, Глубокоовражная, Верхняя, Большая кольцевая, Волнистая, Дальняя, Заканальная, Западная, Восточная, Короткая, Крайняя, Малая, Параллельная, Продольная, Прямая, Радиальная, Центральная, Холмистая*; переулки *Долгий, Замкнутый, Сквозной*;

Камышин: улицы *Большая Зеленая, Малая Зеленая, Верхняя, Горная, Западная, Заречная, Косая Гора, Линейная, Набережная, Нагорная, Нижняя, Овражная, Овраг Беленький, Подгорная, Полоса Отчуждения, Привокзальная, Приволжская, Родниковая, Средняя, Степная, Южная, Южный Городок*; переулки *Горный, Средний, Южный*;

Петров Вал: улицы *Валы, Зеленая Малая, Луговая, Речная, Северная, Северо-Восточная окраина, Центральная*; переулки *Валы, Центральный*.

4. **Антропогенный** лингвистический код, отражающий в номинации географического объекта нечто созданное человеком в процессе обустройства его труда и быта, как правило, весьма частотен в населенных пунктах любого типа. Примеры таких номинаций в годонимическом пространстве:

Волгоград: улицы *Автомобильная, Архивная, Больничная, Библиотечная, Вокзальная, Первошлюзная, Стадионная, Стекольная, Театральная, Текстильная, Телефонная, Типографская, Фонтанная, Школьная*; переулки *Аэропортовский, Банный, Заводской, Клубный, Тепличный, Хирургический*; проспект *Университетский*; проезд *Аптечный*;

Камышин: улицы *Железнодорожная, Заводская, Дачная, Лабазная, Лесозащитная, Литейная, Садовая, Силикатная, Спортивная, Стекольная, Строительная, Театральная, Текстильная, Токарная, Фабричная, Фруктовый Сад, 1-я Кирпичная, ВНИАЛМИ*; проезд *2-й Железнодорожный*; проезд *Текстильный*; переулки *Железнодорожный, Школьный*;

Петров Вал: улицы *Парковая, Садовая, Телеграфная, Школьная, Авиационная, Спортивная*; переулки *Садовый, Тоннельный, Школьный*.

5. **Символический** код способствует сохранению в годонимическом пространстве наименований, отражающих реалии, мировоззренческие ценности, праздники, культивировавшиеся в советский период, например:

Волгоград: улицы *Колхозная, Комитетская, Коммунистическая, Коммуны, Комсомольская, Красноармейская, Красных командиров, Крестьянская, Мопровская, КИМ, Правды, Октябрьская, Пионерская, Политотдельская, Первомайская, Пролетарская, Пролеткультская, Рабочая, Рабоче-Крестьянская, Социалистическая, Союзная, Товарщеская, Шефская*;

Камышин: улицы *Колхозная, Первомайская, Гражданская, Коммунальная, Комсомольская, Красная, Октябрьская, Пионерская, Пролетарская, Рабочая, Революционная, Республиканская, Советская, Совхозная, Трудовая*;

Петров Вал: улицы *Коммунистическая, Комсомольская, Красная, Октябрьская, Пионерская, Советская, Совхозная, 1 Мая, 8 Марта*; проспект *Пионеров*.

Частотность подобных наименований даже в небольшом городе Петров Вал обусловлена тем, что это поселение возникло только в 1942 г., когда подобные номинации были чрезвычайно популярны.

6. **Натуралистический** лингвистический код позволяет присваивать географическим объектам названия, мотивирующей основой которых являются лексемы, номинирующие природные объекты (флора и фауна, минералы и полезные ископаемые), а также собственно колоративные (цветовые), в частности:

Волгоград: улицы *Аметистовая, Берилловая, Беркутовая, Виноградная, Вязовая, Ирисовая, Изумрудная, Зеленая, Клюквенная, Роз, Ромашковая, Серебряная, Смородиновая, Соловьиная, Фи-*

алковая, Янтарная; переулки Агатовый, Алюминиевый, Бирюзовый, Бронзовый, Розовый, Кленовый, Медный, Никелевый.

Для небольших поселений подобные номинации нечастотны:

Камышин: улицы *Луговая, Сосновая, Черемховская;*

Петров Вал: улицы *Зеленая, Луговая.*

7. **Условно-абстрактный** код позволяет присваивать линейным топографическим объектам условные названия, непосредственно не связанные с характеристикой или свойствами самого элемента улично-дорожной сети:

Волгоград: улицы *Бодрая, Веселая, Весенняя, Осенняя, Прохладная, Дружбы, Мира, Романтиков, Новая, Безымянная, Детская, Молодежная, Звонкая, Красивая, Любимая, Свободная, Свадебная;*

Камышин: улицы *Дружбы, Мира, Молодежная, Народная, Семейная, Спартаковская, Юбилейная;*

Петров Вал: улицы *Безымянная, Новая.*

Подобные онимы призваны актуализировать мелиоративные ассоциации.

8. Еще одним лингвистическим кодом, дающим возможность номинировать элементы дорожно-уличной сети, можно считать **нумеративный**. В чистом виде он используется нечасто:

Волгоград: проезды *1-й, 2-й, улицы Первая, Пятая, Восьмая, Девятая;*

Камышин: улица *Первый Километр.*

Названный код не отвечает потребностям жителей, поскольку существует направленность на оптимизацию их навигации в пространстве, вследствие чего действующий Федеральный закон № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» предписывает переименование подобных объектов (Федеральный закон № 152-ФЗ). Так, в Волгограде в 2006 г. название улицы *Третья* было изменено и в настоящее время она называется *Проезжая*.

Заключение

В результате анализа годонимического пространства трех городов с разной численностью населения выявлены, с одной сторо-

ны, общность мотивировок для именования линейных топографических объектов, представляющая собой ономастическую универсалию, а с другой – специфика совокупности онимов подобного типа в каждом из рассмотренных населенных пунктов.

Общность в подходе к формированию годонимического пространства исследуемых городов проявилась в стремлении к увековечиванию в названиях элементов улично-дорожной сети земляков и людей, внесших весомый вклад в защиту, развитие данного города.

Различия состоят в следующем: годонимическое пространство большого провинциального города (Волгоград) насчитывает немногим менее двух с половиной тысяч наименований, распределенных между десятью элементами улично-дорожной сети (улица, переулок, проспект, площадь, разъезд, бульвар, шоссе, проезд, набережная, тупик), в то время как годонимическое пространство среднего (Камышин) и малого (Петров Вал) провинциальных городов насчитывает около трехсот и около ста наименований соответственно, причем, как правило, абсолютное большинство из них относится к улицам и переулкам, другие типы элементов улично-дорожной сети фиксируются крайне редко. Для большого города характерно использование всех выявленных принципов лингвистического кодирования внутригородских линейных объектов, при этом среди меморативных наименований представлены посвящения не только известным личностям в национальном и региональном масштабах, но и всемирно известным общественно-политическим деятелям, ученым, писателям, художникам, музыкантам, актерам и т. п. В локативных номинациях в большом городе находят отражение как географические объекты, расположенные в данном или соседних регионах, так и объекты пространственно отдаленных регионов и стран.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00217 «Лингвистические коды объектов искусственной номинации в топонимической политике региона: проблемы, противоречия и векторы развития».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-012-00217 “Linguistic codes of objects of artificial nomination in the toponymic policy of the region: problems, contradictions and vectors of development”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 2004. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : УРСС : Едиториал УРСС. 571 с.
- Барт Р., 1989. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс. С. 424–461.
- Бувич А. А., 2014. Код: понятие и его варианты в гуманитарных дисциплинах // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. № 2. С. 90–95.
- Голомидова М. В., 2019. Именование городских топографических объектов и проблемы экспертизы новых названий // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. / сост. и ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : Печ. двор. С. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.29>.
- Жинкин Н. И., 1982. Речь как проводник информации. М. : Наука. 162 с.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2016. Проблемы параметрического описания топонима в региональном словаре-справочнике // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения : материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (12–14 дек. 2016 г.). М. ; СПб. : Нестор-История. С. 42–44.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2020. Лингвистические коды волгоградских годонимов как отражение региональной топонимической политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 6. С. 69–80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>.
- Королева Е. В., 2015. Место лексемы *код* в лингвистической терминосистеме // Преподаватель. XXI век. № 4. С. 332–340.
- Маслова В. А., 2001. Лингвокультурология. М. : Академия. 208 с.
- Подольская Н. В., 1988. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука. 192 с.
- Разумов Р. В., 2017. Меморативы писателям, поэтам и литературным критикам в системах урбанонимов Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. № 3. С. 155–159.
- Сидорова Е. Г., 2021. Годонимическое пространство: содержание и объем понятия // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. онлайн-конф. (Орел, 25 марта 2021 г.) / под ред. О. Ю. Ивановой. Орел : ОГУ им. И.С. Тургенева. С. 212–217.
- Соловьев А. Н., 2018. Урбаноним как ономастический термин: постановка проблемы // Ученые записки УО Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Т. 25. С. 198–203.
- Цивьян Т. В., 1990. Лингвистические основы балканской картины мира / отв. ред. В. Н. Топоров. М. : Наука. 207 с.
- Эжо У., 2006. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Симпозиум. 544 с.
- Яacobson P. O., 1985. Речевая коммуникация : Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М. : Прогресс. С. 45–87.

ИСТОЧНИКИ

- Перечень* – Общегородской перечень наименований элементов улично-дорожной сети и элементов планировочной структуры городского округа город-герой Волгоград. URL: <https://www.3444077191-Streets.csv>.
- Приказ № 171н* – Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 05.11.2015 г. № 171н «Об утверждении Перечня элементов планировочной структуры, элементов улично-дорожной сети, элементов объектов адресации, типов зданий (сооружений), помещений, используемых в качестве реквизитов адреса, и Правил сокращенного наименования адресообразующих элементов».
- Реестр* – Адресный реестр Волгограда и Волгоградской области. URL: <http://www.volgainfo.ru/Streets/address.aspx>.
- Федеральный закон № 152-ФЗ* – Федеральный закон от 18.12.1997 г. № 152-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О наименованиях географических объектов». URL: <https://www.zakonrf.info/doc15205113>.

REFERENCES

- Akhmanova O.S., 2004. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, URSS Publ., Editorial URSS Publ. 571 p.

- Bart R., 1989. Tekstovoy analiz odnoy novelly Edgara Po [Textual Analysis of a Short Story by Edgar Poe]. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika*. Moscow, Progress Publ, pp. 424-461.
- Buevich A.A., 2014. Kod: ponyatie i ego varianty v gumanitarnykh distsiplinakh [Code: Concept and Its Variants in the Humanities]. *Vestnik Mazyrskaya dzyarzhaynaya pedagogichnaya yunivertsiteta imya I.P. Shamyakina*, no. 2, pp. 90-95.
- Golomidova M.V., 2019. Imenovanie gorodskikh topograficheskikh obyektov i problemy ekspertizy novykh nazvaniy [Naming of Urban Topographic Objects and Problems of Expert Analysis of New Toponyms]. Vasilyev V.L., ed. *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf.* [Onomastics of the Volga Region. Proceedings of the International Scientific Conference]. Velikiy Novgorod, Pechatnyy dvor Publ., pp. 29-33. DOI: <https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.29>.
- Zhinkin N.I., 1982. *Rech kak provodnik informatsii* [Speech As a Conductor of Information]. Moscow, Nauka Publ. 162 p.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2016. Problemy parametricheskogo opisaniya toponima v regionalnom slovare-spravochнике [Problems of the Parametric Description of a Toponym in the Regional Dictionary-Reference Book]. *Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ikh resheniya: materialy dokl. i soobshch. Mezhdunar. nauch. konf. (12–14 dek. 2016 g.)* [Russian Lexicography of the 21st Century: Problems and Ways to Solve Them. Proceedings of the International Scientific Conference (December 12–14, 2016)]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 42-44.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2020. Lingvisticheskie kody volgogradskikh godonimov kak otrazhenie regional'noy toponimicheskoy politiki [Linguistic Codes of Volgograd Godonyms as a Reflection of Regional Toponymic Policy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 6, pp. 69-80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>.
- Koroleva E.V., 2015. Mesto leksemy kod v lingvisticheskoy terminosisteme [Place of the Lexeme "Code" in the Linguistic System of Terms]. *Prepodavatel. XXI vek*, no. 4, pp. 332-340.
- Maslova V.A., 2001. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ. 208 p.
- Podolskaya N.V., 1988. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ. 192 p.
- Razumov R.V., 2017. Memorativy pisatelyam, poetam i literaturnym kritikam v sistemakh urbanonimov Rossiyskoy Federatsii [Personal Memoratives to Writers, Poets and Literary Critics in Urbanonymic Systems of the Russian Federation]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], no. 3, pp. 155-159.
- Sidorova E.G., 2021. Godonimicheskoe prostranstvo: sodержanie i obyem ponyatiya [Hodonymic Space: Content and Scope of the Concept]. Ivanova O.Yu., ed. *Aktualnye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkulturnoy kommunikatsii: sb. materialov I Vseros. nauch.-prakt. onlayn-konf. (Orel, 25 marta 2021 g.)* [Topical Issues of Linguistics and Linguodidactics in the Context of Intercultural Communication. Collection of Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Online Conference (Orel, March 25, 2021)]. Orel, OGU im. I.S. Turgeneva, pp. 212-217.
- Solovov A.N., 2018. Urbanonim kak onomasticheskiy termin: postanovka problemy [Urbanonym As an Onomastic Term: Problem Statement]. *Uchenye zapiski UO Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.M. Masherova*, vol. 25, pp. 198-203.
- Tsivyan T.V., 1990. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj kartiny mira* [Linguistic Foundations of the Balkan Worldview]. Moscow, Nauka Publ. 207 p.
- Eko U., 2006. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Missing Structure. Introduction to Semiology]. Saint Petersburg, Simpozium Publ. 544 p.
- Yakobson R.O., 1985. Rehevaya kommunikatsiya: Yazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii [Speech Communication: Language in Relation to Other Communication Systems]. *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., pp. 45-87.

SOURCES

- Obshchegorodskoy perechen naimenovaniy elementov ulichno-dorozhnoy seti i elementov planirovochnoy struktury gorodskogo okruga gorod-geroy Volgograd* [City-Wide List of Names of Elements of the Road Network and Elements of the Planning Structure of the Urban District Hero City Volgograd]. URL: <https://www.3444077191-Streets.csv>.
- Prikaz Ministerstva finansov Rossiyskoy Federatsii ot 05.11.2015 g. № 171n «Ob utverzhdenii*

Perechnya elementov planirovochnoy struktury, elementov ulichno-dorozhnoy seti, elementov obyektov adresatsii, tipov zdaniy (sooruzheniy), pomeshcheniy, ispol'zuemykh v kachestve rekvizitov adresa, i Pravil sokrashchennogo naimenovaniya adresoobrazuyushchikh elementov» [Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 05.11.2015 No. 171n "On Approval of the List of Elements of the Planning Structure, Elements of the Road Network, Elements of Addressable Objects, Types of Buildings (Structures), Premises Used

As Address Details, and the Rules for the Abbreviated Name of Address-Forming Elements"].

Adresnyy reestr Volgograda i Volgogradskoy oblasti [Address Register of Volgograd and Volgograd Region]. URL: <http://www.volgainfo.ru/Streets/address.aspx>.

Federalnyy zakon ot 18.12.1997 g. № 152-FZ (red. ot 30.12.2015) «O naimenovaniyakh geograficheskikh obyektov» [Federal Law No.152-FZ Dated December 18, 1998 "About Names of Geographical Objects"]. URL: <https://www.zakonrf.info/doc/15205113>.

Information About the Authors

Dmitriy Yu. Ilyin, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Vice Rector for Academic Affairs, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Elena G. Sidorova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

Информация об авторах

Дмитрий Юрьевич Ильин, доктор филологических наук, доцент, проректор по учебной работе, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Елена Геннадьевна Сидорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.3>

UDC 81'374:81'373.43
LBC 81.054

Submitted: 19.04.2021
Accepted: 07.06.2021

**BETWEEN PROPER NAME AND APPELLATIVE:
LEXICOGRAPHY OF WORDS WITH BORDERLINE STATUS
(EXEMPLIFIED BY NEOLOGISM *BREXIT*)¹**

Anna V. Shchetinina

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The problems of lexicography of new words that appeared in the Russian language in the 21st century are considered based on the materials of the upcoming thematic *Explanatory Dictionary of Unity and Enmity in the Russian Language of 2000–2020*. The author of the article is one of the dictionary compilers. It is stated that the difficulties of describing new borrowed lexical units, that are at the stage of usage, are associated with the establishment of their lexical, grammatical and stylistic characteristics. Criteria for their determination are proposed. The principles of choosing the variant of heading word spelling in a dictionary entry are argued. Based on the methods of definitional, linguoculturological and content analysis using textual material extracted from mass media resources, a methodology for compiling a dictionary entry has been developed, which makes it possible to give a detailed description of the lexical, grammatical, stylistic, paradigmatic and pragmatic characteristics of current borrowings. As a result of this technique application, a dictionary entry of *Brexit* neologism is presented, reflecting the unstable position of this lexeme in the Russian language system, the status of which fluctuates between a proper name and an appellative. The material and methodology for its systematization can be considered when compiling explanatory dictionaries of new words in the Russian language.

Key words: lexicography, neologism, borrowing, semantics, cultural linguistics, pragmatics.

Citation. Shchetinina A.V. Between Proper Name and Appellative: Lexicography of Words with Borderline Status (Exemplified by Neologism *Brexit*). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 32-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.3>

УДК 81'374:81'373.43
ББК 81.054

Дата поступления статьи: 19.04.2021
Дата принятия статьи: 07.06.2021

**МЕЖДУ ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ И АПЕЛЛЯТИВОМ:
ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ СЛОВ С ПОГРАНИЧНЫМ СТАТУСОМ
(НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМА *БРЕКСИТ*)¹**

Анна Викторовна Щетинина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Проблемы лексикографирования новых слов, появившихся в русском языке в XXI в., рассмотрены с опорой на материалы готовящегося к публикации тематического «Толкового словаря лексики единения и вражды в русском языке 2000–2020 годов», одним из составителей которого является автор статьи. Утверждается, что трудности описания новых заимствованных лексических единиц, находящихся на стадии узуализации, связаны с установлением их лексических, грамматических и стилистических характеристик. Предложены критерии их определения. Аргументированы принципы выбора варианта написания заголовочного слова в словарной статье. На основе методов дефиниционного, лингвокультурологического и

контент-анализа с использованием текстового материала, извлеченного из массмедийных ресурсов, разработана методика составления словарной статьи, позволяющая дать развернутое описание лексических, грамматических, стилистических, парадигматических и прагматических характеристик актуальных заимствований. В качестве результата ее применения представлена словарная статья неологизма *Брексит*, отражающая неустойчивое положение этой лексемы в русском языке: ее статус колеблется между именем собственным и апеллятивом. Материал и методика его систематизации могут быть учтены при составлении толковых словарей новых слов русского языка.

Ключевые слова: лексикография, неологизм, заимствование, семантика, лингвокультурология, прагматика.

Цитирование. Щетинина А. В. Между именем собственным и апеллятивом: лексикографирование слов с пограничным статусом (на примере неологизма *Брексит*) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 32–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.3>

Введение

Получить представление о том, как в современном массмедийном пространстве называются люди, предметы, события, процессы и факты действительности, репрезентирующие единение и вражду, позволяет обращение к лексикографическим источникам. В связи с этим важно осуществлять регистрацию и описание новых слов как в отдельных исследованиях, так и в толковых словарях. Отражение в них лексико-грамматических, семантических, стилистических, сочетаемостных характеристик, парадигматических связей новых языковых фактов позволяет оценить устойчивость того или иного слова или выражения, их закреплённость в системе русского языка, понять, в каких значениях они функционируют в речи, в какой сфере преимущественно используются.

Результаты изучения новых слов в разные периоды развития языка получили отражение в работах, посвященных неологии и неографии [Буцева, Ридецкая, 2018; Гак, 1983; Гацалова, Парсиева, 2015; Дубичинский, 2016; Дуличенко, 1994; Котелова, 2015; Маринова, 2011; Неология и неография..., 2016; Новые слова..., 2020; Новые тенденции ..., 2016; Попова, 2008; Шулежкова, 2019; и др.], и в толковых словарях как результате изучения и фиксации новых для определенного периода языковых фактов (Григоренко; Катлинская; Крысин; Новиков; Новые слова и значения; Окунцова; Словарь языка интернета.ru; Шагалова; и др.). При этом в последних выбор регистрируемых номинаций и объем словарной статьи могут различаться в зависимости от

задач, которые ставят перед собой авторы. Так, «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов» Е.Н. Шагаловой содержит новую лексику первого десятилетия XX в. разных тематических групп, а в словарной статье дается толкование слова, грамматическая характеристика, этимологические сведения, в ряде случаев – орфографические варианты и синонимы (Шагалова). «Словарь языка интернета.ru» фиксирует языковые факты, выявленные в текстах интернет-коммуникации, преимущественно в сетевом общении, и, помимо традиционно включаемой в словарное описание информации (грамматическая характеристика, толкование, примеры употребления и т. д.), предлагает культурологические комментарии и в некоторых случаях рисунки (Словарь языка интернета.ru).

Готовящееся к публикации издание «Толковый словарь лексики единения и вражды в русском языке 2000–2020 годов», одним из разработчиков которого является автор данной статьи, содержит слова и выражения, появившиеся в последние 20 лет (подробнее об этом см.: [Щетинина, 2021]). В словаре регистрируются языковые единицы, во-первых, развившие новые значения (*бомбить* ‘выражать недовольство’, *ватник* ‘русский патриот’, *токсичный* ‘негативно влияющий на окружающих’ и др.), во-вторых, образованные от уже имеющих в русском языке основ морфологическими способами (*вписка* ‘молодежная вечеринка на квартире’, *импортзамещение* ‘производство отечественных товаров вместо иностранных’, *санкционка* ‘запрещенные иностранные товары’ и др.), в-третьих, заимствованные из других языков, преимущественно

но английского, в принимающем языке (русском) адаптированные в разной степени (*кринжевать* ‘испытывать чувство отвращения’, *локдаун* ‘строгое ограничение непосредственных контактов людей, доступа к общественным местам’, *харассмент* ‘домогательства’ и др.). Можно выделить особые языковые единицы типа *крымнаш*, *яжемать*, *Брексит* и другие номинации, лексикографирование которых в настоящее время дискуссионно. Поэтому требуется разработка правил их словарной репрезентации.

Материал и методы исследования

Регистрация новейших слов – их значений, грамматических и стилистических свойств, прагматических характеристик – основывается на методиках включенного наблюдения, контент-анализа и компонентного анализа, традиционно используемых в лексикографической практике. В данном исследовании представим лексикографическое описание слова *Брексит*, которое определяется нами в толковом словаре новой лексики в тематическую группу номинаций со значением вражды, охарактеризуем его лексикограмматические и стилистические характеристики и прагматический потенциал.

Результаты и обсуждение

Словарная статья позволяет зафиксировать широкий круг признаков нового слова. Ее структура в создаваемом словаре включает следующие элементы: заголовочное слово, грамматические характеристики, сведения о происхождении слова, стилистические пометы, дефиницию, иллюстрации, сведения о сочетаемости слова, информацию об эквивалентных данной лексеме единицах, синонимах, антонимах, родственных словах.

*Методика составления словарной статьи для неологизма **Брексит***

В лексикографическом описании **заголовочное слово** представлено в разных вариантах, которые встречаются в СМИ (*Брексит*, *Брексит*, *брексит*, *брексит*, *Brexit*). Так

как это калькированное заимствование стало использоваться в русской речи относительно недавно, на протяжении всего времени его функционирования встречались разные написания, поэтому мы приводим все выявленные в текстах СМИ варианты данной единицы: прописная и строчная буквы (*Брексит* / *брексит*), *с* и *з* (*Брексит* / *брексит*), в кавычках и без («*брексит*» / *брексит*), в латинской графике, поскольку такой вариант тоже встречается в русскоязычных статьях (*Brexit*). При этом в качестве слова, представленного первым в общем ряду вариантов, мы выбрали *Брексит*, в связи с тем, что в 2020 г. в большинстве текстов массмедиа установилось именно такое написание.

Например, в газете «Коммерсантъ» за 2020 – начало 2021 г. из 133 статей, в которых используется лексема, только в 3 встречаются варианты написания со строчной буквы с согласной *с* в середине слова (*брексит*), при этом все 130 вариантов с прописной буквы заключены в кавычки (можем предположить, как название определенной программы):

(1) Потери британских экспортеров из-за нетарифных ограничений в первый год после «**Брексита**» в зависимости от динамики курса фунта стерлингов могут составить от €13,5 млрд до €27,3 млрд (0,6–1,1 % ВВП) (АА. «Брекситу» назвали цену нетарифных издержек // *Коммерсантъ*. 2021. 22 янв. (№ 10). С. 2).

Отметим, что в Национальном корпусе русского языка представлены 169 контекстов из газеты «Коммерсантъ» со словом *Брексит* и 19 других написаний из текстов разных источников: «Новая газета», «Московский комсомолец» и др. В «Аргументах и фактах» за последний год встречается написание слова и с прописной, и со строчной букв, в кавычках (редко) и без: *Брексит* / *брексит*, в редких случаях англоязычное *Brexit*:

(2) Да и перипетии **Брексита** в Великобритании оставляют немало вопросов по поводу британских верхов (АА. Сеансы спиритизма... // *АиФ*. 2020. 16 сент.);

(3) В британском парламенте представили доклад об итогах расследования вмешательства России в **брексит** (АА. Почему Россию оболгали, но не извинились? // *АиФ*. 2020. 29 июля).

На сайте «RT на русском» преобладает такое же написание:

(4) Эрдоган: членство Турции в ЕС устранил внесённую **брекситом** неопределённость (АА. RT на русском. 2021. 12 янв.),

более 300 контекстов, причем преимущественно со строчной буквы, против 2 примеров *Брекзит* в 2016 и 2018 годах.

В «Российской газете» представлено 155 вариантов *брекзит* за все годы против 54 *брексит*, причем как с прописной, так и со строчной буквы, в кавычках и без:

(5) Старая добрая Англия, зарулившая в нечто непонятное по имени **Брекзит** и оттолкнувшаяся багром от европейского континента, стала сегодня чужой для миллионов своих граждан (АА. Гуд-бай, Туманный Альбион! // Российская газета. 2020. 6 авг.);

(6) Несмотря на «**брексит**» и отчавившую от берегов «единой Европы» Британию, язык Шекспира не стал реже использоваться в брюссельских коридорах власти (АА. Устали от английского // Российская газета. 2020. 27 сент.).

В текстах «РИА Новости» за весь рассматриваемый период также преобладает написание *Брекзит* / *брекзит* – 132 против 32 *Брексит* / *брексит*.

То же разнообразие написаний анализируемой лексемы представлено в научном дискурсе, однако в политологических работах это слово употребляется преимущественно как имя собственное, называющее единичное историческое событие, в том числе в оригинальном виде (*Brexit*), в отличие от частотного использования апеллятивного варианта в текстах СМИ.

Из вышесказанного следует, что общепризнанного написания данной языковой единицы сегодня нет. Однако в последние годы в большей части источников преобладает вариант с буквой *c*, в связи с чем, на наш взгляд, его можно вынести первым в ряду вариантов заголовочного слова. Мы склонны рассматривать данную единицу как имя собственное, поскольку в большей части контекстов оно употребляется в прямом значении ‘историческое событие’, а традиционно названия исторических событий в русском языке пишутся с прописной буквы без кавычек (ср. *Ренессанс*,

Октябрь, *Парижская коммуна*, *Версальский мир* и др.), поэтому и примеры лексико-грамматической сочетаемости представлены с вариантом написания *Брексит*.

Грамматическая характеристика анализируемого слова в создаваемом словаре включается согласно традиционным правилам ее представления в толковых словарях общего типа. После начальной формы существительного указывается его окончание в родительном падеже единственном числе, частеречная и родовая принадлежность лексемы (*Брексит*, -а, сущ., м. р.).

В грамматическом аспекте интересна практика употребления данного слова как имени собственного или апеллятива. С одной стороны, единица *Брексит* обозначает историческое событие, появилась и функционирует в настоящее время в разных написаниях, в том числе в оригинальном (*Brexit*), следовательно, вполне закономерно является именем собственным. С другой, как уже отмечалось выше, – она активно репрезентируется в текстах официальных СМИ и вариантом написания со строчной буквы, причем в том же значении, как номинация единичного понятия.

Кроме того, слово используется и во множественном числе, что является признаком имени нарицательного:

(7) Это мощная опора для планеты, если она исчезнет – быть беде», – поделился своим мнением Лукашенко, добавив, что не воспринимает «все эти ваши **брекситы** и националистические движения» (АА. А. Ильин. Разворот Лукашенко: Минск пообещал работать на благо «имперского» Евросоюза // Московский комсомолец. 2017. 15 марта);

(8) Трампом Ле Пен, новые «**брекситы**», а там не за горами и Россия снова в роли великой державы – Россия без кризиса и коррупции ... (АА. Н. Миронов. Трампа хватит ненадолго // Московский комсомолец. 2016. 23 нояб.).

За несколько лет у данной лексической единицы постепенно развивается значение апеллятива, что свойственно русскому языку, ср.:

(9) Возможно, и русской культуре предстоит пережить Ренессанс (НКРЯ. М. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей. 2007);

(10) «Я – русский, и потому имею право презирать все эти **ренессансы**, рококо и готики! – кри-

чал он иногда, стуча себя в грудь...» (НКРЯ. Л. Касиль. Дело вкуса, 1964).

Если предположить, что слово *брексит* может называть класс предметов, а это характерно для апеллятивов, то его употребление во множественном числе вполне закономерно. До появления единицы *Brexit* в СМИ и научной литературе уже использовалась лексема *Grexit* / *Грексит* ('возможный выход Греции из еврозоны и Европейского Союза в 2014–2015 годах'):

(11) Вероятность **Grexit** – такое название получило событие (от Greece и Exit) – увеличилась до 50–75 % с прежних 50 %, считают аналитики Citi. (АА. Grexit с кризисом ожидается в июне // Вести. 2012. 15 мая);

(12) In this paper we consider whether the potential of Greece's exit (**GrExit**) from the Eurozone has an impact on Greece's economic adjustment program and vice versa (АА. Koutsoukisa N.-S., Spyros A. R. The GrExit Paradox // *Procedia Economics and Finance*. 2014. № 9. P. 24–31) – В этой статье мы рассмотрим, влияет ли потенциал выхода Греции (**GrExit**) из еврозоны на программу экономической адаптации Греции, и наоборот (здесь и далее перевод наш. – А. Ш.).

Более того, исследователи отмечают, что в европейских СМИ вслед за аналогичными Брекситу политическими целями других стран появились номинации: *Auxit* (*Austria* + *exit*) 'возможный выход Австрии из Европейского Союза', *Czechit* (*Czech* + *exit*) 'возможный выход Чехии из Европейского Союза', *Fixit* (*Finland* + *exit*) 'возможный выход Финляндии из Европейского Союза', *Frexit* (*France* + *exit*) 'возможный выход Франции из Европейского Союза' и др. [Катермина, Соловьева, 2019, с. 107; Мозырева, 2017, с. 117; Nasser, 2016]:

(13) **FIXIT 'LIKELY'**: EU set for ANOTHER political earthquake as Finland exit 'on the cards' (АА. Rogers J. Express, Fri, Apr 21, 2017 / **FIXIT 'LIKELY'**) – ЕС готовится к очередному политическому землетрясению, поскольку "на карте" выход Финляндии.

В российских СМИ, статьи которых посвящены европейским событиям, также встречаются такого рода новообразования:

(14) Финляндия собрала пятую часть от необходимого количества подписей для рассмотрения

вопроса о проведении референдума о членстве в ЕС в парламенте страны. По мнению инициатора сбора голосов в пользу **Fixit**, ЕС лишь сеет в Европе хаос, и Финляндии необходимо освободиться (АА. После Brexit Финляндия собирает подписи за Fixit // Вести.ру. 2016. 25 июня);

(15) Обозреватель Лоран Эрбле предрек **Frexit** (выход Франции из ЕС по аналогии с Brexit). Об этом он написал в своей статье для Le Figaro (АА. Европе предрекли Frexit // Lenta.ru. 2021. 14 марта).

Согласимся с мнением В.В. Катерминой и В.С. Соловьевой о том, что «продуктивность модели объясняется не только языковыми, но и экстралингвистическими факторами. Brexit в современном политическом мире уже представляет собой целый сценарий развития политической ситуации» [Катермина, Соловьева, 2019, с. 107]. Следовательно, фактор повторяемости или – в данном случае – возможной повторяемости явления обуславливает образование множественного числа существительного, называющего целый класс явлений, и утрату им значения 'единичное историческое событие', что позволяет говорить о формировании новой, пока неузуальной, модели образования слова со значением 'выход страны из Европейского Союза'.

Большинство неологизмов в русском языке относится к заимствованиям, поэтому указание на источник (или историю) их появления рассматривается авторами как значимая составляющая словарной статьи. Благодаря данному типу информации можно установить связь со значением иностранного слова, установить соответствие семантики неологизма и его источника. Так, слово *Брексит* заимствовано из английского языка, в котором появилась лексема *Brexit*, образованная путем сложения усеченной основы первого слова *Britain* (Британия) и целой второго *exit* (выход), в результате чего можно сформулировать буквальное значение 'выход Британии'. Отметим, что фиксирование в словаре новых русских слов, образовавшихся посредством переосмысления уже имеющихся значений либо другими способами, предполагает в каждом случае изучение истории образования номинации в русском языке новейшего периода и ее представление в словарной статье.

Особая сложность в процессе лексикографирования неологизмов состоит во включении

в метаязыковое описание слова **стилистических помет**, поскольку однозначно определить стилистическую закрепленность языковой единицы зачастую не представляется возможным в силу ее активного использования в текстах разной тематики и различных сфер функционирования. Однозначно, на наш взгляд, устанавливается только принадлежность единиц к группе неологизмов. Так, стилистическая и тематическая принадлежность слова *Брексит* определяется достаточно легко: единица характерна для публицистической и политической сфер, поскольку лексема появилась как номинация исторического события в политической жизни Великобритании и получила распространение в русском языке через тексты СМИ. В то же время, например, слово *абьюз*, образованное от словосочетания *абьюзивные отношения*, трудно идентифицировать однозначно с точки зрения стилистической принадлежности. С одной стороны, оно используется в текстах СМИ, хотя и не часто («Коммерсантъ» – 28 вхождений, «АиФ» – 7, «Cosmopolitan» – 87 и т. п.), с другой – является профессионализмом, то есть жаргонным словом из сферы психологии, активно функционирует в интернет-коммуникации (блоги, комментарии, форумы и др.; более 6 тыс. вхождений показывает Яндекс) при обсуждении проблем психологического насилия в разных сферах жизни. Следовательно, можно рассматривать лексему *абьюз* как жаргонную из сферы психологии и зафиксировать в словаре с пометой ‘профессионализм / профессиональный жаргон’.

Следующая часть словарной статьи – **семантема** – включает традиционно выделяемые семы: ядерную (‘политическое событие’), дифференциальные (на ближней периферии: ‘выход Великобритании’ ‘из Европейского Союза’, ‘связанная с ним процедура’; на дальней периферии: ‘на основании решения референдума’, ‘2016 год’).

Иллюстративный материал призван продемонстрировать использование слова в разнообразных грамматических формах, с различными смысловыми оттенками, в разные периоды последнего двадцатилетия. Лексема *Брексит* может быть представлена в иллюстрациях из статей с 2016 по 2021 г. в разных вариантах написания и грамматических формах.

Сведения о **типовой сочетаемости** неологизма демонстрируют особенности его употребления в речи. Например, *Брексит* в текстах образует словосочетания с существительными в родительном падеже (*сторонники / противники Брексита* – данная сочетаемость определяется значением конфликтного события, исход которого определялся голосованием сторонников и противников на референдуме; *процесс Брексита* – сочетаемость определяется значением длительности мероприятия) и глаголами (*провести Брексит, осуществить Брексит, выступить за / против Брексита(а), решить после Брексита, спровоцировать Брекситом* и др.), поскольку Брексит представляет собой процедуру, включающую ряд действий определенных акторов, у этих действий есть причины, последствия и т. д. Отражение типовой сочетаемости особенно актуально для пользователей словаря, поскольку неологизмы могут быть им неизвестны, но интересны с точки зрения понимания возможности их употребления.

Выявление **парадигматических связей** неологизмов (эквивалентных лексем, антонимов, однокоренных слов) позволяет определить место новых заимствований, которое они уже заняли в системе русского языка.

С точки зрения образования дериватов слово *Brexit* в английском языке более продуктивно по сравнению с русским. Как показывают результаты анализа британского медиадискурса, проведенного И.И. Каштановой, О.А. Бирюковой, Е.А. Давыдовой, «за короткий срок были придуманы и закрепились в английском языке такие производные слова, как *Brexitеег* – сторонник Брексита, *Brexitоaner* – противник Брексита, *Brexitсuse* – упоминание о Брексите в попытке объяснить свои неудачи, *Brexitodus* – массовый отъезд частных лиц и компаний из Великобритании в связи с Брекситом, *Brexiticon* – новые слова и выражения, используемые для обсуждения Брексита» [Каштанова, Бирюкова, Давыдова, 2018, с. 296].

Из множества производных лексемы *Brexit*, появившихся в английском языке, в текстах российских медиа встречаются немногие, в частности, антонимичные дериваты *брекситер* и *бремейнер*, также калькированные с английского *brexiter* со значением ‘сто-

ронник Брексита' и *bremainer* 'противник Брексита':

(16) Вторая поправка снижает шансы Мэй на переговорах в Брюсселе. Тем не менее, «**брекситеры**» и «**бремейнеры**» (сторонники членства в ЕС – «МК») из фракции консерваторов пришли к компромиссу (АА. Брексит буксует: Мэй отправили в Брюссель решать невыполнимую задачу // Московский комсомолец. 2019. 30 янв.);

(17) На время прежнее размежевание на правых и левых уступило размежеванию на **брекзитеров** и **бремейнеров** (АА. Е. Ананьева. Brexit: да, но нет // РСМД. 2019. 5 нояб.).

В этом отношении лексема *Брексит* отличается от многих новых заимствованных слов, которые уже образовали связи с другими единицами языка. Например, упомянутое выше слово *абьюз* имеет как литературные, так и жаргонные эквиваленты: *абьюзивные отношения, буллинг, газлайтинг, насилие, подавление, прессинг, неглект*; однокоренные слова: *абьюзер, абьюзивный, абьюзить*. Данное явление, вероятно, объясняется тем, что политические номинации такого типа, как *Брексит, Грексит*, в связи с чуждостью иноязычного материала и жесткой структурированностью сложного слова не попадают в сферу речевого творчества авторов текстов. Имеющиеся производные *брекзитер* и *бремейнер* также кальки с английского и употребляются только в контексте политического события, с ними связанного. Напротив, в английском языке, как отмечалось выше, на основе лексемы *Brexit* создано много новых слов, которые образованы разными способами, в том числе и в результате языковой игры, например название кризисной ситуации в королевской семье, возникшей в связи с отказом принца Гарри и его жены Мэган Маркл от своих полномочий:

(18) Megxit Meghan Markle and Prince Harry have created a royal crisis 'worse than the abdication', according to royal author Penny Junor, speaking on the first anniversary of **Megxit** (АА. Meghan and Harry Have "Lobbed Huge Bomb" with Megxit Crisis "Worse than Abdication" // Mirror. 2021. 31 Mar.) – Мэган Маркл и принц Гарри спровоцировали кризис в королевской семье, который «хуже, чем отречение», по словам королевского биографа Пенни Джунора, выступившего в первую годовщину Мегксита;

(19) После этого Брэд переключился на другое громкое событие – «**Мегзит**», как британцы назвали сложение полномочий Мэган Маркл и принцем Гарри (АА. Брэд Питт смутил Кейт Миддлтон и принца Уильяма дерзкой шуткой о «Мегзите» // Cosmopolitan. 2020. 3 февр.).

Описание неологизма *Брексит* в толковом словаре

Лексема *Брексит* заимствована из английского языка, относится к актуальной лексике, поскольку событие, номинируемое данной единицей, широко обсуждалось в массмедиа начиная с 2016 года.

Брексит (Брексит, Брексит, брекзит, брексит, Brexit), -а, сущ., м., употребляется в речи как имя собственное и апеллятив.

Ср.: англ. *Brexit: Britain* (Британия) + *exit* (выход) – выход Британии.

Язык СМИ. Полит.

Политическое событие, представляющее собой выход Великобритании из Европейского Союза на основании решения референдума, проведенного в 2016 г., и связанная с ним процедура.

– *Напомним, согласно опросу, проведенному неправительственной организацией Tech London Advocates, каждая третья лондонская технологическая компания опасается, что «Брексит» негативно повлияет на их деятельность* (Великобритания будет выдавать больше виз для специалистов технологической сферы // Коммерсантъ. 2017. 16 нояб.).

– *Раньше Британия была полностью сосредоточена на Брексите – болезненном и унижительном для страны процессе ее выхода из Европейского союза. Теперь Брекситу придется потесниться. На фоне ожесточенной схватки между Лондоном и Санкт-Петербургом за влияние в Центральной Азии в российском обществе XIX века было очень распространено выражение «англичанка гадит»* (Чисто предвыборное убийство: как отравление Скрипаля изменит последний срок Путина // Московский комсомолец. 2018. 13 марта).

– *Популярность UKIP и рост числа сторонников выхода Британии из Евросоюза, «брексита» (по аналогии с «грекзитом», возможным выходом Греции из еврозоны и ЕС), во многом обусловлены ростом миграции из других стран ЕС в последнее десятилетие («Брекзит»: по торможам // Эксперт. 2016. № 9).*

– *Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган напомнил, что страна не отказалась от стрем-*

ления вступить в Европейский союз. По его мнению, неопределённость в ЕС, спровоцированная **брекситом**, будет устранена только после того, как Анкара присоединится к объединению европейских государств (Эрдоган: членство Турции... // RT на русском. 2021. 12 янв.).

– Великобритания начала свой первый год вне Европейского союза после реализации **Brexit** и завершения переходного периода (Интерфакс. 2021. 1 янв.).

Типовая сочетаемость: *сторонники Брексита, противники Брексита, процесс Брексита, жесткий Брексит, спровоцировано Брекситом, провести Брексит, осуществить Брексит, выступить за / против Брексита(а), сосредоточиться на Брексите, решить после Брексита, период после Брексита.*

Эквиваленты: единичная номинация (название исторического события).

Ср. также: *Грексит* – возможный выход Греции из еврозоны и Европейского Союза. *Мегзит* – конфликт в королевской семье из-за отказа принца Гарри и его жены Мэган Маркл от своих полномочий. *Брекситер* – сторонник Брексита.

Заключение

Лексикографирование новых слов связано с определенными трудностями, обусловленными неустойчивым статусом этих единиц в системе языка. Фиксация неологизма в словаре требует осуществления скрупулезного анализа его употребления в разных видах дискурса. Для того чтобы пользователи словаря составили полное представление о том или ином новом слове, необходимо развернутое описание его лексических, грамматических, стилистических, парадигматических характеристик, а также прагматики использования новой языковой единицы в речи.

Лексема *Брексит* представляет собой сложный случай заимствования. С одной стороны, оно активно используется в письменной и устной формах речи (поисковый запрос в Яндексе показывает 2 млн результатов), главным образом в политическом дискурсе, и находится «у всех на слуху», поэтому не вызывает затруднения при восприятии у носителей языка; с другой – его статус как лингвистической единицы (написание и категориальная принадлежность к собственным или нарицательным именам) не является очевидным: слово находится в процессе узуализации, следова-

тельно, его лексикографическое описание возможно с опорой на новые подходы к регистрации неологизмов в толковых словарях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс».

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 20-68-46003 «Semantics of unity and enmity in Russian vocabulary and phraseology: system-linguistic data and discourse».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буцева Т. Н., Ридецкая Ю. С., 2018. Неография и слово года // Русский язык в школе. № 8. С. 66–71.
- Гак В. Г., 1983. Новые слова и новые словари // Новые слова и словари новых слов : сб. ст. / отв. ред. Н. З. Котелова. Л. : Наука. С. 15–29.
- Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К., 2015. Возможности терминологической интерпретации и лексикографическое отражение потенциальных слов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (28). С. 138–143. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.17>.
- Дубичинский В. В., 2016. Основания неографии // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления) : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб. : Нестор-История. С. 41–47.
- Дуличенко А. Д., 1994. Русский язык конца XX столетия. Мюнхен : Sagner. 347 с.
- Катермина В. В., Соловьева Н. С., 2019. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 3. С. 103–111.
- Каштанова И. И., Бирюкова О. А., Давыдова Е. А., 2018. Концепт BREXIT в современном англоязычном медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10, ч. 2. С. 295–299.
- Котелова Н. З., 2015. Избранные работы. СПб. : Нестор-История. 276 с.
- Маринова Е. В., 2011. Так говорили в 90-е... Размышления над страницами нового словаря // Русская речь. № 5. С. 118–125.
- Мозырева О. В., 2017. Брексит, Тиндер и другие источники появления новых слов // Язык : кате-

- гории, функции, речевое действие : материалы X юбилейн. Междунар. науч. конф. к 75-летию Валерия Степановича Борисова. М. : Моск. пед. гос. ун-т : Гос. соц.-гуманит. ун-т. С. 117–120.
- Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления), 2016 : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб. : Нестор-История. 236 с.
- Новые слова и словари новых слов. 2020, 2020 : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН. 220 с.
- Новые тенденции в русском языке начала XXI века, 2016 : коллектив. моногр. / под ред. Л. В. Рацибурской. 4-е изд., стер. М. : Флинта : Наука. 304 с.
- Попова М. А., 2008. Факторы и векторы процесса неологизации современного русского языка // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2 (26). С. 72–75.
- Шулежкова С. Г., 2019. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // Научный диалог. № 9. С. 173–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189.
- Щетинина А. В., 2021. *Ватник, брексит и крымшай*: к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды // Научный диалог. № 3. С. 139–155. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155.
- Nasser M., 2016. Why was it “Brexit”, not “Bristay”? A Note on the Psycholinguistic Effects of Message Exposure and Priming on Decision. URL: https://www.researchgate.net/publication/312191534_Why_was_it_Brexit_not_Bristay_A_Note_on_the_Psycholinguistic_Effects_of_Message_Exposure_and_Priming_on_Decision_Making_Published_online_at_httpwwwlacademynetwhy-was-it-brexit-not-bristay (date of access: 20.03.2021).
- ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ**
- АА – Архив автора.
- Григоренко – Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке : слов. материалы. Воронеж : Науч. кн., 2009. 517 с.
- Катлинская – Катлинская Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка : ок. 2000 слов. М. : АСТ : Астрель, 2008. 380 с.
- Крысин – Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов : справ. изд. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 320 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 02.02.2021).
- Новиков – Новиков В. И. Словарь модных слов: языковая картина современности. М. : Словари XXI века, 2018. 351 с.
- Новые слова и значения – Новые слова и значения. В 3 т. Т. 3 : слов.-справ. по материалам прессы и лит. 90-х гг. XX в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 1360 с.
- Окунцова – Окунцова Е. А. Новейший словарь иностранных слов : ок. 5000 слов и словосочетаний. М. : Айрис-пресс, 2009. 510 с.
- Словарь языка интернета.ru – Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.
- Шагалова – Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов. М. : АСТ : Астрель, 2011. 413 с.
- REFERENCES**
- Butseva T.N., Ridetskaya Yu.S., 2018. Neografiya i slovo goda [Neography and Word of the Year]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 8, pp. 66-71.
- Gak V.G., 1983. Novye slova i novye slovani [New Words and New Dictionaries]. Kotelova N.Z., ed. *Novye slova i slovani novykh slov: sb. st.* [New Words and Dictionaries of New Words. Collection of Articles]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 15-29.
- Gatsalova L.B., Parsieva L.K., 2015. Vozmozhnosti terminologicheskoy interpretatsii i leksikograficheskoy otrazheniye potentsialnykh slov [Possibilities of Terminological Interpretation and Lexicographic Reflection of Potential Words]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 4 (28), pp. 138-143. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.17>.
- Dubichinskiy V.V., 2016. Osnovaniya neografii [The Grounds Are Not Clear]. Butseva T.N., ed. *Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy (k 50-letiyu nauchnogo napravleniya): sb. nauch. st.* [Neology and Neography: Current State and Prospects (For the 50th Anniversary of the Scientific Direction). Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 41-47.
- Dulichenko A.D., 1994. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya* [Russian Language of the Late Twentieth Century]. Myunkhen, Sagner Publ. 347p.
- Katermina V.V., Solovyova N.S., 2019. Aksiologiya neologizma Brexit v angloyazychnom massmediynom diskurse [Axiology of

- Neologism Brexit in English Mass Media Discourse]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 3, pp. 103-111.
- Kashtanova I.I., Biryukova O.A., Davydova E.A., 2018. Kontsept BREXIT v sovremennom angloyazychnom mediadiskurse [BREXIT Concept in the Modern English Media Discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], no. 10, part 2, pp. 295-299.
- Kotelova N.Z., 2015. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 276 p.
- Marinova E.V., 2011. Tak govorili v 90-e... Razmyshleniya nad stranitsami novogo slovarya [So They Said in the 90's... Reflections on the Pages of the New Dictionary]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 5, pp. 118-125.
- Mozyreva O.V., 2017. Breksit, Tinder i drugiye istochniki poyavleniya novykh slov [Brexit, Tinder and Other Sources of the Appearance of New Words]. *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoye deystviye: materialy X yubiley. Mezhdunar. nauch. konf. k 75-letiyu Valeriya Stepanovicha Borisova* [Language: Categories, Functions, Speech Action. Materials of the X Anniversary International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Valery Stepanovich Borisov]. Moscow, Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, Gosudarstvennyy sotsialno-gumanitarnyy universitet, pp. 117-120.
- Butseva T.N., ed., 2016. *Neologiya i neografiya: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy (k 50-letiyu nauchnogo napravleniya): sb. nauch. st.* [Neology and Neography: Current State and Prospects (For the 50th Anniversary of the Scientific Direction). Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 236 p.
- Kozlovskaya N.V., ed., 2020. *Novye slova i slovari novykh slov. 2020: sb. nauch. st.* [New Words and Dictionaries of New Words. Collection of Scientific Articles. 2020]. Saint Petersburg, ILI RAN. 220 p.
- Ratsiburskaya L.V., ed., 2016. *Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka: kollektiv. monogr.* [New Trends in the Russian Language of the Beginning of the 21st Century. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 304 p.
- Popova M.A., 2008. Faktory i vektory protsessy neologizatsii sovremennogo russkogo yazyka [Factors and Vectors of the Neologization Process of the Modern Russian Language]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 2 (26), pp. 72-75.
- Shulezhkova S.G., 2019. Russkiye i bolgarskiye frazeologicheskiye neologizmy kak obyekt slovarnogo opisaniya [Russian and Bulgarian Phraseological Neologisms as Objects of Dictionary Description]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], no. 9, pp. 173-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189.
- Shchetinina A.V., 2021. Vatnik, breksit i krymnash: k voprosu o leksikografirovani novykh slov s semantikoy edineniya i vrazhdy [Lexicography of New Words with the Semantics of Unity and Enmity]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], no. 3, pp. 139-155. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155.
- Nasseri M., 2016. *Why was it "Brexit", not "Bristay"? A Note on the Psycholinguistic Effects of Message Exposure and Priming on Decision.* URL: https://www.researchgate.net/publication/312191534_Why_was_it_Brexit_not_Bristay_A_Note_on_the_Psycholinguistic_Effects_of_Message_Exposure_and_Priming_on_Decision_Making_Published_online_at_httpwwwlalacademynetwhy-was-it-brexit-not-bristay (accessed 20 March 2021).

SOURCES AND DICTIONARIES

Author's Archive.

- Grigorenko O.V. *Novye naimenovaniya lits v sovremennom russkom yazyke: slov. materialy* [New Names of Persons in the Modern Russian Language: Dictionary Materials]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2009. 517 p.
- Katlinskaya L.P. *Tolkovyy slovar' novykh slov i znacheniy russkogo yazyka: ok. 2000 slov* [Russian Russian Russian Dictionary of New Words and Meanings. About 2000 Words]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2008. 380 p.
- Krysin L.P. *1000 novykh inostrannykh slov: sprav. izd.* [1000 New Foreign Words. Reference Edition]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2009. 320 p.
- Natsionalnyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. URL: www.ruscorpora.ru (accessed 2 February 2021).
- Novikov V.I. *Slovar' modnykh slov: yazykovaya kartina sovremennosti* [Dictionary of Fashionable Words: The Linguistic Picture of Modernity]. Moscow, Slovari XXI veka Publ., 2018. 351 p.
- Novye slova i znacheniya. V 3 t. T. 3: slov.-sprav. po materialam pressy i lit. 90-kh godov XX veka.* [New Words and Meanings. In 3 Vols. Vol. 3.

- Dictionary-Reference Book on the Materials of the Press and Literature of the 90s of the 20th Century]. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2014. 1360 p.
- Okuntsova E.A. *Noveyshiy slovar' inostrannykh slov: ok. 5000 slov i slovosochetaniy* [The Newest Dictionary of Foreign Words. About 5000 Words and Phrases]. Moscow, Ayris-press Publ., 2009. 510p.
- Slovar' yazyka interneta.ru* [Language Dictionary internet.ru]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 288 p.
- Shagalova E.N. *Samyi noveyshiy tolkovyi slovar' russkogo yazyka XXI veka: ok. 1500 slov* [The Newest Explanatory Dictionary of the Russian Language of the 21st Century. About 1500 Words]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2011. 413 p.

Information About the Author

Anna V. Shchetinina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russia, anna-73.schetinina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

Информация об авторе

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Россия, anna-73.schetinina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.4>

UDC 81'322.2
LBC 81.112

Submitted: 14.12.2020
Accepted: 30.03.2021

RUSSIAN TEXT AUTHOR'S GENDER IDENTIFICATION IN FORENSIC EXAMINATION: PROBABILITY-AND-STATISTICS METHOD

Timur B. Radbil

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Marina V. Markina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article discusses intermediate research results in the development and improvement of a computerized model of Russian texts authorization, which is based on complex application of probabilistic-and-statistical methods. The study aims to describe the new capabilities of the created system in the aspect of its application to diagnostic examinations in text authorization for detection of the gender of the alleged author of the text. The work presents the next stage of fine-tuning and testing of the improved version of the computer program "CTA" (computerized text authorization), which at this stage was adapted for the task of determining and comparing stable relative frequencies of correlation coefficients (the ratio of specified linguistic phenomena of different levels of the language system) in the texts, the authors of which are men and women. The research material is the continuously updated primary bases of literary texts of the 19th and 21st centuries (4 bases, respectively). The work shows that for the texts written by men and women, significant differences can be noted in such correlation coefficients as average word length, average sentence length, objectivity coefficient, quality coefficient, activity coefficient, dynamism coefficient, connectivity coefficient, etc. Verification of the results obtained experimentally has demonstrated that the accuracy of gender determining at this stage of the study is approximately 65%. This indicator can be significantly exceeded with an increase in the volume and quality specification of databases and/or when using new models for calculating the correlation coefficients (Spearman's model, etc.).

Key words: text authorization, computer text authorization, gender, forensic studies in text authorization, automatic text processing, probability-and-statistics method, applied linguistics.

Citation. Radbil T.B., Markina M.V. Russian Text Author's Gender Identification in Forensic Examination: Probability-and-Statistics Method. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 43-55. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.4>

УДК 81'322.2
ББК 81.112

Дата поступления статьи: 14.12.2020
Дата принятия статьи: 30.03.2021

ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА УСТАНОВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕКСТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СУДЕБНОМ АВТОРОВЕДЕНИИ

Тимур Беньюминович Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Марина Викторовна Маркина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье представлены промежуточные результаты разработки и усовершенствования компьютеризированной модели авторизации текстов на русском языке на основе вероятностно-статистической методики. Целью исследования является интерпретация экспериментального исследования расширенных возможностей компьютерной программы авторизации текста «КАТ» (компьютерная авторизация текста) при применении ее в диагностических автороведческих экспертизах по установлению гендерной принадлежности предполагаемого автора текста. Описаны результаты апробации усовершенствованной версии «КАТ», которая была адаптирована для определения и сопоставления стабильных относительных частот коэффициентов корреляции в текстах, авторами которых являются мужчины и женщины. Материалом исследования послужили созданные авторами и непрерывно пополняемые первичные базы художественных текстов XIX и XXI веков. Установлено, что в текстах, написанных мужчинами и женщинами, имеются значимые расхождения в таких коэффициентах корреляции, как средняя длина слов, средняя длина предложения, коэффициент предметности, коэффициент качества, коэффициент активности, коэффициент динамизма, коэффициент связности. Проверка полученных результатов показала, что точность определения гендерной принадлежности на данном этапе исследования составляет приблизительно 65 %. Этот показатель может быть существенно превышен при увеличении объема и качественной спецификации баз данных с учетом типа дискурса и/или при использовании других моделей исчисления коэффициентов корреляции.

Ключевые слова: авторизация текста, компьютерная авторизация текста, гендер, судебное автороведение, автоматическая обработка текста, вероятностно-статистическая методика, прикладная лингвистика.

Цитирование. Радбиль Т. Б., Маркина М. В. Вероятностно-статистическая методика установления гендерной принадлежности текстов на русском языке в судебном автороведении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 43–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.4>

Введение

В статье представлены результаты очередного этапа разработки компьютерной программы диагностики и авторизации текста «КАТ», описанной в наших предыдущих исследованиях применительно к собственно идентификации авторства [Радбиль, Маркина, 2019]. Он связан с решением новой экспериментальной задачи определения гендерной принадлежности авторов спорных текстов на русском языке. Еще на стадиях замысла, создания и первичной апробации программы (см.: [Юматов, Маркина, Ковалева, 2015; Юматов В.А., Маркина, Юматов С.В., 2016]) в нее была заложена возможность диверсифицировать не только проблемы идентификации текста, но и проблемы классификационного и диагностического типа, к каковым относится определение гендерной принадлежности автора.

Использование методик автоматической обработки текста востребовано в судебных автороведческих экспертизах. «В связи с развитием компьютерных технологий, с одной стороны, и с успехом применения математических вероятностно-статистических моделей в исследовании самых разнообразных аспектов бытия человека в мире – с другой, судебное автороведение сегодня получает

новые импульсы» [Радбиль, Маркина, 2019, с. 157]. Это связано прежде всего с возрастанием объема и повышением качественного и структурного многообразия попадающих в сферу внимания правоприменительной практики текстов, которые часто могут распространяться через сеть Интернет без элементов атрибуции, анонимно или псевдонимно.

Актуальным для экспертов-автороведов видится такой аспект проблемы, как выявление имплицитных компонентов спорного текста на разных уровнях их «залегания» [Галышина, Ермолова, 2005; Радбиль, 2014; Радбиль, Юматов, 2014; и др.] посредством количественных методик, например подсчета частоты использования определенных элементов текста, которая может свидетельствовать об особенностях психологического состояния автора, его социальных, образовательных, гендерных характеристиках [Катышев, Осадчий, 2018; Хоменко, 2019; Литвинова, Громова, 2020].

Современные компьютерные методы авторизации и диагностики текста, отражающие инновационное развитие традиционных принципов стилистики, или стилостатистики, во многом восходящие к знаменитой работе Н.А. Морозова «Лингвистические спектры» [Морозов, 1916], отличаются разнообразием [Баранов, 2001; Верзохин, 2013; и др.]. Как от-

мечает С.С. Верзохин, «одни направлены на изучение лексических показателей, другие на изучение синтаксических или грамматических характеристик. Существуют также некоторые другие подходы, авторы которых предлагают комплексный анализ текста на нескольких языковых уровнях» [Верзохин, 2013, с. 24]. Сегодня большинство методов основано на применении разных версий вероятностно-статистического подхода к анализу текста [Головин, 1970; Хмелев, 2000; Кремер, 2007; Романов, Мещеряков, 2009; Хоменко, 2019]. С их помощью ставятся и решаются различные авторизационные задачи в области текстологии, в том числе обладающие культурной значимостью. Результаты применения указанного подхода в текстологии привлекли внимание и представителей лингвокриминалистики.

Пионером в области отечественного криминалистического исследования письменной речи по праву считается С.М. Вул. Именно он заложил основы современного судебного автороведения и разработал его терминологический аппарат (см.: [Вул, 1977]). Предметом судебного автороведения является установление фактических данных о личности автора при исследовании текста документа и иных материалов уголовного дела. Эти данные фиксируются в заключении эксперта и служат доказательством в процессе расследования и судебного разбирательства дел [Галышина, Ермолова, 2005].

Изначально судебное автороведение сосредоточилось исключительно на определении авторства спорного текста [Литвинова, 2012], в том числе анонимного [Argamon et al., 2009], и добилось на этом пути значительных успехов. Однако с развитием компьютерных технологий круг проблем, требующих обсуждения, неуклонно расширяется. Специалисты обратили внимание на то, что в принципе стабильные относительные частоты встречаемости в тексте того или иного языкового элемента могут быть не только индивидуальным признаком автора, но и показателем общих черт людей, пребывающих в определенном психическом или психофизиологическом состоянии, а также маркером уровня образованности, профессии, возраста и гендера. Иными словами, в современном судебном автороведении становятся легитимными проблемы диагностического пла-

на, а также определение гендерной принадлежности автора спорного текста посредством методов автоматической обработки текстов.

Материал и методы

Теоретические основы исследования

Теоретической базой предлагаемого исследования стал сложившийся на современном уровне междисциплинарного лингвистического знания комплекс идей о наличии собственно языковых, коммуникативных и психологических различий между речью мужчин и женщин [Крючкова, 1976; Енгальчев и др., 2001; Литвинова и др., 2014]. Эти различия не эксплицитны, но между тем они пронизывают все уровни языковой системы и отражаются в речевой практике [Горошко, 1999], в разных типах дискурсов и речевых жанрах [Викторова, 2011; Сеченова, 2012].

Кроме того, эмпирически выяснено, что указанные различия имеют не столько качественный, сколько количественный характер, а значит, они в принципе могут быть подвергнуты вероятностно-статистической процедуре [Ионова, Огорелков, 2020]. Любой текст характеризуется определенными статистическими закономерностями, которые измеряемы и вычислимы с достаточной степенью объективности, что позволяет применять математические методы, например, модели А.А. Маркова, для достижения требуемых результатов [Хмелев, 2000]. Сегодня в науке о языке получены достоверные корреляции между параметрами текста и характеристиками личности, в частности гендером. Так, информативными для диагностирования личности по гендеру были признаны такие параметры текста, как «количество знаменательных слов / количество незнаменательных слов», «количество имен существительных / всего слов», «количество незнаменательных слов / число существительных», «отношение местоимений / общее число слов»; «личные местоимения / всего слов» и пр. [Литвинова и др., 2014]. При этом акцент делается на квантитативную интерпретацию не столько лексических, сколько формально-грамматических элементов текста (соотношение слов разных частей речи, разных синтаксических моделей), потому что они в меньшей степени контролируются автором, но при этом являются облигаторными для выражения.

Современное развитие компьютерных технологий позволяет в значительной степени формализовать и автоматизировать полученные результаты при наличии теоретически непротиворечивых и методологически оправданных параметров анализа. Цель работы – интерпретация экспериментального исследования расширенных возможностей компьютерной программы авторизации текста «КАТ» (компьютерная авторизация текста) применительно к новым задачам определения гендерной принадлежности спорного текста, то есть разработка научно-практической платформы диагностического гендерного анализа текста для экспертных авторедческих исследований.

Нами принята методика вероятностно-статистического исчисления и оценки относительных частот соотношения тех или иных языковых элементов, в результате чего подсчитываются коэффициенты корреляции и колебания параметров в разных выборках из текстовых баз данных. Набор исчисляемых параметров основан на коэффициентах Б.Н. Головина [Головин, 1970] и дополнен некоторыми другими принятыми в стилостатистике параметрами.

Материалом исследования являются созданные нами на основе Национального корпуса русского языка непрерывно пополняемые первичные базы художественных текстов XIX и XXI вв. и тексты, достоверно атрибутированные как написанные мужчинами или женщинами (соответственно, 4 базы: XIX век – женщины, XIX век – мужчины; XXI век – женщины, XXI век – мужчины). На данном этапе в каждой базе примерно по 150 текстов.

**Принципы построения
автоматизированной компьютерной
программы гендерной диагностики текста
и выбор алгоритмов**

Исходные данные. Имеется компьютерная программа идентификации авторства текста по определенным параметрам (о начальном этапе ее разработки см.: [Юматов, Маркина, Ковалева, 2015; Юматов В.А., Маркина, Юматов С.В., 2016], о корректировании и апробации применительно к идентификации автора см.: [Радбиль, Маркина, 2019]). В настоящей работе освещаются результаты усовершенствования этой программы для установления ген-

дера предполагаемого автора текста, которое сводится к поиску параметров, отражающих гендерный инвариант. После его установления определение гендерной принадлежности автора текста существенно упрощается.

Выбор группы параметров. В программе идентификации автора ранее была выделена группа параметров:

– отношение знаков препинания к общему количеству слов в тексте – число знаков препинания / число всех слов в тексте (1);

– средняя длина слова – число букв в слове / число всех слов в тексте (2);

– средняя длина предложения – число слов в предложении / число предложений в тексте (3);

– коэффициент предметности (Pr) – отношение суммы существительных и местоимений к сумме прилагательных и глаголов (4);

– коэффициент качества (Qu) – отношение суммы прилагательных и наречий к сумме глаголов и существительных (5);

– коэффициент активности (Ac) – отношение суммы глаголов и глагольных форм к количеству слов в тексте (6);

– коэффициент динамизма (Din) – отношение суммы глаголов и глагольных форм к сумме существительных, прилагательных и местоимений (7);

– коэффициент связности текста (Con) – отношение суммы предлогов и союзов к числу предложений (8).

Всего используется 8 параметров [Радбиль, Маркина, 2019].

Компьютеризованная программа опирается на предварительно заданный набор характеристик, что существенно ограничивает надежность полученных результатов.

В основу предлагаемого алгоритма компьютеризованной модели положен корреляционный анализ – статистический метод, посредством которого изучается связь между явлениями на основе установления связей между случайными величинами.

Согласно концепции Н.Ш. Кремера, для изучения корреляционной связи данные о статистической зависимости целесообразно задавать в виде корреляционной таблицы или в виде двумерной выборки $X (X_1, X_2, \dots, X_n)$, $Y (Y_1, Y_2, \dots, Y_n)$. Для наглядности каждую пару можно представить в виде точки на координатной плоскости.

По оси абсцисс откладываются значения одного вариационного ряда X_i , а по оси ординат – другого Y_i . Такое изображение статистической зависимости называется полем корреляции или корреляционным полем точек. Оно создает общую картину корреляции [Кремер, 2007].

Математической мерой корреляции двух случайных величин служит **коэффициент корреляции** r . Линейный коэффициент корреляции (или коэффициент корреляции Пирсона), разработанный К. Пирсоном, Р. Уэлдоном и Ф. Эджуортом в 90-х гг. XIX в. (см.: [Кремер, 2007]), рассчитывается по формуле

$$r_{XY} = \frac{\text{cov}_{XY}}{\sigma_X \sigma_Y} = \frac{\sum (X - \bar{X})(Y - \bar{Y})}{\sqrt{\sum (X - \bar{X})^2 \sum (Y - \bar{Y})^2}},$$

где $\bar{X} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n X_i$, $\bar{Y} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n Y_i$ – средние значения выборок.

Алгоритм действия данной программы

Пусть имеются несколько баз данных художественных произведений, авторство которых известно (A, B, C), и текст new ($new_1, new_2, \dots, new_m$)^T, авторство которого не известно. Необходимо определить, написан ли текст одним из известных писателей либо новым автором.

Представим базы произведений, авторство которых известно, в виде матриц, где m – количество обработанных текстов, n – количество их параметров:

$$\begin{matrix} a_{11} & a_{21} & \dots & a_{m1} \\ a_{12} & a_{22} & \dots & a_{m2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ a_{1n} & a_{2n} & \dots & a_{mn} \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} b_{11} & b_{21} & \dots & b_{m1} \\ b_{12} & b_{22} & \dots & b_{m2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ b_{1n} & b_{2n} & \dots & b_{mn} \end{matrix}$$

$$\begin{matrix} c_{11} & c_{21} & \dots & c_{m1} \\ c_{12} & c_{22} & \dots & c_{m2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ c_{1n} & c_{2n} & \dots & c_{mn} \end{matrix}$$

Новый текст представим в виде вектор-столбца new ($new_1, new_2, \dots, new_m$)^T.

Для каждой матрицы посчитаем коэффициент корреляции каждого столбца с вектором

new и получим три вектора s ($s_1, s_2, \dots, s_m$); p ($p_1, p_2, \dots, p_m$); r ($r_1, r_2, \dots, r_m$).

Найдем среднее значение элементов каждого вектора. Получим $\tilde{s}, \tilde{p}, \tilde{r}$, из этих значений составим вектор $k(\tilde{s}, \tilde{p}, \tilde{r})$.

Конечным результатом работы алгоритма по определению авторства текста выступают вектор, длина которого равна количеству писателей, и значения, позволяющие установить авторство спорного текста.

Далее предстоит выяснить, подходят ли рассмотренные выше параметры, коэффициенты и методы их исчисления для определения гендера предполагаемого автора текста.

Результаты и обсуждение

Предварительная стадия реализации поставленной цели диагностики гендерной принадлежности автора текста

На предварительной стадии исследования мы, используя данные нашей работы [Радбиль, Маркина, 2019], установили 8 релевантных параметров, которые предполагалось проверить посредством программы:

- отношение всех знаков препинания к числу слов;
- средняя длина слов;
- средняя длина предложения;
- коэффициент предметности;
- коэффициент качества;
- коэффициент активности;
- коэффициент динамизма;
- коэффициент связности.

Затем на основе баз Национального корпуса русского языка методом сплошной выборки были созданы две первичных базы художественных текстов (в одной – написанные мужчинами, в другой – женщинами). Все тексты были обработаны программой «КАТ» по 8 параметрам. Были определены усредненные коэффициенты для всех баз (см. таблицу).

Для каждого нового текста вычисляются 8 параметров и устанавливаются корреляции с усредненными значениями по каждой базе. Затем проверяются уже атрибутированные тексты авторов – мужчин и женщин – для выяснения возможности разграничить их по набору указанных параметров (см. рис. 1, 2).

Значения усредненных коэффициентов для баз текстов

Values of averaged coefficients for text bases

Параметры	Авторы	
	Женщины	Мужчины
Отношение всех знаков препинания к числу слов	0,222	0,254
Средняя длина слов	5,292	4,988
Средняя длина предложения	13,540	11,014
Коэффициент предметности	0,994	1,023
Коэффициент качественности	0,364	0,317
Коэффициент активности	0,157	0,165
Коэффициент динамизма	0,315	0,359
Коэффициент связности	4,535	3,974

Текст 1. Сергей Самаров. «Операция «Антитеррор»»

Название	Корреляция	Отношение всех знаков препинания к числу слов	Средняя длина слова	Средняя длина предложения	Коэффициент предметности	Коэффициент качественности	Коэффициент активности	Коэффициент динамизма	Коэффициент связности
ТЕКСТ	1	0,256	5,513	7,977	1,073	0,416	0,123	0,232	2,795
Мужчины	0,803	0,254	4,985	11,034	1,023	0,317	0,166	0,36	3,983
Женщины	0,794	0,222	5,292	13,541	0,995	0,364	0,158	0,315	4,536

Программа рекомендует данную базу как максимально близкую: **Мужчины**

Рис. 1. Значения коэффициентов для текста, написанного мужчиной

Fig. 1. Values of coefficients for a text written by a man

Текст 2. Галина Чернецкая. «Невеста Дракона»

Название	Корреляция	Отношение всех знаков препинания к числу слов	Средняя длина слова	Средняя длина предложения	Коэффициент предметности	Коэффициент качественности	Коэффициент активности	Коэффициент динамизма	Коэффициент связности
ТЕКСТ	1	0,224	5,371	14,3	0,824	0,428	0,171	0,331	4,45
Женщины	0,933	0,222	5,292	13,541	0,995	0,364	0,158	0,315	4,536
Мужчины	0,864	0,254	4,989	11,014	1,024	0,318	0,166	0,359	3,975

Программа рекомендует данную базу как максимально близкую: **Женщины**

Рис. 2. Значения коэффициентов для текста, написанного женщиной

Fig. 2. Values of coefficients for a text written by a woman

Далее были проведены эксперименты по анализу новых текстов и определению их отношения к усредненному показателю в базе. Это позволило уточнить значения параметров и выявить три наиболее релевантных из них для определения различий между текстами, написанными мужчинами и женщинами: (1) средняя длина слов: у женщин – 5,292, у мужчин – 4,988; (2) средняя длина предложения: у женщин – 13,540, у мужчин – 11,014; (3) коэффициент связности: у женщин – 4,535, у мужчин – 3,974.

Терминальная стадия реализации поставленной цели диагностики гендерной принадлежности автора текста

На основании результатов эмпирического анализа значительного массива текстов было сделано предположение, что указанные коэффициенты не являются абсолютными, но зависят от хронологического периода. В соответствии с ним необходимо было проверить следующее наблюдение: при переходе от текстов XIX в. к текстам XXI в. коэффициенты средней длины предложения приближаются друг к другу (у женщин уменьшаются, а у мужчин увеличиваются), то есть формально-грамматические различия между текстами авторов разной гендерной принадлежности сокращаются. Проверка этого наблюдения осуществлялась на материале 4 баз текстов: XIX век – женщины, XIX век – мужчины; XXI век – женщины, XXI век – мужчины (см. рис. 3–6 соответственно).

Значения коэффициентов для текстов, написанных женщиной, XIX в. (см. рис. 3):

- отношение всех знаков препинания к числу слов: 0,253;
- средняя длина слов: 5,472;
- средняя длина предложения: 13,744;
- коэффициент предметности: 1,602;
- коэффициент качества: 0,286;
- коэффициент активности: 0,138;
- коэффициент динамизма: 0,261;
- коэффициент связности: 4,200.

Значения коэффициентов для текстов, написанных мужчиной, XIX в. (см. рис. 4):

- отношение всех знаков препинания к числу слов: 0,239;
- средняя длина слов: 5,161;
- средняя длина предложения: 15,062;
- коэффициент предметности: 0,954;
- коэффициент качества: 0,377;
- коэффициент активности: 0,156;
- коэффициент динамизма: 0,324;
- коэффициент связности: 5,245.

Значения коэффициентов для текстов, написанных женщиной, XXI в. (см. рис. 5):

- отношение всех знаков препинания к числу слов: 0,243;
- средняя длина слов: 5,209;
- средняя длина предложения: 11,070;
- коэффициент предметности: 1,049;
- коэффициент качества: 0,329;
- коэффициент активности: 0,160;
- коэффициент динамизма: 0,332;
- коэффициент связности: 3,789.

Значения коэффициентов для текстов, написанных мужчиной, XXI в. (см. рис. 6):

- отношение всех знаков препинания к числу слов: 0,231;
- средняя длина слов: 5,380;
- средняя длина предложения: 12,013;
- коэффициент предметности: 1,019;
- коэффициент качества: 0,346;
- коэффициент активности: 0,162;
- коэффициент динамизма: 0,321;
- коэффициент связности: 3,851.

Данные результаты получены на первичных базах текстов, и их следует оценивать как промежуточные. Однако уже и на этом, весьма схематичном, уровне диагностики можно выделить некоторые предположения в области их качественной интерпретации. Так, при переходе от текстов XIX к текстам XXI в. уменьшается средняя длина предложения, что свидетельствует об общей тенденции мужской и женской речи к упрощению синтаксиса в целом, к динамизму, к ускорению коммуникации в условиях временных ограничений на речевой акт. Кроме того, можно говорить о стирании различий между мужской и женской речью в современном мире, что, вероятно, отражает тенденции к стандартизации и унификации всех форм мыслительной, психической и вербальной активности людей в меняющихся условиях коммуникации.

База текстов

Название	Отношение всех знаков препинания к числу слов	Средняя длина слова	Средняя длина предложения	Коэффициент предметности	Коэффициент качественности	Коэффициент активности	Коэффициент динамизма	Коэффициент связности
Дьяконова Елизавет...	0,309	5,394	10,226	0,798	0,486	0,155	0,297	3,323
Жукова Мария Семе...	0,284	5,117	8,926	1,08	0,296	0,163	0,338	3,161
Жукова Мария Семе...	0,286	5,165	10,406	0,822	0,316	0,201	0,447	3,631
Жукова Мария Семе...	0,215	5,316	11,436	0,812	0,431	0,168	0,335	3,769
Кохановская Надеж...	0,287	5,357	13,25	2,15	0,204	0,106	0,174	3,8
Кохановская Надеж...	0,336	5,839	13,111	2,507	0,223	0,076	0,114	3,37
Кохановская Надеж...	0,259	5,231	13,358	0,773	0,351	0,204	0,437	4,403
Кохановская Надеж...	0,338	5,42	9,735	1,671	0,146	0,169	0,327	3,059
Кохановская Надеж...	0,313	5,584	11,484	1,996	0,219	0,104	0,183	3,753

0,253363636363636 0,285681818181818

5,472045454545456 0,137590909090909

13,7435454545455 0,261363636363636

1,60204545454545 4,20018181818182

Добавить текст Удалить текст

Рис. 3. Фрагмент базы текстов: XIX век – женщины

Fig. 3. Base of texts: the 19th century – women

База текстов

Название	Отношение всех знаков препинания к числу слов	Средняя длина слова	Средняя длина предложения	Коэффициент предметности	Коэффициент качественности	Коэффициент активности	Коэффициент динамизма	Коэффициент связности
Александр Пушкин - ...	0,221	5,082	10,637	0,905	0,324	0,176	0,389	3,953
Александр Пушкин - ...	0,243	4,925	9,508	1,039	0,274	0,172	0,38	3,571
Антон Павлович Чех...	0,263	5,096	12,133	0,794	0,335	0,193	0,441	4,478
Антон Павлович Чех...	0,218	4,789	11,878	1,285	0,286	0,131	0,275	4,634
Антон Павлович Чех...	0,217	5,14	16,374	0,878	0,426	0,151	0,305	5,788
Антон Павлович Чех...	0,242	4,729	15,241	0,79	0,261	0,214	0,543	5,983
Антон Павлович Чех...	0,264	5,189	9,257	1,078	0,331	0,153	0,303	3,174
Иван Александрович...	0,216	5,45	17,493	0,857	0,459	0,15	0,288	5,76
Иван Александрович...	0,226	5,179	20,379	1	0,357	0,154	0,311	7,138

0,23876 0,37734

5,16058 0,15632

15,06234 0,32382

0,9541 5,24516

Добавить текст Удалить текст

Рис. 4. Фрагмент базы текстов: XIX век – мужчины

Fig. 4. Base of texts: the 19th century – men

База текстов

Название	Отношение всех знаков препинания к числу слов	Средняя длина слова	Средняя длина предложения	Коэффициент предметности	Коэффициент качественности	Коэффициент активности	Коэффициент динамизма	Коэффициент связности
Ангела Колесников...	0,238	5,219	11,2	1,035	0,371	0,148	0,283	3,702
Анна Джейн - Белые ...	0,229	5,045	15,629	0,923	0,431	0,139	0,28	5,688
Анна Джейн - Мой ид...	0,246	5,092	12,565	1,063	0,393	0,126	0,254	4,741
Анна Джейн - На вол...	0,259	4,98	9,635	0,951	0,296	0,181	0,397	3,502
Анна Джейн - Небес...	0,22	5,227	13,018	0,955	0,378	0,16	0,311	4,248
Анна Джейн - Покл...	0,218	4,954	10,418	1,092	0,321	0,149	0,308	3,814
Гузель Яхина - Зулей...	0,242	5,381	9,016	1,103	0,295	0,178	0,33	2,55
Екатерина Николаев...	0,296	4,935	6,275	1,189	0,254	0,157	0,342	2,406
Елена Звездная - Бу...	0,252	5,25	13,396	1,128	0,279	0,163	0,337	4,708

0,242846153846154 0,329076923076923
5,2085 0,159769230769231
11,0700769230769 0,322461538461538
1,04915384615385 3,7885

Добавить текст   Удалить текст

Рис. 5. Фрагмент базы текстов: XXI век – женщины

Fig. 5. Base of texts: the 21st century – women

База текстов

Название	Отношение всех знаков препинания к числу слов	Средняя длина слова	Средняя длина предложения	Коэффициент предметности	Коэффициент качественности	Коэффициент активности	Коэффициент динамизма	Коэффициент связности
Александр Полярны...	0,264	4,831	10,445	1,043	0,272	0,176	0,38	3,785
Анджей Сапковский ...	0,293	5,374	8,69	1,081	0,309	0,173	0,324	2,54
Андрей Круз - Ветер ...	0,282	4,749	8,624	1,156	0,313	0,141	0,291	3,248
Андрей Круз - Выжив...	0,272	4,892	11,194	1,14	0,297	0,153	0,313	4,038
Андрей Круз - Я еду ...	0,231	5,415	14,426	1,077	0,385	0,139	0,256	4,565
Борис Акунин - План...	0,247	5,937	11,365	0,957	0,451	0,142	0,25	3,292
Вячеслав Прах - Коф...	0,241	4,653	7,909	1,017	0,282	0,17	0,381	3,04
Дмитрий Алексееви...	0,245	5,342	8,967	1,019	0,36	0,152	0,3	3,051
Дмитрий Алексееви...	0,208	5,099	19,31	1,1	0,33	0,147	0,295	6,887

0,2314 0,3455
5,3804 0,16225
12,01315 0,32165
1,0192 3,8511

Добавить текст   Удалить текст

Рис. 6. Фрагмент базы текстов: XXI век – мужчины

Fig. 6. Base of texts: the 21st century – men

Выводы

Проведенное исследование выявило ряд проблем, которые требуют дальнейшей корректировки программы компьютерной диагностики текста по нескольким направлениям. Прежде всего необходимо предусмотреть дифференцирование пороговых значений коэффициентов применительно к текстам разных хронологических периодов с учетом уменьшения различий по параметрам между женской и мужской речью (уменьшить диапазон значимых расхождений для более современного периода).

Применительно к общим принципам работы системы отметим ее преимущества и недостатки. Преимущества заключаются в относительной простоте использования, интуитивной понятности параметров авторизации и логики их исчисления, а также в прозрачности качественной интерпретации результатов. Недостатком программы на данной стадии разработки является приближенность в вычислениях коэффициентов корреляции. Кроме того, нуждается в дополнительной проверке на релевантность состав параметров – какие из параметров действительно необходимы, а какие имеют случайный характер. Остаются пока не решенными задачи установления необходимого и достаточного количества выборок текстов (какое количество минимально допустимое?), объема данных выборок (достаточен ли, например, объем 10 000 единиц?) и пр.

Так, на данном этапе программа правильно определяет гендерную принадлежность автора с точностью примерно 65 %. Для начальной стадии исследования это приемлемый результат, но для возможностей дальнейшего применения «КАТ» в судебно-автороведческих экспертизах этого недостаточно. Необходимы более тонкие и точные расчеты, что напрямую зависит от качественного состава и объема баз данных текстов. Чем больше текстов в базах, тем точнее диагностика. Возможно, следует проверить и другие методы вычисления корреляций, например метод Спирмена.

В качестве перспектив усовершенствования программы предполагается осуществить спецификацию процесса определения

коэффициентов по разным типам дискурса. Тогда с помощью программы «КАТ» можно будет полноценно решать экспертные задачи по диагностике гендерной принадлежности авторов спорных текстов художественного, медийного и политического дискурсов, юридической, официально-деловой и коммерческой документации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., 2001. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС. 347 с.
- Верзохин С. С., 2013. К вопросу о лингвотейоретических основах методик авторизации текста // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. № 2 (49). С. 22–27.
- Викторова Е. Ю., 2011. Влияет ли гендер на использование дискурсивов? : (На материале письменного научного дискурса) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 8–14.
- Вул С. М., 1977. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. М. : ВНИИСЭ. 109 с.
- Галяшина Е. И., Ермолова Е. И., 2005. Перспективы развития автороведческой экспертизы в России // Судебная экспертиза. № 3. С. 5–11.
- Головин Б. Н., 1970. Язык и статистика. М. : Просвещение. 190 с.
- Горошко Е. И., 1999. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в коммуникации : сб. науч. тр. Иваново : Иван. гос. ун-т. С. 28–41.
- Енгальчев В. Ф., Белянин В. П., Константинова Е. С., Ощепкова Е. С., 2001. Психолингвистические особенности «мужского» и «женского» языков // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Калуга : Эйдос. Вып. 2. С. 177–187.
- Ионова С. В., Огорелков И. В., 2020. Речевая диагностика личности по гендерному признаку в автороведении: квантитативный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 1. С. 115–127. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.10>.
- Катышев П. А., Осадчий М. А., 2018. Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 3. С. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.3>.

- Кремер Н. Ш., 2007. Теория вероятностей и математическая статистика. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА. 543 с.
- Крючкова Т. Б., 1976. К вопросу о дифференциации языка по полу говорящего // Восточное языкознание : сб. тр. / отв. ред. В. П. Старинин. М. : Наука. С. 152–158.
- Литвинова Т. А., 2012. Языковые корреляты личностных особенностей автора письменного текста: алгоритм исследования // В мире научных открытий. Серия: Проблемы науки и образования. № 9.3 (33). С. 236–255.
- Литвинова Т. А., Загоровская О. В., Черванева В. А., Литвинова О. А., 2014. Проблема диагностирования пола автора письменного текста: фактор жанра // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. № 1 (33). DOI: 10.12731/2218-7405-2014-1-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-diagnostirovaniya-pola-avtora-pismennogo-teksta-faktor-zhanra/viewer> (дата обращения: 14.08.2020).
- Литвинова Т. А., Громова А. В., 2020. Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 1. С. 77–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.7>.
- Морозов Н. А., 1916. Лингвистические спектры : Средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора. Пг. : Тип. Императ. Акад. наук. 42 с. URL: <http://www.textology.ru/library/book.aspx?bookId=1&textId=3> (дата обращения: 12.05.2020).
- Радбиль Т. Б., 2014. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. С. 146–149.
- Радбиль Т. Б., Маркина М. В., 2019. Вероятностно-статистические модели в производстве автороведческой экспертизы русскоязычных текстов // Политическая лингвистика. № 2 (74). С. 156–166.
- Радбиль Т. Б., Юматов В. А., 2014. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3 (2). С. 18–21.
- Романов А. С., Мещеряков Р. В., 2009. Идентификация автора текста с помощью аппарата опорных векторов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог 2009» (Белгород, 27–31 мая 2009 г.). М. : РГГУ. Вып. 8 (15). С. 432–437.
- Сеченова Е. Г., 2012. Гендерная идентичность в фокусе современного научного дискурса // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. № 1. С. 86–91.
- Хмелев Д. В., 2000. Распознавание автора текста с использованием цепей А.А. Маркова // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 2. С. 115–126.
- Хоменко А. Ю., 2019. Лингвистическое атрибуционное исследование коротких письменных текстов: качественные и количественные методы // Политическая лингвистика. № 2 (74). С. 177–187. DOI: 10.26170/pl19-02-20.
- Юматов В. А., Маркина М. В., Ковалева А. С., 2015. Программа криминалистической диагностики и авторизации текста «КАТ» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Т. 21, № 3. С. 199–202.
- Юматов В. А., Маркина М. В., Юматов С. В., 2016. Математические методы криминалистической диагностики и авторизации текста в речеведческой экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5. С. 227–232.
- Argamon Sh., Koppel M., Pennebaker J. W., Schler J., 2009. Profiling the Author of an Anonymous Text // Communication of the ACM. Vol. 52 (2). P. 119–123.

REFERENCES

- Baranov A.N., 2001. *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ. 347 p.
- Verzokhin S.S., 2013. K voprosu o lingvotoreticheskikh osnovakh metodik avtorizatsii teksta [On Issue of Linguistic and Theoretical Foundations of Authorship Attribution Methods]. *Uchonyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo*, no. 2 (49), pp. 22–27.
- Viktorova Ye.Yu., 2011. Vliyayet li gender na ispolzovaniye diskursivov?: (Na materiale pismennogo nauchnogo diskursa) [Does Gender Influence the Use of Discursive Words? (On the Material of the Written Scientific Discourse)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, iss. 3, pp. 8–14.
- Vul S.M., 1977. *Teoreticheskiye i metodicheskiye voprosy kriminalisticheskogo issledovaniya pis'mennoy rechi* [Theoretical and Methodological Problems of Forensic Research of Written Speech]. Moscow, VNIISE. 109 p.

- Galyashina Ye.I., Yermolova Ye.I., 2005. Perspektivy razvitiya avtorovedcheskoy ekspertizy v Rossii [Prospects for the Development of Authoring Expertise in Russia]. *Sudebnaya ekspertiza* [Forensic Examination], no 3, pp. 5-11.
- Golovin B.N., 1970. *Yazyk i statistika* [Language and Statistics]. Moscow, Prosveshcheniye Publ. 190 p.
- Goroshko Ye.I., 1999. Osobennosti muzhskogo i zhenskogo stilya pis'ma [Features of Masculine and Feminine Writing Styles]. *Gendernyy faktor v kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Gender Factor in Communication. Collection of Scientific Papers]. Ivanovo, Ivanovskiy gosudarstvennyy univertitet, pp. 28-41.
- Yengalychev V.F., Belyanin V.P., Konstantinova Ye.S., Oshchepkova Ye.S., 2001. Psikholingvisticheskiye osobennosti «muzhskogo» i «zhenskogo» yazykov [Psycholinguistic Features of “Male” and “Female” Languages]. *Trudy regional'nogo konkursa nauchnykh proyektov v oblasti gumanitarnykh nauk* [Proceedings of the Regional Competition of Scientific Projects in the Humanities]. Kaluga, Eydos Publ. Iss. 2, pp. 177-187.
- Ionova S.V., Ogorelov I.V., 2020. Rehevaya diagnostika lichnosti po gendernomu priznaku v avtorovedenii: kvantitativnyy podkhod [Personality Speech Diagnostics in Author Identification Based on Gender Parameter: Quantitative Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 1, pp. 115-127. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.10>.
- Katyshev P.A., Osadchiy M.A., 2018. Metod parametriceskogo modelirovaniya v sudebnoy lingvistike [Method of Parametric Modeling in Forensic Linguistics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 3, pp. 24-34. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.3>.
- Kremer N.Sh., 2007. *Teoriya veroyatnostey i matematicheskaya statistika* [Theory of Probability and Mathematical Statistics]. Moscow, YUNITI-DANA Publ. 543 p.
- Kryuchkova T.B., 1976. K voprosu o differentsiatsii yazyka po polu govoryashchego [On the Issue of Language Differentiation by Gender of the Speaker]. Starinin V.P., ed. *Vostochnoye yazykoznanie* [Eastern Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., pp. 152-158.
- Litvinova T.A. 2012. Yazykovyye korrelyaty lichnostnykh osobennostey avtora pismennogo teksta: algoritm issledovaniya [Language Correlates of Personal Characteristics of the Author of a Written Text: Research Algorithm]. *V mire nauchnykh otkrytiy. Seriya: Problemy nauki i obrazovaniya* [In the World of Scientific Discoveries. Series: Problems of Science and Education], no. 9.3 (33), pp. 236-255.
- Litvinova T.A., Zagorovskaya O.V., Chervaneva V.A., Litvinova O.A., 2014. Problema diagnostirovaniya pola avtora pismennogo teksta: faktor zhanra [The Problem of Diagnosing the Gender of the Author of a Written Text: The Genre Factor]. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem: elektron. nauch. zhurn.* [Modern Studies of Social Problems. Internet Scientific Journal], no. 1 (33). DOI: 10.12731/2218-7405-2014-1-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-diagnostirovaniya-pola-avtora-pismennogo-teksta-faktor-zhanra/viewer> (accessed 14 August 2020).
- Litvinova T.A., Gromova A.V., 2020. Kompyuternyye tekhnologii v sudebnoy avtorovedcheskoy ekspertize: problemy i perspektivy ispol'zovaniya [Current Problems of Forensic Authorship Analysis and the Possibility of Their Solution with the Use of Computer Methods: Problems and Prospects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 1, pp. 77-88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.7>.
- Morozov N.A., 1916. *Lingvisticheskiye spektry: Sredstvo dlya otlicheniya plagiatov ot istin. proizvedeniy togo ili drugogo izvestnogo avtora* [Linguistic Spectra: A Tool for Distinguishing Plagiarism from Authentic Works of One or Another Famous Author]. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ. 42 p. URL: <http://www.textology.ru/library/> (accessed 12 May 2020).
- Radbil T.B., 2014. Vyyavleniye soderzhatel'nykh i rechevykh priznakov nedobrosovestnoy informatsii v ekspertnoy deyatel'nosti lingvista [Identification of Content and Speech Signs of Unfair Information in the Expert Activity of a Linguist]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], no. 6, pp. 146-149.
- Radbil T.B., Markina M.V., 2019. Veroyatnostno-statisticheskiye modeli v proizvodstve avtorovedcheskoy ekspertizy russkoyazychnykh tekstov [Probabilistic-Statistical Models in Conducting Authoring Expertise of Russian Texts]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (74), pp. 156-166.
- Radbil T.B., Yumatov V.A., 2014. Sposoby vyyavleniya implitsitnoy informatsii v

- lingvisticheskoy ekspertize [Methods for Identifying Implicit Information in Linguistic Expertise]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], no. 3 (2), pp. 18-21.
- Romanov A.S., Meshcheryakov R.V., 2009. Identifikatsiya avtora teksta s pomoshch'yu apparata opornykh vektorov [Identification of the Author of the Text Using the Support Vector Apparatus]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam yezhegod. Mezhdunar. konf. «Dialog 2009» (Bekasovo, 27–31 maya 2009 g.)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. On the Materials of the Annual Intern. Conf. “Dialogue 2009” (Bekasovo, May 27–31, 2009)]. Moscow, RGGU. Iss. 8 (15), pp. 432-437.
- Sechenova Ye.G., 2012. Gendernaya identichnost v fokuse sovremennogo nauchnogo diskursa [Gender Identity in the Focus of Modern Scientific Discourse]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], no. 1, pp. 86-91.
- Khmelev D.V., 2000. Raspoznavaniye avtora teksta s ispolzovaniyem tsepey A.A. Markova [Recognition of the Author of the Text Using A.A. Markov's Chains]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], no. 2, pp. 115-126.
- Khomenko A.Yu., 2019. Lingvisticheskoye atributsionnoye issledovaniye korotkikh pismennykh tekstov: kachestvennyye i kolichestvennyye metody [Linguistic Attribution of Research Short Written Texts: Qualitative and Quantitative Methods]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (74), pp. 177-187. DOI: 10.26170/pl19-02-20.
- Yumatov V.A., Markina M.V., Kovaleva A.S., 2015. Programma kriminalisticheskoy diagnostiki i avtorizatsii teksta «KAT» [The Program of Forensic Diagnostics and Text Authorization “CTA”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], vol. 21, no. 3, pp. 199-202.
- Yumatov V.A., Markina M.V., Yumatov S.A., 2016. Matematicheskiye metody kriminalisticheskoy diagnostiki i avtorizatsii teksta v rechevedcheskoy ekspertize [Mathematical Methods of Forensic Diagnostics and Text Authorization in Speech Expertise]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], no. 5, pp. 227-232.
- Argamon Sh., Koppel M., Pennebaker J.W., Schler J., 2009. Profiling the Author of an Anonymous Text. *Communication of the ACM*, vol. 52 (2), pp. 119-123.

Information About the Authors

Timur B. Radbil, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, timur@radbil.ru, ResearcherID: AAO-6983-2020, ScopusID: 57210390493, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Marina V. Markina, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associated Professor, Department of Theoretical, Computer and Experimental Mechanics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, markinamv6213@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1042-8006>

Информация об авторах

Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, timur@radbil.ru, ResearcherID: AAO-6983-2020, ScopusID: 57210390493, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Марина Викторовна Маркина, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической, компьютерной и экспериментальной механики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, markinamv6213@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1042-8006>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.5>

UDC 81'0
LBC 81.02

Submitted: 09.08.2020
Accepted: 11.05.2021

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF CONTACT IDIOMS IN THE FRAME OF PHILOSOPHY OF GLOBAL EVOLUTIONISM

Petr G. Makuhin

Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Stepan S. Kalinin

International Slavic Institute, Moscow, Russia

Abstract. Based on observations of the emergence of pidgins, their further extension and transformation into creole languages (all these forms of language are denoted by the term “contact idioms” in this article), the hypothesis is put forward in this part of the exploration that the origin and development of the human language seem to be similar in many dimensions to the emergence and development of contact idioms. In support of that hypothesis, both the general conceptions of some contemporary evolutionary linguists (in particular, D. Bickerton, W.T. Fitch, T. Nikolaeva, B. Bichakjian) are described and evolutionary strategies for some particular languages and language families are surveyed. The similarity of evolutionary vectors of pidgins and creole languages and several of the other language families is assumed. Based on the considered linguistic material, it is postulated that the law “ontogeny manifests a repetition of several phylogenetic stages” or the recapitulationist theory – with all its ambiguousness from the standpoint of present-day biology – seems to be true for linguistic evolution. Attention is focused on the importance of using a comprehensive communicative-discursive approach to the study of glottogenesis, as described in the works of domestic and international linguists who specialize in evolutionary linguistics and general linguistics and whose names are mentioned above. The relevance of the material of contact idioms and languages of other groups and families listed in this paper for such purposes is emphasized.

Key words: language origin, evolution of language, contact idiom, emergence of contact idioms, global evolutionism, pragmatic code, language neoteny, naturalistic paradigm in linguistics.

Citation. Makuhin P.G., Kalinin S.S. Emergence and Development of Contact Idioms in the Frame of Philosophy of Global Evolutionism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 56-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.5>

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНТАКТНЫХ ИДИОМОВ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Петр Геннадьевич Макухин

Омский государственный технический университет, г. Омск, Россия

Степан Сергеевич Калинин

Международный славянский институт, г. Москва, Россия

Аннотация. Исходя из наблюдений за возникновением пиджинов, их дальнейшим расширением и трансформацией в креольские языки, обозначаемые в данной работе общим термином «контактный идиом», постулируется гипотеза, что происхождение и эволюция человеческого языка по многим параметрам были схожи с развитием идиомов такого типа. В подтверждение этой гипотезы приводятся результаты анализа онтогенетических и филогенетических векторов развития ряда других языков и языковых семей, наряду с теоретическим осмыслением процесса глоттогенеза, изложенным в исследованиях Д. Бикертонна, У.Т. Фитча, Т.М. Николаевой, Б. Бичакжана и др. Показаны эволюционные параллели между этими семьями и контактными идиомами. С опорой на рассмотренный языковой материал утверждается, что закон «онтогенез есть краткое повторение филогенеза» – при всей его дискуссионности с позиций современной биологии – релевантен для языковой эволюции. Теоретической основой исследования являются идеи, представленные в рамках комплексного коммуникативно-дискурсивного направления в анализе глоттогенеза, которое излагается в трудах отечественных и зарубежных ученых – специалистов по эволюционной лингвистике и общему языкознанию. Делается вывод, что материал контактных идиомов и языков других групп и семей, примеры из которых представлены в данной статье, значим для изучения проблемы происхождения естественного человеческого языка.

Ключевые слова: происхождение языка, эволюция языка, контактный идиом, формирование контактных идиомов, универсальный эволюционизм, прагматический код, языковая неотения, натуралистическое направление в языкознании.

Цитирование. Макухин П. Г., Калинин С. С. Возникновение и развитие контактных идиомов в контексте философии глобального эволюционизма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 56–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.5>

Введение

Методы сравнительно-исторического языкознания дают возможность реконструкции праязыка (вопрос о статусе этой реконструкции заслуживает отдельного рассмотрения) какой-либо языковой семьи и, с некоторыми допущениями, более крупных таксонов и объединений (в частности, макросемей). Однако при помощи компаративных методов невозможно установить, как возник человеческий язык и тем более выполнить лингвистическую реконструкцию гипотетического «праязыка человечества». Для того, чтобы найти ответы на вопросы, связанные с происхождением и развитием языка, необходимо использовать методы и данные нескольких дисциплин. Представляется, что лингвистическая типоло-

гия и контактология могут внести существенный вклад в этот поиск.

Цель статьи – выявление закономерностей языковой эволюции на материале формирования и развития контактных идиомов различного типа (в сопоставлении с векторами развития ряда языковых семей, а именно: индоевропейской, сино-тибетской, австроазиатской и абхазско-адыгской).

Сначала следует определить термин «контактный идиом». Под «идиомом» понимается любая форма существования языка, любое языковое образование [Виноградов, 1990]. Следовательно, контактный идиом – территориально-социальная разновидность языка, возникшая в условиях языкового контакта. Такие идиомы начали формироваться в период колониальной экспансии европейцев

в иные части света [Дьячков, 1987, с. 10–11] в результате языковых контактов между европейцами и носителями аборигенных языков Африки, Океании, Северной и Южной Америки и т. д. Этим объясняется специфика зарождения и дальнейшего развития таких идиомов: они складываются в условиях коренной перестройки системы каждого из контактирующих языков.

Результаты и обсуждение

Язык как негенетически наследуемая система и эволюционная теория языка

В то время как коммуникативные системы живых организмов признаются генетически наследуемыми (Ю.С. Степанов под «языком животных» подразумевал их инстинктивное поведение, основанное на знаковости низшего порядка, которую он характеризовал как «язык слабой степени» [Степанов, 2017, с. 32]), вопрос о генетической наследуемости человеческого языка не имеет столь однозначного ответа и является дискуссионным.

Многочисленные попытки обнаружить «языковые» или «грамматические» гены не увенчались успехом, хотя С. Пинкер предполагает, что грамматические гены вполне могут существовать [Пинкер, 2009, с. 283–284, 305–306], а Г. Дойчер в утвердительной модальности пишет о том, что языковая деятельность человека генетически обусловлена [Дойчер, 2016, с. 30–31]. Заметим, что С. Пинкер переосмыслил универалистскую генеративную грамматику Н. Хомского в духе дарвинизма, постулировав, что – в лаконичной интерпретации Н. Барден и Т.К. Уильямс – «развитие языка – это постепенный, инстинктивный процесс, глубоко укоренившийся в сознании на протяжении многих лет естественного отбора» [Барден, Уильямс, 2012, с. 21]. Важно принять во внимание следующее уточнение: С. Пинкер «считает возможным говорить о “языковом инстинкте” лишь на метауровне, точно так же, как К.Г. Юнг применяет теорию архетипов к коллективно бессознательному» [Барден, Уильямс, 2012, с. 27]. Иначе говоря, универсальность языка свидетельствует о том, что он не является «порождением культуры», а представля-

ет собой «результат особого инстинкта, присущего человеку как родовому существу» [Барден, Уильямс, 2012, с. 20]. Плавность эволюции биологических видов и языков человека С. Пинкер обосновывает ссылкой на мысли Ч. Дарвина [Пинкер, 2009, с. 230]. Тем не менее в современных публикациях в области философии биологии распространена следующая идея: «Перед эволюционистами сегодня стоит задача “концептуализовать” катастрофу, взрывной характер инновации (в том числе и в процессе видообразования)» [Грякалов, 2015, с. 23]. В данном утверждении акцент делается на «скачках» и «разрывах» эволюционных линий, в противоположность идее о постепенном развитии языков и биологических видов. Следовательно, при изучении глоттогенеза необходимо учитывать двойственную природу этого процесса.

Конструктивным в концепции С. Пинкера является признание «языковой» уникальности Homo sapiens среди других живых существ, ее физиологической основой служит «такое строение рта, при котором голосовые связки после младенчества расходятся, и в задней части горла образуется резонатор» [Барден, Уильямс, 2012, с. 21]. В результате «язык, в отличие от звука, контролируется корой головного мозга» [Барден, Уильямс, 2012, с. 21], в то время как даже у приматов звукоизвлечение контролируется подкоркой.

В связи с изложенным следует отметить и дальнейшее развитие универалистских теорий, основанных на генеративизме. Среди них можно выделить эволюционно-синтетическую теорию языка А.Д. Кошелева (подробно см.: [Кошелев, 2017]), в рамках которой предпринята попытка соотнести ступени языковой эволюции с этапами развития культуры и общества [Кошелев, 2017, с. 456–482]. Это важно для дальнейшего изложения, так как структура социума и его культурные особенности оказывают влияние на развитие тех языков или того языка, которым в этом социуме пользуются. В частности, воздействие социокультурных факторов находит отражение на уровне лексики и прагматики, на семантическом уровне и даже на уровне грамматики.

В эволюционно-синтетической теории А.Д. Кошелева значима идея о том, что в основе всех языков лежит универсальная струк-

тура, называемая перцептивной моделью мира [Кошелев, 2017, с. 16, 106–107]. Она имеет разнообразные репрезентации в виде множества сенсорных языков, каждый из которых представляет собой отдельный способ кодирования универсальной перцептивной модели мира [Кошелев, 2017, с. 107]. Такие проявления могут быть как на уровне языковой формы, так и на уровне языковых значений. Утверждение о специфичности функционального представления универсальной структуры указывает фактически на разнообразие способов выражения тех или иных языковых значений / смыслов, в то время как общие элементы когнитивной структуры представлены во всех языках, поскольку в целом восприятие мира человеком, его концептуализация и категоризация одинаковы для представителей всех народов. Это происходит потому, что у представителей разных этносов и народностей не обнаруживаются существенных различий в функционировании центральной нервной системы и головного мозга.

Векторы эволюции контактных идиомов.

Прагматический код

В соответствии с идеями системной типологии Г.П. Мельникова [Мельников, 2014, с. 29–31], контактные идиомы можно представить как находящиеся на аналитической и синтетической стадиях развития. При этом значительная часть контактных идиомов окажется находящейся на стадии аналитизма, что может объясняться различными факторами, в частности – наследованием основных параметров европейских языков-лексификаторов, для которых также характерен аналитизм.

В связи с этими рассуждениями представляется уместным сослаться на описанную И.А. Крыловой синергетическую модель развития пиджинов и креольских языков [Крылова, 2008, с. 133–134]. Если исходить из данной модели, то начальной стадией формирования контактного идиома является возникновение прагматического кода («препиджина», согласно И.А. Крыловой).

Он представляет собой «обломки» грамматической и лексической систем языков, ставших исходными для вновь формирующегося языка [Перехвальская, 2014, с. 8–9].

В силу крайней редукции и упрощения всех языковых параметров в результате перестройки исходных языковых систем прагматический код приобретает характерные черты. Среди них выделяются: недифференцированность частей речи, изолирующий строй, отсутствие синтетического словоизменения [Перехвальская, 2014, с. 8–9]. По этим признакам прагматический код сближается с детской речью [Перехвальская, 2014, с. 9], с тем периодом ее развития, когда ребенок только начинает осваивать средства родного языка.

Контактные идиомы аналитического типа, в основе формирования которых лежал прагматический код, разнообразны. Так, торговый язык тихоокеанского побережья США и Канады, известный под названием «чинукский жаргон», наследовал основные грамматические паттерны из европейских языков – английского и, по-видимому, французского [Holton, 2004, р. 29–31]. Чинукский жаргон утратил сложную морфологию и синтаксис индейских языков тихоокеанского побережья Северной Америки, при этом сохранив в своем вокабуляре и базовую, и культурную лексику, этимологически восходящую к соответствующим лексическим единицам данных языков (см. словарные данные в: [Holton, 2004, pp. 89–110]).

Креольские языки бислама и ток-писин, используемые на Вануату и в Папуа – Новой Гвинее (Океания), происходят от «плантационного пиджина» бичламар, сформировавшегося на основе английского языка [Беликов, 1998, с. 61]. Ряд англоязычных по происхождению лексем подвергся в этих языках грамматикализации, трансформировавшись в видоизмененные частицы. Лексика этих языков четко специализирована: культурная восходит к аборигенным океанийским языкам, базовая – к английскому и частично французскому [Беликов, 1998, с. 113–115].

Сибирский и дальневосточный русско-китайский пиджин практически не сохраняет в своей структуре следов русской флективной морфологии и заново выстраивает собственную морфологическую систему в соответствии с изолирующим строем китайского языка. Начальная, так называемая редуцированная форма сибирского пиджина характеризуется отсутствием эксплицитного выраже-

ния грамматических категорий, наличием «мягкой» грамматики со статистическими правилами: это значит, что любое грамматическое правило в нем может нарушаться [Перехвальская, 2014, с. 94]. По своим структурно-типологическим свойствам редуцированная форма пиджина близка к языку изолирующего строя. В процессе дальнейшей эволюции сибирский / дальневосточный пиджин развил в себе черты аналитической морфологии [Перехвальская, 2008, с. 155], отдаленно напоминающей морфологию современного английского языка. В частности, расширенная форма сибирского пиджина использует вспомогательные глаголы [Перехвальская, 2008, с. 156–163], наследуемые из русского языка в «застывшей» форме какого-либо времени или вида. Подобный вектор развития представлен в еще одном контактном идиоме с русскоязычной основой – говорке или таймырском пиджине. В говорке также утрачены многие черты русской морфологии и синтаксиса, при этом большая часть наследуемой лексики русского языка в нем сохранилась, но основные синтаксические модели говорки – уральского и алтайского происхождения [Оглезнева, 2007, с. 13].

Какие-то черты языков-субстратов или лексификаторов в контактных идиомах более ярко выражены, какие-то – менее, одни их элементы более устойчивы, другие – менее. Одни элементы сохраняются в процессе развития контактного идиома, другие достаточно быстро стираются и исчезают. Изначальные, наиболее устойчивые черты идиома продолжают сохраняться и в процессе его дальнейшего развития и трансформации. Такие параметры остаются в нем, даже несмотря на последующие контакты с другими языками или формами других языков, либо декреолизацию, либо его сближение с базилектной формой или же наоборот развитие до мезо- или акролектной формы.

Исходной стадии прагматического кода, на первый взгляд, не прослеживается в контактных идиомах, которые сохраняют высокую степень синтетизма. К таковым можно отнести медновский язык, мичиф и медиаленгва. В таких идиомах сохраняется синтетизм исходных языков или одного из исходных языков, причем, как правило, наследуются наи-

более сложные черты языков-субстратов и языков-лексификаторов, на основе которых они сформировались. Так, мичиф унаследовал свою сложную глагольную систему из языка кри, а систему имени – из французского [Беликов, 2009, с. 62–63]. Аналогичная ситуация наблюдается и в медновском языке, основные морфологические показатели глаголов в котором унаследованы из русского языка, а основные грамматические категории имени – из алеутского [Головкин, 1997, с. 120–123]. Эта особенность контактных идиомов, сохраняющих синтетизм, пока не получила удовлетворительного объяснения. Однако представляется, что сама возможность формирования контактного идиома на основе разнотипных и типологических отличных друг от друга языков возможна за счет наличия в языке универсальной сенсорно-перцептивной структуры, о которой говорилось в предыдущем параграфе.

Промежуточную позицию занимают особые контактные идиомы типа языка эйну, обладающего смешанной грамматикой и смешанным лексиконом, сохраняющими черты как индоевропейских иранских, так и тюркских (уйгурского) языков. Эйну, согласно анализу В.И. Беликова, уже отошел от исходной иранской грамматики [Беликов, 2009, с. 61, 64], но по ряду причин ее нельзя назвать «полностью тюркской». Таким образом, эйну демонстрирует промежуточную стадию развития контактного идиома, которому свойственна существенная интерференция элементов исходных языковых структур.

Особые варианты языковой эволюции репрезентируют некоторые контактные идиомы, сформировавшиеся в результате взаимодействия английского языка с языками аборигенов Австралии. Среди таких идиомов можно выделить современный тиви, вальбири рампаку и дьирбал «молодых людей», характеризующиеся умеренно аналитической структурой, что и отличает их от исходных субстратных языков аборигенов. Стадия прагматического кода в развитии этих идиомов обусловлена тем, что первыми носителями и фактически создателями таких идиомов стали представители самого младшего поколения австралийского автотонного населения.

Типологические параллели в развитии некоторых языковых групп и семей (индоевропейские, абхазско-адыгские, сино-тибетские, австроазиатские языки)

С опорой на приведенные рассуждения можно представить типологические параллели в развитии контактных идиомов с направлениями развития других языков, используя, например, результаты исследования Н.Д. Андреева, в котором рассматривается, в том числе, и типология раннеиндоевропейского праязыка (далее – РИЯ) [Андреев, 1986]. РИЯ в целом был очень схож с контактными идиомами на исходной стадии развития, близкой к прагматическому коду. Это был изолирующий язык, в нем отсутствовало деление на части речи, по крайней мере формальное, отсутствовало синтетическое словообразование, продуктивным способом словообразования являлось словосложение [Андреев, 1986, с. 4]. Семантика того или иного слова РИЯ определялась не его частеречной принадлежностью, а функцией, выполняемой им в предложении (ср., в частности, с примером корня диффузной глагольно-именной семантики, приведенным в: [Андреев, 1986, с. 40]). Позднее, при переходе от РИЯ к средне- и позднеиндоевропейскому праязыку, произошла «синтезация» РИЯ, в котором стало появляться флективное словоизменение [Андреев, 1986, с. 282, 287–288]. Вероятно, это связано с включением соответствующих предлогов, личных и притяжательных местоимений в структуру тех или иных глагольных словоформ.

Другой типологической параллелью может являться развитие северо-западнокавказских (абхазско-адыгских) языков, особенности которого исследованы В. Чирикба [Chirikba, 2016]. Современные абхазско-адыгские языки характеризуются высокой степенью развития полисинтетизма и очень сложными, высокоспециализированными глагольными словокомплексами. Фактически абхазский или адыгейский глагол представляет собой «предложение в миниатюре», в котором кодируются все участники ситуации, сирконстанты, разнообразные аспектуальные, темпоральные и прочие значения. Между тем такими абхазско-адыгские языки были дале-

ко не всегда. Ранняя форма прото-абхазско-адыгского языка, как пишет В. Чирикба, характеризовалась высокой степенью аналитизма, в ней фактически отсутствовало развитое синтетическое словоизменение [Chirikba, 2016, р. 13–14, 21–22]. Абхазско-адыгский полисинтетизм – приобретение относительно недавнего по историческим меркам времени, которое появилось в них также, по всей видимости, за счет включения местоименных и прочих форм в структуру глагольного предиката [Chirikba, 2016, р. 14, 22]. Вместе с тем В. Чирикба показывает, что ближе к общесеверокавказскому языку по системно-структурным свойствам стоят даже не абхазско-адыгские, а нахско-дагестанские (северо-восточнокавказские) языки, характеризующиеся в целом агглютинативной умеренно синтетической морфологией с элементами аналитизма, в отличие от своих полисинтетических «западных» соседей [Chirikba, 2016, р. 2].

Схожие модели развития можно обнаружить и в других языковых семьях. Так, в работах Р.Дж. ЛаПоллы характеризуются типологические черты прото-сино-тибетского языка [LaPolla, 2006; 2017] и отмечено отсутствие в нем реляционной морфологии при умеренном развитии деривационной в виде префиксов, суффиксов и различного рода чередований [LaPolla, 2017, р. 40]. Прото-сино-тибетский язык был моносиллабическим, но дальнейшее развитие сино-тибетских языков стало протекать по двум эволюционным направлениям [LaPolla, 2006, р. 395]. Первое направление было ориентировано на упрощение силлабических структур, что представлено, например, в современных синитических языках; второе – характеризовалось тенденцией к усложнению морфологической структуры слова, появлению реляционной морфологии, которая, как упоминает Р.Дж. ЛаПолла, привела к грамматикализации личных показателей глаголов и показателей имени, выражающих семантическую роль [LaPolla, 2006, р. 395]. В некоторых сино-тибетских языках, например в языках гьялронг-цянской ветви, начал развиваться полисинтетизм. Аналогичный вектор эволюции демонстрируют и австроазиатские языки. Как отмечает П. Сидуэллом [Sidwell, 2008, р. 252], протоавстроазиатский язык с типологической точки зрения представлял собой

также моносиллабический или сесквисиллабический язык, характеризующийся умеренной аффиксацией, выполнявшей в основном деривационные функции. Умеренное использование моносиллабических префиксов и инфиксов сохранилось в ряде его языков-потомков, в особенности в аслийских и в никобарских языках, сохраняющих архаичную австроазиатскую морфологию [Sidwell, 2008, p. 252–253]. Напротив, аналогично сино-тибетским языкам некоторые австроазиатские языки (например, вьетнамский) в процессе утраты «старой» протоавстроазиатской системы аффиксации [Sidwell, 2008, p. 252] трансформировались в языки изолирующего строя. В других австроазиатских языках (языки мунда) также развились полисинтетизм и инкорпорация. При этом внутри и сино-тибетской, и австроазиатской семей четко выделяются два типа языков: языки, в которых морфология упростилась вплоть до развития изоляции, и языки, в которых произошло ее усложнение и развились полисинтетизм.

Закономерности глоттогенетического процесса

Описанные выше эволюционные параллели в разных языковых семьях и группах не являются случайным совпадением. Общая для них исходная стадия развития, характеризующаяся аналитизмом, репрезентирует один из наиболее ранних этапов глоттогенеза в целом.

Это подтверждается результатами исследований Т.М. Николаевой (см., например: [Николаева, 1984; 1996]). В частности, в контексте обсуждения коммуникативно-дискурсивного подхода к исследованию эволюции языка она пишет, что «принципы, согласно которым осуществляется развитие языковых систем, универсальны и естественны» [Николаева, 1984, с. 111]. В качестве одной из ключевых идей рассматриваемого подхода Т.М. Николаева выделяет идею «единонаправленности процесса языкового развития, общего для языков родственных и неродственных» [Николаева, 1984, с. 111]. Кроме того, с нашими наблюдениями о развитии контактных идиомов согласуется утверждение Д. Бикертонна о лингвистических «живых ископаемых»,

к которым относятся и пиджины, и креольские языки, более точно, в соответствии с интерпретацией идей данного автора У.Т. Фитчем, – стадия перехода от пиджина к креольскому языку [Фитч, 2013, с. 434].

Языковые данные контактных идиомов различных типов, векторы их формирования и эволюции приводятся в настоящей работе в связи с их релевантностью для общих теорий глоттогенеза. К ним можно отнести теорию глоттогенеза, выдвинутую Д. Бикертонном, которая наиболее полно представлена в его монографиях [Bickerton, 1990; 2016]; см. также анализ глоттогенетической концепции Д. Бикертонна в монографии [Фитч, 2013, с. 431–441] и ее критику в работе [Перехвальская, 2008, с. 60–61].

Согласно данной концепции человеческий язык возник из протоязыкового континуума, который по своим лингвистическим параметрам был схож с пиджинами [Bickerton, 1990, p. 122–126; 2007, p. 515]. Формирование человеческого языка из протоязыка имело в целом «взрывной» характер: Д. Бикертонном оспаривается постепенное и поэтапное формирование синтаксиса, которое, согласно его теории, произошло единожды и мгновенно [Bickerton, 2007, p. 521–522]. Формирование человеческого языка было подобно тому, что в биологии обычно называется ароморфозом. Соответственно, в результате такого ароморфоза язык приобрел основные свойства, которые сейчас характерны для всех естественных языков человечества (по крайней мере, всех известных и описанных лингвистической наукой), в частности рекурсию и метаязыковую функцию. Такие свойства человеческого языка не зафиксированы ни в одной коммуникативной системе других живых организмов, в то время как иные (референция, синтактика) имеются и в этих коммуникативных системах. Лингвистам пока не удалось обнаружить естественный человеческий язык, в котором отсутствовала бы рекурсия. Имеющиеся материалы, например по языку пираха, в котором частью исследователей постулируется ее отсутствие (см., например, работу Д. Эверетта и его критический анализ другими лингвистами в: [Everett, 2005, p. 634, 635]), допускают противоположные интерпретации.

«Грамматичность» начинает развиваться в человеческом языке уже после его окончательного оформления и выделения из языкового континуума. На развитие грамматики оказывает влияние множество различных факторов, в том числе развитие человеческого общества и культуры. Следовательно, (ко)эволюции языка, общества и культуры происходили параллельно.

Теория языковой неотении и лингвистические «живые ископаемые»

По словам У.Т. Фитча, пиджины и креольские языки отражают минувшие стадии развития языка [Фитч, 2013, с. 434]. Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод об их значимости как лингвистических «живых ископаемых» для общей теории глоттогенеза. Здесь можно привести следующую биологическую параллель. В классической эмбриологии и эволюционной теории известен закон, гласящий, что онтогенез есть краткое повторение филогенеза. При всей дискуссионности этого постулата с позиции современной биологической науки (см. также осмысление этого постулата в работе Д. Бикертон в связи с обсуждением ряда глоттогенетических проблем [Bickerton, 2016, р. 225–226]) он представляется релевантным для целей изучения языковой эволюции. Исходя из анализа приведенных примеров и вышеизложенных общетеоретических соображений, мы можем постулировать гипотезу о верности повторения филогенеза в процессе онтогенеза и для эволюции языка. Филогенез здесь понимается как возникновение и развитие в целом языка у человека разумного, а онтогенез – как происхождение и развитие языковых объединений и отдельных языков. Это наблюдение согласуется с материалами других исследований. Так, Т.М. Николаевой в контексте обсуждения эволюционных теорий языка указываются критерии, по которым различаются язык и протоязык [Николаева, 1996, с. 81]. При этом автор замечает, что «прото-структуры характеризуют язык обезьян, речь маленьких детей и пиджин-языки» [Николаева, 1996, с. 81–82]. Таким образом, языковой онтогенез – формирование и эволюция пиджинов, креольских языков и т. п., усвоение язы-

ка ребенком – действительно повторяет филогенез. В связи с этим уместно вспомнить о теории так называемой языковой неотении / языкового педоморфоза, основы которой были изложены в работах Б. Бичакжана [Bichakjian, 1988a; 1988b] (см. также анализ этой теории в: [Николаева, 1996, с. 82–83]). Несмотря на спорность данной теории, с ее помощью можно объяснить, почему для большей части контактных идиомов характерен аналитизм: для пиджина или креольского языка как языка, образовавшегося в условиях экстремального языкового контакта, свойствен возврат к первоначальным стадиям языкового развития с исчезновением всех тех сложных и иррегулярных структур, которые имелись в изначальных языках, и максимальной унификацией оставшихся. Однако эта теория не объясняет существования контактных идиомов, в которых сохраняются значительные элементы флективности и которые наследуют максимально сложные паттерны исходных языков. Другие возможные теории, связанные с данной проблематикой, обсуждались выше.

Заключение

Таким образом, параллелизм между возникновением и развитием контактных идиомов и эволюцией других языковых групп неслучаен. Если рассматривать его в контексте общности процесса, то он отображает последовательное развитие человеческого языка как такового. Отсюда следует, что закон о языковом онтогенезе как кратком повторении филогенеза языка в целом релевантен, по крайней мере, для контактных идиомов, вероятно, он действителен и для других языковых групп и семей. Кроме того, на материале контактных идиомов подтверждается явление языковой неотении / педоморфоза, поскольку вновь сформировавшийся идиом сохраняет черты исходного прагматического кода и, соответственно, черты наиболее ранних этапов глоттогенеза. Отдельные признаки языковой неотении могут быть свойственны не только контактным идиомам, но, возможно, и ряду других языковых семей и групп: ср. с проанализированными выше вектором развития австралийских языков и формированием контактных идиомов на основе языков австралий-

ских аборигенов. Вероятно, обоснованность этой и других рассмотренных выше гипотез может быть подтверждена более детальным исследованием истории происхождения и развития иных языковых объединений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Н. Д., 1986. Раннеиндоевропейский праязык. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние. 328 с.
- Барден Н., Уильямс Т. К., 2012. Слова и символы. Язык и коммуникация в терапии / пер. с англ. О. В. Свинченко. Харьков : Гуманит. Центр. 180 с.
- Беликов В. И., 1998. Пиджины и креольские языки Океании. Социолингвистический очерк. М. : Вост. лит. 198 с.
- Беликов В. И., 2009. Языковые контакты и генеалогическая классификация // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание. Вопросы языкового родства». № 1. С. 49–68.
- Виноградов В. А., 1990. Идиом // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 171.
- Головко Е. В., 1997. Язык медновских алеутов // Языки мира. Палеоазиатские языки. М. : Индрик. С. 117–125.
- Грякалов Н. А., 2015. Жребии человеческого. Очерк тотальной антропологии. СПб. : Дмитрий Буланин. 438 с.
- Даль Э., 2009. Возникновение и сохранение языковой сложности / пер. с англ. Д. В. Сичинавы. М. : URSS. 560 с.
- Дойчер Г., 2016. Сквозь зеркало языка: почему мир на других языках выглядит иначе / пер. с англ. Н. Ю. Жуковой. М. : АСТ. 382 с.
- Дьячков М. В., 1987. Креольские языки. М. : Наука. 108 с.
- Кошелев А. Д., 2017. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М. : Яз. слав. культуры. 528 с.
- Крылова И. А., 2008. Синергетический подход к изучению пиджинов и креолей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 30 (67). С. 131–136.
- Мельников Г. П., 2014. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной : курс лекций. М. : Ленанд. 96 с.
- Николаева Т. М., 1984. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // Вопросы языкознания. № 3. С. 111–119.
- Николаева Т. М., 1996. Теория происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. № 2. С. 79–89.
- Оглезнева Е. А., 2007. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск : АмГУ. 264 с.
- Перехвальская Е. В., 2008. Русские пиджины. СПб. : Алетейя. 363 с.
- Перехвальская Е. В., 2014. Исследования по русским пиджинам : сб. ст. М. ; Берлин : DirectMEDIA. 224 с.
- Пинкер С., 2009. Язык как инстинкт / пер. с англ. Е. В. Кайдаловой ; под общ. ред. В. Д. Мазо. 2-е изд., испр. М. : URSS : Либроком. 456 с.
- Степанов Ю. С., 2017. Семиотика. М. : Ленанд. 168 с.
- Фитч У. Т., 2013. Эволюция языка / пер. с англ. и науч. ред. Е. Н. Панова. М. : Яз. слав. культуры. 824 с.
- Bichakjian B. H., 1988. Evolution in Language. Ann Arbor : Karoma Publishing. 178 p.
- Bichakjian B. H., 1988. Neoteny and Language Evolution // The Genesis of Language. A Different Judgement of Evidence / ed. by M. E. Landsberg. Berlin ; N. Y. ; Amsterdam : Mouton de Gruyter. P. 113–136.
- Bickerton D., 1990. Language and Species. Chicago : University of Chicago Press. 305 p.
- Bickerton D., 2007. Language Evolution: A Brief Guide for Linguists // Lingua. № 117. P. 510–526. DOI: 10.1016/j.lingua.2005.02.006.
- Bickerton D., 2016. Roots of Language. Berlin : Language Science Press. 300 p.
- Chirikba V. A., 2016. From North to North West: How North-West Caucasian Evolved from North Caucasian // Mother Tongue. Iss. XXI. P. 1–27.
- Everett D. L., 2005. Cultural Constraints on Grammar and Cognition in Pirahã. Another Look at the Design Features of Human Language // Current Anthropology. Vol. 46, № 4. P. 621–646. DOI: 10.1086/431525.
- Holton J. R., 2004. Chinook Jargon: The Hidden Language of Pacific Northwest. San Leandro, California : Wawa Press. 137 p.
- LaPolla R. J., 2006. Sino-Tibetan Languages // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. by K. Brown. 2nd Edition. L. : Elsevier. P. 393–397.
- LaPolla R. J., 2017. Overview of Sino-Tibetan Morphosyntax // The Sino-Tibetan Languages / ed. by G. Thurgood, R. J. LaPolla. 2nd Ed. L. ; N. Y. : Routledge. P. 40–69.
- Sidwell P., 2008. Issues in the Morphological Reconstruction of Proto-Mon-Khmer // Morphology and Language History / ed. by C. Bower, B. Evans, L. Miceli. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. P. 251–265.

REFERENCES

- Andreev N.D., 1986. *Ranneindoevropeyskiy prayazyk* [Early Indo-European Protolanguage]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ. 328 p.
- Barden N., Uilyams T.K., 2012. *Slova i simvolyy. Yazyk i kommunikatsiya v terapii* [Words and Symbols. Language and Communication in Therapy]. Harkov, Gumanitarnyy Centr Publ. 180 p.
- Belikov V.I., 1998. *Pidzhiny i kreolskie yazyki Okeanii. Sotsiolingvisticheskiy ocherk* [Pidgins and Creoles of Oceania. A Sociolinguistic Essay]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 198 p.
- Belikov V.I., 2009. Yazykovye kontakty i genealogicheskaya klassifikatsiya [Language Contacts and Genealogical Classification of Languages]. *Vestnik RGGU. Seriya «Filologicheskie nauki. Yazykoznanie. Voprosy yazykovogo rodstva»* [RGGU-Bulletin. Journal of Language Relationship], no. 1, pp. 49-68.
- Vinogradov V.A., 1990. Idiomy [Idioms]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedia Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., p. 171.
- Golovko E.V., 1997. Yazyk mednovskikh aleutov [The Copper Island Aleut Language]. *Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki* [Languages of the World. Paleo-Siberian Languages]. Moscow, Indrik Publ., pp. 117-125.
- Gryakalov N.A., 2015. *Zhrebii chelovecheskogo. Ocherk totalnoy antropologii* [Choices of Mankind. Essays in Total Anthropology]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. 438 p.
- Dal Ye., 2009. *Vozniknovenie i sokhraneniye yazykovoy slozhnosti* [The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity]. Moscow, URSS Publ. 560 p.
- Dojcher G., 2016. *Skvoz zerkalo yazyka: pochemu mir na drugikh yazykakh vyglyadit inache* [Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages]. Moscow, AST Publ. 382 p.
- Dyachkov M.V., 1987. *Kreolskie yazyki* [Creole Languages]. Moscow, Nauka Publ. 108 p.
- Koshelev A.D., 2017. *Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoy teorii yazyka* [Essays in Evolutionary-Synthetic Theory of Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 528 p.
- Krylova I.A., 2008. Sinergeticheskiy podkhod k izucheniyu pidzhinov i kreoley [Synergetic Approach to Studying Pidgin and Creole]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 30 (67), pp. 131-136.
- Melnikov G.P., 2014. *Sistemnaya tipologiya yazykov: sintez morfologicheskoy klassifikatsii yazykov so stadialnoy: kurs lektsiy* [Lectures on System Typology of Languages. Synthesis of Morphologic Classification with Stadiality]. Moscow, Lenand Publ. 96 p.
- Nikolaeva T.M., 1984. Kommunikativno-diskursivnyy podkhod i interpretatsiya yazykovoy evolyutsii [Communication-Oriented and Discourse-Oriented Approach and Interpretation of Language Evolution]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues in linguistics], no. 3, pp. 111-119.
- Nikolaeva T.M., 1996. Teoriya proiskhozhdeniya yazyka i ego evolyutsii – novoe napravleniye v sovremennom yazykoznanii [Theory of Language Origin and Evolution As New Approach in Contemporary Linguistics]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues in Linguistics], no. 2, pp. 79-89.
- Oglezneva E.A., 2007. *Russko-kitayskiy pidzhin: opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniya* [Russian-Chinese Pidgin: An Attempt of Sociolinguistic Description]. Blagoveshchensk, AmGU. 264 p.
- Perekhvalskaya E.V., 2008. *Russkie pidzhiny* [Russian Pidgins]. Saint Petersburg, Aletyya Publ. 363 p.
- Perekhvalskaya E.V., 2014. *Issledovaniya po russkim pidzhinam: sb. st.* [Papers in Examination of Russian Pidgins]. Moscow, Berlin, DirektMEDIA Publ. 224 p.
- Pinker S., 2009. *Yazyk kak instinkt* [The Language Instinct]. Moscow, Librokom Publ. 456 p.
- Stepanov Yu.S., 2017. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Lenand Publ. 168 p.
- Fitch U.T., 2013. *Evolutsiya yazyka* [The Evolution of Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 824 p.
- Bichakjian B.H., 1988. *Evolution in Language*. Ann Arbor, Karoma Publishing. 178 p.
- Bichakjian B.H., 1988. Neoteny and Language Evolution. Landsberg M.E., ed. *The Genesis of Language. A Different Judgement of Evidence*. Berlin, New York, Amsterdam, Mouton de Gruyter, pp. 113-136.
- Bickerton D., 1990. *Language and Species*. Chicago, University of Chicago Press. 305 p.
- Bickerton D., 2007. Language Evolution: A Brief Guide for Linguists. *Lingua*, no. 117, pp. 510-526. DOI: 10.1016/j.lingua.2005.02.006.
- Bickerton D., 2016. *Roots of Language*. Berlin, Language Science Press. 300 p.
- Chirikba V.A., 2016. From North to North West: How North-West Caucasian Evolved from North Caucasian. *Mother Tongue*, iss. 21, pp. 1-27.
- Everett D.L., 2005. Cultural Constraints on Grammar and Cognition in Pirahã. Another Look at the

- Design Features of Human Language. *Current Anthropology*, vol. 46, no. 4, pp. 621-646. DOI: 10.1086/431525.
- Holton J.R., 2004. *Chinook Jargon: The Hidden language of Pacific Northwest*. San Leandro, California, Wawa Press. 137 p.
- LaPolla R.J., 2006. Sino-Tibetan Languages. Brown K., ed. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. London, Elsevier, pp. 393-397.
- LaPolla R.J., 2017. Overview of Sino-Tibetan Morphosyntax. Thurgood G., LaPolla R.J., eds. *The Sino-Tibetan Languages*. London, New York, Routledge, pp. 40-69.
- Sidwell P., 2008. Issues in the Morphological Reconstruction of Proto-Mon-Khmer. Bower C., Evans B., Miceli L., eds. *Morphology and Language History*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 251-265.

Information About the Authors

Petr G. Makuhin, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University, Prosp. Mira, 11, 644050 Omsk, Russia, ifisk_kafedra@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3537-7321>

Stepan S. Kalinin, Candidate of Sciences (Philology), Scientific Supervisor, Scientific and Educational Center of Russian Language and Slavic Cultures, International Slavic Institute, Godovikova St, 9, Bld. 25, 129085 Moscow, Russia, info@slavinst.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9655>

Информация об авторах

Петр Геннадьевич Макухин, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет, просп. Мира, 11, 644050 г. Омск, Россия, ifisk_kafedra@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3537-7321>

Степан Сергеевич Калинин, кандидат филологических наук, научный директор научно-образовательного центра русского языка и славянской культуры, Международный славянский институт, ул. Годовикова, 9, стр. 25, 129085 г. Москва, Россия, info@slavinst.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9655>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6>

UDC 811.11142:001.4
LBC 81.432.1-51

Submitted: 26.04.2021
Accepted: 07.06.2021

TAG QUESTIONS IN ENGLISH SPOKEN DISCOURSE: CORPUS-BASED LINGUISTIC AND PRAGMATIC ANALYSIS

Larisa A. Kochetova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena Yu. Ilyinova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Tatiana A. Klepikova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Based on an integrative methodology that combines quantitative and qualitative methods of linguistic research, the authors consider grammatical forms, syntactic types and pragmatic functions of the tag question in British spoken discourse. The research material included samples of dialogues with tag questions taken from British contemporary fiction and the Spoken BNC2014. Drawing on the theory of linguistic metarepresentation and using corpus analysis tools the authors presented the model under study in structural-syntactic and functional-pragmatic perspectives and obtained reliable data on discourse realization of tag question models, specified their standard and common usage polarity status, distinguished bi- and monopolarity variations. An analysis of the tag question types that are distinguished as the combinations of the predicative and auxiliary parts shows that the most frequent type of tag question is the one formed with an affirmative predicative part and a negative tag. The corpus-based approach allowed obtaining quantitative data on frequencies of tag questions in British spoken discourse, retrieving the repertoire of tag questions with their grammatical representation. It is shown that in the corpus under study the most frequent form of the tag question is the form *isn't it?*. The least frequent forms of tag questions are the ones formed with the *have* verb, as well as the modal verbs *will*, *may*, *can*, which supports the thesis that tag questions are losing ground in British spoken discourse. Discourse-pragmatic analysis of utterance contexts with tag questions highlighted its discourse value in the British tradition of conversation, as they perform the following communicative functions: informational; etiquette; interpersonal-relation-corrective (focus-positive or focus-negative).

Key words: corpus, corpus linguistics, spoken discourse, tag question, pragmatics, intention, communicative function.

Citation. Kochetova L.A., Ilyinova E. Yu., Klepikova T.A. Tag Questions in English Spoken Discourse: Corpus-Based Linguistic and Pragmatic Analysis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 67-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6>

УДК 811.11142:001.4
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 26.04.2021
Дата принятия статьи: 07.06.2021

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО ВОПРОСА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ

Лариса Анатольевна Кочетова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Юрьевна Ильинова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Татьяна Альбертовна Клепикова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Основываясь на интегративной методологии, объединяющей количественные и качественные методы лингвистических исследований, авторы рассматривают грамматические формы, синтаксические типы и прагматические функции разделительного вопросительного высказывания в британской устной речи. Материалом исследования послужили фрагменты британского художественного дискурса, содержащие образцы современной диалогической речи с разделительным вопросом, и корпус устной британской речи BNC2014. Использование теории лингвистического метареферентирования и инструментов корпусного анализа при рассмотрении разделительного вопроса в структурно-синтаксическом и функционально-прагматическом аспектах позволило получить достоверные данные о специфике реализации моделей разделительного вопроса, обосновать нормативно-узуальный статус (Т.А. Клепикова, Л.А. Кочетова), выявить варианты би- и монополярности их синтаксической структуры (Е.Ю. Ильинова). Результаты анализа моделей разделительных вопросов, выделяемых с учетом комбинаций предикативной и вспомогательной части, показали, что доминирует разделительный вопрос с утвердительной предикативной частью и отрицательным тэгом. С опорой на корпусные данные о языковых единицах и структурах Л.А. Кочетова выявила частоту употребления разделительного вопроса в британской устной разговорной речи, установила репертуар грамматических форм его реализации, представила данные о доминировании в позиции тэга формы *isn't it?*, низкой частотности обращения к глаголу *have*, модальным глаголам *will, may, can*, тенденции к снижению роли разделительного вопроса в британском межличностном общении. Дискурсивно-прагматический анализ контекстов с разделительным вопросительным высказыванием позволил Е.Ю. Ильиновой обосновать дискурсивную ценность разделительного вопроса в британской традиции устной разговорной речи, отраженную в следующих коммуникативных функциях: информационная, этикетная, корректирующая межличностные отношения (фокусно-позитивная или фокусно-негативная).

Ключевые слова: корпус, корпусная лингвистика, устный дискурс, разделительный вопрос, прагматика, интенция, коммуникативная функция.

Цитирование. Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю., Клепикова Т. А. Лингвопрагматическое исследование разделительного вопроса в англоязычном межличностном общении: корпусный анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 67–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.6>

Введение

В теории дискурса изучение особенностей речевого поведения ведется как с целью установления универсалий построения дискурса, так и с целью выявления этнокультурной специфики речевых предпочтений представителей разных языковых сообществ. При этом в современных работах по лингвистике доминирует коммуникативно-прагматический подход, когда исследователи идут от фактов использования языка в разных ситуациях и условиях общения, собирают коллекции примеров, анализируют их, опираясь на комплексные методики, а затем делают выводы о типологии и закономерностях речевой практики в границах отдельной социокультурной ситуации [Ирисханова, 2009; Карасик, 2017; Лари-

на, 2013; Матвеева, Ленец, Петрова, 2013; Сорокина и др., 2019; Pearson, West, Turner, 2005; и др.]. В своих публикациях они обращаются к базовым единицам языка и речи, но, анализируя контексты их употребления, получают новые сведения о семантике и функциональной прагматике этих единиц. По нашему мнению, современная теория дискурса, допускающая осмысление языкового материала «через интерпретацию того, как люди понимают окружающий мир и выражают свое понимание при помощи языка» [Леонтович, 2011, с. 12], нуждается в интегративной методологии изучения реальных форм коммуникации. Она может базироваться на сочетании в рамках одного исследования количественных и качественных методов, которые выступают инструментами анализа продуктов реаль-

ной дискурсивной практики [Клепикова, 2017]. Использование количественных методов в изучении коммуникативных процессов создаст базу достоверных данных о языковых реализациях в границах отдельных форм дискурса, но на следующем этапе требуется проведение многопараметрического качественного анализа данных, учитывающего социальный контекст, сложную систему существующих в обществе взаимосвязей, отраженных в речевой практике, что позволит должным образом интерпретировать полученные количественные данные.

В современной дискурсивной лингвистике отмечаются тенденции слияния формально-структурного, лингвопрагматического, когнитивно-семантического и социокультурного подходов к изучению дискурса в его разных реализациях [Карасик, 2017] и активного применения методов корпусной лингвистики, внедряемых в исследования, посвященные анализу форм вербальных действий [Чернявская, 2017; 2018; Baker, 2006; 2012; Baker et al., 2008; Brezina, 2018; Cameron, 1997; Mautner, 2009; Partington, 2010; и др.]. Стремительное развитие корпусной лингвистики и формирование электронных корпусов текстов устной речи открывают возможности для получения объективных данных об общих и вариативных дискурсивных моделях в разных коммуникативных ситуациях и с учетом заданных исследователем социальных, прагматических, иных параметров, определяющих природу дискурса как «исторически сложившейся опосредованной языком формы социальной практики» [Историческая динамика..., 2017, с. 5]. Интеграция методологических основ корпусной лингвистики с принципами теории дискурса, основанная на сочетании количественных и качественных методов, помогает преодолеть противостояние между корпусной лингвистикой и анализом дискурса. Лингвисты, проводящие корпусные исследования, часто критикуют коллег за то, что те редко используют статистические инструменты для объективной характеристики изучаемого явления. Специалисты по теории дискурса в свою очередь считают, что корпусная лингвистика сосредоточена на изучении статистики отдельных групп слов и не учитывает влияние дискур-

сивных структур и экстралингвистических факторов на формирование смысла [Cameron, 1997, p. 45]. Вместе с тем с точки зрения комплементарности оба подхода, по мнению Г. Маутнер, представляют собой естественное сочетание [Mautner, 2009, p. 33]. Применение методов дискурсивного анализа и корпусной лингвистики способствует изучению социальных смыслов языковых структур с опорой на их статистическую значимость и преодолению таким образом недостатков количественных методов, посредством которых считают то, что легко сосчитать [Stubbs, Gerbig, 1993], и качественных методов, посредством которых обнаруживают то, что ожидают найти [Stubbs, 1997].

Интеграция количественных и качественных методов характерна для ряда современных подходов к анализу дискурса. Их названия различаются терминологически по целям: корпусный критический анализ дискурса («corpus-based CDA», см., например: [Baker, 2006]); дискурс-анализ, проводимый с применением корпусных методов («corpus-assisted discourse studies», CADS, см., например: [Partington, 2004]); корпус и дискурс-анализ («corpora and discourse studies», см., например: [Baker, McEnery, 2015]). Исследования, выполненные в русле корпусной стилистики («corpus stylistics»), корпусной прагматики («corpus pragmatics») и корпусной социолингвистики («corpus-based sociolinguistics») [Friginal, Hardy, 2014], ставят перед собой цели, соотносимые с проблематикой дискурс-анализа.

В данной работе обобщены результаты корпусного исследования дискурсивной ценности разделительного вопроса как особого типа высказывания на материале корпуса британской устной речи. Сочетание количественных и качественных методов анализа языкового материала позволило рассмотреть этот объект в ракурсах функционально-синтаксического моделирования, корпусного представления с учетом значимых социокультурных маркеров дискурса, а также лингвопрагматической интерпретации и получить достоверные данные об особенностях реализации прототипических признаков и дискурсивных функциях разделительного вопроса в рамках британской традиции межличностного общения.

Материал и методы

Английский разделительный вопрос как разновидность синтаксической модели речи часто становился объектом наблюдения, но если в первой половине XX в. его рассматривали как одну из нормативных синтаксических структур построения вопросительного предложения в английском языке [Algeo, 1988; Biber et al., 1999; Dubois, Crouch, 1975; Holmes, 1983; Quirk et al., 1985; и др.], то к началу XXI в. от системно-структурной характеристики англисты перешли к описанию его функциональной семантики и прагматики [Иванова, Буракова, Почепцов, 1981; Прибыток, 2008; Downing, 2015; Nässlin, 1984], появились работы о социолингвистическом и этносоциопрагматическом контексте использования разделительного вопроса [English Language..., 2018; Lakoff, 1975; Pearson, West, Turner, 2005; Tottie, Hoffmann, 2006; 2009]. Следует отметить, что при общем достаточно четком и логичном описании правил построения разделительного вопроса в английском языке исследователи указывают на вариативность его синтаксической организации, зависящей от мотивированности использования в речи в условиях межличностного общения [Евсикова, 2017; Коготкова, 2013; Кожедуб, 2017; Лебедева, 2019; Селезнева, Евсикова, Тарвердян, 2019]. В публикациях Д. Кимпс представлено детальное описание синтаксической структуры и коммуникативной значимости английского разделительного вопроса, основанное на данных корпусного анализа [Kimps, 2007; 2018]. Краткий обзор публикаций о разделительном вопросе в английском языке свидетельствует о неисчезающей актуальности его изучения в дискурсивно-прагматическом ракурсе.

Ранее мы обращались к проблеме социокультурной ценности разделительного вопроса в англоязычном межличностном общении [Ильинова, Кочетова, 2018]. С помощью корпусно-ориентированного прагмасоциоллингвистического анализа было доказано, что разделительный вопрос является одной из форм дискурсивной саморепрезентации личности, отражающей такие конвенции англоязычного межличностного общения, как коммуникативное дистанцирование и интонирование вербальных действий с учетом социального и

ролевого статуса личности. Социально-демографические, региональные, возрастные метаданные о синтаксических вариантах разделительного вопроса, извлеченные из Британского национального корпуса устной речи, подтвердили умеренную степень дискурсивной ценности исследуемой формы речи для англоязычной коммуникации, показали низкий уровень гендерной зависимости выбора варианта разделительного вопросительного предложения, статистические расхождения его использования представителями разных социальных и возрастных групп на синхронном срезе, методика диахронного сравнения позволила обнаружить снижение частотности использования данной формы речи представителями молодого поколения в современной Британии [Ильинова, Кочетова, 2018]. Выявленные факты потребовали продолжения исследования соотношения синтаксической вариативности модели разделительного вопроса и его функционально-прагматической ценности в англоязычной межличностной коммуникации. К данному моменту отсутствуют научные публикации, в которых было бы собрано достоверное число фактов, полученных с помощью инструментов корпусного анализа, верифицирующих коммуникативные функции английского разделительного вопроса в их соотношении с представленными в англоязычном межличностном общении моделями и вариантами реализации.

В основу данного исследования была положена следующая гипотеза: разделительное вопросительное высказывание (далее – РВВ) является значимой для англоязычной коммуникативной культуры формой речи, которая используется для реализации интенций самопрезентации личности и поддержания межличностных отношений; его отличает полярно организованная синтаксическая структура, получающая в речи вариативную реализацию; сочетание приемов формально-синтаксического и глубинного дискурсивно-прагматического анализа с опорой на корпусно-ориентированный анализ форм, маркирующих РВВ, открывает возможности для реконструкции нормативных и ненормативных (узальных) вариантов модели РВВ, выявления общего списка коммуникативно-прагматических интенций и определения их дискурсив-

ной ценности в англоязычной коммуникативной культуре.

Объектом анализа стало английское разделительное вопросительное высказывание, предметом – формальные и функционально-прагматические особенности его построения и использования в речи как конституента коммуникативного кодекса в англоязычном межличностном общении.

В статье решаются следующие задачи: на основе прототипических признаков английского РВВ, грамматически маркированных тэг-операторами, установить типы моделей РВВ, уточнить прагматические и социокультурные особенности этой формы речевого поведения в англоязычной практике межличностного общения.

Материалом исследования послужили включающие разделительные вопросы диалогические единства, полученные в результате выборки из художественных произведений современных британских писателей¹ (общий объем – 228 контекстов). Кроме того, материал для исследования был извлечен из корпуса британской устной речи BNC2014² объемом 11 422 617 слов. С помощью инструментов корпусного анализа отобрано 29 119 контекстов употребления исследуемой синтаксической модели РВВ. Для анализа был установлен порог отсечения на уровне 3 случаев использования каждой структуры; конструкции, используемые менее 3 раз не рассматривались. Распределение структур в корпусе показывает, что они встречаются в 1 229 текстах из 1 251, то есть разделительный вопрос используется практически во всех текстовых образцах. Относительная частота использования составляет 2 549, 241.

Анализ контекстов реализации прототипической модели РВВ показывает, что ее варианты активно используются в межличностном общении для уточнения фактов, поддержания разговора, демонстрации согласия, несогласия, сомнения, выражения эмоционального отношения к партнеру или теме разговора. С точки зрения логического синтаксиса РВВ указывают на интенцию «запроса о реальности, выраженной в предикативной связи по отношению к утвердительной части предложения» [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981, с. 180]. У носителей английского языка

есть два нормативных варианта модели построения подобного предложения, они различаются по признаку синтаксической контрастности предикативных составляющих высказывания. Нормативная синтаксическая модель РВВ в рамках работ по структурной лингвистике была описана как биполярная синтаксическая структура, включающая в первую очередь декларативную основу (констатирующая часть высказывания – *statement, anchor*) и интеррогативную часть (вопросительный тэг с нормативным синтаксическим оператором) [Algeo, 1988; Biber et al., 1999; Quirk et al., 1985]. Биполярность считается нормативным правилом построения английского разделительного вопроса, оно допускает два синтаксических варианта модели РВВ: если в констатирующей части стоит положительное утверждение, то в тэге требуется использовать в качестве оператора глагол-заместитель в отрицательной форме; если в констатирующей части сказуемое построено с использованием отрицания, то в тэге глагол-оператор должен стоять в не-отрицательной форме [Downing, 2015]. В соответствии с формально-грамматической нормой английского языка при объединении биполярных по знаку основы и тэга-переспроса говорящий должен выбрать для тэга грамматически адекватную форму оператора (*be, do, have*) с учетом времени, аспекта и лица знаменательного глагола в функции основного сказуемого. В ходе данного исследования был применен корпусный анализ для статистической проверки особенностей реализации синтаксической модели РВВ в коммуникативной практике, в качестве маркеров РВВ использовались тэг-операторы английского языка.

Корпус британской устной речи отразил объективную картину использования разделительного вопроса в речи носителей британского варианта английского языка, для которой, наряду с нормативными примерами реализации модели РВВ, характерны ненормативные варианты. В частности, наблюдаются отклонения от нормы синтаксической бинарности РВВ, выраженные в использовании в качестве тэга не только традиционных форм вспомогательных глаголов и грамматически соответствующих им местоименных замен. В разговорной речи отмечаются тэги, морфо-

логически независимые от формы глагола в главном предложении *weren't it?, don't she?, don't he?, don't it?, weren't she?*, например: *oh it was Bob weren't it?* [Tottie, Hoffmann, 2006, p. 286]; **S0689**: *I think Donna's a bit older than him weren't she?*; **S0012**: *he keep wanting to come in the window do n't he?*; **S0421**: *oh I like those bushes*; **S0423**: *>> it looks quite nice do n't it? (.) yeah*. В устной разговорной речи наблюдается искажение произнесения тэга в утвердительной части с именным сказуемым *to be*, что отражено в корпусе примеров с помощью особой графической фиксации усеченной формы тэга-переспроса *innit?*, например: *It's boring life really, innit really?* [Tottie, Hoffmann, 2006, p. 286]. Все указанные особенности автоматизированного поиска РВВ в корпусе по знаку тэга были учтены в данном исследовании.

Результаты и обсуждение

Структурно-синтаксическое моделирование разделительного вопросительного высказывания

Обращение к процедуре структурно-синтаксического анализа реализации РВВ в корпусах британской устной речи и современной британской прозы позволило собрать данные об отклонениях от прототипической биполярной модели РВВ в образцах живой речи. Не отрицая ее значимости, мы отметили варианты РВВ с ненормативной синтаксической полярностью сочетания основы и тэга, в частности случаи, когда в обеих частях разделительного вопроса в позициях основного сказуемого и тэга используются отрицательные или не-отрицательные формы глаголов. По данным корпусного анализа, ненормативные монополярные модели могут быть отмечены в британском корпусе устной речи позитивными знаками предикативной формы в обеих частях РВВ, например: **S0198**: *oh it's got a little two gigabyte User mini card in it has it?*; **S0653**: *er it cost a thousand pounds for the holiday did it?*, а также могут иметь предикативную часть с отрицанием, например: *You don't know what that is, though, don't you?* (RR, p. 37) – или предикативную часть, содержащую лексическую единицу с отрица-

тельной оценочной семантикой, например: **S0519**: *the last two summers have been hugely disappointing haven't they?*

Выявляемые отклонения от нормы биполярности в речи англичан считаются приемлемыми, функционально зависящими от контекста ситуации [Algeo, 1988; Downing, 2015; Fox, 2004; Kimps, 2018]. Для обозначения монополярных моделей в этой работе предлагается рабочий термин «узальная монополярность». Признак узальности указывает на частную норму обиходного общения [Сиротинина, 2013]. Будучи тесно связанными с синтаксическим прототипом РВВ, узальные модели разделительного вопроса отражают вариативность речевого поведения и имеют прагматическое обоснование в границах коммуникативной ситуации. Собранные зарубежными коллегами корпуса устной и письменной речи [English Language..., 2018; Nässlin, 1984; Tottie, Hoffmann, 2006; и др.] и статистические данные нашего корпусно-ориентированного анализа указывают на наличие четырех моделей построения РВВ с нормативной и ненормативной полярностью (см. табл. 1).

Узальность проявляется не только в допустимости моделей би- и монополярности двух конститuentов высказывания, но и, как показывает корпусный анализ (см., например: [Nässlin, 1984; Algeo, 1988; Tottie, Hoffmann, 2006; Ильинова, Кочетова, 2018]), в наличии в устной речи синтаксически усеченных реализаций РВВ (например, *Makes you really think, doesn't it?*; *You are joking, eh?*; *She is a nice lady, don't you think?*), РВВ с морфологически независимым тэгом (*She is a lovely girl, is Ann?*) или несистемным тэгом (*WE've finished, and so have you*) [Downing, 2015]. Узально в англоязычном межличностном общении в качестве предикативной базы разделительного вопроса могут воспроизводиться как повествовательные, так и восклицательные и императивные структуры, завершающиеся тэгами, например: *How nice you did it, didn't you?* (восклицание), *Stop interrupting me all the time, would you?* (императив). Отметим еще одно отклонение от прототипа РВВ. Грамматические правила английского языка предписывают финальную локацию тэга-переспроса (*You've lost the money, have*

Таблица 1. Модели нормативной и узуальной полярности разделительного вопросительного высказывания в английском языке

Table 1. Tag questions in the English language with standard and common usage polarity types

Standard polarity				Common usage polarity			
Model 1 Positive anchor / Negative tag (+ / -)		Model 2 Negative anchor / Positive tag (- / +)		Model 3 Positive anchor / Positive tag (+ / +)		Model 4 Negative anchor / Negative tag (- / -)	
<i>This matter makes you think negatively,</i>	<i>doesn't it?</i>	<i>This matter didn't make you change your opinion,</i>	<i>did it?</i>	<i>This matter makes you think negatively,</i>	<i>does it?</i>	<i>This matter didn't make you change your opinion,</i>	<i>didn't it?</i>

Примечание. Знаком «+» обозначено использование глагола в утвердительной форме, знаком «-» обозначено использование отрицательной формы глагола.

Note. “+” marks the positive form of the verb; “-” marks the negative form of the verb.

you?), но в материале исследования были выявлены иные локации, например в середине главного предложения, справа от основной предикативной части: *It's easy, **isn't it**, to get used to this new style?*, что отражает прагматические интенции говорящего в момент порождения высказывания.

При реализации РВВ в англоязычном межличностном общении узуальность проявляется в использовании в тэге модальных слов и фраз вместо одной из форм вспомогательных глаголов *be*, *do*, *have* в позиции оператора. Причины обращения к модальным словам кроются в конвенциях межличностного общения в англоговорящем социуме [Ларина, 2003; Лебедева, 2019; Fox, 2004]. Представляется, что англичане избирают в качестве тэга модальные глаголы (*will / can / might / have to*), способные дополнить основное содержание предикативной части высказывания коммуникативной тональностью уверенности, сомнения, вероятности свершения события, например: *You **will** never come back there, **won't** you? You **will** come back one day, **will** you?* Объяснение выбора формы и коммуникативных функций модальных тэгов будет представлено в следующем разделе статьи.

Выделив дискурсивные реализации четырех моделей, составляющих нормативно-узуальный базис РВВ в английском языке, мы извлекли число их реализаций в корпусе устной британской речи и проанализировали дистрибуцию употребления разделительного вопроса с различными тэгами.

Общее число извлеченных из корпуса примеров для грамматического и конституентного анализа РВВ составило 29 119 единиц, из них: 31,62 % – вопросительные разделительные предложения с тэгами, включающими в качестве оператора отрицательные формы глагола *be* в настоящем времени, 6,85 % – включающими в качестве операторов отрицательные формы глагола *be* в прошедшем времени; 20,97 % – вопросительные разделительные предложения с тэгами, включающими в качестве оператора положительные формы глагола *be* в настоящем времени, 6,08 % – включающими в качестве оператора положительные формы глагола *be* в прошедшем времени; 8,67 % – вопросительные разделительные предложения с тэгами, включающими в качестве оператора отрицательные формы глагола *do* в настоящем времени, 5,02 % – включающими в качестве оператора отрицательные формы глагола *do* в прошедшем времени; 5,38 % – вопросительные разделительные предложения с тэгами, включающими в качестве оператора положительные формы глагола *do* в настоящем времени, 4,09 % – включающими в качестве оператора положительные формы глагола *do* в прошедшем времени; 2,75 % – вопросительные разделительные предложения с тэгами, включающими в качестве оператора отрицательную форму глагола *have* в настоящем времени, 1,55 % – включающими в качестве оператора положительные формы глагола *have*. Из модальных глаголов в корпусе представлен глагол *will* в положительной и отрицательной форме – 0,58 и 1,48 % соответственно.

Разделительные вопросы, образованные с использованием в тэге-операторе модальных глаголов *will, must, can, need, might*, которые дополняют основное содержание предикативной части высказывания коммуникативной тональностью уверенности, сомнения, вероятности свершения события (например: **S0012**: *yeah they might have to be moving to Florida shortly, mightn't they?*; *You will never come back there, won't you? You will come back one day, will you? I mustn't listen to your hotty recommendations, musn't I?*), также вошли в общие количественные данные, хотя их использование отличается низкой частотностью. В таблице 2 представлены сводные данные, указывающие на выявленные предпочтения в использовании нормативных бипо-

лярных и узуальных монополярных моделей РВВ с учетом базовых синтаксических вариантов оператора тэга-переспроса (*be, do, have, will, can, might*), полной или усеченной синтаксической реализации основной части РВВ, а также низкочастотные случаи ненормативного смешения глагольных форм в основной части и в тэге-переспросе при сохранении узуальных норм РВВ.

Из данных таблицы 2 следует, что в общей коллекции примеров доминируют модели с оператором *be* в позиции тэга-переспроса (17 828 единиц, 61,6 % от общего числа разделительных вопросов), модели с оператором *do* составляют 6 854 случая (25,45 %), с оператором *have* – 1 334 случая (4,66 %), с оператором, в качестве которого выступают мо-

Таблица 2. Разделительный вопрос с операторами *be, do, have, will, can, might* в корпусе BNC2014

Table 2. Tag questions with the verb operators *be, do, have, will, can, might* in BNC2014

Форма оператора	Количество употреблений	
	Абсолютное выражение	%
BE		
<i>isn't it?</i>	7 175	24,64
<i>is it?</i>	4 392	15,08
<i>was it?</i>	1 290	4,43
<i>aren't they?</i>	1 249	4,29
<i>wasn't it?</i>	1 204	4,13
<i>are they?</i>	833	2,86
<i>is he?</i>	537	2,23
<i>isn't he?</i>	517	1,78
<i>is she?</i>	406	1,39
<i>weren't it?</i>	225	0,77
Всего	17 828	61,6
DO		
<i>don't they?</i>	1 215	4,17
<i>doesn't it?</i>	950	3,26
<i>Do they?</i>	648	2,23
<i>Didn't they?</i>	490	1,68
<i>Does it?</i>	487	1,68
<i>Didn't he?</i>	435	1,49
<i>Did he?</i>	393	1,35
<i>Did they</i>	359	1,23
<i>Didn't it?</i>	266	1,11
<i>Does he?</i>	253	0,81
<i>Didn't she?</i>	244	0,84
<i>Did she?</i>	236	0,84
<i>Doesn't he?</i>	235	0,84
<i>Did it?</i>	204	0,70
<i>Does she?</i>	178	0,61
<i>Doesn't she?</i>	151	0,52
<i>Don't it?</i>	110	0,38
Всего	6 854	25,45

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Форма оператора	Количество употреблений	
	Абсолютное выражение	%
HAVE		
<i>Haven't they?</i>	325	1,23
<i>Hasn't it?</i>	211	0,72
<i>Have they?</i>	202	0,70
<i>Has he?</i>	181	0,62
<i>Hasn't he?</i>	165	0,57
<i>Has it?</i>	130	0,41
<i>Has she?</i>	120	0,41
Всего	1 334	4,66
WILL		
<i>Won't it?</i>	216	0,74
<i>Won't they?</i>	133	0,46
<i>Will it?</i>	65	0,22
<i>Won't he?</i>	45	0,15
<i>Will they?</i>	44	0,15
<i>Won't she?</i>	44	0,15
<i>Will he?</i>	35	0,12
<i>Will she?</i>	30	0,10
Всего	612	2,09
CAN		
<i>Can't they?</i>	59	0,20
<i>Can they?</i>	45	0,15
<i>Can it?</i>	45	0,15
<i>Can't it?</i>	31	0,11
<i>Can he?</i>	25	0,09
<i>Can't he?</i>	24	0,08
<i>Can she?</i>	20	0,07
<i>Can't she?</i>	7	0,02
Всего	256	0,87
MIGHT		
<i>Mightn't it?</i>	10	0,03
<i>Mightn't they?</i>	7	0,02
<i>Might they?</i>	3	0,01
<i>Might it?</i>	3	0,01
Всего	23	0,07
Разное: <i>Do he? Had they? Had she? Weren't she?</i>	2 212	5,78

дальние глаголы *will*, *might*, *can*, – 891 случай, что составляет 3,03 %. Как показывает анализ корпуса, разделительные вопросы имеют тенденцию к использованию с местоимениями третьего лица единственного и множественного числа, при этом наиболее частотным является местоимение *it*. Конструкции с глаголом *be* в 6 347 случаях (35,6% от 17 828 контекстов употребления) – это реализации нормативной биполярной Модели 1 (позитивное утверждение и тэг-переспрос с отрицательной формой вспомогательного глаго-

ла *be* в качестве оператора; в конструкции с глаголом *do* нормативный вариант Модели 1 встречается в 14,06 % – 4 039 контекстов употребления). Представляется, что при использовании нормативной модели говорящий стремится выразить собственное видение ситуации и получить подтверждение его правильности, например: *I'm looking for Elizabeth. – Yes, you're a friend of hers, aren't you? Don't worry, you never remember me (EH-44); You know who he is, don't you? He's Morris Stemmer, you'll have heard of him (RR-141).*

Сходная интенция выявляется и при активном использовании нормативной биполярной Модели 2 с тэгами *do, did, does, are* (64 случая – 33,3 % от 192), когда требуется подтверждение обратного, например: **S0192**: *they 're not gon na fine us or anything though, are they? I've tried to contact them.* Модель 3 с узуальной монополярностью и операторами *BE* и *DO* – это ненормативный вариант, такие случаи представлены в тэгах *does he?, did she?, does he?, did he?* в полной синтаксической реализации: **S0198**: *yeah, definitely works, does it?; not everyone who goes to Oxford and Cambridge are posh, are they? Just most of them I suppose.*

Данные нашего корпусного анализа свидетельствуют о высокой востребованности нормативной биполярной Модели 1, частом обращении к биполярной Модели 2, а также узуальной однополярной Модели 3 (с двумя позитивными глагольными формами в позициях утверждения и тэга-переспроса). В таблице 3 представлены данные о сравнении реализаций Модели 2 и Модели 3.

Как показывает статистика корпусного анализа, случаи смешения синтаксических операторов составляют 1,23% от общего числа единиц, но их выбор в речевой практике имеет прагматическую ценность – это интонационно маркированная адресованность высказывания, например: **S0230**: *but everything seems so big when you're ten years old, don't it?; well I don't, that don'ts- seem right, do it?; Your food smells of that, don't it?; that was a long journey, weren't it?*

Количественный подсчет реализаций моделей РВВ с модальными операторами указывает на их относительно низкую востребованность (891 случай, или 3,03 %), при этом 1,92 % (559 случаев) – это реализация нормативной биполярной Модели 1; Модели 2 и 3 представлены в 22,2 % (70 случаев) и 19,4 % (17 случаев) соответственно, в качестве модальных операторов доминирует форма *will*, которая может использоваться в конструкциях, требующих оформления при помощи других вспомогательных глаголов, например: **S0104**: *They're not going to hear that will they?; S0278: *they don't want**

Таблица 3. Распределение разделительных вопросов в соответствии с нормативной биполярной моделью (- / +) и ненормативной однополярной моделью (+ / +) в BNC2014

Table 3. Breakdown of canonical tag questions with polarity types (- / +) and (+ / +) in BNC2014

Форма оператора	Модель 2 (нормативная (- / +))		Модель 3 (ненормативная (+ / +))	
	Частота употребления	% от общего числа употреблений	Частота употребления	% от общего числа употреблений
BE				
<i>is it?</i>	3 039	69,2	1 353	30,8
<i>was it?</i>	310	24,0	980	76,0
<i>are they?</i>	508	61,0	325	39,0
<i>is he?</i>	350	65,2	187	34,8
<i>is she?</i>	253	62,2	153	37,7
DO				
<i>Do they?</i>	525	80,96	123	19,04
<i>Does it?</i>	447	91,9	40	8,1
<i>Did he?</i>	268	68,2	125	31,7
<i>Did they?</i>	284	79,2	75	20,7
<i>Does he?</i>	164	64,7	89	35,3
<i>Did she?</i>	150	63,4	86	34,6
<i>Does he?</i>	163	64,4	90	35,6
<i>Did it?</i>	175	85,7	29	14,3
<i>Does she?</i>	151	88,5	20	11,5
HAVE				
<i>Have they?</i>	136	67,5	66	32,5
<i>Has he?</i>	124	68,8	57	31,2
<i>Has it?</i>	71	54,9	59	45,1
<i>Has she?</i>	85	70,2	35	29,8

to be there will they? Следует отметить, что любое глагольное сказуемое с модальным дополнением нельзя назвать утверждением, поскольку модальные глаголы и модальные фразы добавляют к общему содержанию утверждения экспликацию субъективного мнения, субъективной оценки ситуации или отношений между людьми. Именно это обстоятельство делает РВВ с модальным компонентом в главном сказуемом и вопросительном тэге удобным инструментом установления коммуникативной дистанции и стилистического интонирования речи. Подтверждением тому могут стать примеры использования Модели 2 (биполярная с отрицанием в утвердительной части) и Модели 3 (монопольная с двумя утверждениями): **S0591**: *not sure that jade can be plural can it?*; *Robin! It can be a girl's name, can it?*; *His father will pay it but I think it would be more polite and – well, kinder, to send it to Joel, don't you?* (RR-219). Смещение глагольных форм в функции операторов демонстрирует интенцию кооперативности, призывает к совместному принятию решения.

Завершая раздел о структурно-синтаксическом моделировании реализаций РВВ в британском варианте устной коммуникации, отметим, что представленные данные подтверждают гипотезу о существовании нормативно-узуальных моделей построения РВВ в синтаксисе английского языка, о некоторых различиях в их востребованности в речи, однако они не дают ответа на вопрос о причинах разнообразия вариантов обращения к ним, о выборе модальных операторов вместо традиционных вспомогательных глаголов, о возможных интенциях смещения тэгов переспроса. После обобщения количественных данных обратимся к изучению прагматической значимости нормативных и узуальных моделей РВВ в англоязычном межличностном общении.

**Лингвопрагматическая ценность
разделительного
вопросительного высказывания
в англоязычной культуре общения**

Вторая часть исследования посвящена изучению лингвопрагматики РВВ как формы коммуникативного действия, обладающего ценностью для соблюдения коммуникативного кодекса в англоязычном общении. На ос-

нове метода лингвопрагматической интерпретации коллекции примеров были выделены коммуникативно-прагматические интенции РВВ и предложены их ценностно ориентированные толкования.

Первые размышления о прагматике разделительного вопроса появились в работах английских и американских социолингвистов и специалистов по речевому этикету [Algeo, 1988; Brown, 1987; Dubois, Crouch, 1975; Fox, 2004; Holmes, 1983; Lakoff, 1975; Pearson, West, Turner, 2005; Quirk et al., 1985; и др.]. В публикациях были представлены некоторые наблюдения над прагматическими характеристиками разделительного вопроса, высказаны предположения о его значимости для коммуникативного взаимодействия в связи с фактами включенности синтаксических моделей разделительного вопроса в сложные синтаксические единства высказываний, в частности, когда они вводятся в общение инициальными фразами *I think, I consider, I reckon, I suppose*, призванными внести в общение отстраненность говорящего от высказываемого им утверждения: *I think, he left before lunch, didn't he?* В отечественной англистике мысли о прагматических характеристиках были сформулированы Г.Г. Почепцовым: разделительный вопрос в силу смысловой контрастности частей придает высказыванию выразительность и смысловую определенность [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981, с. 180]. В некоторых публикациях зарубежных ученых представлены авторские гипотезы о социокультурном и прагматическом фоне (контексте) его употребления в речи (см., например: [Lakoff, 1975; Pearson, West, Turner, 2005]).

Наблюдения над прагматикой разделительного вопроса нашли отражение в статьях Р. Лакоффа. В них она указала на тональность прагматической неопределенности, которую придает разговору разделительный вопрос: «So a tag-question is really intermediate between a statement and a question: a statement assumes that the addressee will agree, and a question leaves the response of the addressee up to him, but a tag-question implies that, while the speaker expects a certain sort of response, the hearer may not provide it» [Lakoff, 1975, p. 21] – Таким образом, в разделительном вопросе объединяются признаки утверждения и вопроса: ут-

вердительная часть вопроса предполагает согласие адресата с содержанием информации, вторая часть (тэг-переспрос) маркирует ожидание говорящего на поддержку своего мнения, но допускает и возможность отказа (перевод наш. – Л. К., Е. И.). Как следует из приведенного комментария, тэг-переспрос выполняет коммуникативно-дискурсивную функцию – позволяет говорящему передать слушающему сигнал о своем личном мнении, намекнуть на ожидание подтверждения, но при этом за слушающим остается право принять чужое личное мнение, отклонить его, выразить собственное.

В академической грамматике английского языка А. Даунинг разбор конструктивных особенностей разделительного вопроса сопровождается некоторыми прагматическими комментариями. В частности, если структурно синтаксическая основа вопроса точно следует грамматическому предписанию о полярности предикативной составляющей констатирующей части первого предложения и морфограмматической форме вопросительного тэга (при свободной вариативности их использования в высказывании), то в содержательном плане разделительный вопрос используется не столько для информирования или запроса информации, сколько для передачи личностных интенций человека в ходе общения [Downing, 2015]. Иными словами, автор указывает на наличие речевой (коммуникативной) тональности, допускающей вариативность модальности высказывания: в устной речи вопросительные тэги могут произноситься с восходящей интонацией, передавая интенцию неуверенности, сомнения, призывая к подтверждению сказанного (*Am I right?*), а нисходящая интонация позволяет передать уверенность в правильности высказанного и ожидание неопровержимого подтверждения, согласия со стороны партнера (*I'm asking you to confirm this; I am seeking for agreement*) [Downing, 2015, p. 123–124]. По мнению А. Даунинг, в англоязычной речи также можно обнаружить разделительный вопрос с «нулевой полярностью», передающий уверенность правильного понимания сказанного, что представлено в сочетании повествовательных предложений (утверждений) с позитивным знаком в вопросительной части.

Такие высказывания сопровождаются дискурсивными словами-междометиями *Oh, So, Well, Now*. Возможно, они указывают на дополнительную прагматическую интенцию говорящего – придать своему высказыванию вид фразы, завершающей обсуждение, взять на себя право подводить итоги беседы, делать выводы (*So, that's what they call them now, don't they?*). Однако те же слова могут передавать и знаки эмоциональной имплицатуры, например выражать удивление: *Oh, so you are our new assistant, are you?* – или негативное отношение: *Well, I reckon so that's what she said about me, is it?*

В речевой практике все исследователи наблюдают варианты с полным рассогласованием правила биполярности частей разделительного вопроса (об этом мы сообщали ранее). Узуально допустимые реализации моделей РВВ объясняются интенцией говорящего проявить себя, выразив личную субъективную оценку, установить коммуникативную дистанцию, продемонстрировать эмпатию, они позволяют создавать и поддерживать межличностные контакты в ходе общения. Это может быть такая прагматическая интенция, как демонстрация вежливого интереса к высказыванию малознакомого / незнакомого человека. Например, в следующей ситуации, когда на реплику шофера такси *I think I've lost my way* возможна реакция вежливого удивления пассажира *Have you? / You do? / You have?* [Downing, 2015, p. 124].

Приведенные сведения о прагматической значимости разделительного вопроса обусловили необходимость обратиться к детальному анализу причин разной частотности использования в речевой практике англичан описанных выше формально-синтаксических моделей РВВ и их нормативных и узуальных вариантов, с помощью которых маркируется прагматическая нагруженность высказывания в границах коммуникативной ситуации.

В результате анализа коллекции собственного аутентичного материала (228 ситуаций с РВВ в качестве центрального компонента) был сделан вывод о поликоммуникативной функциональности, которая формально обеспечивается относительно малым числом языковых маркеров и конструкций, позволяющих передавать требуемые коммуника-

тивные интенции и стилистические тональности общения. Следуя коммуникативному кодексу неимпозитивного и вежливого общения [Ларина, 2003; 2013; Brown, Levinson, 1987], англичане могут заменять нормативные морфологические операторы РВВ (auxiliary verb tags *be, do, have*) на модальные (*will, would, shall, need, can*), что способствует реализации стратегий позитивной или негативной вежливости, усилению или смягчению прагматики высказывания.

При проведении дискурсивно-прагматического анализа была принята следующая методика: 1) сбор диалогических фрагментов с центральным компонентом «разделительное вопросительное высказывание»; 2) определение социопрагматического фона интеракций с разделительным вопросительным высказыванием (воссоздание «портрета говорящего» и «портрета слушающего» – определение возрастных, гендерных, иных социально значимых данных, установление характера межличностных отношений в интеракции); 3) конструктивный анализ разделительного вопроса и отношение его к одной из четырех моделей РВВ, выделение грамматического оператора в качестве маркера разновидности модели; 4) установление прагматической силы (интенции) конкретного РВВ с учетом коммуникативной тональности его тэга и причисление его к одной из прагматических интенций: информационной, этикетной, корректирующей (фокусно-позитивной или фокусно-негативной).

Дадим краткую характеристику каждой разновидности интенции и разберем прагматические смыслы на примерах из нашей коллекции.

Информационная интенция разделительного вопроса понимается как стремление говорящего не столько сообщить информацию, сколько подтвердить ее правильность; он ждет от слушающего не конкретного ответа, а подтверждения, например: *I mean, she's hardly going to identify herself, is she?* (EH-205); *You're not a friend of Mum's, are you? Did you want something?* (EH-97); с помощью РВВ может быть выражено предложение поступка: *You're going to give him the boot, though, aren't you?* (RR-157). За такими высказываниями скрывается прагматика самодистанцирования и уважения к выбору возможного от-

вета слушающим – запрашивая подтверждение по поводу информации, говорящий оставляет возможность для слушающего выбрать форму ответа, возразить.

Этикетная интенция межличностного общения представляет требование демонстрации взаимного уважения, соблюдения социальной (приватной) дистанции [Ларина, 2003]. Поэтому, если у человека, находящего в общественном месте, возникает необходимость вступить в общение, он может избрать разделительный вопрос в качестве зачина для разговора с незнакомым или малознакомым человеком. Так, если англичане оказываются вместе в замкнутом пространстве, то принято что-то сказать, чтобы продемонстрировать дружелюбие и вежливость, в такой ситуации может прозвучать этикетный разделительный вопрос о погоде, иных не табуированных для общения в публичном пространстве темах, например: *It is chilly today, isn't it?* Задавая вопросы *Excuse me, this is the pass to Tothaynem Road, isn't it?*; *Excuse me, this bus will take me to Oxford Street, won't it?*, говорящий выражает уверенность, что он идет в нужном направлении и просит подтверждения.

Корректирующая интенция представляется самой ценной для понимания конвенций межличностного общения в англоговорящем сообществе. С помощью специального построения РВВ говорящий производит коррекцию социальной дистанции и выражает коммуникативную тональность. В результате анализа ситуаций мы пришли к выводу о двух направлениях коррекции межличностных отношений: *фокусно-позитивной и фокусно-негативной стратегии коррекции социальной дистанции*.

Фокусно-позитивная стратегия коррекции проявляется в желании вовлечь второе лицо в разговор, найти подтверждение собственному высказыванию, при этом говорящий должен помнить о соблюдении коммуникативной дистанции, то есть придерживаться речевого этикета и позиционировать себя как человека, знающего и соблюдающего нормы неимпозитивности и сдержанности, принятой в англоязычной коммуникативной традиции. При разборе примеров в этом классе интенций мы отметили присутствие двух разновидностей – интенция запроса о сотрудни-

честве, согласии (S0192: >> *yoah we could make some wedges that might be quite tasty mightn't it*) и выражение сомнения, неуверенности в себе, своем мнении (S0012: *I don't think he drinks too much does he?*).

Обе разновидности ориентированы на трансляцию позитивной вежливости, реализацию стратегий дистанцирования и взаимного позиционирования вежливости и неимпозитивности. Именно первая разновидность стратегии фокусно-позитивной коррекции отношений доминирует в нашем материале. Для передачи указанных интенций используются РВВ с разными моделями полярности, вопросительный тэг призван смягчить необходимость прямого обращения к партнеру, настойчивое желание узнать его мнение, например: S0192: >> *but it's a bit more stable lately ... it hasn't been too bad (.) oh for that's no good is it?* – S0195: *yeah*.

Фокусно-негативная стратегия коррекции социальной дистанции проявляется при потребности указать на ролевое неравенство, выразить недовольство состоянием дел: *How long d'you reckon he'll be? – Don't know, do I? I don't know where he's at, coming back like that, spying on me* (RR-198); намекнуть на нарушения конвенций поведения: *You are*

not trying to poison our relations, are you? (EH-136); *Can't you see I'm working? You don't know what that is, though, do you?* (RR-36); угрожать: *Then I'll have to stop you, won't I?* (RR-346); критикуя, оскорблять собеседника: *You don't know a fucking thing about it, do you?* (RR-72); приписывать ему роль невежды: *Suppose she's just an honest woman? Didn't think of that, did you? No, you wouldn't* (RR-37); выражать свое раздражение поведением другого человека, грубо отдалять его от себя: *Stop interrupting me all the time, would you?* (RR-112). В последней ситуации говорящий дает команду и усиливает позицию власти, добавляя тэг *would you?*. Представляется, что в зависимости от отношений этот тэг может передавать как интенцию раздражения и гнева, так и смягчения.

По завершении лингвопрагматического анализа была составлена сводная таблица 4, показывающая статистику распределения примеров РВВ в соответствии с реализованными интенциями.

Детальный анализ количественных и качественных признаков реализации моделей РВВ и сопоставление частотности их использования для выражения выделенных интен-

Таблица 4. Сводные данные о реализации дискурсивно-прагматических интенций в англоязычных разделительных вопросительных высказываниях с учетом их синтаксической представленности в нормативно-узусальных би- и монополярных моделях

Table 4. Breakdown of tag questions with bi- and mono-polarity model types in relation to their discourse-and-pragmatic intentions in speech discourse

Модели		Разновидности интенций					Всего	
		Информационная	Этикетная	Корректирующая				
				Фокусно-позитивная		Фокусно-негативная		
				Запрос сотрудничества, участия	Выражение сомнения, неуверенности			
Модель 1-2-3-4 с операторами вспомогательными глаголами <i>be, do, have</i>	Кол-во ситуаций	50	8	84		25	25	192
	%	26	4	44		13	13	100
Модель 1-2-3-4 с модальными операторами	Модальный оператор	(will / can)	(won't / wouldn't)	(wouldn't / won't / shouldn't / mightn't)	(would)	(would / wouldn't)	–	
	Кол-во ситуаций	3	13	11	3	6	36	
	%	8,1	36,8	30,8	8,1	16,2	100	
Итого	Общее кол-во ситуаций	53	21	154			228	
				95	28	31		
	%	23	9	68			100	
				42	12	14		

ций свидетельствует о доминировании в межличностном общении корректирующей интенции (154 ситуации – 68 % от общего числа 228), в первую очередь такой ее разновидности, как фокусно-позитивная (запрос о сотрудничестве, помощи, участии, что составляет в целом 95 ситуаций – 42 % от 228; выражение сомнения, неуверенности, 28 ситуаций, 12 %), фокусно-негативное регулирование также присутствует (31 ситуация – 14 % от 228). Далее по количеству ситуаций располагаются примеры с информационной (53 ситуации, или 23 %) и этикетной (21 ситуация, или 9 %) интенциями. Следует отметить, что прагматику этикетности и фокусно-позитивной коррекции отношений чаще передают модальные операторы отрицания *won't, wouldn't, shouldn't, mightn't*, которые вносят в сообщение тональности сомнения, неуверенности. При необходимости выразить критику и недовольство коммуниканты прибегают к средствам смягчения неприятного содержания высказывания (*will you?, shall we?*). Для передачи собственного мнения, самодистанцирования и самопозиционирования в коммуникации чаще используются высказывания с обычными грамматическими операторами глаголов (запросы на подтверждение информации, на сотрудничество, помощь, участие).

Заключение

Обобщение результатов лингвопрагматического анализа и сопоставление их с выводами, представленными в публикациях коллег-лингвистов, позволили подтвердить гипотезу исследования об узуальном разнообразии реализации моделей разделительного вопросительного высказывания и его дискурсивной многофункциональности в британской традиции межличностного общения. Уточнение вопроса о нормативности структуры РВВ показало вариативность приемов реализации бинарности информативно-прагматических функций. Основная (констатирующая) часть РВВ, если она выражена утверждением или содержит отрицание, передает информацию или размышления говорящего, вопросительный тэг является маркером запроса о подтвержде-

нии. Если предикативная часть основы высказывания образована модальным глагольным сказуемым, то она передает оттенки коммуникативной тональности: от высокой степени уверенности до низкой, а вопросительные тэги-модальные глаголы – разные оттенки коммуникативной тональности: от (не)уверенности, (не)определенности до (не)согласия, а также смягченной критики, раздражения (*will, won't, can't*). Разделительный вопрос, обладая формальной и смысловой контрастностью, отличается особым прагматическим потенциалом. Формальная контрастность утвердительной части и переспроса скрывает интенцию личной заинтересованности и коммуникативной власти говорящего, а также, не нарушив его имиджа, смягчить последствия возможного нарушения персональной дистанции партнера: *That's not quite true, is it? In fact you've phoned us twelve times in the last fortnight?* Выявленные узуальные варианты построения разделительных вопросов и ассоциируемые с ними прагматические функции и интенции (информационная, этикетная, корректирующая) свидетельствуют о значимости РВВ для английской (британской) традиции межличностного общения, с их помощью происходит коммуникативное дистанцирование, смягчение высказывания в языковых знаках позитивной и негативной вежливости, самопрезентация личности.

К перспективам исследования мы относим проведение коллокутивного анализа форм разделительного вопроса инструментами корпусной лингвистики с целью выявить семантические признаки коллокаций с определенными грамматическими конструкциями РВВ. В силу того, что синтаксическая структура разделительного вопроса приобретает разнообразные грамматические формы и характеризуется определенным набором прагматических функций, выборка статистически частотных коллокаций для каждого тэга позволит выявить взаимосвязь грамматического, семантического и прагматического компонентов этой речевой конструкции, имеющей особую дискурсивную ценность в британской традиции межличностного общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примеры из корпуса современной британской прозы сопровождаются указанием на автора произведения и страницу: *EH* – Healey, Emma Elizabeth is Missing. L. : Penguin Random House UK, 2014. 275 p.; *RR* – Rendell R. Portobello Road. N. Y. : Penguin Random House UK, 2008. 278 p.

² В статье приводятся примеры из корпуса устной британской речи BNC2014 (BNC2014 – Spoken British National Corpus 2014. URL: <https://cqrweb.lancs.ac.uk/>). Каждый пример сопровождается указанием на идентификационный номер респондента, зафиксированный в корпусе, сохраняется графическое отражение скрипта устной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Евсикова Е. А., 2017. Разделительный вопрос и обращение как актуализаторы фактора воздействия на адресата в английском диалогическом дискурсе // Вестник Брянского государственного университета. № 3 (33). С. 243–248. URL: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2017_3.pdf (дата обращения: 16.04.2021).
- Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г., 1981. Теоретическая грамматика английского языка. М. : Высш. шк. 285 с.
- Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А., 2018. Дискурсивная саморепрезентация личности в англоязычном межличностном общении: корпусный прагматический лингвистический анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 3. С. 35–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.4>.
- Ирисханова О. К., 2009. Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. М. : Яз. слав. культур. С. 684–693.
- Историческая динамика дискурсивных практик, 2017 : коллектив. моногр. / науч. ред. Л. А. Кочетова, Е. Ю. Ильинова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 228 с.
- Карасик В. И., 2017. Языковая пластика общения. Волгоград : Парадигма. 462 с.
- Клепикова Т. А., 2017. Коммуникативный статус зависимой пропозиции в свете теории лингвистического метареферирования // Когнитивные исследования языка. № 31. С. 36–46.
- Коготкова С. С., 2013. Функции разделительных вопросов в деловом интервью-диалоге // Русистика. № 2. С. 101–105. URL: <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies/issue/view/628> (дата обращения: 26.02.2021).
- Кожедуб Н. В., 2017. Коммуникативно-прагматические особенности разделительных вопросов в перекрестном допросе // Вестник Вятского государственного университета. № 3. С. 62–65. URL: <http://vestnik43.ru/3-2017-vgu.pdf> (дата обращения: 16.04.2021).
- Ларина Т. В., 2003. 'Privacy', или автономия личности, как важнейший концепт английской культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки: методика их преподавания. № 1. С. 128–134. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9900661> (дата обращения: 16.04.2021).
- Ларина Т. В., 2013. Англичане и русские : язык, культура, коммуникация. М. : Яз. слав. культур. 360 с.
- Лебедева И. С., 2019. «Разделительный вопрос», или универсальный коммуникативный ход? К истории вопроса // Функционально-когнитивные аспекты актуализации грамматических форм и структур в синхронии и диахронии (на материале английского языка). М. : Моск. гос. лингв. ун-т. С. 267–352.
- Леонтович О. А., 2011. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис. 224 с.
- Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И., 2013. Основы прагмалингвистики. М. : Флинта : Наука. 232 с.
- Прибыток И. И., 2008. Теоретическая грамматика английского языка. М. : Академия. 382 с.
- Селезнева В. В., Евсикова Е. А., Тарвердян А. Ш., 2019. Английский разделительный вопрос как лингвоэкологичный феномен межличностного общения // Научный диалог. № 7. С. 107–123. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-107-123.
- Сиротинина О. Б., 2013. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 116 с.
- Сорокина Т. С., Мачина О. А., Салькова М. А., Лебедева И. С., 2019. Функционально-когнитивные аспекты актуализации грамматических форм и структур в синхронии и диахронии (на материале английского языка). М. : Моск. гос. лингв. ун-т. 386 с.
- Чернявская В. Е., 2017. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 50. С. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9.
- Чернявская В. Е., 2018. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественных и количественных подхо-

- дов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (55). С. 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
- Algeo J., 1988. The Tag Question in British English: It's Different I'nit? // *Sociology. English World-Wide*. № 9. P. 171–191.
- Baker P., 2006. *Using Corpora in Discourse Analysis*. L.: Continuum. 198 p.
- Baker P., 2012. Acceptable Bias? Using Corpus Linguistics Methods with Critical Discourse Analysis // *Critical Discourse Studies*. Vol. 9. P. 247–256. URL: [http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/acceptable-bias\(f059d10e-5292-4379-8d0d-ce729bfe6373\)/export.html](http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/acceptable-bias(f059d10e-5292-4379-8d0d-ce729bfe6373)/export.html) (date of access: 24.04.2021).
- Baker P., Gabrielatos C., Khosravini M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R., 2008. A Useful Methodological Synergy? Combining Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics to Examine Discourse of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press // *Discourse and Society*. Vol. 19 (3). P. 273–306. DOI: 10.1177/0957926508088962.
- Baker P., McEnery A., 2015. *Corpora and Discourse Studies: Integrating Discourse and Corpora*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 310 p.
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E., 1999. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Essex: Pearson Education Limited. 1204 p.
- Brezina V., 2018. Statistical Choices in Corpus-Based Discourse Analysis // *Corpus Approaches to Discourse* / ed. by Ch. Taylor, A. Marchi. Oxford: Routledge. P. 259–280.
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press. 325 p. (Studies in International Sociolinguistics; 4).
- Cameron D., 1997. Dreaming the Dictionary: Keywords and Corpus Linguistics // *KeyWords*. № 1. P. 35–45.
- Downing A., 2015. *English Grammar: A University Course*. 3rd ed. N. Y.: Routledge. 652 p.
- Dubois B. L., Crouch I., 1975. The Question of Tag Questions in Women's Speech: They Don't Really Use More of Them, Do They? // *Language in Society*. Vol. 4, № 3. P. 289–294.
- English Language: Description, Variation and Context, 2018 / ed. by J. V. Culpeper, P. Kerswill, R. Wodak, T. McEnery, F. Katamba. 2nd ed. L.: Palgrave Macmillan. 686 p.
- Fox K., 2004. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior*. L.: Hodder. 424 p.
- Friginal E., Hardy J., 2014. *Corpus-Based Sociolinguistics: A Guide for Students*. L.; N. Y.: Routledge. 312 p.
- Holmes J., 1983. The Functions of Tag Questions // *English Language Research Journal*. № 3. P. 40–65.
- Kimps D., 2007. Declarative Constant Polarity Tag Questions: A Data-Driven Analysis of Their Form, Meaning and Attitudinal Uses // *Journal of Pragmatics*. № 39 (2). P. 270–291.
- Kimps D., 2018. *Tag Questions in Conversation: A Typology of Their Interactional and Stance Meanings*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 250 p.
- Lakoff R., 1975. *Language and Woman's Place*. N. Y.: Harper and Row. 328 p.
- Mautner G., 2009. *Corpora and Critical Discourse Analysis // Contemporary Approaches to Corpus Linguistics* / ed. by P. Baker. L.: Continuum. P. 32–46.
- Nässlin Siv., 1984. *The English Tag Question: A Study of Sentences Containing Tags of the Type ISN'T IT?* Stockholm: Almqvist and Wiksell. 204 p. (Stockholm Studies in English; 60).
- Partington A., 2004. *Corpora and Discourse, a Most Congruous Beast* // *Corpora and Discourse* / ed. by A. Partington, J. Morley, P. Bayley. Bern: Peter Lang. P. 11–20.
- Partington A., 2010. Modern Diachronic Corpus-Assisted Discourse Studies on UK Newspapers: An Overview of the Project // *Corpora*. Vol. 5, iss. 2. P. 83–108.
- Pearson J. C., West R., Turner L. H., 2005. *Gender and Communication*. N. Y.: McGraw-Hill. 285 p.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J., 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. L.: Longman. 1779 p.
- Stubbs M., 1997. Whorf's Children: Critical Comments on Critical Discourse Analysis // *Evolving Models of Language*. Clevedon: Multilingual Matters. P. 100–116.
- Stubbs M., Gerbig A., 1993. *Human and Inhuman Geography: On the Computer-Assisted Analysis of Long Texts* // *Data, Description, Discourse: Papers on the English Language in Honour of John McH Sinclair on his Sixtieth Birthday* / ed. by M. Høye. L.: Harper Collins. P. 64–85.
- Tottie G., Hoffmann S., 2006. Tag Questions in British and American English // *Journal of English Linguistics*. № 34. P. 283–311. DOI: 10.1177/0075424206294369.
- Tottie G., Hoffmann S., 2009. Tag Questions in English: The First Century // *Journal of English Linguistics*. № 37 (2). URL: <https://doi.org/10.1177/0075424209332962> (date of access: 11.04.2021).

REFERENCES

Evsikova E.A., 2017. Razdelitelnyy vopros i obrashcheniye kak aktualizatory faktora

- vozdeystviya na adresata v angliyskom dialogicheskom diskurse [A Tag Question and a Direct Address as Actualizers of Addressee Speech Impact in English Interpersonal Discourse]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], no. 3 (33), pp. 243-248. URL: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2017_3.pdf (accessed 16 April 2021).
- Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptsov G.G., 1981. *Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka* [Theory of Modern English Grammar]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 285 p.
- Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2018. Diskursivnaya samoreprezentatsiya lichnosti v angloyazychnom mezhlichnostnom obshchenii: korpusnyy pragmasotsiolingvisticheskiy analiz [Self-Representation in English Spoken Discourse: Corpus-Based Pragmatic-and-Sociolinguistic Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 3, pp. 35-48. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.4>.
- Iriskhanova O.K., 2009. Rechevye akty uklo-neniya: na styke kognitologii i pragmatiki [Speech Acts of Evasion: The Border Line Between Cognitive and Pragmatic Sciences]. *Gorizonty sovremennoy lingvistiki: traditsii i novatorstvo* [Horizons of Modern Linguistics: Traditions and Innovations]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 684-693.
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., eds., 2017. *Istoricheskaya dinamika diskursivnykh praktik* [On Historical Dynamics of Discourse Practice]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 228 p.
- Karasik V.I., 2017. *Yazykovaya plastika obshcheniya* [Language Plasticity of Communication]. Volgograd, Paradigma Publ. 462 p.
- Klepikova T.A., 2017. Kommunikativnyy status zavisimoy propozitsii v svete teorii lingvisticheskogo metareprezentirovaniya [Communicative Status of Dependent Propositions in Linguistic Metarepresentations]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 31, pp. 36-46.
- Kogotkova S.S., 2013. Funktsii razdelitelnykh voprosov v delovom intervyu-dialoge [Functions of Tag Questions in Business Interview-Dialogue]. *Rusistika* [Russian Language Studies], no. 2, pp. 101-105. URL: <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies/article/view/10317/9768> (accessed 26 February 2021).
- Kozhedub N.V., 2017. Kommunikativno-pragmatische osobennosti razdelitelnykh voprosov v perekrestnom doprose [Communicative and Pragmatic Peculiarities of Tag Questions in Crossexamination]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], no. 3, pp. 62-65. URL: <http://vestnik43.ru/3-2017-vgu.pdf> (accessed 16 April 2021).
- Larina T.V., 2003. 'Privacy', ili avtonomiya lichnosti, kak vazhneyshiy kontsept angliyskoy kultury [Privacy, or Autonomy of the Person, As Major Concept of English Culture]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki: metodika ikh prepodavaniya* [Journal of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Russian and Foreign Languages: Methods of Teaching], no. 1, pp. 128-134. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9900661> (accessed 16 April 2021).
- Larina T.V., 2013. Anglichane i russkie: yazyk, kultura, kommunikatsiya [English and Russians: Language, Culture, Communication]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 360 p.
- Lebedeva I.S., 2019. «Razdelitelnyy vopros», ili universalnyy kommunikativnyy khod? K istorii voprosa [Tag Question, or the Universal Code of Communication? On the History of the Topic]. *Funktionalno-kognitivnye aspekty aktualizatsii grammaticheskikh form i struktur v sinkhronii i diakhronii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Functional-and-Cognitive Aspects of Actualization of Grammatical Forms and Structures in the Focus of Synchrony and Diachrony (On the Bases of the English Language)]. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, pp. 267-352.
- Leontovich O.A., 2011. *Metody kommunikativnykh issledovaniy* [Methods of Communication Studies]. Moscow, Gnozis Publ. 224 p.
- Matveeva G.G., Lenets A.V., Petrova E.I., 2013. *Osnovy pragmalingvistiki* [Introduction to Pragmatic Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 232 p.
- Pribytok I.I., 2008. *Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka* [Theory of English Grammar]. Moscow, Akademiya Publ. 382 p.
- Selezneva V.V., Evsikova E.A., Tarverdyan A.Sh., 2019. Angliyskiy razdelitelnyy vopros kak lingvoekologichnyy fenomen mezhlichnostnogo obshcheniya [English Tag Question as Linguo-Ecological Phenomenon of Interpersonal Communication]. *Nauchnyy dialog*, no. 7, pp. 107-123. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-107-123.
- Sirotnina O.B., 2013. *Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [The Russian Language:

- System, Usage and Risks, Produced by Them]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta. 116 p.
- Sorokina T.S., Machina O.A., Salkova M.A., Lebedeva I.S., 2019. *Funkcionalno-kognitivnye aspekty aktualizatsii grammaticheskikh form i struktur v sinkhronii i diakhronii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Functional-and-Cognitive Aspects of Actualization of Grammatical Forms and Structures in the Focus of Synchrony and Diachrony (On the Bases of the English Language)]. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, 386 p.
- Chernyavskaya V.E., 2017. Metodologicheskie vozmozhnosti diskursivnogo analiza v korpusnoy lingvistike [Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-driven Linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 50, pp. 135-148. DOI: 10.17223/19986645/50/9.
- Chernyavskaya V.E., 2018. Diskursivnyy analiz i korpusnye metody: neobkhodimoe dokazatelnoe zveno? Obyasnitelnye vozmozhnosti kachestvennykh i kolichestvennykh podkhodov [Discourse Analysis and Corpus Approaches: A Missing Evidence-based Link? Towards Qualitative and Quantitative Approaches in Language Studies]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2 (55), pp. 31-37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
- Algeo J., 1988. The Tag Question in British English: It's Different I'nit? *Sociology. English World-Wide*, no. 9, pp. 171-191.
- Baker P., 2006. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London, Continuum. 198 p.
- Baker P., 2012. Acceptable Bias? Using Corpus Linguistics Methods with Critical Discourse Analysis. *Critical Discourse Studies*, vol. 9, pp. 247-256. URL: [http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/acceptable-bias\(f059d10e-5292-4379-8d0d-ce729bfe6373\)/export.html](http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/acceptable-bias(f059d10e-5292-4379-8d0d-ce729bfe6373)/export.html) (accessed 24 April 2021).
- Baker P., Gabrielatos C., Khosravini M., Krzyzanowski M., McEnery T., Wodak R., 2008. A Useful Methodological Synergy? Combining Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics to Examine Discourse of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press. *Discourse and Society*, vol. 19 (3), pp. 273-306. DOI: 10.1177/0957926508088962.
- Baker P., McEnery A., 2015. *Corpora and Discourse Studies: Integrating Discourse and Corpora*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 310 p.
- Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S. Finegan E., 1999. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Essex, Pearson Education Limited. 1204 p.
- Brezina V., 2018. Statistical Choices in Corpus-Based Discourse Analysis. Taylor Ch., Marchi A. *Corpus Approaches to Discourse*. Oxford, Routledge, pp. 259-280.
- Brown P., Levinson S., 1987. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press. 325 p. (Studies in International Sociolinguistics; 4).
- Cameron D., 1997. Dreaming the Dictionary: Keywords and Corpus Linguistics. *KeyWords*, no. 1, pp. 35-45.
- Downing A., 2015. *English Grammar: A University Course*. New York, Routledge. 652 p.
- Dubois B.L., Crouch I., 1975. The Question of Tag Questions in Women's Speech: They Don't Really Use More of Them, Do They? *Language in Society*, vol. 4, no. 3, pp. 289-294.
- Culpeper J.V., Kerswill P., Wodak R., McEnery T., Katamba F., eds., 2018. *English Language: Description, Variation and Context*. London, Palgrave Macmillan. 686 p.
- Fox K., 2004. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior*. London, Hodder. 424 p.
- Friginal E., Hardy J., 2014. *Corpus-Based Sociolinguistics: A Guide for Students*. London, New York, Routledge. 312 p.
- Holmes J., 1983. The Functions of Tag Questions. *English Language Research Journal*, no. 3, pp. 40-65.
- Kimps D., 2007. Declarative Constant Polarity Tag Questions: A Data-Driven Analysis of Their Form, Meaning and Attitudinal Uses. *Journal of Pragmatics*, no. 39 (2), pp. 270-291.
- Kimps D., 2018. *Tag Questions in Conversation: A Typology of Their Interactional and Stance Meanings*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. 250 p.
- Lakoff R., 1975. *Language and Woman's Place*. New York, Harper and Row. 328 p.
- Mautner G., 2009. Corpora and Critical Discourse Analysis. Baker P., ed. *Contemporary Approaches to Corpus Linguistics*. London, Continuum, pp. 32-46.
- Nässlén Siv., 1984. *The English Tag Question: A Study of Sentences Containing Tags of the Type ISN'T IT?* Stockholm, Almqvist and Wiksell. 204 p. (Stockholm Studies in English; 60).
- Partington A., 2004. Corpora and Discourse, a Most Congruous Beast. Partington A., Morley J., Bayley P., eds. *Corpora and Discourse*. Bern, Peter Lang, pp. 11-20.
- Partington A., 2010. Modern Diachronic Corpus-Assisted Discourse Studies on UK Newspapers: An Overview of the Project. *Corpora*, vol. 5, iss. 2, pp. 83-108.

- Pearson J.C., West R., Turner L.H., 2005. *Gender and Communication*. New York, McGraw-Hill. 285 p.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J., 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London, Longman. 1779 p.
- Stubbs M., 1997. Whorf's Children: Critical Comments on Critical Discourse Analysis. *Evolving Models of Language*. Clevedon, Multilingual Matters, pp. 100-116.
- Stubbs M., Gerbig A., 1993. Human and Inhuman Geography: On the Computer-Assisted Analysis of Long Texts. Hoyer M., ed. *Data, Description, Discourse: Papers on the English Language in Honour of John McH Sinclair on his Sixtieth Birthday*. London, Harper Collins, pp. 64-85.
- Tottie G., Hoffmann S., 2006. Tag Questions in British and American English. *Journal of English Linguistics*, no. 34, pp. 283-311. DOI: 10.1177/0075424206294369.
- Tottie G., Hoffmann S., 2009. Tag Questions in English: The First Century. *Journal of English Linguistics*, no. 37 (2). URL: <https://doi.org/10.1177/0075424209332962> (accessed 11 April 2021).

Information About the Authors

Larisa A. Kochetova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, kochetova@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Elena Yu. Ilyinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ilynov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of English Language Theory and Translation Studies, Saint Petersburg State University of Economics, Sadovaya St, 21, 191023 Saint Petersburg, Russia, tklepikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9745-5201>

Информация об авторах

Лариса Анатольевна Кочетова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, kochetova@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Елена Юрьевна Ильинова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ilynov@volsu.ru, english_philology@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Татьяна Альбертовна Клепикова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ул. Садовая, 21, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия, tklepikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9745-5201>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.7>

UDC 81'42:003.074

LBC 81.055.51.3

Submitted: 22.03.2020

Accepted: 07.06.2021

THE NATURE OF CHINESE AND RUSSIAN SUBCULTURES IN URBAN DISCOURSE ¹

Olga A. Leontovich

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia;
Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China

Nadezhda N. Kotelnikova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper seeks to examine the communicative aspect of modern Chinese and Russian urban subcultures. The nominations of urban social groups representing young people in Russia and China and their connection to modern communication practices are viewed from the perspective of urban communication studies, which provides an opportunity for a new comprehension of issues connected with verbal and nonverbal constituents of urban discourse. The indicators that the subcultures in the Russian urban landscape are reflected in such nominations as *фрики (freaki)*, *мажоры (majory)*, *хипстеры (hipstery)*, *брейк-дансеры (break-dancery)*, *байкеры (bikery)*, etc. The Chinese subcultures are known under such names as *shamate*, *xiaoqingxin*, *tuyayawenhua*, *erciyuanyawenhua*, *egaoyawenhua* and many others. We argue that in both countries the unity of social subgroups is based not so much on ideological preferences, but rather on lifestyles, hobbies and interests, many of them formed under the Western influence. The subcultures discussed in the research represent a broad panorama of Chinese and Russian social life. They reflect the sociocultural dynamics of attitudes, values and lifestyles influenced by globalization but acquiring nationally specific features, which transform them into unique sociocultural phenomena.

Key words: subcultures, nominations, China, Russia, urban communication studies.

Citation. Leontovich O.A., Kotelnikova N.N. The Nature of Chinese and Russian Subcultures in Urban Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 87-96. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.7>

УДК 81'42:003.074

ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 22.03.2020

Дата принятия статьи: 07.06.2021

КИТАЙСКИЕ И РОССИЙСКИЕ СУБКУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАУРБАНИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ¹

Ольга Аркадьевна Леонтович

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия;
Тяньцзиньский университет иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китай

Надежда Николаевна Котельникова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению современных китайских и российских субкультур в коммуникативном аспекте. Номинации молодежных социальных групп в китайских и российских городах, а также связанные с ними коммуникативные тактики рассмотрены с позиций медиаурбанистики, что дает возможность по-новому осмыслить проблемы структуры городского дискурса – соотношение его вербальной и невербальной составляющих. Выявлено, что российские субкультуры отражены в таких номинациях, как *фрики*, *мажоры*, *хипстеры*, *брейк-дансеры*, *байкеры* и т. д.; китайские, в свою очередь, известны под такими названиями, как *杀马特 shamate*, *小清新 xiaoqingxin*, *涂鸦亚文化 tuyayawenhua*, *二次元亚文化 erciyuanyawenhua*, *恶搞亚文化 egaoyawenhua* и др. Установлено, что в обеих странах единство социальных

групп определяется не столько идеологическими факторами, сколько стилем жизни, увлечениями и интересами, многие из которых сформированы под влиянием Запада. Обсуждаемые субкультуры представляют широкую панораму жизни большого города в России и КНР. В них отражается динамика менталитетов, ценностей и образа жизни, складывающихся в условиях глобализации, но обретающих национально-специфические черты, трансформирующие их в уникальные социокультурные сообщества.

Ключевые слова: субкультуры, номинации, Китай, Россия, медиаурбанистика.

Цитирование. Леонтович О. А., Котельникова Н. Н. Китайские и российские субкультуры в контексте медиаурбанистического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 87–96. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.7>

Introduction

The pulsating rhythm of urban life, its polyphony and diversity which are nowadays experienced by over half of humankind, define the key principles and strategies of human interaction, power relations and tendencies of social development. This enhances the significance of urban studies carried out in different fields of knowledge, such as architecture, sociology, political science, economics, communication studies, linguistics, etc. There is a great increase of the volume of publications, conferences and symposiums tackling the nature and contextualization of urban discourse.

The purpose of this paper, which constitutes part of a broader investigation entitled “Language of a Big City: Media Urban Discourse in Russia and China” and supported by the Russian Foundation for Basic Research, is to examine the communicative aspect of modern Chinese and Russian urban subcultures.

Theoretical background and research methods

The study draws from a number of theories dealing with urban life and represented in the works by Simmel [1903/1950], Weber [1922/1978; 1923/1966], Mellor [1977], etc. (see a detailed review in: [Encyclopedia of Urban Studies, 2010; Kvyat, 2014; Parker, 2015]). The founders of Russian urban studies termed as *gorodovedeniye* or *gradovedeniye* are the historians Grevs and Antsiferov (as cited in: [Yunakovskaya, 2011]).

Modern authors are trying to give new interpretations of the concepts *city* and *the urban* taking into account the realities and rhythms of contemporary life. Aiello and Tosoni [2016, p. 1253] differentiate between *city as context*, *city*

as medium and *city as content*, the combination of which constitutes a city as a source and product of interactions, practices and narratives. Scholars believe that the term *the urban* embodies social practices, networks and patterns of interpersonal and intergroup communication. The new times are marked by the emergence of such notions as *creative cities* and *smart cities* [Aurigi, 2005, 2012; Pratt, 2011]. The proponents of the so called *new urbanism* promote the ideas of the creation of open urban space, context architecture, green zones, reasonable balance between office and residential buildings, reduction of transportation flows, preservation of historical buildings, etc. (for example see: [The Charter of the New Urbanism]).

The urban landscape is traditionally understood as a physical environment – houses, streets, squares, engineering constructions, etc. A different approach is suggested by Lefebvre [1991] who interprets a city as a live organism and indicates that space is not anything given by nature and permanent but constantly developing and reproduced on the basis of social change. He delineates physical, mental and social space and writes about multiple definitions of space – geographical, economic, demographic, sociological, political, etc. Contemplating the role of language in an urban landscape, Lefebvre poses the following questions: does language logically, epistemologically and genetically precede the construction of social space or is it its product? How is space read and decoded? The author comes to the conclusion that space is a sort of *surcodage*, *code des codes* (code of codes) [Lefebvre, 1991, pp. 20-27].

Lefebvre’s definitions applied to urban communicative space can act as a foundation for investigating it from different perspectives, such as the territorial organization of space, its configuration, road networks, correlation between the city centre and peripheries, built and unbuilt urban space, division into communities as a result of

social segregation, special distribution of languages and sociolects, philosophy of environmental conservation, etc. [Leontovich, 2020].

The application of the notion *border* to urban society allows scholars to research the boundaries between communities, languages, dialects, cultures and subcultures, (im)possibility of crossing them and the connection between space and identity. The notion of space is also related to the problems of (in)equality, existence of poor and rich housing, prestigious and unprestigious areas, as well as the controversial character of urban space [Leontovich, 2020; Tarantino, Tosoni, 2013]. The investigation of a big city from the perspective of media urban studies provides an opportunity of a new comprehension of issues connected with verbal and nonverbal constituents of urban discourse.

Our research is based on the principles of critical discourse analysis, narratology, semiotics and urban communication studies which have been fruitfully applied to the study of different aspects of urban discourse [Bakumova, Kotelnikova, 2019; Chen, Leontovich, 2020; Kotelnikova, 2019; Leontovich, 2018; 2020], such as historical memories and their reflection in the urban landscape, the correlation between public discourse and the citizen's private life, social advertising as a reflection of universal and culturally specific values, ethnic, cultural and linguistic diversity of urban communication, new urban communicative practices, the reflection of the COVID-19 pandemic in Russian and Chinese media urban discourse, etc.

The present paper discusses the new nominations of urban social groups representing young people in Russia and China and their connection to modern communication practices. The research employs the methods of definition analysis, discourse analysis, semiotic analysis and contextual analysis. We argue that in both countries, the unity of social subgroups is based not so much on ideological preferences, but rather on lifestyles, hobbies and interests, many of them formed under the Western influence.

Discussion

A high degree of diversification typical of a big city accounts for the emergence of

new social groups and is reflected in language in the form of a broad semantic class of words nominating social groups. It is developed on the basis of numerous differential elements such as age, gender, profession, ethnicity, etc. The city is interpreted as a real and abstract (imagined) community (e.g. *citizens*, *city authorities*, *creative elite*). The interaction in an urban context happens on the level of interpersonal and group communication, as well as between an individual and urban community, city administration, mass media and so on.

On the one hand, the image of a city is formed on the basis of its citizens' collective identity; on the other hand, the city influences peoples' individual identity defining them as inhabitants of Moscow, Volgograd, Beijing, Tianjin, etc. Social advertising can act as a significant visual factor affecting the citizens' mind and expressing universal and culturally specific values. Every city is characterized by the existence of certain communication patterns and networks typical of local urban communities (districts, yards and youth groups); fluctuation between various language codes and repertoires; different forms of urban activism and the contribution of urban practices to the formation of different subcultures.

Subcultures have been analysed from different perspectives [Fine, Kleinman, 1979; Hall, Jefferson, 2006; etc.]. The common approach among Russian scholars [Gurevich, 1998; Levikova, 2007; Omelchenko, 2000; Sikevich, 1990] is to view them as part of national culture, with their own systems of values, norms, customs, traditions, behavior and lifestyle. Chinese researchers give similar definitions to the notion of 'subculture' (亚文化) but emphasise that it is an alternative to dominant culture displaying some deviations from it without denying its essence [高丙中, 1997, p. 113; 许苏民, 1990, p. 145].

In contemporary society, there is a tendency to view subcultures not as integral ways of living and mindsets, but rather recreational practices and virtual communities [Galushina, 2016, c. 134]. If a while ago it was common to belong to one subculture, nowadays it is normal to be part of several subcultures at a time, which means that the notion of subculture has been replaced by a 'cultural mix'. The 'post-subcultural theory' accommodates the "increasing fragmentation of youth style since the 1980s" [Bennett, Kahn-

Harris, 2004, p. 2] and the specifics of the postmodern state of society and culture. According to this approach, the hard and fast lines between subcultural divisions have dissolved and identity has become less outwardly apparent [Bennett, Kahn-Harris, 2004, p. 2]. The elements of different styles are mixed and modern subcultural identity does not replace but rather supplements mainstream social existence.

Bakumova and Kotelnikova [2019] have described a number of new nominations of Chinese subcultures reflecting modern trends in society. They are predominantly formed with the help of a highly productive suffix morpheme 族 of Japanese origin, which denotes a group of people united by a general characteristic or activity [王晓静, 2010; 肖遥遥, 2009]. The neologisms based on the «X 族» pattern often include borrowed elements, which testifies to the influence of globalization processes in Chinese society. A good example is the word 辣奢族, the initial component of which is 辣奢 *lashe* – a phonetic calque from the English word ‘luxury’. The lexeme 辣奢族 is used to denote young people born in the 1980s – 90s, mostly with a good income, who strive to live a life of luxury and are trying to emphasise their social status by means of different accessories. Their consumerism is based on the obsession with fashionable brands, even if it contradicts common sense. Other examples in this group of nominations are: 乐活族 *lashezu* (people leading a healthy lifestyle) stemming from the English abbreviation LOHAS (lifestyle of health and sustainability); 尼特族 *nitezu* (a ‘no-no generation’ – young people who don’t work or study) derived from the English acronym NEET (Not in Employment, Education or Training); 飞特族 *feitezu* (so called ‘free workers’ – young people who do not have a permanent job and live on occasional earnings) based on the combination of the English word *free* and German *arbeiter* [Bakumova, Kotelnikova, 2019; 肖遥遥, 2009; 王思妮, 2010; 流响, 2014].

A very different social group is 蚁族 *yizu* (‘ant tribe’) applied to young people in their twenties, recent university graduates, mostly from agricultural areas or smaller cities who come to Chinese megacities in order to climb the social ladder [赵声馗, 2014]. Because of their low income, they have to live in apartments with numerous lodgers or in old barracks divided into

tiny rooms at the outskirts. From every point of view, they remind ants: they are intelligent, hard-working and live in colonies [Bakumova, Kotelnikova, 2019; Wu Yao, 2017].

The name of another social group that has been rapidly growing is 月光族 *yueguangzu* (from 月 – month; 光 – completely, to the last bit) – a collective nomination for those who spend their monthly income to the last mao. Their characteristic feature is not so much their low income but rather inability to spend their money wisely. This social group is mostly composed of people who grew up without brothers or sisters under the one-child policy, representative of the generation of ‘little emperors’, consumers living under the slogan: “赚多少花多少” (*Spend as much as you have earned*) and differ a lot from the older generation of the Chinese who are very frugal and tend to save money. Another neologism that is acquiring popularity is 月欠族 (月 – month; 欠 – lack, owe), used to denote people who cannot control their spendings, and use online banking to borrow more money that they can earn [Bakumova, Kotelnikova, 2019; 张洪涛, 2019; “月光族”..., 2019].

The high cost of living in megacities has produced a social group called 钟摆族 *zhongbaizu* (‘pendulums’). These are commuters who work in central parts of the city but choose to buy apartments in the outskirts of the city or beyond. The use of the metaphorical image of a pendulum reflects the peculiarities of their life [曾丹, 2010]. China possesses a well developed transportation system, including high-speed railway lines, which contributes to the growth of this social group. All those terms which originated in the internet have become widely used due to mass media.

Both Russian and Chinese megacities are huge sites which provide young people with broad opportunities of self-realization and an endless potential for the formation and development of youth subcultures. As was mentioned above, the consolidating factors are lifestyles, hobbies, interests, etc, rather than ideological preferences. What we could observe during our study was that this landscape is extremely dynamic and rapidly changes: what used to be seen as fashionable yesterday, is no longer perceived as such. The study also shows the fluidity of new subcultures and a lack of distinct boundaries between them.

The subcultures in the Russian urban landscape are reflected in such nominations as *фрики* (*freaki*), *мажоры* (*majory*), *рейверы* (*ravery*), *хипстеры* (*hipstery*), *хип-хоперы* (*hip-hoppery*), *брейк-дансеры* (*break-dancery*), *байкеры* (*bikery*), *панки* (*punki*), *рэперы* (*rappery*), *футбольные фанаты* (*football fanaty*), *экологи-сты* (*ecologisty*), *ролевики* (*roleviki*), *толкиени-сты* (*tolkienisty*), *ЭМО* (*ЕМО*), *аниме* (*anime*), *готы* (*gothy*), *сатанисты* (*satanisty*), etc., most of them evidently stemming from corresponding English words and Western communication practices connected with street art, graffiti and role quests. In many instances they acquire culturally specific features induced by the Russian urban environment. For example, in the 1950s hipster subculture associated with alternative fashion, art, music and films, was adopted in Russia in the form of *stilyagi* and revived after the release of the 2008 cult film with this title.

Specifically Russian communication practices are reconstructions of historical events, ‘posidelki’, ‘kvartirniki’ and ‘anti-cafés’ (see also: [Kvyat, 2013; Leontovich, 2019]).

Some of the subcultures mentioned above, such as hip-hoppers and break-dancers, are to a certain extent represented in the Chinese urban landscape. In most cases they are, however, transformed under the influence of the Chinese social context. For example, the Chinese counterpart of hipster subculture is 文艺青年 *wenyiqingnian* (lit. ‘cultured young people’, or ‘art-loving young people’).

A subculture similar to freaks is 杀马特 *shamate*, which emerged in China at the dawn of the 21st century. The nomination stems from the English word *smart* and denotes young people aged from 16 to 25 years old with basic secondary general or technical school education, coming from rural areas to big cities in order to earn money. Unlike earlier migrants, they are not ready for hard physical labour on construction sites and are happy to find low-paid jobs at factories, hairdressers, grocery stores and delivery services. They are conspicuous because of their flamboyant style, bleached or brightly dyed and teased hair, with lots of hairspray, bright make-up, nails and piercing, unusual loud clothes and plenty of accessories. The *shamate* subculture has been largely influenced by western informal trends, but, unlike them, is devoid of the rebellious spirit

and denial; their only wish is to attract attention by their unconventionality and extravagance. They are eager to capture their bright appearance by taking selfies and posting them on closed chats of the Chinese QQ messenger where they communicate with other subculture members. This is the most disliked and scorned subculture in China ridiculed in real life and on the Internet. They do not want to go back to their villages but cannot find their place in the city. *Shamate* are young provincials without any financial or social support who, on the one hand, strive for self-realization and want to attract attention by their appearance and, on the other, want to be accepted by the urban community [王福帅, 杨阳, 2014; Kotelnikova, 2019].

Shamate subculture is usually juxtaposed to 小清新亚文化 *xiaoqingxin* subculture. The term 小清新 is composed of the words 小 (small) and 清新 (fresh). It has been influenced by the indie-pop music and the works by the female Chinese novelist Li Jie, who publishes on the Internet under the pen-name 安妮宝贝 *Anni Baobei* and is extremely popular among young people. The representatives of the *xiaoqingxin* subculture are predominantly young educated women from well-to-do families with versatile interests, exquisite tastes and positive world perception. They enjoy artwork, travelling alone, certain tastes in music and cinema. They like a certain style in clothes (long linen skirts, checkered shirts, canvas shoes and absence of bright make-up). An important accessory is a LOMO camera – photography is an important form of self-expression which gives them an opportunity to capture the beauty of the world, find magic in mundane existence and share their thoughts and feelings. They usually have their personal pages and blogs in social networks where they publish their photographs and literary essays. *Xiaoqingxin* are romantic dreamers who oppose themselves to mainstream culture. However, due to the attention of mass media and public approval, this subculture has become so popular and has acquired so many imitators that it runs the risk of becoming mainstream itself [刘黎黎, 2013, pp. 72-73].

二次元亚文化 *erciyuan yawenhua* (2D subculture) unites the admirers of two-dimensional animation and computer games in the Japanese style *anime* comics. In Russia this subculture is often called by the Japanese word

otaku. The word 御宅族 *yuzhaizu* is actively used in Chinese, however, it is applied to young people who live a lonely life, avoid real contacts and spend all their free time on the internet [譙燕, 2012, p. 5]. The literal translation of the word *otaku* is ‘your home’, so its etymology explains this usage. Undoubtedly, the representatives of the 2D subculture include people who can be called *otaku*, but the 2D subculture itself does not presuppose confinement and a secluded life style. It has plenty of followers in China – 153 million fans (二次元迷), each of them spending around 1700 yuans a year on goods connected with anime, which gives a strong impulse to the development of 2D industry. According to the statistical information published by the Chinese biggest media platform “Sina Weibo” (新浪微博), the age of the 2D fans is very diverse. The representatives of this subculture have no common ideology – they are just interested in certain media products. They are also characterized by the use of a common slang – mostly words borrowed from Japanese and usually emotionally coloured. The representatives of the 2D subculture hold numerous events which provide broad opportunities for offline communication: anime-festivals, exhibitions, thematic parties, etc. Some of them are held on an amazingly huge scale. For example, in 2017 “The Chinese International Anime Festival” annually held in Hangzhou city, united participants from 82 countries of the world. During six days the festival was attended by over 1.39 million people [139 万..., 2017]. One of the new communication practices associated with 2D subculture is 动漫角色扮演 – *cosplay* (abbreviated from ‘costume play’) – a game in which anime and computer game characters are personified not only through their appearance but also their behaviour, manner of speech, phrases and gestures. Some of the representatives of 2D subculture copy their favourite characters not only in *cosplay*, but also in everyday life.

Graffiti subculture is popular both in Russia and China. It is formed by graffiti writers whose solidarity is based on their interest for wall art and the desire to express an idea or produce an emotional response in the spectators with the help of compositions painted on urban constructions. The Russian graffiti movement which originated in the USSR in the 1980s, acquired mass character by the late 1990s and is still on the rise. It is

interesting to note that the annually held street art festival bears the name “SNICKERS УРБАНИЯ”; its unusual spelling being an example of creative language use.

In China the representatives of graffiti subculture (涂鸦亚文化 *tuya yawenhua*) are not so numerous as some others, however, their artistic activities have a great influence on the image of Chinese cities. The Chinese version of subculture emerged in Beijing in 1996 after the penetration of hip-hop to China and at first was disapproved of by city dwellers. It is not without reason that originally this type of street art was called 涂鸦 *tuya*, which literally means ‘to smudge crows’ or ‘scribble’. This word stems from an old poem by Lu Tong (VIII–IX century) devoted to his little son who often smudged his books with ink. At present the art of graffiti has acquired popularity, and in big cities there are special walls assigned for graffiti writers. For example, the authorities of Chongqing city have dedicated a whole street Huangjueping (黄桷坪涂鸦街) for graffiti. Thirty-seven buildings with a total space of 50 thousand square meters in that street are covered with colourful art. This street is one of the biggest graffiti projects not only in China but in the whole world. However, in big Chinese cities the artistic self-expression of graffiti writers outside special zones is not welcomed and is seen as damage to the urban landscape [庞彦, 2011, p. 183]. That is why the modern tendency is the relocation of street art to the internet. Many graffiti writers create their works primarily in order to photograph them and post them on the internet so that a short-lived piece of art could continue its life online [Kotelnikova, 2019, p. 29].

In modern information society, online communication, including social networks and internet forums, has become an urgent need for people both in Russia and China. As a consequence, we can observe the emergence of internet subcultures which have acquired their own systems of values, language, manner of behaviour and other representations. At present the global network houses numerous internet subcultures, the most popular of which in both countries are *gamers*, *bloggers*, *huckers*, *trolls*, etc.

One of the most widely spread Chinese internet subcultures is *egao* (恶搞亚文化) formed by means of morpheme contraction from the word combination 恶意搞笑 (to joke viciously).

Chinese sociologists apply the term *egao* to the practice of changing famous literary works, films, songs, videoclips, advertisements or imitating a celebrity by means of parody, collage, hyperbole, etc. in order to achieve a comic effect [胡疆锋, 2008, p. 5; 张林, 2014, p. 338]. The result can be represented in the form of text, audio- or video material, photography or comics presented on the internet. The proliferation of this subculture was facilitated by such programs as *Photoshop* and *Premiere*, available for wide masses of internet users. *Egao* became so popular in China that it spread from the internet to television, newspapers and magazines. The *egao* subculture is predominantly represented by young people displaying critical, ironic or sarcastic perception of reality. *Egao* personifies the Chinese version of freedom of speech; however, its representatives produce contradictory impressions on the public. According to the results of a sociological survey carried out by “The Chinese Youth Newspaper”, 89,9% of respondents believe that there should be certain limits – tabooed topics which cannot be ridiculed, such as national heroes [蔡骥, 谢莹, 2008, p. 50].

The discourse analysis of Russian and Chinese subcultures also yields information about attitudes towards particular social groups. For example the Russian term *majory* (young people whose influential parents provide them with money and social benefits) has a negative connotation, as well as the Chinese nomination 土豪 *tuhao* denoting the uncouth new rich who are fond of golden iPhones and expensive cars decorated with Swarovski crystals. The latter is juxtaposed to the positively marked terms 高富帅 *gaofushuai* (lit. *tall, rich, handsome*, ‘prince on a white horse’) denoting an educated rich man with high social standing, and 白富美 *baifumei* (lit. *white, rich, beautiful*) – an attractive young woman with good manners and lots of money.

Subcultures form networks in which people are connected with each through different communication channels. The internet provides practically unlimited opportunities for such communication. The sign of our time is the transfer from interpersonal to technologically mediated communication. However, it is possible to notice a reverse process – from internet-based to offline forms of interaction. The changes in discourse patterns are associated with the growth

of a new generation, with its own aspirations, perception of the environment and desire for social changes – all the factors that have a profound effect on contemporary urban life and its semiotic representation.

Final considerations

The subcultures discussed in our research are only a fraction of the urban mosaic representing a broad panorama of Chinese and Russian social life. They reflect the sociocultural dynamics of attitudes, values and lifestyles. Modern big cities as a complex medium of socialization are becoming more tolerant of differences in multiple forms of people’s behaviour. Globalization processes, mostly under the western influence, and the integration of cities into the world cultural space account for their universal character; however, they acquire nationally specific features transforming them into unique sociocultural phenomena.

NOTE

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project № 17-29-09114.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09114.

REFERENCES

- Aiello G., Tosoni S., 2016. Going About the City: Methods and Methodologies for Urban Communication Research – Introduction. *International Journal of Communication*, vol. 10, pp. 1252-1262.
- Aurigi A., 2005. *Making the Digital City*. Aldershot, Ashgate Publ. 236 p.
- Aurigi A., 2012. Reflections Towards an Agenda for Urban-Designing the Digital City. *Urban Design International*, vol. 18, iss. 2, pp. 131-144.
- Bakumova E., Kotelnikova N., 2019. Linguistic Expression of the Social Stratification of Chinese Urban Society. *SHS Web of Conferences (The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (Volgograd, April 23–28, 2019))*. Volgograd, s. n. Vol. 69. DOI: 10.1051/shsconf/20196900011.
- Bennett A., Kahn-Harris K., 2004. *After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture*.

- Basingstoke, Hants., New York, Palgrave Macmillan. 195 p.
- Chen Fachun, Leontovich O., 2020. A Tale of Two Cities: Historical Narratives in the Russian and Chinese Urban Landscapes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 2, pp. 78-85. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.7>.
- Encyclopedia of Urban Studies*, 2010. Green Bay, University of Wisconsin. 1080 p.
- Fine G.A., Kleinman S., 1979. Rethinking Subculture: An Interactionist Analysis. *American Journal of Sociology*, vol. 85, no. 1, pp. 1-20.
- Galushina N.S., 2016. Subkultura: yazyki opisaniya v menyayushchihsiya sociokulturnyh kontekstah [Subcultures: Description Languages in the Changing Sociocultural Contexts]. *RSUH/RGGU Bulletin: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, vol. 11, no. 2, pp. 120-135. DOI: 10.28995/2686-7249-2016-2-120-135.
- Gurevich P.S., 1998. Subkultura [Subculture]. *Kul'turologiya. XX vek. V 2 t. T. 2: enciklopediya* [Cultural Studies. 20th Century. In 2 Vols. Vol. 2. Encyclopedia]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., pp. 450-453.
- Hall S., Jefferson T., eds., 2006. *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain*. London, Routledge. 292 p.
- Kotelnikova N.N., 2019. Molodezhnye subkul'tury v mediaurbanisticheskom prostranstve sovremennogo kitayskogo goroda [Youth Subcultures of a Modern Chinese City in the Context of Urban Communication Studies]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], vol. 1, pp. 25-32. DOI: 10.24866/1997-2857/2019-1/25-32.
- Kvyat A.G., 2013. Novye kommunikativnye praktiki v rossiyskikh gorodakh [New Communication Practices in Russian Cities]. Dzyaloshinskiy I.M., Pil'gun M.A., eds. *Razvitiye russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy: materialy nauch.-prakt. konf.* [Development of the Russian-Language Media Space: Communication and Ethical Problems. Conference Materials]. Moscow, Izd-vo APK i PPRO, pp. 351-360.
- Kvyat A.G., 2014. Istoriya zarubezhnykh gorodskikh kommunikativnykh issledovaniy [The History of Foreign Urban Communication Studies]. *Mediaskop* [Mediascope], vol. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/1598>.
- Lefebvre H., 1991. *The Production of Space*. Malden, Blackwell. 464 p. (Original work published in 1974).
- Leontovich O.A., 2018. The All-Seeing Eye of the City from the Perspective of Urban Communication Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 206-213. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.20>.
- Leontovich O.A., 2019. New Forms of Urban Discourse As a Reflection of Social Change. *Communication Studies*, vol. 6, no. 3, pp. 645-654. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).645-654.
- Leontovich O.A., 2020. Yazyk bolshogo goroda: klyucheveye problemy mediaurbanistiki [Language of a Big City: Key Issues of Urban Communication Studies]. *Etnopsikholingvistika* [Ethnopsycholinguistics], vol. 3, pp. 19-34. DOI: 10.31249/epl/2020.03.02.
- Levikova S.I., 2007. *Molodezhnaya kul'tura* [Youth Culture]. Moscow, Vuzovskaya kniga. 360 p.
- Mellor J.R., 1977. *Urban Sociology in an Urbanized Society*. London, Routledge & Kegan Paul. 328 p.
- Omelchenko E.L., 2000. *Molodezhnye kul'tury i subkul'tury* [Youth Cultures and Subcultures]. Moscow, Institut sotsiologii RAN Publ. 262 p.
- Parker S., 2015. *Urban Theory and the Urban Experience. Encountering the City*. London, New York, Routledge. 290 p.
- Pratt A.C., 2011. The Cultural Contradictions of the Creative City. *City, Culture and Society*, vol. 2, iss. 3, pp. 123-130.
- Sikevich Z.V., 1990. *Molodezhnaya kul'tura: «za» i «protiv»: Zametki sotsiologa* [Youth Culture: "For" and "Against": Notes of a Sociologist]. Leningrad, Lenizdat Publ. 206 p.
- Simmel G., 1950. *Metropolis and Mental Life. Sociology of Georg Simmel*. Chicago, Free Press. 523 p. (Original work published in 1903).
- Tarantino M., Tosoni S., 2013. Media and the Social Production of Urban Space: Towards an Integrated Approach Towards the Controversial Nature of Urban Space. *Media & The City: Urbanism, Technology, Communication*. S. 1., Cambridge Scholar Publishing, Newcastle Upon Tyne, pp. 2-31. URL: <http://hdl.handle.net/10807/46851>.
- The Charter of the New Urbanism*. URL: <https://www.cnu.org/who-we-are/charter-new-urbanism>.
- Weber M., 1966. *General Economic History*. New York, Collier Books. 288 p. (Original work published in 1923).
- Weber M., 1978. *The City (Non-Legitimate Domination). Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, University of California Press, vol. 2, part 16, pp. 1212-1372 (Original work published in 1922).
- Wu Yao, 2017. Sravnitelnyi analiz sotsialnykh struktur Rossii i Kitaya [Comparative Analysis of Russian

- and Chinese Social Structures]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Ppedagogics], vol. 5, pp. 57-60.
- Yunakovskaya A.A., 2011. "Jazyk goroda" kak lingvisticheskaja problema ["City Language" As Linguistic Problem]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], vol. 3, pp. 193-197.
- 蔡骥 (Cai Qi), 谢莹 (Xie Ying), 2008. 从“恶搞福娃”现象反思网络恶搞风潮 [Rethinking the Internet Spoof "egao" from the Phenomenon of "Pranking Fuwa"]. *信息安全* [Information Network Security], vol. 6, pp. 50-52.
- 高丙中 (Gao Bingzhong), 1997. 主文化、亚文化、反文化与中国文化的变迁 [Changes in Mainstream Culture, Subcultures, Countercultures and Chinese Culture]. *社会学研究* [Social Science Research], vol. 1, pp. 113-117.
- 胡疆锋 (Hu Jiangfeng), 2008. 恶搞与青年亚文化 [Egao and Youth Subculture]. *中国青年研究* [China Youth Study], vol. 6, pp. 5-10.
- 刘黎黎 (Liu Lili), 2013. "小清新"风格的亚文化解读 [Sub-Cultural Understanding of Fresh and Aestheticism Style]. *艺术百家* [A Hundred Schools in Art], vol. 1, pp. 71-73.
- 流响 (Liu Xiang), 2014. "飞特族"的光与影 [The Light and Shadow of the "Feitezu"]. *高中生: 职教与就业* [High School Students: Vocational Education and Employment], vol. 7, pp. 16-17.
- 庞彦 (Pang Yan), 2011. 浅谈城市涂鸦在中国的合法性 [Talking About the Legality of Urban Graffiti in China]. *文艺生活* [Literature Life], vol. 3, pp. 181-183.
- 社会科学大词典 [Social Science Dictionary], 1989. 彭克宏主编. 北京: 中国国际广播出版社 [Beijing, China International Radio Press]. S. 1., s. n. 1279 p.
- 譙燕 (Qiao Yan), 2012. 传媒新词“御宅族”分析 [The Analysis of the New Media Word "otaku"]. *新闻与传播研究* [Mass Communication Research], vol. 3, pp. 5-6.
- 王福帅 (Wang Fushuai), 杨阳 (Yang Yang), 2014. 对“杀马特”现象的理解与反思 [Understanding of the Phenomenon of "Shamate"]. *青年与社会* [Youth and Society], vol. 5, pp. 336-337.
- 王思妮 (Wang Sini), 2010. 对网络新词语“X族”的替换分析 [The Analysis of the New Network Word "X Zu"]. *北方文学* [Northern Literature], vol. 9, pp. 87-88.
- 王晓静 (Wang Xiaojing), 2010. “族”与“族”类词浅析 ["Family" and "Family" Category Words]. *传奇·传记文学选刊* [Legend. Biography Literary Selection], vol. 7, pp. 35-37.
- 肖遥遥 (Xiao Yaoyao), 2009. “族”类汉语新词语法化浅析 [Grammatical Analysis of Chinese Neologisms with the Morpheme "Family"]. *中州大学学报* [Journal of Zhongzhou University], vol. 2, pp. 75-77.
- 许苏民 (Xu Sumin), 1990. 文化哲学 [Philosophy of Culture]. 上海人民出版社 [Shanghai, Shanghai Renmin Chubanshe]. 317 p.
- “月光族”变“月欠族” 不少年轻人靠借贷消费度日 ["Yueguangzu" Becoming "Yueqianzu". A Lot of Young People Use Loans for Living Expenses], 2019. 新浪财经 [Sina Finance]. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2019-02-19/doc-ihqfskcp6484532.shtml>.
- 曾丹 (Zeng Dan), 2010. 试析新词语“钟摆族” [The Analysis of the Neologism "Pendulum Clan"]. *现代语文(语言研究版)* [Modern Language (Language Research Edition)], vol. 11, pp. 147-148.
- 张洪涛 (Zhang Hongtao). 30名昆明年轻人中就有9个“月欠族” [Nine of 30 Kunming Young People Are "Yueqianzu"]. *都市时报数字报* [The Metropolitan Times Digital Newspaper], 02.03.2019. URL: http://times.clzg.cn/html/2019-03/02/content_106180.htm.
- 张林 (Zhang Lin), 2014. 网络恶搞现象分析 [The Analysis of the Egao Phenomenon in the Network]. *青年与社会* [Youth and Society], vol. 13, pp. 338-339.
- 赵声馗 (Zhao Shengkui), 2014. “蚁族”社会资本缺失与建构 [The Construction of Social Capital of "Ant Tribe"]. *河北青年管理干部学院学报* [Journal of Hebei Youth Administrative Cadres College], vol. 6, pp. 7-11.
- 139 万人次参加中国国际动漫节 [1.39 Million People Took Part in the China International Anime Festival], 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-05/03/c_129585203.htm.

Information About the Authors

Olga A. Leontovich, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia; Professor, Tianjin Foreign Studies University, Machang Road, 117, Tianjin, China, olgaleo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

Nadezhda N. Kotelnikova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Director of Confucius Institute, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia, kotelnikova_n_n@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-9900-1983>

Информация об авторах

Ольга Аркадьевна Леонтович, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия; профессор, Тяньцзиньский университет иностранных языков, ул. Мачандао, 117, г. Тяньцзинь, Китай, olgaleo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

Надежда Николаевна Котельникова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, директор Института Конфуция, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия, kotelnikova_n_n@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-9900-1983>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.8>

UDC 81'42:001.4
LBC 81.055.51.2

Submitted: 09.03.2021
Accepted: 07.06.2021

DETERMINANTS OF MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE IN THE CONTEXT OF "SOCIALIZATION" OF KNOWLEDGE

Tatyana P. Tretyakova

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The aim of the article is to disclose some general trends in scientific discourse studies that have emerged by the second decade of the 21st century, to characterize scientific discourse as a means of promoting knowledge, and to consider its contribution to public communication. The notion of scientific discourse incorporates both conventional (scientific articles, reviews, theses, dissertation abstracts) and modern forms of discourse (online academic conferences, symposia, colloquiums, seminars). The research is viewed in the article as a result of scientists' social activity targeted at new knowledge discovery and broadcasting, whilst the scientific text is defined in terms of verbal representation of the research results in a par with new knowledge transmission. Two types of determinants are introduced to regulate the model of scientific text composition – internal and external. The internal determinant is represented by discursive structures, which promote knowledge in scientific text as the element of scientific communication, while the external dominant is represented by extralinguistic factors, which provide the promotion of scientific discourse outside the professional community (socializing). Both kinds of determinants provide the interpretation of the scientific discourse as open systems. An assumption is made on the increasing role of external determinant in discursive extension of modern scientific text by means of the Internet; the addressee factor wider representation and scientific knowledge inclusion into cross-cultural communication.

Key words: scientific discourse, adaptive system, determinant, modeling, knowledge formation procedure, argumentation.

Citation. Tretyakova T.P. Determinants of Modern Scientific Discourse in the Context of "Socialization" of Knowledge. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 97-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.8>

УДК 81'42:001.4
ББК 81.055.51.2

Дата поступления статьи: 09.03.2021
Дата принятия статьи: 07.06.2021

ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ «СОЦИАЛИЗАЦИИ» ЗНАНИЯ

Татьяна Петровна Третьякова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье определены общие тенденции лингвистического изучения научного дискурса, сложившиеся ко второму десятилетию XXI в., и охарактеризован дискурс науки с точки зрения производства и представления знания и его включенности в широкую коммуникацию. Понятие «научный дискурс» объединяет как традиционные (научные тексты, существующие в виде публикаций: статьи, рецензии, отзывы о диссертациях и авторефератах диссертаций и пр.), так и новые (конференции, симпозиумы, коллоквиумы, семинары и пр. в онлайн-формате) формы реализации дискурса. В статье научное исследование рассматривается как предмет социальной деятельности ученых, направленной на создание и распространение нового знания, а научный текст – как вербальное представление результатов данной деятельности и средство распространения нового знания. Описан процесс построения научного текста в рамках действия двух типов детерминант – внутренней и внешней. Внутренняя детерминанта представлена дискурсивными конструкциями, продвигающими знание в научном тексте как элементе научной коммуникации, внешняя детерминанта

представлена экстралингвистическими факторами, обеспечивающими распространение научного дискурса за пределы профессионального сообщества (социализацию). Показано, что оба вида детерминант обуславливают интерпретацию научного дискурса как открытой системы. Высказано предположение о возрастании роли внешней детерминанты в дискурсивном развертывании научного текста, проявляющейся в смене способов представления современного научного знания с помощью Интернета, расширенном понимании фактора адресата, включенности научного знания в межкультурную коммуникацию.

Ключевые слова: научный дискурс, адаптивная система, детерминанта, моделирование, процедуры построения знания, аргументация.

Цитирование. Третьякова Т. П. Детерминанты современного научного дискурса в контексте «социализации» знания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 97–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.8>

Введение

В современном социуме научная коммуникация существенно меняется. Цифровизация разных сфер общественной жизни, представляющая собой сложное технологическое и социальное явление, приводит к тому, что обмен информацией, в том числе и научной, происходит чрезвычайно быстро и научная информация оказывается доступной широкой аудитории.

Транслируемое за пределами научного сообщества так называемое новое знание становится фактором, объединяющим ученых и всех, кто интересуется научными достижениями (подробно об этом см.: [Болдырев, 2019; Кашкин, 2011; Нефёдов, 2017; Щирова, Гончарова, 2006; Dijk, 2009; Greimas, 1990; Naugh, 2016]), своего рода пиар-ходом для привлечения людей к занятию наукой, способом повышения статуса и престижа научной деятельности, а также средством распространения научной грамотности. В связи с расширением адресатной специализации научного дискурса и его распространением за границы профессионального сообщества (назовем этот процесс «социализацией») появляются даже новые специальности: научный коммуникатор, научный журналист.

Ведущая роль в трансфере научных знаний принадлежит научному тексту. Отметим, что термины «научный текст» и «научный дискурс» применительно к процессу продвижения знаний не дифференцированы в лингвистической литературе, поскольку в настоящее время, благодаря цифровой коммуникации и развитию сетевых технологий, языковые параметры научного текста формируются в динамических интерактивных, то есть дискурсивных, параметрах. Научный текст рассматривается в качестве элемента научной коммуникации, на-

правленной на структурирование и передачу знания. Научный текст как структурная единица представления научных достижений традиционно изучался в четко очерченных границах профессиональной коммуникации. В настоящее время такая коммуникация не является замкнутой. Ее открытость обусловлена использованием цифровых каналов обмена информацией через разного рода платформы, а также интенсивной популяризацией знаний в рамках форумов.

В связи с тем, что в силу меняющегося социокультурного контекста язык науки и научный дискурс подвержены трансформациям, имеющим системный характер, меняются и подходы к изучению научного текста. Этот факт становится очевидным, если систематизировать проводившиеся в отечественной лингвистике исследования научного дискурса с точки зрения предмета изучения (направления изучения научного дискурса, например, в конце XX в. см. в таблице).

Отмеченные приоритетные направления изучения научной речи объясняются доминированием методологии структурной и функциональной лингвистики, в рамках которых определяются лексико-грамматические и функционально-стилистические особенности жанров научной речи. Однако, как показано в таблице, проблематика и методики изучения научного дискурса в рамках неформальной интенциональной логики не нашли своего воплощения [Tretyakova, Tretyakov, 1993, p. 467]. Только в конце XX в. в связи с изучением неформальной логики, теории аргументации как разновидности новой риторики, с развитием прагматики и теории дискурса стали появляться исследования дискурсивных характеристик языка науки.

Основные направления российских исследований языка науки в конце XX в.**Major venues of Russian studies of the language of science in the late 20th century**

Направление исследования	Монолог		Диалог устный
	письменный	устный	
Стиль / жанр	+	+	+
Грамматика / лексика	+	+	+
Просодика	–	+	–
Прагматика	+	*	*
Методология	+	*	–

Примечание. Данные приводятся по: [Tret'yakova, Tret'yakov, 1993]. В таблице использованы следующие обозначения: «+» – активно проходящие исследования; «*» – актуальные только для конца XX в.; «–» – практически полное отсутствие исследований.

Note. Data quoted from: [Tret'yakova, Tret'yakov, 1993]. The following symbols are used in the table: “+” – current studies; “*” – studies actual for the late 20th century only; “–” – almost no studies.

В начале XXI в. положение изменилось. К отмеченным выше направлениям лингвистического анализа научного текста / дискурса прибавилось изучение отражения в тексте процесса формирования нового знания и его интерпретации.

Цели нашего исследования – определить общие тенденции лингвистического изучения научного дискурса, сложившиеся ко второму десятилетию XXI в. и охарактеризовать дискурс науки с точки зрения производства и представления знания и его включенности в широкую коммуникацию.

Результаты и обсуждение***Внутренняя и внешняя детерминанты***

Любой ученый, проводящий системный анализ объекта, опирается на понимание системы как сложного единства, в котором могут быть выделены составные части (элементы) и схема связей или отношений между ними (структура). По мнению Г.П. Мельникова, характеристикой любой реальной системы, в том числе и языка, является субстанция, в которую воплощена эта система. «Положение о взаимосвязи структуры и субстанции входит в само определение системы, и так же, как положение о взаимообусловленности статики и динамики, является фундаментом всей концепции» [Мельников, 1972, с. 186]. Данная система относится к адаптивным системам, так как выполняет определенную функцию, которая возникает стихийно, в процессе «естественного отбора», то есть неосознанного предпочтения говорящими

тех или иных средств. Исходя из этого, язык науки можно представить как единство текстов (устных и письменных), направленных на производство нового знания. В связи с требованиями четкого моделирования научных текстов, регламентированности устного дискурса и выверенности формулировок адаптивность системы языка науки определена рамками профессиональной коммуникации.

Детерминанта рассматривается как основной параметр системы. Это понятие было применено Г.П. Мельниковым для создания типологической функциональной классификации языков [Мельников, 1972]. Он использовал понятия внешней и внутренней детерминант. Например, рассматривая универсальные свойства разных языков, автор приходит к идее адаптации элементов системы друг к другу, в результате которой создается интенциональный фокус с внутренней детерминантой, трактуемой как специфическое свойство системы, позволяющее настраиваться в том или ином направлении. Внешняя детерминанта – все, что вокруг определяет внутреннюю детерминанту, а внутренняя детерминанта – неизбежность действий внешней детерминанты [Мельников, 1972]. Таким образом, в данной концепции представлено взаимоотношение индивидуального и социального в рамках динамических изменений деятельности человека во времени и пространстве. Все эти процессы так или иначе связаны с процессами воздействия и применением аргументативных технологий, в том числе тех, которые используются в научном дискурсе.

Внутренняя и внешняя детерминанты научного дискурса будут рассмотрены ниже.

*Типология продвижения знания:
внутренняя детерминанта
как элемент «социализации» знания*

Внутренняя детерминанта научного дискурса связана с типологией продвижения знания и характеризует когнитивно-лингвистический уровень анализа, отражающий моделирование научного текста с учетом фактора адресата.

Среди подходов, репрезентирующих научный текст как дискурс (см., например: [Славгородская, 1986; Щирова, Гончарова, 2006; Нефёдов, 2016; Чернявская, 2017; Шиян, 2014; Bazerman, 1988; Dijk, 1993; Fairclough, 1992; Viskil, 1994; и др.]), особое внимание уделяется формулировкам убеждения – наиболее важного фактора научной сферы деятельности. Одновременно с этими работами складывалось направление исследования научного дискурса в рамках семиотической теории когнитивного дискурса А. Греймаса [Greimas, Landowski, 1990]. Именно в этой концепции детерминанты научного дискурса проявляются достаточно последовательно как процедуры продвижения знания в группах текстов на трех уровнях (оперативном, инициальном и статусном), представляющих особую иерархию типов текстов, отражающих продвижение знания в направлении «социализации» дискурса.

Первый уровень – оперативный (The Operative Level) – дискурс инициации «создания научного знания» (Production of Knowledge). Независимо от актантов он представляет такую когнитивную деятельность, которая выражается следующими лексическими единицами: *noting, observing, examining, clarifying, grouping together, comparing, calculating* – или более развернутыми синтаксическими структурами, как например: *we see that... it appears that...; if you look... carefully examining* [Greimas, Landowski, 1990, p. 47–49]. В некоторых случаях указание на когнитивную деятельность может осуществляться любой таксономической номинацией или сравнительной конструкцией. Если обратиться к системному описанию дискурса, то можно обнаружить, что внутренняя детерминанта представлена в отдельно взятом тексте, направленном на продвижение знания, и реализуется, как показано Е.С. Кубряковой, через

коллективную схему уже имеющихся знаний [Кубрякова, 2009, с. 10–11]. Например:

Standpoints **need to be brought** to the fore and confronted with the doubt and criticism of those concerned to test their acceptability. This means that differences of opinion **come into being** and are reflected upon and as far as possible discussed by the parties concerned. These differences may be overt and expressed explicitly but they can also remain implicit. However, in order to resolve the differences in a reasonable way, in all cases argumentation **is to be advanced** to overcome the pertinent doubts and criticisms. Even if a resolution is reached, this resolution is often only temporary and new differences of opinion are bound to arise (p. 1) ¹.

Второй уровень, инициальный, – «уровень открытия» (The Foundational Level) – связан с условиями представления компетентностного знания. Он эксплицируется единицами, отражающими методологию исследования и траектории так называемой операционализации дискурса, то есть направлений поиска потенциального результата исследования: *дискурс открытия* (Discourse of Discovery) и *дискурс вопросов* (Discourse of Questioning), к которому относятся формулировки эпистемологического характера [Greimas, Landowski, 1990, p. 52–54]. Эти типы дискурса связаны с процедурой понимания, начинающегося с интерпретации тех аргументов, которые высказываются по поводу исследования. Большое значение здесь имеют метод и теория. Единицы, указывающие на значимость процедур знания, представляют их как неожиданные события: *chance occurrence, conviction, truth, reality, intelligibility, appropriate distance, speculative, dogmatic, accept the standpoint*. Дискурс открытия может сопровождаться инференциальными высказываниями:

In argumentative discourse **as it occurs** in argumentative reality the opening stage corresponds with those parts of the discourse in which the parties involved determine the common starting points on which their exchange will be based and adopt the roles of protagonist and antagonist. **Only if some** such shared point of departure has been explicitly or implicitly established or silently accepted by the parties does it make sense to undertake an attempt to resolve a difference of opinion by means of argumentation. **If there** is no point of departure that creates

possibilities for a constructive exchange of views, having a critical discussion is futile. <...>

If no argumentation is advanced and no critical appraisal of this argumentation is given, there is no critical discussion and the difference of opinion will remain unresolved. Because of its crucial role in the resolution process, the argumentation stage is sometimes without any further ado identified with a critical discussion, **but for resolving a difference** of opinion on the merits the other stages are equally indispensable, so that in argumentation theory these other stages too **need to be duly taken into account** (p. 37).

Важной характеристикой продвижения знания выступает диалогичность научного дискурса, поскольку она отражает ситуацию принятия решений и понимания. Говорящий становится выразителем эпистемических значений, выразителем исследовательского «я» и носителем знания [Greimas, Landowski, 1990, p. 54]. В этом случае наблюдается связь внутренней детерминанты с внешней. Скрытый учет фактора адресата (стремление быть понятным) является одной из составляющих англоязычного научного стиля.

Дискурс вопросов может служить фактором привлечения внимания и сопровождаться утверждениями:

The qualitative research initially conducted in pragma-dialectics focused primarily on the way in which argumentative moves that are analytically relevant from the perspective of a critical discussion manifest themselves in argumentative discourse. What kind of verbal and other indicators provide a clue as to which of the various kinds of argumentative moves represented in the ideal model of a critical discussion have indeed been made in the discourse? The model of a critical discussion offers a theoretical framework for getting a grip on the analytically relevant aspects of argumentative discourse... (p. 72).

Дальнейшее продвижение знания видится нам, согласно этой теории, как движение к «социализированному» дискурсу, включающему и данные о деятельности первого уровня.

Третий уровень – «уровень проверки: статус знания» (Veridictory Level: The Status of Knowledge). Здесь утверждается существование того предмета, который послужил основой проведения исследования. В текстах этот факт эксплицируется в высказываниях, отражающих когнитивный процесс, то есть

выражающих эпистемическую компетенцию: суждения и выводы на основе исследования информации (informative doing) и манипуляций (taxonomic doing), другими словами – создание некоторого дискурса, связанного с объектом исследования. Реализация процедур продвижения знания, таким образом, может рассматриваться как системное описание – во-первых, дистрибутивное или таксономическое, во-вторых, функциональное, трансформационное или генеративное.

Дискурсивность обусловлена модальными высказываниями, направленными на спецификацию некоторых аспектов компетенции когнитивного субъекта, и социальным фактором, связанным с учетом целевого адресата. В этом случае образуется многовекторное взаимодействие, в котором адресат вовлекается в процесс аргументации как «равноправный партнер» [Нефёдов, 2017, с. 601–602] посредством высказываний с инклюзивным местоимением *we*, модальными словами *possibly, perhaps, conceivably* или фразами *sort of, a little bit*, выражающими отсылки к так называемому хеджированию – целенаправленному ослаблению иллюкативной силы высказывания, без которого оно может звучать излишне категорично. Представляется, что здесь реализуется не столько категория вежливости (в понимании В.Е. Чернявской [Чернявская, 2017, с. 93]), сколько умение «обойти острые углы» и избежать категоричности утверждений.

Именно на этом уровне, по мнению А. Греймаса, используется большое количество высказываний, направленных на утверждение экзистенционального характера. К ним относятся следующие:

(a) *with a little attention and drawing back* – когнитивное высказывание действий (в данном случае – это исключительно информативное высказывание);

(b) *we see that...* – высказывание состояния, в котором утверждается факт существования объекта (модус «бытия»);

(c) *There are political regions just as there are geological regions* – за информационной частью следует сравнение, которое необходимо также оценить;

(d) *This is true that we instinctively use geographical vocabulary when speaking of*

political parties – оценочное высказывание, завершающее объединенные в единый текст высказывания (a), (b), (c).

Далее А. Греймас проводит анализ дискурса в направлении его типологии по значениям референциального дискурса (*this*), предикатов существования (*there are*) к более высокому уровню – так называемой эпистемической модализации (*certainty, uncertainty, improbability, probability*), высказываниям, выражающим знание (*utterance of knowledge*), подтверждающим достоверность положений (*That is true that...*) [Greimas, Landowski, 1990, p. 55–56].

Статусный уровень – проверка представления знаний – зависит от коммуникативной ситуации, которая включает такие структурные компоненты, как отправитель и получатель знаний. Сам научный дискурс строится на определенных логических схемах убеждающего дискурса и в то же время допускает разного рода оценки. Элементы референциального уровня и особенно эпистемической модализации свидетельствуют о модификациях внутренней детерминанты, которая, меняясь под влиянием внешней детерминанты, приобретает все более «разговорный характер». В приведенных примерах эта реализация связана с интерпретацией текста и некоторыми «разночтениями» в этой интерпретации. Как справедливо отметил В.С. Нефедов, «выражая когнитивные целеустановки знания и мнения речевого и познающего субъекта в широком семантическом диапазоне от абсолютной уверенности до сомнения на грани отрицания истинности, эпистемическая модальность и различные ее языковые маркеры выполняют в научных текстах важные дискурсивные функции: они актуализируют взаимодействие конкретного исследователя с соответствующим профессиональным сообществом» [Нефёдов, 2016, с. 144].

В современной когнитивной лингвистике данный фактор связывается с категорией понимания, в том числе индивидуального, и принципиальной диалогичностью процесса логического развертывания высказываний знания и его интерпретации.

По мнению Н.Н. Болдырева, существует два типа языковой интерпретации – первичная и вторичная. Первичная интерпретация, объективная, определяет коллективное

знание о мире. Она связана с категоризацией мира. Вторичная интерпретация, субъективная, индивидуальная, обусловлена отношением к пониманию языковых выражений, посредством которых и происходит продвижение знания. Вторичная интерпретация представлена, как полагает исследователь, преимущественно в системе модальных категорий, в частности эвиденциальности, которую автор включает в широкий класс функциональных категорий разных уровней: коммуникативное членение, экспрессивность, тональность, оценочность и др. [Болдырев, 2019, с. 259–260]. Следует также отметить, что в связи с массовым интересом к проблемам искусственного интеллекта особое значение приобретает изучение знакового характера психологической деятельности, в том числе «социализации» научного дискурса. Здесь нельзя не отметить труды Л.С. Выготского (см., например: [Vygotksy, 1980]), которые востребованы в современной науке, так как позволяют определить психологическую составляющую квантования смыслов.

Внешняя детерминанта как элемент межкультурной научной коммуникации

Внешние условия функционирования научного дискурса связаны с двумя разнонаправленными векторами его развития. Один из них обусловлен жесткими требованиями представления научного материала в публикациях любых форматов, особенно тех, которые используются для получения их автором квалификационного статуса. Более того, глобализационные процессы современного мира, определяющие представление научного знания по строгим канонам, использование англоязычного формата научной статьи, приводят к унификации композиционного и технического оформления научных трудов, которая обусловлена также цифровизацией как способом хранения информации и их интеграцией в общемировую систему знаний, требованиями поисковых систем, что делает необходимым использование разного рода идентификаторов, ключевых слов и аннотаций, в том числе и на английском языке, который в научном общении выполняет функцию метаязыка. Все эти требования фиксируются в инструкциях по

оформлению научных статей в рецензируемых журналах или студенческих квалификационных работ (см. об этом: [Иваницкая, 2018]). Выбор английского языка оказывается приоритетным для изложения результатов исследований. К внешним факторам изменения научной коммуникации можно отнести и расширенные аннотации на национальном и обязательно на английском языках, особый регламент размещения рецензий на сайтах и много другое. При этом сохраняется культурная специфика научных традиций.

Другой вектор определяется распространением научного знания посредством проектов в формате, например, так называемой ПостНауки (<https://postnauka.ru/>), направленной на популяризацию фундаментальных научных достижений. Кроме того, используются лекции, курсы, интервью с приглашенными учеными и др. В современном цифровом обществе этот набор форм популяризации науки расширился до проведения разного рода форумов и возобновления работы общества «Знание», учредителем которого является Министерство науки и высшего образования.

Это стало особенно очевидно в прошедший год вынужденной «личной самоизоляции» и перенесения на цифровые платформы семинаров (вебинаров), конференций, школ и симпозиумов. Для научного общения онлайн-формат стал не ограничением, а возможностью осуществления диалога. Далее представим те аспекты коммуникации, которые характерны для научного общения в целом и аргументированного продвижения знания как особой устной формы межкультурной коммуникации в частности.

Несмотря на объединяющую функцию научного дискурса, возникают особенности взаимосвязи языка и культуры, которые зависят и от традиций национальных научных школ, и от национальных культур. Этот фактор в некотором смысле может рассматриваться как элемент внешней детерминации при решении научных задач. Очевидным становится действие внешней детерминанты при лингвистическом анализе устной межкультурной научной коммуникации. Так, наблюдаются разные модели поведения при представлении результатов научного исследования. Например, как показали И. Долинина и В. Чеккет-

то, культурные различия обнаруживаются между североамериканским и китайским способами начала презентации. Американцы ожидают, что информация о результатах работы будет находиться в самом начале выступления, и, не найдя его там, интерпретируют сообщение как намеренно расплывчатое или крайне непрофессиональное. Представители азиатской культуры, ожидая услышать самую важную информацию лишь в конце сообщения, пропускают существенную часть научной аргументации. В некоторых случаях аргументативность дискурса зависит от доминантной позиции одного из коммуникантов во время общения [Dolinina, Cecchetto, 1997, p. 11–13].

Научная устная коммуникация направлена не на доказательство вводимого знания, а в большей степени на решение таких практических задач, как обоснование предположения, аргументация целесообразности постановки проблемы, выбор между конкурирующими предложениями и т. д. Принципы научного общения включают принципы функционирования коммуникации в целом. К ним относятся постоянные механизмы согласования, приобретающие особую значимость при утверждении платформ коммуникации, регламента проведения научного диалога и пр.

Научная коммуникация достаточно чувствительна к стратегиям соблюдения вежливости: такая коммуникация должна включать общие основания, то есть ситуацию, когда отношения между собеседниками однозначно устанавливаются как отношения равенства (близкого или почтительного), возникающего при существовании определенных научных авторитетов, или превосходства-подчинения, что достаточно редко встречается в современном цифровом контексте общения. Указанные коммуникативные установки касаются не только общения в научной сфере, но и проблем культуры общения в целом [Куссе, Чернявская, 2019; Dijk, 2009; Halliday, 2007; Tretyakova, 2014]. В настоящее время в связи со стремительными изменениями в распространении цифровизации общения, возникшими вследствие пандемии, создаются новые формы эффективного сотрудничества.

В межкультурной коммуникации трудности возникают в трех областях: во-первых,

принятые стандарты для проецирования упомянутых отношений на конкретные случаи; во-вторых, складывающиеся отношения в каждом конкретном случае; в-третьих, способы кодирования этих отношений. Они соотносимы с принципами социализации, которые предлагает П. Бурдьё, вводя понятие габитуса как системы прочных приобретенных предрасположенностей, диспозиций. Именно диспозиции используются индивидами как исходные установки, которые порождают конкретные социальные практики [Bourdieu, 1991]. Коммуникативные стратегии должны сохраняться в течение всего периода общения, способствуя выравниванию случайных расхождений в проявлениях вежливости и, следовательно, поддерживая межличностный консенсус академического диалога. Нарушение такого консенсуса происходит, например, в онлайн-общении, когда выключается видеочасть и появляется «аватарка».

Сфера применения вежливости как семантической категории достаточно широка. Во многих сферах профессиональной коммуникации, в том числе и научной, прошла грамматикализация единиц, реализующих стереотипы институциональной коммуникации, например обращение друг к другу, выражение одобрения / неодобрения, которые приобретают все более «политически корректный характер» (подробно об этом см.: [Tetyakova, 2014]).

«Социализация» знаний в научной коммуникации, связанная с действием внешней детерминанты, также обусловлена научной тематикой дискурса. Проблема выявления целесообразности включения в дискурс тех или иных тем состоит в том, что необходимо заранее очертить круг критериев их отбора. В некоторых случаях необходимо определить координаты функционально-семантического анализа, к которым та или иная концепция может быть приложима. Это могут быть реальные объекты или нечто необычное, предполагающее определенное конструирование референтов или гипотетических объектов в духе проектов Илона Маска. Выражение отношения строится с применением оценки (положительной или отрицательной), основанной на культурно-ценностных факторах. В частности, появляется «агонистический» стиль общения, то есть стиль, направленный на нега-

тивную критику коллег в ущерб конструктивной критике и созданию приемлемых оснований для творческого диалога (см. об этом: [Tannen, 2002]). «Социализация» знания, обусловленная научной тематикой, связана с проблемами создания намеренной отрицательной диспозиции участников научного дискурса, которую также можно отнести к внешней детерминанте, влияющей на потенциал внутренней детерминанты.

Заключение

Системное представление научного дискурса посредством определения внутренней и внешней детерминант позволило выявить социальную составляющую деятельности исследователей, направленной на продвижение нового знания. Внутренней детерминантой построения дискурса считаются интенциональные конструкции, соотносимые с уровнями представления научного содержания. Вектор их реализации связан с внешней детерминантой, обеспечивающей «социализацию» дискурса, то есть с фактором адресата. Внешняя детерминанта определяется цифровизацией коммуникативного пространства, глобализационными процессами, влияющими на обмен информацией. Субстанция научного дискурса в лингвистическом описании рассматривается как средство «социализации» и получения нового выводного знания с учетом диспозиции автора в контексте взаимного влияния двух детерминант системы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Источником примеров послужила работа Ф. Х. ван Эймерена «Теория аргументации : Прагма-диалектическая перспектива» (Eemeren F. H. van. *Argumentation Theory : A Pragma-Dialectical Perspective*. Cham : Springer Nature, 2018. 193 p. (Argumentation Library ; vol. 33)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н., 2019. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М. : Изд. дом ЯСК. 480 с.
- Иваницкая Е. В., 2018. Статья как элемент научной коммуникации: особенности формирования

- научного авторитета в международном сообществе // Научный редактор и издатель. Т. 3, № 1–2. С. 44–51. DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51.
- Кашкин В. Б., 2011. Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 1. С. 21–27.
- Кубрякова Е. С., 2009. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (018). С. 5–12.
- Мельников Г. П., 1972. Системный подход в лингвистике // Системные исследования. Ежегодник. 1972. М. : Наука. С. 183–204.
- Нефёдов С. Т., 2016. Интенциональная структура и модальность научного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (63), ч. 3. С. 141–145.
- Нефёдов С. Т., 2017. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 14, № 4. С. 599–610.
- Славгородская Л. В., 1986. Научный диалог. Л. : Наука. 167 с.
- Чернявская В. Е., 2017. Научный дискурс : Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М. : ЛЕНАНД. 144 с.
- Шиян Т. А., 2014. К проблеме трансформаций философских и научных дискурсов: модель предметного замыкания // Методология науки и дискурс-анализ / отв. ред. А. П. Огурцов. М. : ИФ РАН. С. 174–204.
- Щирова И. А., Гончарова Е. А., 2006. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб. : Кн. дом. 172 с.
- Bazerman C., 1988. Shaping Written Knowledge : The Genre and Activity of the Experimental Article in Science. [S. l.] : University of Wisconsin Press. 356 p.
- Bourdieu P., 1991. Language and Symbolic Power. Cambridge, Mass. : Harvard univ. press. IX, 302 p.
- Dijk T. A. van, 1993. Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society. № 4/2. P. 249–283.
- Dijk T. A. van, 2008. Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach. Cambridge : Cambridge University Press. 254 p.
- Dijk T. A. van, 2009. Society in Discourse. How Context Controls Text and Talk. Cambridge : Cambridge University Press. 287 p.
- Dolinina I., Cecchetto, V., 1997. Facework and Rhetorical Strategies in Intercultural Argumentation // OSSA Conference Archive. 23. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1870&context=ossaarchive> (date of access: 12.09.2020).
- Fairclough N., 1992. Discourse and Social Change. Cambridge : Polity Press. 259 p.
- Greimas A. J., 1990. The Social Science. A Semiotic View. Minneapolis : University of Minnesota Press. 197 p.
- Greimas A. J., Landowski E., 1990. The Pathways of Knowledge // Greimas A. J. The Social Science. A Semiotic View. Minneapolis : University of Minnesota Press. P. 37–58.
- Haug M., 2016. The Role of English As a Scientific Metalanguage for Research in Pragmatics: Reflections on the Metapragmatics of ‘Politeness’ in Japanese // East Asian Pragmatics. № 1 (1). P. 39–71.
- Tannen D., 2002. Agonism in Academic Discourse // Journal of Pragmatics. Vol. 34, iss. 10/11, Oct. – Nov. P. 1651–1669. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00079-6](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00079-6).
- Tretyakova T. P., 2014. Discourse Linguistics and Argumentation As Open Systems // Considering Pragma-Dialectics : A Festschrift for Frans H. van Eemeren on the Occasion of his 60th Birthday. [S. l.] : Taylor & Francis. P. 275–286.
- Tretyakova T., Tretyakov I., 1993. Russian Studies of the Language of Science Since 1970 : A Review – Configurations // Journal of Literature, Science and Technology. Vol. 1, № 3. P. 465–473.
- Viskil E., 1994. Definition in Argumentative texts // Studies in Pragma-Dialectics / ed. by F. H. van Eemeren, R. Grootendort. Amsterdam : SicSat. P. 79–87.
- Vygotsky L. S., 1980. Mind in Society. The Development of Higher Psychological Processes. Cambridge : Harvard University Press. 176 p.

REFERENCES

- Boldyrev N.N., 2018. *Yazyk i sistema znanya. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language]. Moscow, Izdatelskiy dom YaSK, 480 p.
- Ivanitskaya E.V., 2018. Statya kak element nauchnoy kommunikatsii: osobennosti formirovaniya nauchnogo avtoriteta v mezhdunarodnom soobshchestve [Article As the Element of Scientific Communication: Specifics of Formation of Scientific Authority in the International community]. *Nauchnyy redaktor i izdatel* [Science Editor and Publisher], vol. 3, no. 1-2, pp. 44-51. DOI: <https://doi.org/10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51>.
- Kashkin V.B., 2011. *Metakommunikaciya v prostranstve obydenogo i nauchnogo poznaniya* [Metacommunication in Lay and Scientific

- Cognition]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»*. no. 1, pp. 21-27.
- Kubryakova E.S., 2009. V poiskakh sushchnosti yazyka [In Search of the Essence of the Language]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 1 (018), pp. 5-12.
- Melnikov G.P., 1972. Sistemnyy podkhod v lingvistike [Systemic Approach in Linguistics]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik. 1972* [Systemic Language Studies. Yearbook. 1972]. Moscow, Nauka Publ., pp. 183-204.
- Nefyodov S. T., 2016. Intencionalnaya struktura i modalnost nauchnogo teksta [Intentional Structure and Modality of a Scientific Text]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philology. Theory & Practice], no. 9 (63), part 3, pp. 141-145.
- Nefedov S.T., 2017. Restriktivnaya argumentatsia: modalnye slova somneniya i obsheznachimosti (na materiale nemetskoyazychnykh lingvisticheskikh statey) [Restrictive Argumentation: Modal Words of Doubt and Shared Knowledge in Academic Linguistic Writing]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Language and Literature], vol. 14, no. 4, pp. 599-610.
- Slavgorodskaya L.V., 1986. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue]. Leningrad, Nauka Publ. 167 p.
- Chernyavskaya V.Ye., 2017. *Nauchnyy diskurs: Ydvizheniye rezultata kak kommunikativnaya i yazyrovaya problema* [Academic Discourse: Promoting the Results As a Communicative and Language Problem]. Moscow, LENAND Publ. 144 p.
- Shyian T.A., 2014. K probleme transformatsii filosofskikh i nauchnykh diskursov: model predmetnogo zamykaniya [To the Problem of Transformations in Philosophical and Scientific Discourses: The Model of Subject-Matter Closing]. Ogurtsov A.P., ed. *Metodologiya nauki i diskurs-analiz*. Moscow, IF RAN, pp. 174-204.
- Shchirova I.A., Goncharova E.A., 2006. *Tekst v paradigmakh sovremennogo gumanitarnogo znaniya* [Text in the Paradigms of the Modern Humanities' Knowledge]. Saint Petersburg, Knizhnyy dom Publ. 172 p.
- Bazerman C., 1988. *Shaping Written Knowledge: The Genre and Activity of the Experimental Article in Science*. S. I., University of Wisconsin Press. 356 p.
- Bourdieu P., 1991. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, Mass., Harvard univ. press. IX, 302 p.
- Dijk T.A. van, 1993. Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse and Society*, no. 4/2, pp. 249-283.
- Dijk T.A. van, 2008. *Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press. 254 p.
- Dijk T.A. van, 2009. *Society in Discourse. How Context Controls Text and Talk*. Cambridge, Cambridge University Press. 287 p.
- Dolinina, I., Cecchetto, V., 1997. Facework and Rhetorical Strategies in Intercultural Argumentation. *OSSA Conference Archive*. 23. URL: <https://scholar.uwindsor.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=1870&context=ossaarchive> (accessed 12 September 2020).
- Fairclough N., 1992. *Discourse and Social Change*. Cambridge, Polity Press. 259 p.
- Greimas A.J., 1990. *The Social Science. A Semiotic View*. Minneapolis, University of Minnesota Press. 197 p.
- Greimas A.J., Landowski E., 1990. The Pathways of Knowledge. *Greimas A.J. The Social Science. A Semiotic View*. Minneapolis, University of Minnesota Press, pp. 37-58.
- Haug M., 2016. The Role of English As a Scientific Metalanguage for Research in Pragmatics: Reflections on the Metapragmatics of 'Politeness' in Japanese. *East Asian Pragmatics*, no. 1 (1), pp. 39-71.
- Tannen D., 2002. Agonism in Academic Discourse. *Journal of Pragmatics*, vol. 34, iss. 10/11, Oct. – Nov., pp. 1651-1669. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00079-6](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00079-6).
- Tretyakova T.P., 2014. Discourse Linguistics and Argumentation As Open Systems. *Considering Pragma-dialectics. A Festschrift for Frans H. van Eemeren on the Occasion of his 60th Birthday*. S. I., Taylor & Francis, pp. 275-286.
- Tretyakova T., Tretyakov I., 1993. Russian Studies of the Language of Science since 1970: A Review – Configurations. *Journal of Literature, Science and Technology*, vol. 1, no. 3, pp. 465-473.
- Viskil E., 1994. Definition in Argumentative texts. Eemeren F. H. van, Grootendort R., eds. *Studies in Pragma-Dialectics*. Amsterdam, SicSat, pp. 79-87.
- Vygotsky L.S., 1980. *Mind in Society. The Development of Higher Psychological Processes*. Cambridge, Harvard University Press. 176 p.

Information About the Author

Tatyana P. Tretyakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology and Translation Studies, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 11, 199034 Saint Petersburg, Russia, tretyakova.tp.50@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2916-8678>

Информация об авторе

Татьяна Петровна Третьякова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, tretyakova.tp.50@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2916-8678>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.9>

UDC 81.373.612.2
LBC 81.055.1

Submitted: 28.07.2020
Accepted: 11.05.2021

**COGNITIVE METAPHOR AND DISCOURSE:
RESEARCH METHODS AND PARADIGMS**

Oleg I. Kalinin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
Military University of the Ministry of Defense, Moscow, Russia

Abstract. The article dwells on a modern cognitive and discourse study of metaphors. Taking the advantage of the analysis and fusion of information in foreign and domestic papers, the researcher delves into their classification from the ontological, axiological and epistemological points of view. The ontological level breaks down into two basic approaches, namely metaphorical nature of discourse and discursive nature of metaphors. The former analyses metaphors to fathom characteristics of discourse, while the latter enables the study metaphorical features in the context of discursive communication. The axiological aspect covers critical and descriptive studies and the epistemological angle comprises quantitative and qualitative methods in metaphorical studies. Other issues covered in the paper incorporate a thorough review of methods for identification of metaphors to include computer-assisted solutions (Word Sense Disambiguation, Categorisation, Metaphor Clusters) and numerical analysis of the metaphorical nature of discourse – descriptive analysis, metaphor power index, cluster analysis, and complex metaphor power analysis. On the one hand, the conceptualization of research papers emphasises major features of the discursive approach to metaphors and on the other, multiple studies of metaphors in the context of discourse pave the way for a discursive trend in cognitive metaphorology.

Key words: discursive metaphor, discourse metaphorical nature, corpus research, critical metaphor analysis, descriptive metaphor analysis, metaphor identification, metaphor quantitative analysis.

Citation. Kalinin O.I. Cognitive Metaphor and Discourse: Research Methods and Paradigms. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 108-121. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.9>

УДК 81.373.612.2
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 28.07.2020
Дата принятия статьи: 11.05.2021

**КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА И ДИСКУРС:
НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Олег Игоревич Калинин

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия;
Военный университет Министерства обороны, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор публикаций, выполненных в русле современного когнитивно-дискурсивного направления в изучении метафоры. Отечественные и зарубежные исследования рассмотре-

ны в онтологическом, аксиологическом и гносеологическом аспектах. Показано, что онтологическое изучение метафоры осуществляется в рамках двух подходов: исследуется метафоричность дискурса (посредством анализа метафоры выявляются характеристики дискурса) и дискурсивность метафоры (свойства метафоры рассматриваются в границах дискурсивной коммуникации). С точки зрения аксиологии выделены критические и дескриптивные исследования, а гносеологии – количественные и качественные методики изучения метафоричности дискурса. Описаны методы и методики идентификации метафоры, в том числе неавтоматизированные (преференция сочетаемости, MIP VU) и автоматизированные (процедура выявления многозначности, категоризация, кластеризация); описаны методы количественного анализа метафоричности дискурса: дескрипторный анализ, индекс силы метафоры, кластерный анализ, метод комплексного анализа метафоричности. Определены основные черты когнитивно-дискурсивного направления исследований метафоры, в рамках которого она рассматривается как явление одновременно когнитивное и лингвосоциальное, кодирующее общественные процессы в текстах дискурса и формирующее его когнитивное пространство. Обосновано выделение дискурсивного изучения метафоры как направления в когнитивной метафорологии.

Ключевые слова: дискурсивная метафора, метафоричность дискурса, корпусные исследования, критический анализ метафоры, дескрипторный анализ метафоры, идентификация метафоры, количественный анализ метафоричности.

Цитирование. Калинин О. И. Когнитивная метафора и дискурс: направления и методы современных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 108–121. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.9>

Введение

Дискурсивное направление изучения метафоры сформировалось на стыке двух направлений языкознания: когнитивной лингвистики и теории дискурса. Использование когнитивной парадигмы для проведения дискурсивных исследований становится все более востребованным. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет совместить изучение разных типов дискурса и дискурсивных практик с формами их когнитивной концептуализации.

Р. Водак подчеркивает важность когнитивных исследований как посредника между дискурсом и обществом, так как процессы производства и понимания текста зависят от имеющихся в сознании реципиента информации когнитивных моделей и рамок, которые связаны с социальными стереотипами и предрассудками [Wodak, 2006]. Иными словами, когнитивная лингвистика становится для теории дискурса своего рода «отсутствующим звеном», соединяющим дискурсивные и общественные практики.

Дискурс, как сложное коммуникативное явление, представляющее собой единство языковой формы, значения и действия, которое отражает социальный контекст и субъективную психологию человека [Калинин, 2018, с. 13], не может быть не связан с когнитивной парадигмой.

В рамках пересечения теории и практики двух направлений языкознания сформиро-

валось отдельное направление исследования метафоры – когнитивно-дискурсивное.

В этой связи целью данной статьи является описание основных методологических особенностей теоретических и практических исследований в области когнитивно-дискурсивной метафорологии.

С опорой на методы синтеза и обобщения научного знания в данной работе проведена классификация подходов к исследованию когнитивной метафоры в рамках дискурса с онтологической, аксиологической и гносеологической точек зрения. Кроме того, проанализирована методология практических исследований метафорических моделей в рамках дискурса: описаны методы выявления метафор в тексте, в том числе автоматизированные, основные направления корпусных исследований метафоры и методы вычисления уровня метафоричности текста и дискурса.

Такой теоретический обзор современных исследований представляется актуальным, поскольку несмотря на широкую известность теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980], до сих пор не разработана единая теория метафоры в дискурсе, а теоретические знания в этой области во многом фрагментарны и не систематизированы. Анализ методологии исследований в области дискурсивной метафорологии проводился в работах А.П. Чудинова и Э.В. Будаева [Будаев, 2011; Будаев, Чудинов, 2006], од-

нако в фокусе их внимания находился политический дискурс. Кроме того, некоторые положения перечисленных работ десятилетней давности требуют обновления с позиций вновь появившихся отечественных и зарубежных исследований.

Результаты и обсуждение

Онтологический, аксиологический и гносеологический аспекты когнитивно-дискурсивных исследований метафоры

С онтологической точки зрения в рамках когнитивно-дискурсивного направления метафорологии может быть выделено два направления:

1) дискурсивность метафоры (предмет изучения – метафора [Воеynaems et al., 2017; Kövecses, 2018; Zinken, Hellsten, Nerlich, 2008]);

2) метафоричность дискурса (предмет изучения – дискурс [Баранов, 2014; Будаев, Чудинов, 2006; Kalinin, 2020]).

Исследование дискурсивности метафоры часто сконцентрировано на одном или нескольких метафорических переносах и их свойствах в рамках определенного дискурса. Дискурсивное понимание метафоры во многом отражено в определении, предложенном Й. Зинкеном и его коллегами: «относительно стабильная метафорическая проекция, которая функционирует как ключевой фрейм внутри определенного дискурса на протяжении некоторого времени» [Zinken, Hellsten, Nerlich, 2008]. Данная дефиниция передает основные признаки дискурсивности метафоры: протяженность, стабильность, фреймовый характер и принадлежность к определенному дискурсу.

Как пишет А. Мусолф, метафора в дискурсе имеет два основных эффекта: она активизирует нейрофизиологические метафорические структуры в нашем сознании, и это создает своего рода фильтр для понимания целевых концептов посредством одновременного скрывания одних аспектов нового знания и подчеркивания других [Musolff, 2019, p. 3].

Исследование метафоричности дискурса базируется прежде всего на анализе не отдельных метафор, а системы метафорических моделей, оно нацелено на изучение мета-

форичности как специфической характеристики дискурса. В этой области разработаны количественные методы, а исследование метафоры преследует разные утилитарные цели, например, признается важным аспектом изучения кризисности в политической сфере [Landtsheer, 2009]. Кроме того, посредством изучения метафорических моделей характеризуются идеологические особенности эпохи, например, на материале медиатекстов периода перестройки [Baranov, Zinken, 2003].

В аксиологическом аспекте когнитивно-дискурсивные исследования метафоры принято разделять на критические и дескриптивные [Будаев, 2011].

Критические исследования метафоры базируются на критическом дискурс-анализе, то есть методологически связаны с теорией критического дискурс-анализа. В них метафора часто рассматривается как одно из средств, которые использует власть для осуществления своей политической и идеологической программы. В этой связи основной задачей критического исследования метафоры становится анализ использования и интерпретация метафорических моделей: изучается преимущественно воздействие, которое могут оказать метафоры на коллективное сознание посредством своей реализации в дискурсе.

А. Мусолф также подчеркивает важность трудов в области когнитивной метафорологии в разработке критического дискурс-анализа. По мнению автора, прагматический подход, основанный на критическом анализе, имеет преимущество, поскольку является более психологически правдоподобным и, кроме того, соответствует принципу экономии языковых средств, так как не требует сложных и громоздких концептуальных структур [Musolff, 2012, p. 306].

Дескриптивные исследования метафоры в рамках того или иного дискурса сосредоточены на описании метафорических моделей и систем метафорических проекций. При этом интерпретация данных моделей «остается за скобками», дескриптивный подход в чистом виде предполагает только описание метафор и анализ их лингвистических особенностей. Как указывает Э.В. Будаев, «при дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом соб-

ственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки» [Будаев, 2011, с. 151].

Дескриптивный подход помимо описания систем метафорических моделей ориентирован на дальнейшее углубление понимания роли метафоры в дискурсе и национально-культурном языковом сознании. Отметим, что подобные исследования нацелены на выявление метафорических вариаций, внутрикультурных и межкультурных. Например, З. Ковечеш дал детальное описание возможных вариаций метафоры, разделив их на «интракультурные» и «интеркультурные». Автор убежден, что метафора отличается одновременно универсальностью и возможностью к варьированию. При этом вариация метафоры происходит исключительно в дискурсе, тогда как универсальность проявляется на когнитивном уровне [Kövecses, 2005].

В гносеологическом аспекте исследования метафоры можно разделить на количественные и качественные. Этот аспект связан с аксиологическим: изучение метафоричности дискурса и дискурсивности метафоры может быть одновременно дескриптивным и количественным или критическим и качественным.

Очевидно, что количественные и качественные исследования базируются преимущественно на достижениях корпусной лингвистики, в их основе лежит количественный или качественный контент-анализ.

Результаты систематизации теоретических и практических исследований в области

когнитивно-дискурсивной метафорологии могут быть представлены в виде схемы (рис. 1).

Согласно схеме, онтологически все исследования, выполненные на стыке теорий метафоры и дискурса, в зависимости от цели и предмета изучения делятся на исследования метафоричности дискурса и дискурсивности метафоры. Каждое из этих направлений может быть изучено с критической и дескриптивной точек зрения в зависимости от исходных позиций исследователя. Однако подчеркнем, что для изучения метафоричности дискурса более характерен критический подход, а дискурсивности метафоры – дескриптивный. Для каждого из направлений могут применяться количественные и качественные методы.

Методы идентификации метафор

Анализ метафор в рамках любого текста или дискурса неизбежно связан с проблемой идентификации метафоры, то есть с необходимостью определения того, что является метафорой, а что нет.

В основе семантического понимания метафоры лежит взгляд на нее как на перенос по сходству. Следовательно, самый простой способ распознать метафору состоит в анализе прямого и непрямого значений словупотреблений, которые можно анализировать посредством статистической сочетаемости.

Именно на этой идее базируется концепция выборочной преференции сочетаемости (selectional preference), разработанная Й. Вилксом. Под выборочной преференци-

Рис 1. Методология когнитивно-дискурсивных исследований метафоры

Fig. 1. Methodology for cognitive studies of metaphor in discourse

ей подразумевается склонность одной лексической единицы сочетаться с другой из определенной лексической категории; нарушение принципа предпочтения сочетаемости может свидетельствовать об образности [Wilks, 2007].

Эта концепция критикуется в статье [Neuman et al., 2013]: авторы провели статистический анализ сочетаемости некоторых лексических единиц в больших корпусах текстов, продемонстрировав, что самое частотное значение не обязательно является базовым, поэтому отклонение базового значения от наиболее частотного не обязательно является образным.

На сегодня наиболее апробированной методикой идентификации метафоры считается MIP VU (Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit), разработанная в 2007 г. группой исследователей Praggeljaz Group [Praggeljaz Group, 2007] и усовершенствованная учеными из Metaphor Lab в 2010 г. [Steen et al., 2010].

Опишем ниже основные этапы идентификации метафоры согласно MIP VU:

1) нахождение в тексте потенциально метафоричных выражений (metaphor-related words) посредством пословного анализа с уточнением в словаре и корпусе национального языка;

2) маркировка выражения как метафоричного при наличии непрямого значения и потенциально возможного концептуального переноса, которая проводится на базе как минимум двух словарей с проверкой словарных значений;

3) маркировка выражения как прямой метафоры (direct metaphor-related word), если слово используется в прямом значении, но соотносится с другой лексической единицей посредством концептуального переноса, то есть сравнение происходит небуквально и имеет под собой когнитивную основу;

4) маркировка выражения как скрытой метафоры (implicit metaphor-related word), если оно используется для замещения отсутствующего в контексте слова, но при этом наблюдается значимый концептуальный перенос, то есть расхождение между прямым значением слова-заместителя и его контекстуальным значением, обусловленным замещенным словом;

5) маркировка выражения как потенциально метафорического при наличии маркеров сравнения, то есть эксплицитно выраженных слов-сравнений: *like, such as, as if* и т. д.;

б) маркировка слова как потенциально метафорического, если оно является авторским неологизмом [Steen et al., 2010].

Методика MIP VU получила широкое распространение в исследованиях метафор в разных дискурсах. Так, А. Нокеле выявляет с ее помощью метафоры в публичных выступлениях Н. Манделы [Nokele, 2014]. М. Галлямова и Т. Баклыкова изучают музыкальные метафоры, обнаруживая их этим методом в текстах статей британского музыкального издания [Галлямова, Баклыкова, 2017]. Лингвистами исследуются психологические особенности студентов как потенциальных работников на основе анализа метафор, которые испытуемые используют в ответах на вопросы на собеседовании с работодателем [Creed, McIlveen, 2018]. Л. Борт-Мир преобразует методику MIP VU в FILMIP для анализа визуальных метафор в фильмах [Bort-Mir, 2019]. Данный метод был использован нами для анализа метафоричности текстов военно-политического дискурса (см.: [Калинин, Селезнева, 2019]).

При всех достоинствах методика MIP VU имеет один существенный недостаток – трудоемкость. Для реализации всех этапов требуется высокая квалификация исследователя, проводящего анализ, и большое количество времени, так как решение о соотношении выражения с метафорой принимается на основании двухфакторной проверки по словарю и корпусу текстов.

Вследствие этого в целях упрощения процесса идентификации метафоры в настоящий момент активно разрабатываются автоматизированные методы. В целом они базируются на трех основных процедурах: различении лексической многозначности слова (Word Sense Disambiguation), категоризации и кластеризации.

Различение лексической многозначности слова направлено на создание алгоритмов, которые могут выявить в контексте многозначные слова и определить в каком значении оно использовано, прямом или метафорическом. Данный процесс известен как выбор наи-

более корректного значения слова в заданном контексте [Al-Tashi, 2019].

Категоризация ориентирована на использование категорий на базе статистических языковых данных, например, системы WordNet. В таких базах данных множества слов уже распределены по категориям. Так, в WordNet более 68 тысяч существительных классифицированы по 25 категориям (артефакт: стул, стол; еда: хлеб, молоко). На этом принципе построено исследование [Neuman et al., 2013], которое, будучи продолжением алгоритма П. Терни [Turney et al., 2011], основано на сравнении абстрактного и конкретного значений, соотносимых с данными из WordNet. Важным является тот факт, что рассматриваемый алгоритм распространен на две грамматические модели построения метафоры: «А является Б» и «Глагол как фокус метафоры + существительное».

На основе кластеризации в WordNet метод статистического анализа метафоры, совмещенный с принципами машинного обучения, разрабатывается в Computer Lab Кембриджского университета группой исследователей во главе с Е. Шутовой [Leong, Klebanov, Shutova, 2018].

Данное направление компьютерной лингвистики развивается очень активно, модели автоматической идентификации применяются не только к англоязычному материалу, но и к текстам на других языках. Например, есть исследования на базе греческого [Florou, Perifanos, Goutsos, 2019] и украинского язы-

ков [Levchenko, Romanyshyn, Dosyn, 2019]. Кроме того, алгоритмы постоянно совершенствуются, в недавно опубликованных работах сообщается о достижении 97 % точности в распознавании метафор в грамматических формах «прилагательное + существительное» [Torres Rivera, Oliver, Coll-Florit, 2020].

Резюмируя последние достижения в области методов идентификации метафоры в тексте и дискурсе, мы можем представить данные в виде схемы (рис. 2).

Вопросы идентификации метафоры в конкретных текстах и дискурсах в настоящее время остаются актуальными. Наиболее точные методы и приемы трудозатратны и поэтому их сложно использовать при анализе большого объема текстового материала. Автоматизированные методы идентификации образного языка по-прежнему несовершенны, применимы либо к отдельным лексемам, либо к синтаксическим конструкциям и не гарантируют 100 % точности. При этом автоматизированный анализ образного языка – одно из приоритетных направлений компьютерной лингвистики. В этой связи следует рассмотреть методы количественного анализа употребления метафор в дискурсе.

Количественные методы анализа метафоричности дискурса

Обычно под количественными методами анализа подразумевается комплекс статистических мер, направленных на выявление в

Рис. 2. Методы идентификации метафоры в тексте и дискурсе
 Fig. 2. Methods of metaphor identification in text and discourse

тексте определенных ключевых слов с последующим подсчетом и подведением итогов.

Применительно к исследованиям метафоры количественный анализ предполагает обработку большого объема текста с целью выявления числовых статистических закономерностей употребления метафор в дискурсе.

Направлением изучения метафор, соединяющим в себе и количественный, и качественный анализ, являются корпусные исследования, которые можно разделить на три типа:

1) составление собственного корпуса текстов какого-либо дискурса с целью количественного и качественного анализа метафорических моделей;

2) анализ существующего корпуса (национального или специального) с целью выявления метафорических моделей;

3) составление корпуса метафор.

Основоположником первого типа исследований стал Дж. Чартерис-Блэк. В его теории критический анализ метафоры совмещен с теорией концептуальной метафоры и корпусоориентированным изучением дискурса [Charteris-Black, 2004a]. Эта методика используется при анализе собранного корпуса политических речей британских и американских политиков и манифестов политических партий [Charteris-Black, 2004b]. Автор выявил метафоры со сферой-целью ПОЛИТИКА и СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ по сферам-источникам, определив существенные межкультурные отличия.

Изучение метафор на материале собранного исследователем корпуса текстов часто ориентировано на выявление метафорических моделей в медиатекстах той или иной проблематики. Например, такой корпусный подход был использован для анализа метафорической репрезентации вируса Эбола в британских СМИ [Trčková, 2015]. Нами проведено исследование, в котором с применением количественного и качественного контент-анализа корпуса медиатекстов описаны метафорические модели для номинации вируса на примере репрезентации лихорадки Эбола и коронавируса в китайских СМИ [Kalinin, 2020].

Второе направление корпусных исследований представлено работами, выполненными на основе уже существующих корпусов текстов, например общезыковых (Нацио-

нальный корпус русского языка, British National Corpus, Open American National Corpus) или специальных (политические тексты, медиатексты, поэтические тексты и т. д.). Разнообразие корпусов, их объем, удобство использования – все это открывает широкие возможности для исследователей по анализу метафорических моделей в разных аспектах.

В качестве примера можно привести работу китайских лингвистов Ху Чуньюй и Лю Хуйцзе, которые изучили в диахронии тексты журнала «The Time», представленные в специальном корпусе. Авторы выявили метафорические модели, способные оказывать воздействие на мышление читателей журнала [Hu, Liu, 2016]. Другой китайский лингвист Люо Жуйфэн описал метафорическую проекцию со сферой-целью ЖИЗНЬ в Chinese Linguistic Corpus [Luo, 2018].

Исследователь из Кореи С. Парк на основе данных Corpus of Contemporary American English описал метафоры страха и помимо верификации метафорических моделей провел их статистический анализ, предложив вниманию читателей частотную классификацию метафор [Park, 2019].

К. Аринс и М. Цзян охарактеризовали возможности сравнительного корпуса политических текстов, где представлены выступления политиков Британии, США, Гонконга, Тайваня и КНР. Авторы разработали пошаговую методику верификации метафор внутри корпуса на китайском языке, предложив использовать ее и для изучения метафор в других языках [Ahrens, Jiang, 2020].

Активно анализируется в аспекте метафоричности и Национальный корпус русского языка. Например, А.И. Бардовская изучает цвето-звуковые метафоры [Бардовская, 2013], а Л.В. Балашова – медицинские концептуальные метафоры [Балашова, 2018]. Отечественные лингвисты используют также методы сравнительного корпусного анализа, сопоставляя данные из Национального корпуса русского языка с данными других корпусов. Например, О.А. Солоповой и А.П. Чудиновым проведено исследование метафорической репрезентации Дня Победы в русской культуре и V-Day в Британии [Солопова, Чудинов, 2018].

Несколько обособленно от описанных выше стоят исследования по созданию спе-

циальных метафорических корпусов (*metaphor corpus*). Один из первых таких корпусов – специальный корпус метафор VU Amsterdam Metaphor Corpus, созданный в Metaphor Lab Амстердамского свободного университета. Достоинством этого корпуса является то, что все вхождения обрабатываются вручную при помощи процедуры MIP VU, описанной выше. Все метафоры поделены на 4 регистра: новостные тексты, академические тексты, тексты разговорной речи и художественные тексты, поскольку основная цель создания этого корпуса – анализ контекстуального использования концептуальных метафор [Krennmaug, Steen, 2017].

Кроме того, именно этот корпус стал основой для некоторых других национальных корпусов метафор. Например, китайские исследователи Лу Сяофэй и Ван Пиньюнь на базе Lancaster Corpus of Mandarin Chinese разработали Metaphor-annotated corpus of Mandarin Chinese с общим количеством вхождений более 30 тысяч слов и разбили его на три регистра: новостные, художественные и академические тексты [Lu, Wang, 2017].

Таким образом, материал и методы корпусной лингвистики являются востребованными как для анализа метафоричности дискурса, так и для выявления дискурсивных особенностей концептуальной метафоры. Развитие современных технологий, совершенствование программного обеспечения для автоматизированного анализа текстов открывают новые возможности в этом направлении. Имеющиеся корпуса являются полезными базами данных языковых метафор, поскольку дают возможность изучать взаимосвязь метафоры с определенным тематическим дискурсом, а корпуса метафор разных языков становятся важным источником для анализа когнитивной системы языкового сообщества.

Специальные методы для выявления количественных показателей метафоричности дискурса

Одной из первых в этой области стала совместная работа А.Н. Баранова и Й. Цинкена, которые исследовали политический дискурс эпохи перестройки в России и Нового

курса в Германии [Baranov, Zinken, 2003]. Они собрали более 8 000 метафор на двух языках и проанализировали их статистически и содержательно. Методика анализа впоследствии легла в основу дескрипторной теории метафоры [Баранов, 2014].

Авторы метода дескрипторного анализа выбирают наиболее характерные для дискурса сферы-цели и вычисляют соответствующие языковые сочетания с определенными сферами-источниками. Несомненное достоинство методики – возможность количественно установить метафоричность дискурса посредством простого сравнения выявленных метафорических моделей на определенный объем текста и одновременно проанализировать содержательную сторону этих моделей.

Оригинальный подход к изучению метафоричности дискурса предложен в серии работ К. де Ландсхеер. Квантитативный анализ метафоричности дискурса реализован при подсчете индекса силы метафоры (*Metaphor Power Index*), учитывающего количество метафор, их интенсивность и содержание сферы-источника. На основе математической формулы ученым проведено масштабное исследование политического медиадискурса европейских стран и выдвинуто предположение о степени его метафоричности [Landtsheer, 2009; 2011].

Несомненным достоинством такого подхода является возможность выразить абстрактные понятия метафоричности, персуазивности, красочности в конкретных числовых показателях. Это открывает широкие перспективы для сопоставительных исследований метафоричности дискурсов и отдельных лингвокультур.

Однако К. де Ландсхеер недостаточно обосновала критерии разграничения метафор по интенсивности на слабые, средние и сильные и распределение коэффициентов содержания метафоры. Например, медицинские метафоры наделяются коэффициентом 6, природные – коэффициентом 3. Значит ли это, что речевое воздействие медицинских метафор в два раза сильнее, чем природных?

Перспективной для изучения метафоры можно считать методику кластерного дискурсивного анализа, которая была разработана В. Коллер на базе бизнес дискурса англий-

ского языка [Koller, 2003; 2004]. Теоретической базой для нее стали взгляды М. Халлидэя относительно мета-функций языка применительно к метафоре в речи.

Основу методики кластерного анализа метафорических моделей составляет исследование распределенности метафорических выражений по структуре текста посредством программ-конкордансеров (WordSmith, AntConc), которые позволяют увидеть в какой части текста (начало, середина, конец) встречается то или иное метафорическое словосочетание. По мнению В. Коллер, метафора в начале текста выполняет идентификационную функцию, так как участвует в постановке проблемы, в середине – межличностную функцию, так как помогает утвердить аргументацию позиции автора, в конце – также межличностную функцию, но с большим персуазивным эффектом.

На наш взгляд, методика кластерного анализа является действенным инструментом критического анализа дискурса. Например, она была использована для масштабного изучения медицинского дискурса на предмет функционирования в нем метафор насилия при описании тяжелых заболеваний [Demmen et al., 2015; Semino et al., 2017].

На основании вышеописанных теоретических и практических исследований был предложен и апробирован метод комплексного анализа метафоричности, в основе которого лежит подсчет индексов метафоричности [Сунь, Калинин, Игнатенко, 2021]: MDI (Metaphor density index) индекс плотности метафор, MII (Metaphor intensity index) индекс интенсивности метафор, MfTI (Metaphor functional typology index) индекс функциональной типологии метафор, MStI (Metaphor structural index) индекс взаимосвязи метафоричности и структуры текста. В основе определения каждого из них лежит математическая формула: MDI позволяет наглядно определить среднее количество метафор на сто слов текста; MII – среднюю интенсивность метафор (новые или конвенциональные метафоры доминируют в тексте); значение MfTI показывает, какие функции преимущественно выполняют метафоры в тексте; MStI – в каких частях внешней и внутренней структуры текста сосредоточены метафоры. Данный ме-

тод выявления метафоричности может использоваться для анализа потенциального речевого воздействия текстов разных дискурсов и стать инструментом разноаспектного анализа использования метафоры в дискурсе.

Выводы

Обзор современных публикаций, посвященных метафоре и выполненных в русле когнитивно-дискурсивного направления, в рамках которого метафора рассматривается как явление одновременно когнитивное и лингвосоциальное, во многом кодирующее общественные процессы в текстах дискурса, позволило выделить два основных подхода к исследованию метафор в дискурсе: изучение метафоричности дискурса и дискурсивности метафоры, отличающиеся предметом анализа. Каждый из этих подходов может быть применен с критической и дескриптивной точек зрения с использованием количественных и качественных методов. При этом для исследований метафоричности дискурса более характерен критический подход, а для изучения дискурсивности метафоры – дескриптивный.

Изучение проведенных эмпирических исследований в области метафоричности дискурса позволило обобщить разработанные на данный момент методы идентификации метафоры в тексте, которые могут быть неавтоматизированными (преференция сочетаемости, MIP VU) и автоматизированными (многозначность, категоризация, кластеризация). Кроме того, объяснительную силу имеют результаты изучения метафоры посредством количественного анализа метафорических моделей, полученные в рамках корпусных исследований, а также частных методов, объединяющих несколько приемов и процедур: наиболее значимыми и валидными являются дескрипторный анализ, вычисление индекса силы метафоры, метод кластерного анализа и метод комплексного анализа метафоричности.

Когнитивно-дискурсивное направление, сформировавшееся на стыке когнитивной лингвистики и теории дискурса, представляется весьма перспективным в современном языкознании. Его главная особенность заключается в ориентированности на практические исследования, которые, на наш взгляд, по мере

достижения определенной «критической массы» результатов, приведут к новому пониманию сути метафоры как одного из элементов дискурса и уточнению положений современной теории метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балашова Л. В., 2018. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX–XXI вв. (динамический аспект) // Политическая лингвистика. № 2. С. 10–17.
- Баранов А. Н., 2014. Дескрипторная теория метафоры. М. : Яз. слав. культуры. 632 с.
- Бардовская А. И., 2013. Цвето-звуковые метафоры русского языка (данные Национального корпуса русского языка) // Russian Journal of Education and Psychology. № 4. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-4-37. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/4201337/pdf_90 (дата обращения: 01.07.2020).
- Будаев Э. В., 2011. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил : НТГСПА. 330 с.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2006. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург : УрГПУ. 213 с.
- Галлямова М. С., Баклыкова Т. Ю., 2017. Идентификация и классификация метафор на материале британского музыкального издания NME // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 10, ч. 2, № 76. С. 70–74.
- Калинин О. И., 2018. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М. : КноРус. 146 с.
- Калинин О. И., Селезнева Д. В., 2019. Метафоричность и типология: опыт сопоставительного анализа // Филология: научные исследования. Т. 4, № 4. С. 72–80.
- Солопова О. А., Чудинов А. П., 2018. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола Победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 22, № 2. С. 313–337.
- Сунь Ю., Калинин О. И., Игнатенко А. В., 2021. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. Т. 25, № 1. С. 232–258.
- Ahrens K., Jiang M., 2020. Source Domain Verification Using Corpus-based Tools // Metaphor and Symbol. Vol. 35, № 1. P. 43–55.
- Al-Tashi Q., 2019. Word Sense Disambiguation: A Review // OSF Preprints. DOI: 10.31219/osf.io/dbkzm.
- Baranov A., Zinken J., 2003. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode // Metapher, Bild und Figur. Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten. Hamburg : Verlag Kovač. S. 93–121.
- Boeynaems A., Burgers Ch., Konijn E., Steen G., 2017. The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review // Metaphor and Symbol. Vol. 32, № 2. С. 118–134.
- Bort-Mir L., 2019. Developing, Applying and Testing Filmip: The Filmic Metaphor Identification Procedure : thesis for PhD. DOI: 10.13140/RG.2.2.18345.03688.
- Charteris-Black J., 2004a. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Hampshire : Palgrave Macmillan Book Company. 263 с.
- Charteris-Black J., 2004b. Why “An Angel Rides in the Whirlwind and Directs the Storm”: A Corpus-based Comparative Study of Metaphor in British and American Political Discourse // Advances in Corpus Linguistics: Papers from the 23rd International Conference on English Language Research on Computerized Corpora (ICAME 23). Amsterdam ; N. Y. : Rodopi. P. 133–151.
- Creed A., McIlveen P., 2018. Metaphor Identification As a Research Method for the Study of Career // International Journal for Educational and Vocational Guidance. Vol. 18, № 1. P. 27–44.
- Demmen J., Semino E., Demjén Z., Koller V., Hardie A., Rayson P., Payne S., 2015. A Computer-Assisted Study of the Use of Violence Metaphors for Cancer and End of Life by Patients, Family Carers and Health Professionals // International Journal of Corpus Linguistics. Vol. 20, № 2. P. 205–231.
- Florou E., Perifanos K., Goutsos D., 2019. Neural Embeddings for Metaphor Detection in a Corpus of Greek Texts // 9th International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA). P. 1–4.
- Hu C., Liu H., 2016. Inflation Metaphor in the TIME Magazine Corpus // English Language Teaching. Vol. 9, № 2. P. 124–135.
- Kalinin O., 2020. Virus Image in the Chinese Media: Comparative Analysis of Coronavirus and Ebola Metaphoric Representation // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 97. Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication. Moscow : European Publisher. P. 331–337. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.02.44.
- Koller V., 2003. Metaphor Clusters, Metaphor Chains: Analyzing the Multifunctionality of Metaphor

- in Text. URL: <http://www.metaphorik.de/05/koller.pdf> (date of access: 01.07.2020).
- Koller V., 2004. *Metaphor and Gender in Business Media Discourse*. L. : Palgrave Macmillan UK. 244 p.
- Kövecses Z., 2005. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge : Cambridge University Press. 314 p.
- Kövecses Z., 2018. *Metaphor in Media Language and Cognition: A Perspective from Conceptual Metaphor Theory* // *Lege Artis*. Vol. 3, № 1. P. 124–141.
- Krennmayr T., Steen G., 2017. *VU Amsterdam Metaphor Corpus* // *Handbook of Linguistic Annotation*. Dordrecht : Springer Netherlands. P. 1053–1071.
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago : The University of Chicago Press. 191 p.
- Landsheer C. de, 2009. *Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor* // *Metaphor and Discourse*. L. : Palgrave Macmillan. P. 59–78.
- Landsheer C. de, 2011. *Methods for the Study of Political Metaphor in Leadership Studies* // *Conference of ECPR*. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/4129cdb9-da5e-46e9-a041-765ef6681a06.pdf> (date of access: 01.07.2020).
- Leong C.W., Klebanov B., Shutova E., 2018. *A Report on the 2018 VUA Metaphor Detection Shared Task* // *Proceedings of the Workshop on Figurative Language Processing*. Stroudsburg, PA : Association for Computational Linguistics. P. 56–66.
- Levchenko O., Romanyshyn N., Dosyn D., 2019. *Method of Automated Identification of Metaphoric Meaning in Adjective + Noun Word Combinations (Based on the Ukrainian Language)* // *CEUR*. Vol. 2386. P. 370–380.
- Lu X., Wang B., 2017. *Towards a Metaphor-Annotated Corpus of Mandarin Chinese* // *Language Resources and Evaluation*. Vol. 51, № 3. P. 663–694.
- Luo R., 2018. *A Study on Chinese LIFE Metaphors from Corpus-Based Approach* // *NeuroQuantology*. Vol. 16, № 5. P. 67–75.
- Musolff A., 2012. *The Study of Metaphor As Part of Critical Discourse Analysis* // *Critical Discourse Studies*. Vol. 9, № 3. P. 301–310.
- Musolff A., 2019. *Metaphor Framing in Political Discourse* // *Mythos Magazin: Politisches Framing*. Vol. 1. P. 1–10. URL: http://www.mythos-magazin.de/politisches_framing/am_metaphor-framing.pdf (date of access: 01.07.2020)..
- Neuman Y., Assaf D., Cohen Y., Last M., Argamon S., Howard N., Frieder O., 2013. *Metaphor Identification in Large Texts Corpora* // *PLoS One*. Vol. 8, № 4. e62343.
- Nokele A.B., 2014. *Identifying Conceptual Metaphors Using the Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU)* // *South African Journal of African Language*. Vol. 34, № 1. P. 75–86.
- Park S., 2019. *A Corpus-Based Study on Metaphors of FEAR* // *The Journal of Linguistics Science*. Vol. 91. P. 269–287.
- Pragglejaz Group, 2007. *MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse* // *Metaphor Symb*. Vol. 22, № 1. P. 1–39.
- Semino E., Demjén Z., Demmen J., Koller V., Payne Sh., Hardie A., Rayson P., 2017. *The Online Use of Violence and Journey Metaphors by Patients With Cancer, As Compared With Health Professionals: A Mixed Methods Study* // *BMJ Supportive & Palliative Care*. Vol. 7, № 1. P. 60–66.
- Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A., Krennmayr T., Pasma T., 2010. *A Method for Linguistic Metaphor Identification*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. 238 p.
- Torres Rivera A., Oliver A., Coll-Florit M., 2020. *Metaphoricity Detection in Adjective-Noun Pairs* // *Procesamiento de Lenguaje Natural*. № 64. P. 53–60.
- Trčková D., 2015. *Representations of Ebola and Its Victims in Liberal American Newspapers* // *Topics in Linguistics*. Vol. 16, № 1. P. 29–41.
- Turney P., Neuman Y., Assaf D., Cohen Y., 2011. *Literal and Metaphorical Sense Identification Through Concrete and Abstract Context* // *Proceedings of the 2011 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Edinburgh : Association for Computational Linguistics. P. 680–690.
- Wilks Y., 2007. *A Preferential, Pattern-Seeking, Semantics for Natural Language Inference* // *Words and Intelligence*. Dordrecht : Springer Netherlands. P. 83–102.
- Wodak R., 2006. *Mediation Between Discourse and Society: Assessing Cognitive Approaches in CDA* // *Discourse Studies*. Vol. 8, № 1. P. 179–190.
- Zinken J., Hellsten I., Nerlich B., 2008. *Discourse Metaphors* // *Body, Language and Mind*. Berlin : Mouton de Gruyter. P. 243–256.

REFERENCES

- Balashova L.V., 2018. *Meditsinskaya kontseptual'naya metafora v politicheskom mediadiskurse XX–XXI vv. (dinamicheskiy aspekt)* [Medical Conceptual Metaphor in the Political Media Discourse of the 20th–21st Centuries (Dynamic Aspect)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2, pp. 10–17.
- Baranov A.N., 2014. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ. 632 p.

- Bardovskaya A.I., 2013. Cvetozvukovye metafory russkogo yazyka (dannye Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Color-Sound Metaphors in Russian (Data of the Russian National Corpus)]. *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 4. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-4-37. URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/4201337/pdf_90 (accessed 1 July 2020).
- Budaev E.V., 2011. *Sopostavitelnaya politicheskaya metaforologiya* [Comparative Political Metaphorology]. Nizhny Tagil, NTGSPA. 330 p.
- Budaev E.V., Chudinov A.P., 2006. *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in Political Interdiscourse]. Yekaterinburg, UrGPU. 213 p.
- Gallyamova M.S., Baklykova T.Yu., 2017. Identifikatsiya i klassifikatsiya metafor na materiale britanskogo muzykalnogo izdaniya NME [Identification and Classification of Metaphors by the Material of the British Musical Edition NME]. *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], vol. 10, part 2, no. 76, pp. 70-74.
- Kalinin O.I., 2018. *Osnovy lingvopragmaticheskogo issledovaniya politicheskogo imidzha* [Linguopragmatic Research of Political Image]. Moscow, KnoRus Publ. 146 p.
- Kalinin O.I., Selezneva D.V., 2019. Metaforichnost' i tipologiya: opyt sopostavitel'nogo analiza [Metaphor and Typology: The Experience of Comparative Analysis]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Researches], vol. 4, no. 4, pp. 72-80.
- Solopova O.A., Chudinov A.P., 2018. Diahronicheskiy analiz metafor v britanskom korpuse tekstov: kolokola Pobedy i Russia's V-Day [Diachronic Analysis of Political Metaphors in the British Corpus: From Victory Bells to Russia's V-Day]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics], vol. 22, no. 2, pp. 313-337.
- Sun Yu., Kalinin O.I., Ignatenko A.V. 2021. Ispolzovaniye indeksov metaforichnosti dlya analiza rechevogo vozdeystviya metafory v tekstakh publichnykh vystupleniy politikov [The Use of Metaphor Power Indices for the Analysis of Speech Impact in the Political Public Speeches]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 1, pp. 232-258.
- Ahrens K., Jiang M., 2020. Source Domain Verification Using Corpus-Based Tools. *Metaphor and Symbol*, vol. 35, no. 1, pp. 43-55.
- Al-Tashi Q., 2019. Word Sense Disambiguation: A Review. *OSF Preprints*. DOI:10.31219/osf.io/dbkzm.
- Baranov A., Zinken J., 2003. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode. *Metapher, Bild und Figur. Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten*. Hamburg, Verlag Kovač. S. 93-121.
- Boeynaems A., Burgers Ch., Konijn E., Steen G., 2017. The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review. *Metaphor and Symbol*, vol. 32, no. 2, pp. 118-134.
- Bort-Mir L., 2019. *Developing, Applying and Testing FILMIP: The Filmic Metaphor Identification Procedure. Thesis for PhD*. DOI: 10.13140/RG.2.2.18345.03688.
- Charteris-Black J., 2004a. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Hampshire, Palgrave Macmillan Book Company. 263 p.
- Charteris-Black J., 2004b. Why "An Angel Rides in the Whirlwind and Directs the Storm": A Corpus-Based Comparative Study of Metaphor in British and American Political Discourse. *Advances in Corpus Linguistics: Papers from the 23rd International Conference on English Language Research on Computerized Corpora (ICAME 23)*. Amsterdam, New York, Rodopi, pp. 133-151.
- Creed A., McIlveen P., 2018. Metaphor Identification As a Research Method for the Study of Career. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*, vol. 18, no. 1, pp. 27-44.
- Demmen J., Semino E., Demjén Z., Koller V., Hardie A., Rayson P., Payne S., 2015. A Computer-Assisted Study of the Use of Violence Metaphors for Cancer and End of Life by Patients, Family Carers and Health Professionals. *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 20, no. 2, pp. 205-231.
- Flourou E., Perifanos K., Goutsos D., 2019. Neural Embeddings for Metaphor Detection in a Corpus of Greek Texts. *9th International Conference on Information, Intelligence, Systems and Applications (IISA)*, pp. 1-4.
- Hu C., Liu H., 2016. Inflation Metaphor in the TIME Magazine Corpus. *English Language Teaching*, vol. 9, no. 2, p. 124-135.
- Kalinin O., 2020. Virus Image in the Chinese Media: Comparative Analysis of Coronavirus and Ebola Metaphoric Representation. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 97. Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication*. Moscow, European Publisher, pp. 331-337. DOI: 10.15405/epsbs.2020.12.02.44.
- Koller V., 2003. *Metaphor Clusters, Metaphor Chains: Analyzing the Multifunctionality of Metaphor in Text*. URL: <http://www.metaphorik.de/05/koller.pdf> (accessed 1 July 2020).

- Koller V., 2004. *Metaphor and Gender in Business Media Discourse*. London, Palgrave Macmillan UK. 244 p.
- Kövecses Z., 2005. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge, Cambridge University Press. 314 p.
- Kövecses Z., 2018. Metaphor in Media Language and Cognition: A Perspective from Conceptual Metaphor Theory. *Lege Artis*, vol. 3, no. 1, pp. 124-141.
- Krennmayr T., Steen G., 2017. VU Amsterdam Metaphor Corpus. *Handbook of Linguistic Annotation*. Dordrecht, Springer Netherlands, pp. 1053-1071.
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, The University of Chicago Press. 191 p.
- Landtsheer C. de, 2009. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. *Metaphor and Discourse*. London, Palgrave Macmillan, pp. 59-78.
- Landtsheer C. de, 2011. Methods for the Study of Political Metaphor in Leadership Studies. *Conference of ECPR*. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/4129cdb9-da5e-46e9-a041-765ef6681a06.pdf> (accessed 1 July 2020).
- Leong C.W., Klebanov B., Shutova E., 2018. A Report on the 2018 VUA Metaphor Detection Shared Task. *Proceedings of the Workshop on Figurative Language Processing*. Stroudsburg, PA, Association for Computational Linguistics, pp. 56-66.
- Levchenko O., Romanyshyn N., Dosyn D., 2019. Method of Automated Identification of Metaphoric Meaning in Adjective + Noun Word Combinations (Based on the Ukrainian Language). *CEUR*, vol. 2386, pp. 370-380.
- Lu X., Wang B., 2017. Towards a Metaphor-Annotated Corpus of Mandarin Chinese. *Language Resources and Evaluation*, vol. 51, no. 3, pp. 663-694.
- Luo R., 2018. A Study on Chinese LIFE Metaphors from Corpus-Based Approach. *NeuroQuantology*, vol. 16, no. 5, pp. 67-75.
- Musolff A., 2012. The Study of Metaphor As Part of Critical Discourse Analysis. *Critical Discourse Studies*, vol. 9, no. 3, pp. 301-310.
- Musolff A., 2019. Metaphor Framing in Political Discourse. *Mythos Magazin: Politisches Framing*, vol. 1, pp. 1-10. URL: http://www.mythos-magazin.de/politisches_framing/am_metaphor-framing.pdf (accessed 1 July 2020).
- Neuman Y., Assaf D., Cohen Y., Last M., Argamon S., Howard N., Frieder O., 2013. Metaphor Identification in Large Texts Corpora. *PLoS One*, vol. 8, no. 4, e62343.
- Nokele A.B., 2014. Identifying Conceptual Metaphors Using the Metaphor Identification Procedure Vrije Universiteit (MIPVU). *South African Journal of African Language*, vol. 34, no. 1, pp. 75-86.
- Park S., 2019. A Corpus-Based Study on Metaphors of FEAR. *The Journal of Linguistics Science*, vol. 91, pp. 269-287.
- Pragglejaz Group, 2007. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor Symbol*, vol. 22, no. 1, pp. 1-39.
- Semino E., Demjén Z., Demmen J., Koller V., Payne Sh., Hardie A., Rayson P., 2017. The Online Use of Violence and Journey Metaphors by Patients with Cancer, As Compared with Health Professionals: A Mixed Methods Study. *BMJ Supportive & Palliative Care*, vol. 7, no. 1, pp. 60-66.
- Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A., Krennmayr T., Pasma T., 2010. *A Method for Linguistic Metaphor Identification*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. 238 p.
- Torres Rivera A., Oliver A., Coll-Florit M., 2020. Metaphoricity Detection in Adjective-Noun Pairs. *Procesamiento de Lenguaje Natural*, no. 64, pp. 53-60.
- Trčková D. 2015. Representations of Ebola and Its Victims in Liberal American Newspapers. *Topics in Linguistics*, vol. 16, no. 1, pp. 29-41.
- Turney P., Neuman Y., Assaf D., Cohen Y., 2011. Literal and Metaphorical Sense Identification Through Concrete and Abstract Context. *Proceedings of the 2011 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Edinburgh, Association for Computational Linguistics, pp. 680-690.
- Wilks Y., 2007. A Preferential, Pattern-Seeking, Semantics for Natural Language Inference. *Words and Intelligence*. Dordrecht, Springer Netherlands, pp. 83-102.
- Wodak R., 2006. Mediation Between Discourse and Society: Assessing Cognitive Approaches in CDA. *Discourse Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 179-190.
- Zinken J., Hellsten I., Nerlich B., 2008. Discourse Metaphors. *Body, Language and Mind*. Berlin, Mouton de Gruyter, pp. 243-256.

Information About the Author

Oleg I. Kalinin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Chinese Language, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia; Doctoral Student, Military University of the Ministry of Defense, B. Sadovaya St, 14, 125047 Moscow, Russia, okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

Информация об авторе

Олег Игоревич Калинин, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия; докторант, Военный университет Министерства обороны, ул. Б. Садовая, 14, 125047 г. Москва, Россия, okalinin.lingua@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.10>

UDC 81'42:316.472.4
LBC 81.055.51.5

Submitted: 02.02.2021
Accepted: 11.05.2021

CONFLICT MOBILIZATION IN RUSSIAN SOCIAL MEDIA COMMUNITIES AS AN ACTUAL PRACTICE OF PROTEST COMMUNICATION: COLLECTIVE AND PERSONAL DIMENSION¹

Marina V. Milovanova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena V. Terentyeva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. From the standpoint of communicative approach conflict mobilization is considered in the article as an actual practice of protest communication in modern Russia. The parameters of the collective-personal dimension of conflict mobilization in the most popular social networks among Russian users: VKontakte, Odnoklassniki, Instagram, Twitter, Facebook are presented. Major forms of social group members online participation in protest actions, interaction means of conflict mobilization communities and the formation of Internet solidarity have been characterized with such criteria as publication volume and frequency. Selective factual and emotional-psychological argumentation with elements of defamation of opponents is concluded to prevail in the communicative behavior of the addresser. Frequent implementation of phatic strategy through consolidating appeals to community members with elements of idealization and glorification of protest actors is revealed. The addresser's self-presentation strategy is noted to be applied rather rarely; it is actualized mainly through their identification with the collective position of the group and the mass addressee. It has been established that the addressee is characterized by active self-presentation through the presentation of a subjective position opposed to a mutual opponent, is distinguished by an appeal to ethical and emotional argumentation, a variety of phatic tactics. The article reveals the relevant language means of implementing the identified strategies, shows the features of the text structure of mobilization posts.

Key words: protest communication, strategies, tactics, social networks, network communities, addresser, addressee, Russian.

Citation. Milovanova M.V., Terentyeva E.V. Conflict Mobilization in Russian Social Media Communities As an Actual Practice of Protest Communication: Collective and Personal Dimension. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 122-140. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.10>

УДК 81'42:316.472.4
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 02.02.2021
Дата принятия статьи: 11.05.2021

КОНФЛИКТНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СООБЩЕСТВАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ РОССИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПРОТЕСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОЛЛЕКТИВНО-ЛИЧНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

Марина Васильевна Милованова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Витальевна Терентьева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению с позиций коммуникативного подхода конфликтной мобилизации как актуальной практики протестной коммуникации современной России. В работе представлены результаты исследования параметров коллективно-личностного измерения конфликтной мобилизации в наиболее популярных среди российских пользователей социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм», «Твиттер», «Фейсбук». Авторами с учетом таких критериев, как объем публикаций, активность их размещения, основные формы онлайн-участия членов социальных групп в протестных акциях охарактеризован инструментарий интеракции сообществ конфликтной мобилизации и формирования интернет-солидарности. Сделан вывод о доминировании в коммуникативном поведении адресанта селективного фактического и эмоционально-психологического аргументирования с элементами диффамации оппонентов; частотной реализации фатической стратегии посредством консолидирующих призывов к членам сообщества с элементами идеализации и героизации акторов протеста; отмечена наименьшая представленность стратегии самопрезентации адресанта, актуализируемая преимущественно через его идентификацию с коллективной позицией группы и массовым адресатом. Установлено, что адресат характеризуется активной самопрезентацией через предъявление частной субъективной позиции, противопоставленной обобщенному оппоненту, обращением к этико-эмоциональной аргументации, разнообразным фатическим тактикам. В статье выявлены релевантные языковые средства реализации установленных стратегий, показаны особенности текстовой структуры мобилизационных постов.

Ключевые слова: протестная коммуникация, стратегии, тактики, социальные сети, сетевые сообщества, адресант, адресат, русский язык.

Цитирование. Милованова М. В., Терентьева Е. В. Конфликтная мобилизация в сообществах социальных сетей России как актуальная практика протестной коммуникации: коллективно-личностное измерение // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 122–140. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2021.5.10>

Введение

Протестные движения в современном обществе представляют собой различные коллективные действия, с помощью которых субъекты формулируют собственную позицию, критическое отношение к существующему положению вещей, а также предлагают решения социальных проблем [Cammaerts, 2012; 2015; Castells, 2009; 2012]. Как правило, протестные движения характеризуются следующими признаками: 1) наличие конфликтного и широкого протестного мобилизационного потенциала; 2) реализация четкого противопоставления в рамках модели «мы / они»; 3) значимость в организации социальных движений; 4) ориентированность на формирование, поддержание и эксплуатацию идеи коллективной идентичности; 5) структурированность посредством плотных неформальных социальных сетей [Della Porta, Diani, 2006; Новые социальные движения..., 2020; Яницкий, 2012].

В научных исследованиях в качестве основной мобилизационной площадки, позволяющей инициировать и синхронизировать конкретные социальные действия потенциальных акторов, рассматриваются сообщества в со-

циальных сетях [Шерстобитов, Бряннов, 2013]. На таких площадках происходит практически мгновенный обмен контентом, который имеет большое значение для координации протестной активности, в частности, в них передается информация о месте и времени протестной акции, транспорте, присутствии силовых структур, возможном юридическом сопровождении в случае задержания и т. д. Кроме того, сообщества в социальной сети способствуют активному обмену эмоциональной и мотивационной информацией в поддержку протестной деятельности, включая сообщения, выражающие негативные эмоции, социальную идентификацию, групповую эффективность, политические предпочтения.

Инструменты мобилизации в сообществах социальных сетей (далее – соцсети), представленные различными фильтрами, рейтингами, способствуют распространению информации, которая подается и оценивается как исключительно достоверная и являющаяся основанием для коллективного принятия решений и активного (участие в уличной демонстрации, митинге, пикете) либо пассивного (интернет-голосование, репост, лайк, комментариев и т. д.) реагирования. Обмен информацией между членами социальных групп повы-

шает ее эффективность в плане расширения мобилизационного участия членов социума в протестной деятельности.

Способы мобилизации членов социальных групп для вовлечения в протестные акции мы классифицируем по принципу доминирующей целевой установки и подразделяем на информационно-селективные (подача сегментированной информации, формирующей определенный взгляд на проблему и активизирующей ее обсуждение); организационно-регулирующие (создание условий для привлечения фолловеров); психолого-манипулятивные (формирование определенной оценки за счет предъявления селективной информации и эмоциональной аргументации); коммуникативно-поведенческие (стимулирование коммуникативных действий и выработка поведенческих стереотипов в ответ на эмоциональное воздействие) (см.: [Киняшева, 2018; Ребрина, 2021]).

Группы в соцсетях, инициирующие протестную активность, как правило, основываются на объединении вокруг отрицаемого факта, реализуют так называемую «консолидацию против» [Юрина и др., 2017]. При этом в социальных сетях, где количественно преобладают русскоязычные пользователи, отрицаемый факт часто получает саркастическую оценку с целью вызвать общественное порицание [Пильгун, 2018]. В ряде случаев, когда целевая аудитория протестных сообществ представляет собой молодежь, активность стимулируется тезисами и мотивами, содержащими элементы романтизации и героизации протеста. При этом, если главным фокусом является актор протеста, то он также подвержен идеализации на основе преувеличения его положительных качеств. В целом для соцсетей российского сегмента характерны общие для социальных онлайн-платформ признаки: мгновенное вирусное селективное информирование, источником которого являются агенты мобилизации и лидеры мнений данного сообщества, постоянное поддержание обратной связи с представлением статистики посещений, нацеленность на вовлеченность большего числа фолловеров, интерактивность, самоорганизация, децентрализованность, горизонтальность координации действий и мобилизации, трансграничность [Ваньке и др., 2014; Курбатов, Круппенникова, 2016].

Коммуникация внутри соцсетей имеет признаки, характерные для интернет-общения в целом: мультимедийность, креолизованность, интерактивность, равностатусность участников, полидискурсивность, полифоничность.

Эффективность мобилизации в группах соцсетей обеспечивается рядом условий, среди которых можно выделить экстралингвистические и лингвистические.

К экстралингвистическим условиям мы относим использование онлайн-платформы и программного обеспечения, позволяющие участникам соцсетей легко обмениваться информацией с участниками группы, к которой они принадлежат, а также с более широкой интернет-аудиторией; наличие инструментария, дающего возможность добавлять теги, фото-, аудио- и видеоматериалы, быстро размещать и оценивать пользовательский контент; практически стопроцентная обеспеченность участников смартфонами и мобильными приложениями; наличие доступа к высокоскоростному интернету. К экстралингвистическим условиям мы относим социально-психологические и социально-поведенческие факторы, от которых зависит вовлеченность пользователей в протестную деятельность. Среди названных выше социально-психологических факторов мы выделяем неудовлетворенность широких слоев общества состоянием экономики, низким уровнем жизни, неуверенностью в будущем, недоверием к власти, убежденностью в ее коррумпированности и т. д. Обозначенные факторы детерминируют определенные психологические и поведенческие реакции у различных представителей социума, различающихся возрастом, уровнем образования, родом занятий и т. д. Так, высокая протестная активность молодежи до 24 лет обусловлена, на наш взгляд, не только владением интернет-технологиями, но и определенными возрастными психолого-поведенческими характеристиками, а именно: стремлением к активной деятельности, потребностью идентификации себя с социальными группами, тяготением к коллективному, групповому мышлению и формам поведения, интересом к неформальной интеракции. Протестная активность населения среднего возраста детерминирована остро выраженным недоверием к власти, от-

рицаием положительного результата принятых решений и реализуемых программ социальной сферы (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, поддержка бизнеса и т. д.), ощущаемым социальным неравенством, неуверенностью в будущем, отсутствием видения четких позитивных перспектив для себя и детей. Среди участников соцсетей среднего возраста доминируют поведенческие стереотипы наблюдателя и умеренного активного пользователя-комментатора.

К лингвистическим условиям можно отнести количественные и качественные текстовые характеристики мобилизационного текста, а именно: среднее количество знаков в посте, наличие / отсутствие восклицательных и вопросительных знаков, скобок, стрелок, эмодзи [Филиппов, 2020]; количество тематических фрагментов, характер аргументации, стратегия-тактическая организация текстового фрагмента, способ экспликации адресанта и адресата. В целом мобилизационный потенциал текста, как правило, задается коммуникативным вектором: авторская оценка ситуации → побуждение к эмоциональному отклику в рамках предложенной оценки → привлечение сторонников из числа потребителей контента → «усиление» оценки массовым адресатом – соадресантом [Милованова, Терентьева, 2020].

Изучение протестной коммуникации в соцсетях является актуальным направлением исследований в связи с необходимостью разработки цивилизованных способов разрешения конфликтов между властью и гражданским обществом.

Цель работы состоит в выявлении коллективно-личностных параметров, влияющих на мобилизационный потенциал публикаций в сетевых сообществах.

Сформулированная цель предусматривала следующие исследовательские шаги: описание интерактивного инструментария и изучение статистики сообществ соцсетей, анализ активности членов сообществ (создателей контента, наблюдателей, умеренно активных пользователей); определение адресации, способов экспликации адресанта и адресата в текстах публикаций и ответных интерактивных реакциях участников сообщества, формирования интернет-солидарности; выявление

доминантных тактик адресанта и адресата в рамках аргументативной, самопрезентационной, фатической стратегий и релевантных языковых средств.

Материал и методы

Материалом исследования послужили публикации на русском языке, отвечающие следующим критериям: а) размещены в социальной сети России или на территории России («ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм», «Твиттер», «Фейсбук»); б) относятся к контенту сообщества, организованного против чего-либо / кого-либо (например, сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: Россия против повышения пенсионного возраста; НЕТ поправкам к Конституции; Против ужесточения законодательства о митингах; сообщества в соцсети «Инстаграм»: Против поправок в Конституцию; Против пенсионной реформы; сообщества в социальной сети «Фейсбук»: Против поголовной вакцинации); в) имеют мобилизационный характер, приурочены к каким-либо событиям, вызвавшим протестные настроения или протестные выступления онлайн / оффлайн; г) размещены в период с 2012 по 2021 год.

Объем выборки составил около 1 050 публикаций.

В настоящем исследовании, вслед за многими лингвистами, протест интерпретируется как особая коммуникативная система, характеризующаяся пространственно-временным, предметным и коллективно-личностным измерениями протеста [Бараш, Антоновский, 2018; 2019; Ребрина, Шамне, 2020].

Предметом изучения выступает коллективно-личностное измерение как компонент системно-коммуникативных характеристик русскоязычных практик конфликтной мобилизации в сообществах соцсетей, исследуемый в контексте медиации современной политической коммуникации. Среди параметров коллективно-личностного измерения протестной коммуникации мы выделяем способы дискурсивного конструирования идентичности адресанта и адресата; коммуникативные стратегии и тактики, коммуникативные аспекты солидаризации участников общения.

Медиатизация современного общества, проявляющаяся в интеграции цифровых медиа во все социальные процессы, в том числе и политические (подробно об этом см.: [Oniszczyk, 2011]), создает условия для таких трансформаций протестных практик, которые способствуют «реализации технологий “управляемого хаоса” и нацелены на перевод политических систем, институтов, режимов и ситуаций в новое качественное состояние» [Kavanaugh et al., 2017]. Сопряжение в современном социуме протестных практик с процессами медиатизации новейших форматов и механизмов организации коллективных взаимодействий требует их изучения и оценки для дальнейшей разработки алгоритмов управления конфликтными социумами, что определяет актуальность исследования [Гладченко, 2019].

В исследовании были использованы статистические методы. Для установления зависимости между количественными текстовыми характеристиками мобилизационного поста и коэффициентом его вовлеченности Engagement Rate (далее – ER), отражающим выраженное в процентах отношение количества реакций на публикацию к количеству подписчиков, применялся линейный регрессионный анализ на основе стандартного пакета Excel. Для расчета коэффициента вовлеченности поста использовалась формула: $ER = (\text{лайки} + \text{комментарии} + \text{репосты} + \text{клики}) / \text{кол-во подписчиков} \times 100 \%$.

Результаты и обсуждение

Представленность социальных сообществ и характеристика активности их участников

Интерфейс страниц социальных сообществ имеет простой, интуитивно понятный стандартный функционал, организуемый вкладками: Информация, Обсуждение, Записи сообщества, Ссылки, Наши мероприятия, Фотоальбомы, Видеозаписи. На странице сообщества отражается статистика активности группы (количество участников, статей, ссылок, данные о динамике публикаций и изменении состава группы; статистика действий: «нравится», «поделиться», «просмотров»).

Для оценки эффективности размещенного на странице группы контента учитывались универсальные показатели количественного состава сообществ соцсети (подписчики) и темпа роста аудитории соцсети за определенный промежуток времени (прирост за месяц), рассчитанный в процентах как соотношение новых подписчиков к числу прежних. В приведенной ниже таблице 1 представлена выборка сообществ соцсети ВКонтакте как самой популярной в России, ранжированная по числу подписчиков. Количественные показатели приводятся с учетом данных статистики сообществ.

Статистика сообществ в соцсети ВКонтакте показывает (табл. 1), что прирост аудитории за месяц на 1 % и более демонстриру-

Таблица 1. Динамика состава протестных сообществ в социальной сети «ВКонтакте»

Table 1. Dynamics of protest communities membership in VKontakte social network

Название группы	Подписчики	Прирост за месяц (апрель 2021), %
Против системы	554 060	-14 / -0,00 %
МВП	232 153	180 / 0,06 %
Ешкин Крот	168 268	917 / 0,55 %
Политкухня преступной власти	53 509	1 / 0,01 %
Россия без цензуры	43 957	28 / 0,07 %
Оппозиция	35 569	-24 / -0,07 %
Россия против повышения пенсионного возраста	26 717	-2 / 0,00 %
Родина погибает что будем делать	20 531	0 / 0,00 %
Human Rights	20 385	0 / 0,00 %
Народ против повышения пенсий	16 156	-56 / -0,35 %
Левый фронт	14 599	170 / 1,18 %
Политические взгляды	13 682	2 / 0,01 %
Акции протеста	12 910	-1 / -0,01 %
Марш несогласных (закрытая группа)	4 025	0 / 0,00 %

ют единичные сообщества; в среднем месячный прирост составляет менее 1 % либо имеет отрицательную динамику, что в целом свидетельствует о низкой степени протестных настроений аудитории.

Активность членов сообществ социальных сетей также была проанализирована с помощью коэффициента вовлеченности ER, отражающего отношение количества реакций к количеству подписчиков. Приведенная ниже диаграмма представляет результаты выборочного анализа мобилизационных постов на основе коэффициента вовлеченности ER (рис. 1). Данный показатель рассчитывался для определенного поста (индекс вовлеченности мобилизационного поста). При анализе коэффициента вовлеченности мобилизационного поста применялась общепринятая шкала ER: низкий показатель – $ER < 1\%$; средний – ER от 1 % до 3 %; высокий – от 3,5 % до 6 %; очень высокий – выше 6 %.

Как видно из приведенной диаграммы, только половина постов из нашей выборки демонстрирует высокий и очень высокий индекс вовлеченности. Мы проанализировали посты с высоким и очень высоким индексом вовлеченности по количественным параметрам (количество знаков в посте) с помощью линейного регрессионного анализа с целью установления зависимости количественных

показателей текста и коэффициента вовлеченности мобилизационного поста. Результаты построенной регрессии и полученный коэффициент детерминации (R-квадрат) менее 0,5 показывают, что наличие данной зависимости не подтверждается.

Доминантные стратегии и тактики адресанта и адресата в сообществах конфликтной мобилизации в социальных сетях

Мобилизационный потенциал в социальных сетях обеспечивается определенным набором стратегий и тактик, реализуемых адресантом и адресатом как основными участниками конфликтной коммуникации.

Нами установлены три основные стратегии адресанта: аргументативная, фатическая и самопрезентационная. В качестве языковых средств реализации данных тактик используется лексика с общей положительной (*гордость, щедрый*) либо отрицательной (*жулик, вор, страшный, бедный*) коннотацией, лексика в ироничном употреблении (*солнцеликий прилетел...; сказочный повысил зарплату себе*), общественно-политические, экономические термины (*геноцид, война, оккупация, диктатор, пикет, митинг, коррупция, активы, текущий курс*), жаргонизмы

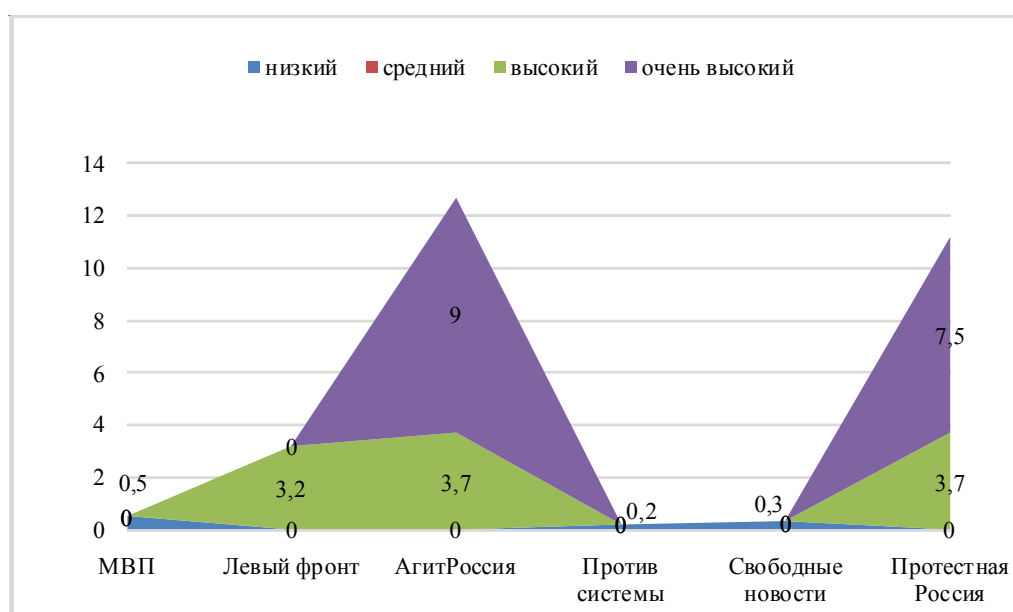

Рис. 1. Коэффициент вовлеченности мобилизационных постов социальной сети «ВКонтакте»

Fig. 1. The coefficient of involvement of mobilization posts of the VKontakte social network

(*бабло, кореша*), бранная лексика (*дебилы, идиоты*); активно используются числительные, личные местоимения, инфинитивы, формы повелительного наклонения, вопросно-ответные, парцелированные вводные конструкции, обращения. В целях создания иронии и сарказма адресант прибегает к использованию приемов языковой игры и аллюзии (*Они зажрались за Родину – созвучно Они сражались за Родину; С чего погибается Родина – созвучно С чего начинается Родина; Едим Россию – созвучно Единая Россия, СПЕР Банк России – созвучно СБЕР Банк России*), обращается к прецедентным текстам

интернет-коммуникации (*Наташ, они там все уронили / обнулили*).

В таблице 2 представлены основные стратегии и тактики адресанта сообщества в соцсетях с количественными данными, типовыми примерами и перечнем релевантных языковых средств, с помощью которых данные тактики получают регулярную реализацию (примеры приводятся с сохранением орфографии и пунктуации источника). Как видно из приведенной таблицы, доминирующей является аргументативная стратегия, которая реализуется, как правило, тактиками фактического и эмоционально-психологического аргументирования.

Таблица 2. Стратегии и тактики адресанта в сообществах конфликтной мобилизации в социальных сетях

Table 2. Addresser's strategies and tactics in conflict mobilization communities in social networks

Стратегия	Тактика	Примеры	Релевантные языковые средства
Аргументативная (62,2 %)	Фактическое аргументирование (49,7 %)	<i>В то время как каждый третий россиянин живет на \$ 8 в день (Росстат), 500 «сверхбогатых» граждан РФ владеют активами на сумму \$ 640 млрд (более 46 трлн р), имея в собственности 40 % всех финансовых активов страны (подсчитали аналитики Boston Consulting Group). То есть состояние 0,0001 % взрослого населения России превысило международные резервы страны (ЕК)</i>	Общественно-политические и экономические термины, имена собственные, количественные числительные, формы глагола в изъявительном наклонении, парцелированные, вставные конструкции
	Эмоционально-психологическое аргументирование с элементами идеализации и героизации актора протеста (47 %)	<i>Денег в стране на пенсии не хватает не потому, что она кормит слишком много пенсионеров, а потому, что в ней кормится слишком много жуликов и воров у власти. Ставь лайк, если согласен! (МВП) Одним из таких людей был Саиша, он собственно и стал одним из организаторов этой самой крупной акции Пермского края начиная с 90-х годов. Абсолютно честный, открытый парень с очень правильными, иногда даже чересчур взглядами. Для него все просто: есть несправедливость нужно с ней бороться... я искренне хочу, чтобы пол Перми пришло завтра на суд. Знаю, что этого не будет, но если у вас вдруг есть возможность, приходите, не оставайтесь дома (О). Иван Подкопаев рассмотрение дела которого перенесено на 2 октября настоящий патриот и достойный человек, настоящий оппозиционер который смог постоять за себя и за своих сограждан оппозиционеров. Герой который не побоялся дать отпор этим трусам ... Молодец, достоин уважения и большая редкость в этой стране (ОРФ)</i>	Лексические единицы с положительной либо отрицательной семантикой, имена собственные; местоимения, формы глагола в изъявительном наклонении, императивы; побудительные, условные, парцелированные конструкции
	Логическое аргументирование (3,3 %)	<i>Вчера они отобрали у нас право на пенсию, сегодня принудительная вакцинация, а завтра чего ожидать? Обязательно приходите на выборы и воспользуйтесь своим правом голоса, потому, что если они останутся, то завтра отберут и его! (ЛФ)</i>	Лексические единицы, эксплицирующие порядок мысли, причинно-следственные, вопросно-ответные конструкции

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

Стратегия	Тактика	Примеры	Релевантные языковые средства
Фатическая (25,4 %)	Консолидирующий призыв к адресату (78,8 %)	<i>Мы предлагаем собраться вместе – и организовать Объединенный Московский фронт. Наша цель – добиться коренного пересмотра политики столичных властей. Нужно объединиться и заставить уйти все руководство мэрии... Это дело не одного дня, но отступить нам уже некуда. Позади – Москва! Для спасения города нужны ваш опыт, ум, принципиальность, настойчивость! Создадим Объединенный Московский фронт вместе! (SN) ПРОСНИТЕСЬ ЛЮДИ ПОКА НЕ ПОЗДНО!!! ... пригласите всех своих друзей в группу если вам не безразлична своя судьба и судьба своей Родины! (РП)</i>	Лексические единицы с положительной семантикой, лексические единицы со значением должностования, необходимости, совместного действия; личные местоимения, императивы; восклицательные конструкции, обращения
	Солидаризирующая похвала массовому адресату (9,7 %)	<i>Это Хабаровск, где протесты не утихают уже 78(!) дней. Восхищает стойкость этих прекрасных людей, хабаровчане гордость и совесть России (РБЦ) Спасибо молодым ребятам, которые все эти месяцы не переставали поддерживать Сашу, почти каждый день организовывали одиночные пикеты. У нас очень крутая молодежь в Перми, ей можно гордиться (О)</i>	Лексические единицы с положительной семантикой, имена собственные; восклицательные конструкции
	Экспликация вовлечения в активные онлайн- и офлайн-действия (11,5 %)	<i>Сделайте максимальное количество репостов этого поста, максимальное количество комментариев, и отметок аккаунта!!! (ПП) Ваш репост ускорит отрезвление страны (ЕК) Оставляем в комментариях точное время, город и адрес, где будут проходить акции протеста, а мы будем публиковать информацию в нашем сообществе (РППВ) Все на митинг! Завтра, в субботу, 17 августа 2019 г. на проспекте Академика Сахарова в 12:00 (ЛФ) Митинг в Москве. Пушкинская площадь. Против лже-вакцинации от коронавируса. Выходим все! Максимальный репост. Свобода слова или кляп с намордниками (ЯВП) Пожалуйста, не проходите мимо! Давайте это максимально распространить в сети! Только так нас услышат! Максимальный репост!!! (МВП)</i>	Лексические единицы, номинирующие коммуникативное поведение в социальных сетях, лексические единицы с положительной семантикой имена собственные, местоимения, императивы, формы глаголов настоящего времени с семантикой побуждения к действию; побудительные, восклицательные конструкции
Само-презентационная (12,4 %)	Идентификации с массовым адресатом (42,2 %),	<i>Власть плёт на нас, решает кого допустить до выборов, а кого нет, в каком дворе построить небоскроб, где срубить сквер, придумывает новые налоги, поборы, хочет чтобы мы платили за всё - медицину, образование, даже дороги платные для нас с вами во всю строят! Скажем им: «Хватит!» До встречи на митинге 😊😊 (ЛФ)</i>	Лексические единицы с семантикой единения, инклюзивные формы местоимения, формы глаголов будущего времени с семантикой побуждения к действию, конструкции с прямой речью

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Стратегия	Тактика	Примеры	Релевантные языковые средства
Само-презентационная (12,4 %)	Противопоставление неодобряемому оппоненту (41,3 %)	<i>Друзья, знаете ли вы, что итальянская компания «Enel» владеет Невинномысской ГРЭС в Ставропольском крае, Конаковской ГРЭС в Тверской обл. ... Все это было продано Чубайсом и Ко в рамках реформы РАО ЕЭС. Такие дела. Они зажрались за Родину! Ставь, ♥ если согласен! (МВП) Разговорали все! Всех пенсионеров Думы отправить на минимальную пенсию 9800 Кто за? (МВП)</i>	Лексические единицы с негативной семантикой, разговорная лексика, имена собственные; местоимения, формы глагола в изъявительном наклонении; восклицательные, вопросительные конструкции, обращения
	Самопредставление (10 %)	<i>Добрый вечер, уважаемые участники группы! С этого дня в этой группе мы ... будем рассказывать о новостях в области основных прав и свобод человека. Мы надеемся, что вы поддержите наше начинание своими репостами и лайками, ведь соблюдение прав и свобод человека, наших прав и свобод это как раз то, чего так не хватает нашей стране, нашему государству и нам с вами! Приглашайте друзей в группу, а мы постараемся оправдать ваши ожидания (HR) Мы ждем всех, кто разделяет левые взгляды, кто хочет свободного и справедливого будущего для себя и своих детей. Всех, у кого еще остались смелость и совесть. Дел хватит всем! Данное сообщество – не узкая группа по интересам или тусовка интернет-болтунов, а площадка для агитации и продвижения наших идей в электронном пространстве. Помните - интернет никогда не заменит реальной борьбы, поэтому ждём вас на улицах (ЛФ) Сегодня в День России мы, люди различных политических взглядов, решили создать группу, чтобы показать, что мы ПРОТИВ пакета изменений в Конституцию нашей Родины России, скрытой целью которых является удержание власти нечистых на руку людей, сидящих во власти почти 30 лет. ДАВАЙТЕ ОБЪЕДИНИМСЯ ВМЕСТЕ!!! Рассказывайте о группе и предлагайте свои новости! (ЯПКР)</i>	Лексические единицы с положительной семантикой, семантикой единения, имена собственные, лексические единицы, номинирующие коммуникативное поведение в социальных сетях; местоимения, императивы, восклицательные конструкции, обращения
	Предъявление коллективной позиции группы (6,5 %)	<i>!! "Нет прививочному террору!" 20 июня, 12:00 (мск) состоится интернет-митинг «Нет прививочному террору!» в связи с новыми ограничениями в Москве и других регионах России. Мы считаем, что система власти будет вводить очередные локдауны по всей стране, чтобы использовать это для стимуляции поголовной вакцинации (РП)</i>	Лексические единицы с оценочной семантикой, имена собственные, инклюзивные местоимения, восклицательные конструкции, стилистически маркированные конструкции-лозунги со значением «протестовать против чего-либо»

На уровне текста тактика фактического аргументирования представлена несколькими вариантами структурной организации мобилизационных убеждающих фрагментов. Основным компонентом их структуры является соположение специально подобранных фактических аргументов, сопоставление которых должно вызвать у адресата негативную эмоциональную реакцию и прогнозируемый протестный отклик. Данная структура реализуется тремя вариантами (рис. 2).

Вариант 1 представляет собой простую структуру, включающую селективную, тщательно отобранную адресатом фактическую информацию, как правило, манипулятивного характера (в примерах отмечена полужирным шрифтом), ее совмещение и прогнозируемый вывод адресата:

Россия попала в топ-5 стран, чье население беднеет быстрее всего. По данным Global Wealth Report, за год средний россиянин стал беднее почти на \$700, а благосостояние россиян снизилось на 9,9 %. Параллельно этому Россия заняла 1-е место в мире по доле состояния миллиардеров от ВВП страны, которая за год выросла на 10 процентных пунктов – до 35 % (The Financial Times).

Россия оказалась в топ-5 экономик мира по падению благосостояния населения.

Россия заняла 1 место в мире по доле состояния миллиардеров от ВВП страны (35 %) (ЕК);

Депутат Областной думы, стаж 8 лет, пенсия 100.000 руб.

*Ветеран ВОВ, стаж 60 лет, пенсия 16.000 руб; В свое время дорогая нефть позволила Норвегии **поднять пенсию до 20554 крон в месяц (176400 рублей).***

России дорогая нефть позволила увеличить число миллиардеров до 99. Все! (МВП).

Вариант 2 осложнен включением в структуру поста комментария, содержащего похвалу, ироническое замечание, например:

...Пособие для малообеспеченных родителей-одиночек: на ребенка от 8 до 17 лет в среднем будут выплачивать по 5,5 тыс. р в месяц. На такие выплаты до конца года выделено 36 млрд р. Щедро. Если не учитывать, что это в 3 раза меньше, чем Путин выделил из российского бюджета на поддержку белорусского диктатора Лукашенко (\$1,5 млрд или более 108 млрд р по текущему курсу)

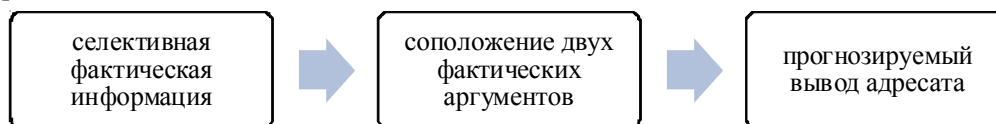
*На пособия **бедным родителям-одиночкам** в России выделили **36 млрд руб.***

*На поддержку **одного белорусского батеньки-одиночки** из бюджета РФ выделили **108 млрд р** (ЕК).*

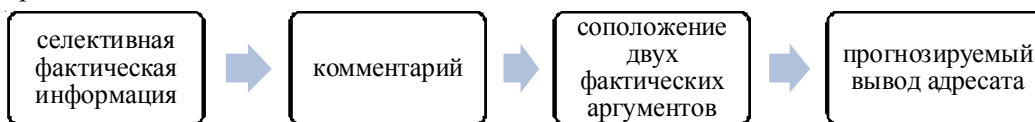
Вариант 3 включает эмоциональный комментарий, который является фоном для селективно-манипулятивной аргументации:

Ровно 80 лет назад в нашей стране началась страшная война. Судя по происходящему

Вариант 1

Вариант 2

Вариант 3

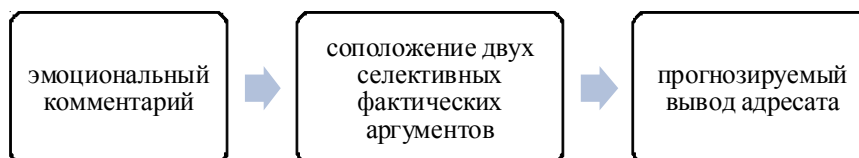

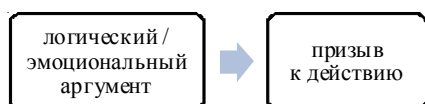
Рис. 2. Структура организации мобилизационных убеждающих фрагментов
 Fig. 2. The structure of the organization of mobilization persuasive fragments

сейчас в России, оккупация и война с народом продолжается и по сей день (но уже без нападения извне).

94-летняя ветеран ВОВ... мечтает о ванной и туалете в доме. Чтобы исполнить ее мечту в Интернете всем миром собирают 200 тысяч рублей.

Росгвардия закупит дубинки-электрошокеры на 30 млн. рублей для разгона митингов. Этих денег хватило бы на решение бытовых проблем 150 ветеранов (ЕК).

Мобилизационный текст на основе эмоционально-психологического и логического аргументирования строится по однотипной модели:

Вчера они отобрали у нас право на пенсию, сегодня принудительная вакцинация, а завтра чего ожидать? Обязательно приходите на выборы и воспользуйтесь своим правом голоса, потому, что если они останутся, то завтра отберут и его!; Нищие ветераны ждут от на действий, приходи на выборы (ЛФ).

Таким образом, доминирующей является стратегия аргументирования, реализуемая адресантом преимущественно посредством специально отобранных фактов и апелляции к этическим и эмоциональным доводам. Установление и поддержание адресантом контакта обеспечивается чаще всего с помощью консолидирующих призывов к членам сообщества; самопрезентация актуализируется преимущественно за счет идентификации с адресатом и противопоставления неодобряемому оппоненту.

В таблице 3 представлены выявленные стратегии и тактики адресата в исследуемых сообществах. Отличие от стратегий и тактик, реализуемых адресантом, состоит в использовании более разнообразного набора тактик внутри самопрезентационной стратегии, в более активном использовании эмодзи и в более конфликтном характере коммуникации, что достигается за счет употребления сниженной, грубой, бранной лексики, эвфемизмов нецензурных слов и выражений, окказионализмов, созданных на основе созвучия с непристойными словами, обценной лексики.

Таблица 3. Стратегии и тактики адресата в сообществах конфликтной мобилизации в социальных сетях

Table 3. Addressee's strategies and tactics in conflict mobilization communities in social networks

Стратегия	Тактика	Примеры	Релевантные языковые средства
Аргументативная (30,4 %)	Фактическое аргументирование (11,6 %)	<p>Сергей Лукин <i>При своих убытках Газпром заплатил в бюджет 1.3 триллиона налогов...)) Для России 1000 кубов 6400 руб для Европы 12500 руб.</i> <i>Все посты группы рассчитаны на эмоции чувства справедливости завести и т. д.</i> <i>Порчу инфо повод ну уж извините свобода слова она такая... Да и удосужьтесь свои слова подкреплять фактами... (комментарий к посту «Убытки Газпрома поделят на всех Россиян», МВП)</i></p> <p>Алиса Фурман <i>Хотите, как в США ?</i> <i>1. Забрать эвакуированную машину в США – 36 000 р. В России – 5000 р.</i> <i>2. Обязательная медицинская страховка в США – 21 000 р. В России – не нужна, бесплатная основная медицина.</i> <i>3. Обращение к врачу в США – 2000 р. В России – бесплатно (МВП)</i></p>	Общественно-политические и экономические термины, имена собственные, количественные числительные

Продолжение таблицы 3

Continuation of Table 3

Стратегия	Тактика	Примеры	Релевантные языковые средства
Аргументативная (30,4 %)	Эмоционально-психологическое аргументирование (85 %)	<p>Валерий Холостой <i>Д.рсоеды то своих детей и внуков обеспечили всем необходимым на несколько жизней вперёд. Ни они, ни из дети и ни внуки не вкальвают так, как работяги, у них нет ночных смен, работы в выходные и прочего, ... и их дети так же не вкальвают на заводе или на стройке, гробя здоровье за копейки ради нищей пенсии, до которой скорее всего мало кто из них доживёт при таких зарплатах и условиях труда.. А то, что рабы согласны работать за еду, то это проблемы самих рабов...</i> (комментарий к посту) (МВП)</p> <p>Илья Молчанов <i>Очень сильно бомбит, когда лютые грешники начинают строить из себя святош, к таким относится депутат Фёдоров. Он постоянно брал деньги у своего наставника Чубайса и покрывал своих дружков коррупционеров, а сейчас кричит о том какой он классный борец с коррупцией. А ещё он постоянно публикуют дезинформацию в интернете, от которой аж тошно становится!</i> (комментарий к посту «Поддержал Федорова, помог им укрепить свое влияние», ОРФ)</p> <p>Eva Taylor <i>Совсем уже ох..., миллионами воруют</i> (комментарий к посту «Зачем Евгений Федоров ездил в США», РП)</p>	Разговорная лексика и фразеология, жаргонизмы, бранные слова, антонимы, имена собственные; местоимения, формы глагола в изъявительном наклонении, присоединительные конструкции, ряды однородных членов
	Логическое аргументирование (3,4 %)	<p>Александр Демидов <i>Опять идиоты сравнивают круглое с деревянным</i> (комментарий к посту «Госкапитализм вместо олигархов», МВП);</p> <p>Нина Хромова (Степанидина) ответила Руслану <i>Кто с головой дружит, тот никогда, никакой вакцины делать не будет, ни себе, ни детям, ни внукам. ...Если бы они так заботились о народе, не было бы ... поддельных лекарств, геноцидных прививок, прибавки 5 лет к пенс возрасту копеечных пенсий и зарплат мизерных и т.д. Думайте люди головой, для чего у вас мозги? Включите логическое мышление (ЛФ)</i></p> <p><i>Если бы все вместе забастовали, тогда и зарплаты поднялись бы..., а пока работают и так, то зачем платит больше)))</i> (комментарий к посту) (МВП)</p>	Лексические единицы, эксплицирующие нарушения логики, императивы; вопросительные, причинно-следственные, условные конструкции

Продолжение таблицы 3

Continuation of Table 3

Стратегия	Тактика	Примеры	Релевантные языковые средства
Фатическая (19,9 %)	Консолидирующий призыв / обращение к членам сообщества (87,4 %)	<p>Владимир Попов 🇷🇺</p> <p><i>Кто не помнит, я напому. Мария Пономаренко активистка, которая борется за права детей-сирот. Её кошмарят мусора и власти в общем, поэтому распространять её обращение важно и нужно. Огласка помогает ей в борьбе с этим прогнившим режимом</i> (комментарий к посту в поддержку Пономаренко, О)</p> <p>Нина Хромова (Степанидина), репост обращения Ивашова Леонида Григорьевича ко всем гражданам России:</p> <p>НАМ НЕОБХОДИМО ОБЪЕДИНЕНИЕ!!! Ребята, поймите – сейчас мало лайкать! Сейчас недостаточно самим что-то знать! Надо активно распространять информацию, донося её до каждого жителя! И не только нашей страны! Нужна массовость! Не надо рассчитывать на то, что другие сделают за вас всё, что нужно! И не надо говорить «Я в этом не разбираюсь» – разберитесь! Не говорите «У меня нет времени, я работаю», вам точно так же, как и всем, грозит смертельная опасность. Уясните для себя простую истину – НИКТО ВАШИХ ДЕТЕЙ НЕ ЗАЩИТИТ!!! СЕЙЧАС ОТ КАЖДОГО ЗАВИСИТ ЖИЗНЬ НАРОДА И СТРАНЫ! Или вы думаете, что Билл Гейтс, говоря об уничтожении шести миллиардов человек, имел ввиду не вас, а ваших соседей?!!</p> <p><i>От вас ведь немного требуется – просто максимально распространять информацию, писать петиции и письма депутатам и членам правительства. Ведь всё это есть! Готовые шаблоны документов и писем!</i> (ЛФ)</p> <p>Михаил Комаров</p> <p>НАРОД вставайте против ... власти хватит спать, посмотрите, што творится в стране неужели вас все устраивает? (РП)</p>	Лексические единицы со значением долженствования, необходимости, совместного действия, имена собственные, жаргонизмы, инклюзивные местоимения, императивы, восклицательные конструкции, обращения
	Солидаризирующая похвала члену(-ам) сообщества (9,7 %)	<p>Зоя Липке</p> <p><i>Молодцы. Надо иногда выходить дружно, чтоб власти задумывались</i></p> <p>Молодцы! (комментарий к посту о митинге протеста против репрессий в отношении оппозиции, ЛФ)</p>	Лексические единицы с положительной семантикой; восклицательные конструкции
	Экспликация вовлечения в обсуждение (2,9 %)	<p>Vladislav Tarlakovsky</p> <p><i>Друзья, прошу Вашего репоста!</i></p> <p><i>Хочу посмотреть просыпается ли русский народ..</i></p> <p><i>Так вот, голосовали ли Вы о поправках в конституцию?</i> (ЯПКР)</p>	Лексические единицы, номинирующие коммуникативное поведение в сообществах соцсетей, лексические единицы с положительной семантикой, перформативные глаголы; побудительные, восклицательные, вопросительные конструкции

Продолжение таблицы 3

Continuation of Table 3

Стратегия	Тактика	Примеры	Релевантные языковые средства
Само-презентационная (49,7 %)	Тактика солидаризирующей идентификации с участником(-ами) сообщества (18,7 %)	Алексей Сидоров <i>Целиком с этим согласен, в стране деньги есть просто ими нужно с умом распорядиться. Разогнать всех барыг, которые у власти, а то зажрались уже до такой степени.....!!! ПОМНЯТ ТОЛЬКО О СЕБЕ, НО НЕ О НАРОДЕ, КОТОРЫЙ ИХ И КОРМИТ !!!</i> 🙌🙌🙌🙌🙌🙌🙌🙌 Светлана Басманова Юрию (ответ на комментарий к посту) <i>Юрий, Вы правы на все 100 %, это еще тот предатель, стремится во власть, и все попрадает и отдаст тем, у кого уже слюни во все века текут.....!!!!</i> 😡😡😡😡😡😡 (МВП)	Лексические единицы с семантикой поддержки, разговорные лексические единицы; личные местоимения, конструкции со значением должествования, восклицательные конструкции
	Тактика отрицательной идентификации с участниками сообщества (26,1 %)	Nik Mironenko <i>Мало админ, надо больше драмы</i> 😡😡😡 29 янв в 12:02 (комментарий к посту о суде над пенсионеркой за кражу дешевых продуктов, МВП) Игорь Петров <i>Алиса, гори в аду куда, зарабатывающая по 15 рублей за копипаст-пост!</i> 🐾 Ирина Лебедева <i>Елена, не бухти, эта страна тебя кормит, диванный солдат. А у тебя ни образования, ни ума</i> (комментарий к посту о партии власти, РППВ)	Лексические единицы с негативной семантикой, разговорная, бранная лексика, имена собственные; местоимения, императивы; восклицательные конструкции, обращения
	Тактика солидаризирующей идентификации с адресантом (22,1 %)	Татьяна Жулева <i>Мы Российский, бедный, нищий народ, в каком строю живём???? Демократизм??? Плутократизм??? Идиотизм??? Вроде нас, людей, охраняют от кого-то, а на самом деле в каждом из нас видят врага, шпиона?</i> Комментарий к негативному посту о власти (РП)	Общественно-политическая лексика, синонимы; инклюзивные местоимения, парцеллированные вопросительные конструкции
	Тактика отрицательной идентификации с адресантом (11,6 %)	Александр Чурилов <i>Просто девочка пока не столкнулась, не едрось не путин не помогут, если подхватит эту заразу, а врачи у нас уже поколение 90, сесси сдавали за бабки, а теперь окей гугл</i> (комментарий к посту о поддержке пикета против масочного режима, РППВ)	Разговорная лексика, жаргонизмы, лексические единицы с негативной семантикой
	Противопоставление общему оппоненту (21,5 %)	Глеб Рыбаков <i>Федоров это истинное лицо современной власти, ну или большей ее части. Выйди скажи что закон плохой, а потом в тихую проголосуй, все же глупые, никто проверять не будет. Говори что в 90 все разворовали, а сам Чубайса покрывай и поддерживай, он же тебе помог. И денег из бюджета не забывай освоить. Бесят такие двуличные «патриоты»!</i> (комментарий к посту «Зачем Евгений Федоров ездил в США», РППВ)	Лексические единицы с негативной семантикой, разговорная лексика, имена собственные; местоимения, глаголы повелительного наклонения в значении изъявительного для передачи нежелательности действия; восклицательные конструкции, обращения

Окончание таблицы 3

End of Table 3

Стратегия	Тактика	Примеры	Релевантные языковые средства
Само-презентационная (49,7 %)	Предъявление субъективной позиции (28,2 %)	<i>Владимир Агафонов ответил Нине Да, хочу ещё сказать - ... ну я им в обсуждениях ответил - «НЕТ ДОВЕРИЯ ВЛАСТЯМ, А ВАКЦИНА СЫРАЯ, НЕ ПРОШЛА ЕЩЁ СВОЁ ВРЕМЯ НА ИСПЫТАНИЯХ У ЖИВОТНЫХ» (комментарий к посту о вакцинации, ЛФ) Елена Батуева Как бы четвёртой волной не стал русский штамм, «народный протест». А этот вирус у власти бедный будет (комментарий к посту о вакцинации, ПС). Алексей Лебедев Знаете, что я думаю? Каждый чиновник ворует и за это я их презираю. Если чиновник ворует нужна смертная казнь публичная ему скажем или кому-то из членов семьи ...тюрьмы они не боятся все равно выпустят за хорошее поведение, вкусно жрать там будет, вкусно пить ... Ну зачем ему столько денег, он их что с собой в гроб положит? Воровство чиновников может победит только банальный животный страх за кого то из близких ему людей мать, жену, детей ...сложившаяся система себя не оправдала, более того скомпрометировала уже дальше некуда! Иначе никак. Всем спасибо... (комментарий к посту «Убытки Газпрома поделят на всех Россиян», МВП)</i>	Лексические единицы с оценочной семантикой, разговорные слова и выражения, личные местоимения 1 л. ед. ч., личные формы глагола, вопросительные и восклицательные конструкции

Доминирующими стратегиями адресата являются самопрезентационная и аргументативная. Самопрезентационная стратегия реализуется набором тактик, которые распределены примерно в равном процентном соотношении. Данная стратегия представлена тактиками солидаризирующей / отрицательной идентификации с адресантом и участниками сообщества, предъявление субъективной позиции, противопоставления общему оппоненту. Аргументирование осуществляется, как правило, посредством апелляции к этическим и эмоциональным доводам. Фатическая стратегия актуализируется адресатом большей частью в форме солидаризирующей похвалы адресанту, консолидирующего призыва / обращения к членам сообщества или посредством эксплицитного вовлечения в дискуссию.

Заключение

Динамика состава сообществ соцсетей на основе критерия «прирост за месяц» в исследуемой

выборке показывает в целом низкую активность протестной аудитории. При этом только половина мобилизационных постов из нашей выборки демонстрирует высокий и очень высокий индекс вовлеченности аудитории, который отражает выраженное в % отношении количества реакций на публикацию к количеству подписчиков. Данный показатель является наиболее релевантным при оценке эффективности мобилизационного контента. Полученные результаты линейной регрессии подтверждают высокий коэффициент вовлеченности ряда постов, при этом регрессионный анализ не выявил зависимости между количественными показателями текста и коэффициентом его вовлеченности, что, по нашему мнению, является косвенным доказательством зависимости мобилизационного потенциала поста от качественных характеристик текста, а именно: способов экспликации адресанта, реализации определенных стратегий и тактик, особенностей текстовой структуры, использованных языковых средств. Названные каче-

ственные характеристики текста согласуются со следующими установленными параметрами коллективно-личностного измерения протестной коммуникации, а именно: способами дискурсивного конструирования идентичности адресанта и адресата; коммуникативными стратегиями и тактиками, коммуникативными аспектами солидаризации участников общения.

В коммуникативном поведении адресанта доминирует аргументативная стратегия, реализуемая в первую очередь обращением к специально отобранному фактам с целью вызвать негативную протестную реализацию адресанта, а также к этическим и эмоциональным доводам; фатическая стратегия адресанта чаще всего актуализируется в консолидирующих призывах к сообществу; самопрезентация объективизируется преимущественно за счет идентификации с адресатом и противопоставления неодобряемому оппоненту.

Коммуникативное поведение адресанта объективирует самопрезентационная и аргументативная стратегии, которые представлены тактиками предъявления.

Среди языковых средств, реализующих выделенные тактики, следует назвать общественно-политическую терминологию, пейоративную и мелиоративную лексику, конструкции экспрессивного синтаксиса.

Полученные результаты исследования феномена конфликтной мобилизации в социальных сетях позволяют составить прогнозы развития данного явления и предоставляют дополнительный материал для совершенствования процессов управления конфликтным социумом.

В рамках описанных стратегий тактики реализуются средствами разных языковых уровней. Следует выделить лексические, морфологические средства, а также элементы экспрессивного синтаксиса: парцеллированные, присоединительные, вставные вопросно-ответные конструкции, цепочки восклицательных, вопросительных предложений, стилистически маркированные конструкции-лозунги со значением «протестовать против чего-либо».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193 «Протестная коммуникация в со-

временном информационном пространстве России и Германии».

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00193 “Protest communication in the modern information space of Russia and Germany”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю., 2018. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста // *Философский журнал*. Т. 11, № 2. С. 91–105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
- Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю., 2019. Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. Т. 4, № 3. С. 140–164.
- Ваньке А. В., Ксенофонтова И. В., Тартаковская И. Н., 2014. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. Т. 6, № 7. С. 44–73.
- Гладченко И. А., 2019. Новые подходы к изучению мобилизации в сетевых сообществах // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. Т. 10, № 2. С. 30–43. DOI: 10.18721/JHSS.10203.
- Киняшева Ю. Б., 2018. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 3. С. 3–10.
- Курбатов В. И., Крупенникова Л. Ш., 2016. Ракурсы социологического исследования сетевых сообществ // *Гуманитарий Юга России*. Т. 19, № 3. С. 50–58.
- Милованова М. В., Терентьева Е. В., 2020. Русскоязычные политические блоги как актуальная практика протестной коммуникации: системно-коммуникативные измерения // *Научный диалог*. № 6. С. 101–116. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-101-116.
- Новые социальные движения в сетевую эпоху: статьи, интервью, экспертные заключения : монография, 2020. М. : Русское общество истории и философии наук. 282 с.
- Пильгун М. А., 2018. Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте: протестные коммуникации & большие данные // *Вопросы психолингвистики*. № 2 (36). С. 99–117. DOI: 10.30982/2077-5911-2-99-117.
- Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л., 2020. Системно-коммуникативные измерения современного протеста (на материале немецкоязычных онлайн-

- петиций) // Научный диалог. № 3. С. 151–167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167.
- Ребрина Л. Н., 2021. Конфликтная мобилизация в сообществах социальных сетей как актуальная практика протестной коммуникации: коллективно-личностное измерение // Научный диалог. № 5. С. 115–139. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-115-139>.
- Филиппов И. Б., 2020. Количественные текстовые характеристики как фактор успешности продвижения публикаций в рамках протестной коммуникации в социальных сетях // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13, № 2. С. 249–268.
- Шерстобитов А. С., Бряннов К. А., 2013. Технологии политической мобилизации в социальной сети «ВКонтакте»: сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10 (36), ч. 1. С. 196–202.
- Юрина И. А., Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н., 2017. Исследование социальных сетей в контексте лингвистики новых медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (77), ч. 2. С. 178–181.
- Яницкий О. Н., 2012. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социс. № 6 (338). С. 3–12.
- Cammaerts B., 2012. Protest Logics and the Mediation Opportunity Structure // European Journal of Communication. № 27. P. 117–134. URL: https://www.researchgate.net/publication/254089297_Protest_Logics_and_the_Mediation_Opportunity_Structure8 (date of access: 21.01.2021).
- Cammaerts B., 2015. Social Media and Activism // The International Encyclopedia of Digital Communication and Society. The Wiley Blackwell-ICA International Encyclopedias of Communication Series / ed. by R. Mansell, P. Hwa. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 1027-1034.
- Castells M., 2009. Communication Power. Oxford: Oxford University Press. 571 p.
- Castells M., 2012. Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press. 298 p.
- Della Porta D. and Diani, 2006. Social Movements: An Introduction. 2nd ed. Malden, MA: Blackwell. 345 p.
- Kavanaugh A. et al., 2017. Media Use by Young Tunisians During the 2011 Revolution vs 2014 Elections // Information Polity. № 22. P. 137–158. DOI: 10.3233/IP-170412.
- Oniszczyk Z., 2011. Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship // Studiów Medioznawczych. № 4 (47). P. 1–15.
- ИСТОЧНИКИ**
- ЕК – Ешкин Крот. URL: https://vk.com/eshkin_krot (дата обращения: 21.01.2021).
- ЛФ – Левый фронт. URL: <https://vk.com/leftfront> (дата обращения: 25.01.2021).
- МВП – Международная военная политика. URL: https://vk.com/military_press (дата обращения: 22.01.2021).
- О – Оппозиция. URL: <https://vk.com/ruopp> (дата обращения: 02.02.2021).
- ОРФ – Оппозиция РФ. URL: <https://vk.com/oppositionofrussia> (дата обращения: 11.01.2021).
- ПП – Против поправок. URL: <https://www.instagram.com/protivpopravok> (дата обращения: 18.01.2021).
- ПС – Против системы. URL: https://vk.com/protiv_systems (дата обращения: 21.01.2021).
- РБЦ – Россия без цензуры URL: <https://vk.com/russiauncensored> (дата обращения: 21.01.2021).
- РП – Родина погибает что будем делать? URL: <https://vk.com/club17482011> (дата обращения: 11.01.2021).
- РППВ – Россия против повышения пенсионного возраста. URL: <https://vk.com/nopensionreform> (дата обращения: 21.01.2021).
- СТС – Статистика сообществ. URL: <https://allsocial.ru/communiti> (дата обращения: 30.04.2021).
- ЯВП – Я выступаю против. URL: <https://vk.com/rusrise> (дата обращения: 11.01.2021).
- ЯПКР – Я против поправок к Конституции России. URL: <https://vk.com/propokon> (дата обращения: 30.01.2021).
- HR – Human Rights. URL: <https://vk.com/pravachelovekapro> (date of access: 11.01.2021).
- SN – Я против нового срока мэра Собянина. URL: <https://ru-ru.facebook.com/groups/SobianinNet/> (дата обращения: 21.01.2021).
- REFERENCES**
- Barash R.E., Antonovskiy A.Yu., 2018. Sistemno-kommunikativnoe issledovanie radikalnykh dvizheniy, ili kak vozmozhna nauchnaya teoriya protesta [A Study of Social Movements From the Systemic Communication Standpoint: Is a Scientific Theory of Political Protest Possible?]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], vol. 11, no. 2, pp. 91-105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105.
- Barash R.E., Antonovskiy A.Yu., 2019. Sovremennaya protestnaya kommunikatsiya v kontekste sistemno-kommunikativnogo podkhoda [Contemporary Protest Communication in the Context of a System-Communicative Approach].

- Kommunikatsii. Media Dizayn* [Communications. Media. Design], vol. 4, no. 3, pp. 140-164.
- Vanke A.V., Ksenofontova I.V., Tartakovskaya I.N., 2014. Internet-kommunikatsii kak sredstvo i uslovie politicheskoy mobilizatsii v Rossii (na primere dvizheniya «Za chestnye vybory») [Internet Communication as a Means and a Condition of Political Mobilization in Russia: Case of the «For Fair Elections»]. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], vol. 6, no. 7, pp. 44-73.
- Gladchenko I.A., 2019. Novye podkhody k izucheniyu mobilizatsii v setevykh soobshchestvakh [New Approaches for Studying Mobilization in Network Communities]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences], vol. 10, no. 2, pp. 30-43. DOI: 10.18721/JHSS.10203.
- Kinyasheva Yu.B., 2018. Sotsialnye seti kak instrument politicheskoy mobilizatsii grazhdan v sovremennoy Rossii [Social Networks As a Tool for Political Mobilization of Citizens in Modern Russia]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University], no. 3, pp. 3-10.
- Kurbatov V.I., Krupennikova L.Sh., 2016. Rakursy sotsiologicheskogo issledovaniya setevykh soobshchestv [The Foreshortenings of Sociological Research of Net-Communities in the Internet]. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], vol. 19, no. 3, pp. 50-58.
- Milovanova M.V., Terenteva E.V., 2020. Russkoyazychnye politicheskie blogi kak aktualnaya praktika protestnoy kommunikatsii: sistemno-kommunikativnye izmereniya [Russian Political Blogs As Relevant Practice of Protest Communication: Systemic-Communicative Dimensions]. *Nauchnyy dialog* [Nauchnyi dialog], no. 6, pp. 101-116. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-101-116.
- Novye sotsialnye dvizheniya v setevuyu epokhu: stat'i, interv'y, ekspertnye zaklyucheniya: monografiya [New Social Movements in the Network Age: Articles, Interviews, Expert Opinions. Monograph], 2020. Moscow, Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk Publ. 282 p.
- Pilgun M.A., 2018. Psikholingvisticheskiy analiz mediakontenta v mul'timodal'nom aspekte: protestnye kommunikatsii & bolshie dannye [Psycholinguistic Analysis of the Media Content in the Multimodal Aspect: Protest Communications & Big Data]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 2 (36), pp. 99-117. DOI: 10.30982/2077-5911-2-99-117.
- Rebrina L.N., Shamne N.L., 2020. Sistemno-kommunikativnye izmereniya sovremennoy protesta (na materiale nemetskoyazychnykh onlayn-petitsiy) [Systemic-Communicative Dimensions of Modern Protest (Based on German-Language Online Petitions)]. *Nauchnyy dialog* [Nauchnyi Dialog], no. 3, pp. 151-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167.
- Rebrina L.N., 2021. Konfliktnaya mobilizatsiya v soobshchestvakh sotsialnykh setey kak aktual'naya praktika protestnoy kommunikatsii: kollektivno-lichnostnoe izmerenie [Conflict Mobilization in Social Networks Communities as an Actual Practice of Protest Communication: Collective-Personal Dimension]. *Nauchnyy dialog* [Nauchnyi Dialog], no. 5, pp. 115-139. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-115-139>.
- Filippov I.B., 2020. Kolichestvennye tekstovye kharakteristiki kak faktor uspekhnosti prodvizheniya publikatsiy v ramkakh protestnoy kommunikatsii v sotsial'nykh setyakh [Quantitative Indicators of Text Style As a Factor of the Post Promotion in a Social Media Protest Communication]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], vol. 13, no. 2, pp. 249-268.
- Sherstobitov A.S., Bryanov K.A., 2013. Tekhnologii politicheskoy mobilizatsii v sotsialnoy seti «VKontakte»: setevoy analiz protestnogo i provlastnogo segmentov [Political Mobilization Technologies in Social Network “VKontakte”: Network Analysis of Protest and Pro-Regime Segments]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], no. 10 (36), part 1, pp. 196-202.
- Yurina I.A., Borodulina N.Yu., Makeeva M.N., 2017. Issledovanie sotsial'nykh setey v kontekste lingvistiki novykh media [Study of Social Networks in the Context of New Media Linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 11 (77), part 2, pp. 178-181.
- Yanitskiy O.N., 2012. Massovaya mobilizatsiya: problemy teorii [Mass Mobilization: Issues of Theory]. *Sotsis*, no. 6 (338), p. 3-12.
- Cammaerts B., 2012. Protest Logics and the Mediation Opportunity Structure. *European Journal of Communication*, no. 27, pp. 117-134. URL: https://www.researchgate.net/publication/254089297_Protest_Logics_and_the_Mediation_Opportunity_Structure8 (accessed 21 January 2021).

- Cammaerts B., 2015. Social Media and Activism. Mansell R., Hwa P., eds. *The International Encyclopedia of Digital Communication and Society. The Wiley Blackwell-ICA International Encyclopedias of Communication series*. Oxford, Wiley-Blackwell, pp. 1027-1034.
- Castells M., 2009. *Communication Power*. Oxford, Oxford University Press. 571 p.
- Castells M., 2012. *Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age*. Cambridge, Polity Press. 298 p.
- Della Porta D., Diani, M. 2006. Social Movements: An Introduction. Madlen, MA, Blackwell. 345 p.
- Kavanaugh A. et al., 2017. Media Use by Young Tunisians During the 2011 Revolution vs 2014 Elections. *Information polity*, no. 22, pp. 137-158. DOI: 10.3233/IP-170412.
- Oniszczyk Z., 2011. Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship. *Studiów Medioznawczych*, no. 4 (47), pp. 1-15.
- Mezhdunarodnaya voennaya politika*. URL: https://vk.com/military_press (accessed 22 January 2021).
- Oppozitsiya*. URL: <https://vk.com/ruopp> (accessed 2 February 2021).
- Oppozitsiya RF*. URL: <https://vk.com/oppositionofrussia> (accessed 11 January 2021).
- Protiv popravok*. URL: <https://www.instagram.com/protivpopravok> (accessed 18 January 2021).
- Protiv sistemy*. URL: https://vk.com/protiv_sistems (accessed 21 January 2021).
- Rossiya bez tsenzury*. URL: <https://vk.com/russiauncensored> (accessed 21 January 2021).
- Rodina pogibaet chto budem delat?* URL: <https://vk.com/club17482011> (accessed 11 January 2021).
- Rossiya protiv povysheniya pensionnogo vozrasta*. URL: <https://vk.com/nopensionreform> (accessed 21 January 2021).
- Statistika soobshchestv*. URL: <https://allsocial.ru/communiti> (accessed 30 April 2021).
- Ya vystupayu protiv*. URL: <https://vk.com/rusrise> (accessed 11 January 2021).
- Ya protiv popravok k Konstitutsii Rossii*. URL: <https://vk.com/propokon> (accessed 30 January 2021).
- Human Rights*. URL: <https://vk.com/pravachelovekapro> (accessed 11 January 2021).
- Ya protiv novogo sroka mera Sobyana*. URL: <https://ru-ru.facebook.com/groups/SobianinNet> (accessed 21 January 2021).

SOURCES

- Eshkin Krot*. URL: https://vk.com/eshkin_krot (accessed 21 January 2021).
- Levy front*. URL: <https://vk.com/leftfront> (accessed 25 January 2021).

Information About the Authors

Marina V. Milovanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Elena V. Terentyeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ev_terenteva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3589-4879>

Информация об авторах

Марина Васильевна Милованова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Елена Витальевна Терентьева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ev_terenteva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3589-4879>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.11>

UDC 81:070:81'373.611

LBC 81.055.51.5

Submitted: 26.08.2020

Accepted: 11.05.2021

“CORONAVIRUS” INNOVATIONS IN MEDIA LANGUAGE AND INTERNET COMMUNICATION

Vladislav E. Zamaldinov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

Daiki Horiguchi

Kyoto University, Kyoto, Japan

Abstract. The article examines the structural features of neologisms associated with coronavirus pandemic based on the texts of mass media and Internet communication. The paper uses such research methods as the continuous sampling method, the general scientific descriptive and analytical method, the methods of word-formation, structural and semantic analysis of neologisms. The authors analyzed the nominal derivatives of conventional (addition, prefix, suffixation, affixation) and occasional (inter-word overlap, graphic hybridization, substitution derivation) methods of word formation in media texts. The key elements of the sociocultural space (*virus, quarantine, coronavirus, masks, etc.*) that evoke negative associations in the addressee are identified. Having found and analysed nominations with the *corona* component, the researchers proved that this element tends to demonstrate the features of prefixoid. Neologisms with *corona* component are critical phenomena, negative changes in the economy, tourism, politics; they denote the living conditions that have developed during the coronavirus infection, etc. It is shown that the vocabulary of the modern Russian language is actively replenished with verbal neologisms, which are used to add expressiveness to media text; they correlate with actual phenomena of public life. The authors conclude that “coronavirus” neologisms participate in creating the expressiveness of the text, reflect reality, and allow journalists to deliver their own opinion. The results of the conducted research contribute to word-formation neology, media linguistics, can be useful to students of philological specialties, lecturers and tutors, as well as to anyone interested in active processes, which occur in the modern Russian language.

Key words: word-formation, neologism, media language, Internet-communication, conventional ways of word-formation, occasional ways of word-formation.

Citation. Zamaldinov V.E., Horiguchi D. “Coronavirus” Innovations in Media Language and Internet Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 141-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.11>

УДК 81:070:81'373.611

ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 26.08.2020

Дата принятия статьи: 11.05.2021

«КОРОНАВИРУСНЫЕ» НОВООБРАЗОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СМИ И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Владислав Евгеньевич Замальдинов

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

Даики Хоригути

Киотский университет, г. Киото, Япония

Аннотация. В статье на материале текстов СМИ и интернет-коммуникации рассмотрена структура новообразований, связанных с пандемией коронавирусной инфекции. В.Е. Замальдиновым проанализиро-

ваны именные дериваты, образованные узуальными и незузальными способами. Выявлены ключевые элементы социокультурного пространства, выраженные такими лексическими единицами, как *вирус*, *карантин*, *коронавирус*, *маски* и др., вызывающие у адресата отрицательные ассоциации. Д. Хоригути обнаружены и описаны номинации с компонентом *корона-*: установлено, что они называют явления критического характера, негативные изменения в сфере экономики, туризма, политики, обозначают условия жизни, сложившиеся в период коронавирусной инфекции; показано, что лексика современного русского языка активно пополняется глагольными неологизмами, которые соотносятся с актуальными явлениями общественной жизни и придают экспрессивность медийному тексту. Авторами сделан вывод о том, что «коронавирусные» неологизмы, отражая действительность, участвуют в создании выразительности текста, позволяют журналистам высказывать собственное мнение. Результаты проведенного исследования вносят вклад в словообразовательную неологию, медиалингвистику, могут быть полезны студентам филологических специальностей, преподавателям высших учебных заведений, а также всем интересующимся активными процессами в современном русском языке.

Ключевые слова: словообразование, неологизм, язык СМИ, интернет-коммуникация, узуальные способы словообразования, незузальные способы словообразования.

Цитирование. Замальдинов В. Е., Хоригути Д. «Коронавирусные» новообразования в языке СМИ и интернет-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 141–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.11>

Введение

Медийная коммуникация чутко реагирует на все изменения, происходящие в жизни общества. Именно СМИ выражают настроение нации, информируют аудиторию о значимых событиях, воздействуют на сознание адресата и, кроме того, фиксируют различные процессы в языке. По мнению О.С. Иссерс, «медиа в постиндустриальном обществе являются не только посредниками в трансляции информации, но и одним из главных стимулов для формирования социальных норм во всех сферах общественной жизни» [Иссерс, 2019, с. 179].

Главной темой последних двух лет в СМИ и интернет-коммуникации стала мировая эпидемия. Коронавирусная инфекция быстро распространилась за пределы Китая, и сложившаяся в связи с этим ситуация оказала влияние на все сферы деятельности людей. В таких непростых условиях медиатексты стали источником значимой для людей информации. По мнению В.И. Карасика, ее можно разделить на следующие группы сведений: «1) определение заболевания, его история и характеристики; 2) деятельность властей по борьбе с эпидемией; 3) прогнозы специалистов по развитию заболевания; 4) отклики и комментарии пользователей интернета об этом вирусе» [Карасик, 2020, с. 26]. В погоне за сенсацией некоторые журналисты искажают информацию, усиливают панику в обще-

стве и извлекают из этого выгоду. Это способствует появлению непреднамеренных ошибок и фейковых новостей. По мнению исследователей, «люди склонны верить такого рода информации, потому что она может спасти от опасности» [Кошкарова, Бойко, 2020, с. 80].

События, связанные с пандемией, не могли не получить отражения в лексике современного русского языка.

Материал и методы исследования

Источниками фактического материала послужили тексты СМИ и интернет-коммуникации за период с января по июль 2020 года. В данной работе использовались такие методы, как сплошная выборка, общенаучный описательно-аналитический метод, методы словообразовательного, структурно-семантического анализа.

Авторы учитывали новейшие достижения лингвистов в изучении актуальных вопросов неологии (см., например: [Зеленин, Буцева, 2021; Козловская, 2020; Минеева, 2020; Северская, 2020; Ярошенко, 2020; и др.]), особенностей языка СМИ и интернет-коммуникации (см., например: [Добросклонская, 2020; Желтухина, 2020; Кормилицына, 2020; Полонский, 2019; и др.]).

Результаты и обсуждение

Коммуникативное пространство СМИ за короткое время пополнилось новообразова-

ями, связанными с пандемией коронавирусной инфекции в мире. Активность употребления таких номинаций способствует их закреплению в сознании аудитории как ключевых элементов социокультурного пространства. Новообразования на базе лексем *вирус, карантин, коронавирус, маски, пандемия, эпидемия* и др. чаще всего вызывают у носителей языка отрицательные ассоциации, так как соотносятся с болезнью.

Для создания инноваций, отражающих эпидемиологическую ситуацию в мире, журналисты используют узуальные и незуальные способы словообразования.

Именные дериваты, созданные узуальными способами словообразования. В современных СМИ адресанты употребляют элемент *корона-*. Номинации с данной частью можно отнести к сложению:

(1) Коронавирус сегодня переименовывают в **коронакризис, коронаужас, коронакрах, коронастресс** и даже **коронасекс**¹ (Еврейский мир. 2020. 29 апр.).

Активное распространение сложных слов с компонентом *корона-* позволяет предположить, что данный элемент тяготеет к таким префиксоидам, как *евро-, кино-, инфо-, бизнес-, нарко-*, и сочетается с лексическими единицами различной семантики. В первую очередь отметим новообразования, связанные с масштабным распространением коронавируса:

(2) Когда началась **коронаатака**, не договорились, как фиксировать эту статистику (Клуб регионов. 2020. 11 июня);

(3) Ранее Finpair сообщила о крупных убытках, возникших во время **коронаэпидемии** (Postimees. 2020. 12 мая).

Корень *корона-* также сочетается с наименованиями явлений критического характера, вызванных пандемией:

(4) **Коронавойна** в Азербайджане продолжается и обретает все более ожесточенные формы (Евразийцы – новая волна. 2020. 31 марта).

В медийных текстах адресанты активно используют номинации с элементом *корона-*, обозначающие условия жизни, сложившиеся в период пандемии:

(5) В наши дни **коронажизни** нам представляют цифры – статистика жизни и смерти, где жизнь проигрывает от страны к стране (Кавказский узел. 2020. 25 марта);

(6) **Коронамеры** против коронавируса (подзаголовок) (Караван. 2020. 15 мая).

Коронавирус негативно отразился и на глобальной экономике. Поэтому отдельную группу новообразований составляют номинации, связанные со спекуляцией, безработицей, снижением экономической активности в ряде стран:

(7) **Коронабизнес**: кто и как зарабатывает на болезни (заголовок)? Пока специалисты борются с распространением коронавируса, находятся люди, которые умудряются заработать на инфекции (Радио Sputnik. 2020. 13 марта);

(8) **Коронаэкономика**: мир станет другим, но выживет (заголовок) (Инвест-Форсайт. 2020. 16 марта).

Во время эпидемии пострадала также туристическая отрасль. Многие организации, не имея достаточных средств на зарплату сотрудникам, объявили себя банкротами. Поэтому в отдельную группу мы выделим новые производные, связанные с индустрией туризма:

(9) **«Коронаотдых»**. Как белорусские туристы стали «заложниками» ГОА (заголовок) (News.21.by. 2020. 25 марта);

(10) Это тот самый паспорт иммунитета, или **коронапаспорт**, который обеспечит и возможность передвижения туристов, и безопасность (ExpertTur. 2020. 28 апр.).

В период пандемии в текстах СМИ появились новообразования в сфере политики, реализующие ироническую тональность:

(11) Теперь я навсегда останусь Главным Вирусоносителем. За это уже проголосовали все разные **коронадепутаты**, то есть единогласно (Эхо России. 2020. 14 марта);

(12) Начавшуюся в Беларуси президентскую кампанию местные журналисты уже прозвали **«коронавыборы»** (по аналогии с коронакризисом). А ее неофициальным символом стал домашний тапок – как самое эффективное средство борьбы с тараканами (Planeta. 2020. 28 мая).

В текстах СМИ выявлены сложные неологизмы, второй компонент которых связан с

психическими расстройствами и особым эмоциональным состоянием человека:

(13) **Коронапсихоз**: россияне стали на треть чаще обращаться к психологам (заголовок) (Комсомольская правда. 2020. 14 апр.);

(14) Нынешняя **коронаистерика** – лучшее время для рассекречивания НЛО (Аргументы и факты. 2020. 18 мая).

Пандемия во многих странах привела к активизации деятельности злоумышленников и дезинформаторов, что подтверждают такие номинации, как *коронацелители*, *коронамошенники*, *коронафейк* и др. Их использование способствует усилению паники, усугубляет недоверие читателей к статистике по смертности от коронавирусной инфекции:

(15) Пока граждане, обуреваемые страхом пандемии, скупали традиционные продукты, входящие в паническую корзину, открылся фестиваль **коронамошенников** и **коронацелителей** (Правда.Ру. 2020. 21 марта);

(16) Страницы издания просто кишат **коронафейками** (ВосходИнфо. 2020. 14 апр.).

Дериваты с элементом *корона-* могут также называть реалии, связанные с новыми технологиями:

(17) **Коронагаджеты**. Какие устройства придумывают для борьбы с инфекцией (заголовок) (Аргументы и факты. 2020. 5 мая);

(18) На прошлой неделе Google и Apple совместными усилиями пришли к созданию технологии, позволяющей намного лучше создать так называемое **коронаприложение**, оповещающее пользователя, если у человека, находившегося с ним поблизости, был диагностирован коронавирус (Postimees. 2020. 26 мая).

Кроме того, с распространением коронавирусной инфекции появились новые реалии и в сферах спорта и здорового образа жизни:

(19) **Коронафитнес** (заголовок). Директор фитнес-центра «Волга Спорт» Любовь Сулова рассказала, что, в случае введения временного запрета на деятельность фитнес-клубов в регионе, они уйдут в онлайн-режим (Коммерсантъ-Саратов. 2020. 24 марта);

(20) **Коронаспорт**: Роналду хотят продать, Уимблдон отменили (заголовок) (Радио Sputnik. 2020. 1 апр.);

(21) **«Коронадиета»**: как не набрать лишний вес в дни карантина (заголовок) (Детали. 2020. 25 марта).

В целом актуализация первого компонента *корона-* в сложных новообразованиях демонстрирует, насколько изменилось общественное сознание в период пандемии.

Заслуживают внимания и префиксальные дериваты. Словообразовательную активность в текстах СМИ проявляет приставка *псевдо-* с семантикой ложности:

(22) **Псевдокарантин** или Мертвому припарка (заголовок). Ноль случаев коронавирусной инфекции в Харькове и области – неправда, и это уже очевидно каждому (Объектив. 2020. 26 марта);

(23) А вдруг это очередная **псевдоэпидемия**, разводка «лохов»? (Комсомольская правда. 2020. 9 апр.).

Исследование показывает, что новообразования с препозитивным элементом *псевдо-* обладают негативной оценочностью, которая усиливается семантикой мотивирующего слова и контекстуальным окружением.

Продуктивность демонстрирует и исконный префикс *недо-* с семантикой неполноценности. Так, носители языка воспринимают меры по борьбе с коронавирусной инфекцией как недостаточные:

(24) **Недосамоизоляция**: почему самарцы игнорируют рекомендации по коронавирусу (заголовок) (ВолгаНьюс.рф. 2020. 17 марта);

(25) Майская **недоизоляция**: четверть ярославцев провели праздник на даче, почти треть жарили шашлыки (заголовок) (Московский комсомолец в Ярославле. 2020. 13 мая).

Журналисты активно создают «вирусные» номинации суффиксальным способом словообразования. Так, продуктивной морфемой в медийном пространстве является суффикс *-ец* с семантикой «болезнь, характеризующаяся отношением к тому, что названо мотивирующим существительным» (Словарь словообразовательных аффиксов..., с. 326):

(26) Решение выйти из переговоров с ОПЕК обрушило нефть и рубль как раз тогда, когда в мире и России случился полный **коронавирусец** (Новая газета. 2020. 2 апр.).

На наш взгляд, подобные номинации с суффиксом *-ец* имеют сходство с обценными выражениями, обладают отрицательной экспрессией. Новообразования усиливают вербальную агрессию, шокируют адресата, создают нежелательный эмоциональный эффект. «Инновации на *-ец*, как правило, выступают в составе модели “полный + ...” как эвфемистическая замена нецензурного выражения» [Ильясова, 2014, с. 61]. Употребление агрессивных номинаций в медийном тексте не только не способствует эффективному общению с адресатом, но и приводит к коммуникативным неудачам.

Заслуживают внимания новообразования с суффиксом *-ищ(е)* с размерно-оценочным значением, которые обладают разговорной окраской и придают медийному тексту ироническую тональность:

(27) **Карантинище!** В Индии «заперли» 1,3 миллиарда жителей (заголовок). В Индии будет введен всеобщий трехнедельный карантин в связи с коронавирусом (ВВ.lv. 2020. 25 марта);

(28) Вспомните, **вирусище** толком не вышел за пределы Китая, а Дональд Трамп, Борис Джонсон, Эммануэль Макрон и Ангела Меркель как по команде заорали, что жертв будет очень много и грядут трудные времена! (Экспресс газета. 2020. 3 апр.).

Интерес представляют номинации, созданные с помощью аффиксоидации – самостоятельного способа словопроизводства (см., например: [Коряковцева, 2016, с. 128]). Так, значительную роль в языке СМИ и интернет-коммуникации стали играть префиксоиды. Активность в медийных текстах проявляет исконный префиксоид *лже-* с семантикой неистинности:

(29) Назначение тюменского ректора министром, **лжекарантин** в школах, «детский» скандал Водонаевой: самые важные итоги за 22 января (заголовок) (Наша газета. 2020. 22 янв.);

(30) **Лжетаблетки** и псевдовакцины. Как аферисты наживаются на коронавирусе (заголовок) (Life.ru. 2020. 2 февр.).

Анализ языкового материала показал, что номинации с префиксоидом *лже-* обладают негативной оценочностью, которая усиливается контекстом. Новообразования с пре-

фиксоидом *лже-* отражают неистинность событий современной действительности, распространение фальшивых ценностей (подробнее об этом см.: [Замальдинов, 2020]).

В медийных текстах нами обнаружены новообразования с префиксоидом *кибер-*:

(31) Россиян предупредили о начале **«киберкоронавируса»** (заголовок). Пандемия коронавируса привела к активизации мошенничества в интернете, злоумышленники воспользовались нарастающим беспокойством россиян (Lenta.ru. 2020. 17 марта);

(32) Человечеству сегодня помимо пандемии коронавируса угрожает так называемая **киберпандемия**, спровоцированная негативным развитием цифровых технологий (РИА Новости. 2020. 7 апр.).

Научно-технический прогресс повлек за собой необходимость создания новых слов. Они используются для номинации компьютерных реалий, имеют негативную оценочность, которая обусловлена мотивирующей семантикой и поддержана контекстом.

Помимо префиксоидации, в медийных текстах представлена и суффиксоидация. Так, можно предположить, что к суффиксоидам тяготеет элемент *-демия* с семантикой масштабного распространения чего-либо нежелательного:

(33) В мессенджеры ежедневно сыплется всякая ахиня про «фейковирс» и **«паникодемию»** – и распространяют ее самые разные люди (Вечерняя Москва. 2020. 16 мая);

(34) **Фейкодемия:** люди, будьте бдительны! (заголовок) (Sputnik Южная Осетия. 2020. 30 мая).

Итак, журналисты активно используют в языке СМИ и интернет-коммуникации именные дериваты, созданные с помощью таких узуальных способов словообразования, как сложение, префиксация, суффиксация, аффиксоидация. Подобные новообразования обладают оценочностью, придают тексту публикации ироническую тональность, отражают изменения в жизни людей в период пандемии.

Именные дериваты, созданные неузуальными способами словообразования. В медийной коммуникации востребованы и окказиональные способы деривации. По словам Е.А. Земской, «если неузуальное словообразование было характерно ранее пре-

имущественно для языка художественной литературы и разговорной речи, то в языке газет доперестроечного периода оно не было столь широко распространенным явлением. В наше время газеты пестрят окказионализмами» [Земская, 2000, с. 128]. Распространенным неузвальной способом, используемым для создания окказионализмов, в нашем материале является междусловное наложение, под которым мы понимаем такое соединение двух слов в одно, когда полностью сохраняются оба соединяющихся слова, но определенный фонемный отрезок нового слова принадлежит одновременно обоим мотивирующим частям (см. об этом: [Улукханов, 1996, с. 52]). Приведем примеры.

(35) Спецкор «Ъ» исследовал **коронавирусский** характер (Коммерсантъ. 2020. 21 марта)

(*коронавирус + русский* → *коронавирусский*).

В период пандемии глобальное распространение в языке СМИ получила номинация *ковидиот* (*covidiot*) и ее производные:

(36) Причем эта вторая пандемия – **ковидиотская**, тоже доводит до смертей (Конт. 2020. 26 марта)

(*ковид + идиотская* → *ковидиотская*).

В медийном пространстве при междусловном наложении возможны и формальные замены графем в номинациях:

(37) Банковские **карантии** (заголовок). 23 апреля президент России Владимир Путин встретился с банкирами, которым рассказал, что деньги у них, чтобы и самим кризис пережить, и всем остальным его облегчить, есть (Коммерсантъ. 2020. 24 апр.)

(*каранти(н) + (г)арантии* → *карантии*).

С помощью новообразований, созданных путем междусловного наложения, журналисты выражают иронию и сарказм, вызывают эмоциональную реакцию у читателя. Однако адресантам необходимо помнить о том, что ирония может свидетельствовать о вербальной агрессии, усиливать эффект сказанного / написанного, вступать в контраст с трагической обстановкой в мире. «Не всем под силу филигранно владеть тонкой иронией, под пером некоторых журнали-

стов она превращается в средство речевой агрессии, способ поиздеваться над кем-нибудь» [Самусевич, 2017, с. 46].

В медийных текстах встречаются «вирусные» новообразования, созданные с помощью графической гибридации, представляющей собой процесс создания языковых единиц, в которых графически выделяется сегмент. В массмедиа активно используется такой вид графической гибридации, как полиграфикация. В полиграфикациях одна часть номинации передается латинской графикой, а другая – кириллической:

(38) В понедельник с 10.00 до 20.00 в группе в соцсети ВКонтакте «**БЕЗОМный** ЗВОНОК» всех участников ждет насыщенная программа (Пермский информационный портал. 2020. 24 мая);

(39) Выпускное **беZOOMие** (заголовок). Последний звонок онлайн (Частный корреспондент. 2020. 27 мая).

Подобные графические гибриды привлекают внимание адресатов, вносят эпатажно-игровое начало в текст, создают экспрессивность. Как отмечает Т.В. Попова, «в русскоязычной же прессе наоборот, полиграфикация... очень популярна, что говорит о значительном влиянии Запада на русскую печатную прессу» [Попова, 2018, с. 254].

В языке СМИ функционируют новообразования, созданные с помощью заменительной деривации, при которой происходит замена корневой или другой неформантной части в узвальной сложной лексеме:

(40) **Маскозакидательские** настроения (заголовок). Масштабное распространение масочного режима в России, который уже ввели около 70 субъектов, привело к активизации импорта защитных изделий (Коммерсантъ. 2020. 7 мая) – ср. исходное *шпкозакидательские (настроения)*;

(41) Регулирование **вакцинообразования** (заголовок). Одна из главных интриг мировой повестки на ближайшие месяцы – кто и когда сможет разработать вакцину от коронавируса (Коммерсантъ, 07.05.2020) – ср. исходное (*регулирование*) *ценообразования*.

Наш материал показывает, что с помощью заменительной деривации чаще всего образуются имена существительные и прила-

гательные, позволяющие журналистам выразить собственное мнение, усиливающие ироническую экспрессию.

Глагольные новообразования, созданные узуальными способами деривации, в языке СМИ и интернет-коммуникации. Лексическая система современного русского языка активно пополняется не только именными, но и глагольными дериватами. Подобные номинации придают динамику, выразительность и необычность медийному тексту. Кроме того, новые глагольные производные позволяют выявить актуальные способы словообразования, проследить развитие деривационной системы современного русского языка.

При создании глагольных новообразований адресанты широко используют возможности такого способа деривации, как сложение. Одним из глаголов, актуализировавшихся в период пандемии, является глагол *самоизолироваться*. Сложные глаголы в русском языке – это редкие дериваты, за исключением глаголов на *сам-*, которые на современном этапе развития языка употребляются в основном только с постфиксом *-ся* [Гращенков, 2017, с. 27]. В нашем материале встречается также глагол *самоизолировать*. Он выражает каузативность действия, то есть принудительный характер самоизоляции:

(42) Россиян **самоизолировали** в рамках закона (заголовок) (Рамблер. 2020. 20 сент.).

В условиях пандемии актуальность приобретают префиксальные производные. Довольно часто их можно наблюдать в заголовках различных публикаций. Так, с помощью префикса *недо-* журналисты обозначают неполноценность соблюдения режима самоизоляции:

(43) Но пока еще есть пензенцы, которые самоизолировались, самоизолировались – да так и **недосамоизолировались**. Они гуляют без надобности и не носят маски (Первый пензенский портал, 03.04.2020).

Продолжительная самоизоляция неблагоприятно влияет на психическое состояние общества. Поэтому в языке СМИ мы обнаружили производные с приставками, привносящими в номинацию значение интенсивности:

(44) Некоторые брянцы так **пересамоизолировались**, что не пускают во двор даже мусоровозы (Город32. 2020. 1 апр.);

(45) «**Досамоизолировался**»: полиция ищет стрелявшего из окна в ЖК «Цветы» (заголовок) (Репортер-НН. 2020. 6 апр.).

По аналогии с лексемами *посидеть*, *потусоваться* при помощи префикса *по-* самоизоляция может восприниматься как приятное времяпрепровождение:

(46) Алкогольная самоизоляция (заголовок) 33-летняя гражданка Ш. пригласила друзей вместе **посамоизолироваться**. Вечеринка удалась – гости выпивали вместе с хозяйкой, поднимали друг друга настроение (Zatosarov.ru. 2020. 29 апр.).

Кроме того, в медийном дискурсе зафиксировано такое префиксальное новообразование, как *прокарантинить*:

(47) «**Прокарантинили** эпидемию». Бойко советует властям восстановить экономические связи с РФ (заголовок) (Альтернатива. 2020. 9 июня);

Нередко в медийных текстах встречаются и глагольные новообразования, созданные с помощью суффиксации:

(48) Часть сотрудников по своему желанию уехали «**карантинить**» домой, а остальных мы обеспечили работой (Деловой Петербург. 2020. 7 июня).

В языке СМИ и интернет-коммуникации востребованы такие узуальные способы создания глагольных новообразований, как сложение, префиксация и суффиксация.

Заключение

Мировая эпидемия привнесла в современный русский язык большое количество словообразовательных неологизмов. Такие новообразования создаются журналистами с помощью узуальных (сложение, префиксация, суффиксация, аффиксоидация) и неузуальных (междусловное наложение, графическая гибридизация, заменительная деривация) способов словопроизводства. «Коронавирусные» номинации придают тексту экспрессивность и оценочность, отражают действительность, позволяют авторам статей высказывать собственное мнение. Можно предположить, что с окончанием эпидемии

многие из этих дериватов выйдут из употребления, останутся только ключевые слова – *коронавирус* и *Covid* – как напоминание об эпохе болезни.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В анализируемых примерах орфография и пунктуация источника сохранены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гращенко П. В., 2017. Как нарушить три запрета: немного о русских глаголах на *сам-...-ся* // Вопросы языкознания. № 4. С. 25–32. DOI: 10.31857/s0373658x0001019-9.
- Добросклонская Т. Г., 2020. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Москва : КДУ ; Добросвет. 178 с. DOI: 10.31453/kdu.ru.91304.0107.
- Желтухина М. Р., 2020. Аксиологическая медиатрансляция: социум – культура – политика // Русский язык за рубежом. № 4 (281). С. 68–73.
- Замальдинов В. Е., 2020. Когнитивный аспект анализа новообразований стандартной словообразовательной структуры в медийном пространстве // Новые горизонты русистики. № 10. С. 46–51.
- Зеленин А. В., Буцева Т. Н., 2021. Лексико-семантические и словообразовательные особенности наименований лиц в период пандемии коронавируса // Русский язык в школе. Т. 82, № 1. С. 74–85. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-74-85.
- Земская Е. А., 2000. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Яз. рус. культуры. С. 90–141.
- Ильясова С. В., 2014. Игровые способы и приемы выражения социальной оценочности в языке современных российских СМИ // Политическая лингвистика. № 1 (47). С. 60–64.
- Иссерс О. С., 2019. Массовая речевая культура в аспекте медиатизации социальных коммуникаций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 18, № 6. С. 177–187. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-177-187.
- Карасик В. И., 2020. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. № 2 (80). С. 25–34. DOI: 10.26170/pl20-02-02.
- Козловская Н. В., 2020. О новых объектах описания в современной неографии (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин : материалы докл. и сообщ. XXV Междунар. науч.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 7 февр. 2020 г.). СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна. С. 29–35.
- Кормилицына М. А., 2020. Массмедиа как основной фактор изменений в культуре человека информационной эпохи // Личность – Язык – Культура : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 27–28 нояб. 2019 г.). Саратов : Наука. С. 13–20.
- Коряковцева Е. И., 2016. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce : Instytut Filologii Polskiej i Lingwistyki Stosowanej. 152 с.
- Кошкарлова Н. Н., Бойко Е. С., 2020. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // Политическая лингвистика. № 2 (80). С. 77–82. DOI: 10.26170/pl20-02-08.
- Минеева З. И., 2020. Неодериваты в русском языке эпохи пандемии // Новые слова и словари новых слов. 2020 : сб. науч. ст. СПб. : Ин-т лингв. исслед. РАН. С. 166–176.
- Полонский А. В., 2019. Медийный текст как феномен современной культуры // Тексты нового века : материалы Межрегион. круглого стола (Орел, 27–28 февр. 2019 г.). Орел : Орл. гос. ин-т культуры. С. 31–34.
- Попова Т. В., 2018. Новое в изучении графодеривации // Лингвистика креатива-4 : коллектив. моногр. / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. С. 229–269.
- Самусевич О. М., 2017. Феномен речевой агрессии в белорусской прессе // Медиалингвистика. № 2 (17). С. 41–51.
- Северская О. И., 2020. Ковидиоты на карантинкулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. Т. 7, № 4. С. 887–906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).887-906.
- Улуханов И. С., 1996. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М. : Рус. слов. 221 с.
- Ярошенко Н. А., 2020. Пандемия COVID-19 в зеркале языка: лексико-семантические группы сложных неонимаций лица // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Междунар. науч. конф. (Донецк, 17–18 нояб. 2020 г.) / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : Донец. нац. ун-т. С. 145–149.

ИСТОЧНИКИ

- Альтернатива* – Альтернатива : интернет-СМИ. URL: <http://alternatio.org>.
- Аргументы и факты* – Аргументы и факты : газета. URL: <https://aif.ru>.
- Вечерняя Москва* – Вечерняя Москва : интернет-СМИ. URL: <https://vm.ru>.
- ВолгаНьюс.рф* – ВолгаНьюс.рф : интернет-СМИ. URL: <https://volga.news>.
- ВосходИнфо* – ВосходИнфо : интернет-СМИ. URL: <http://voskhodinfo.su>.
- Город32* – Город32 : интернет-СМИ. URL: <http://go32.ru>.
- Деловой Петербург* – Деловой Петербург : газета. URL: <https://www.dp.ru>.
- Детали* – Детали : интернет-СМИ. URL: <https://detaly.co.il>.
- Евразийцы – новая волна* – Евразийцы – новая волна : интернет-СМИ. URL: <http://www.enw-fond.ru>.
- Еврейский мир* – Еврейский мир : газета. URL: <http://evreimir.com>.
- Инвест-Форсайт* – Инвест-Форсайт : журнал. URL: <https://www.if24.ru>.
- Кавказский узел* – Кавказский Узел : интернет-СМИ. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu>.
- Караван* – Караван : интернет-СМИ. URL: <https://www.caravan.kz>.
- Клуб регионов* – Клуб регионов : интернет-СМИ. URL: <http://club-rf.ru>.
- Коммерсантъ* – Коммерсантъ : газета. URL: <https://www.kommersant.ru>.
- Коммерсантъ-Саратов* – Коммерсантъ-Саратов : газета. URL: <https://www.kommersant.ru>.
- Комсомольская правда* – Комсомольская правда : газета. URL: <https://www.kp.ru>.
- Конт* – Конт : интернет-СМИ. URL: <https://cont.ws>.
- Московский комсомолец в Ярославле* – Московский комсомолец в Ярославле : газета. URL: <https://yar.mk.ru>.
- Наша газета* – Наша газета : интернет-СМИ. URL: <https://ng72.ru>.
- Новая газета* – Новая газета : газета. URL: <https://novayagazeta.ru>.
- Объектив* – Объектив : интернет-СМИ. URL: <https://www.objectiv.tv>.
- Первый пензенский портал* – Первый пензенский портал : интернет-СМИ. URL: <https://1pnz.ru>.
- Пермский информационный портал* – Пермский информационный портал : интернет-СМИ. URL: <https://59i.ru>.
- Правда.Ру* – Правда.Ру : интернет-СМИ. URL: <https://www.pravda.ru>.
- Радио Sputnik* – Радио Sputnik : сайт радиостанции. URL: <https://radiosputnik.ria.ru>.

- Рамблер* – Рамблер : интернет-СМИ. URL: <https://news.rambler.ru>.
- Репортер-НН* – Репортер-НН : интернет-СМИ. URL: <https://reporter-nn.ru>.
- РИА Новости* – РИА Новости : интернет-СМИ. URL: <https://ria.ru>.
- Частный корреспондент* – Частный корреспондент : интернет-СМИ. URL: <http://www.chaskor.ru>.
- Экспресс газета* – Экспресс газета : интернет-СМИ. URL: <https://www.eg.ru>.
- Эхо России* – Эхо России : сайт радиостанции. URL: <https://ehorussia.com/new>.
- BB.lv* – BB.lv : интернет-СМИ. URL: <https://bb.lv>.
- ExpertTur* – ExpertTur : интернет-СМИ. URL: <https://experttur.com>.
- Lenta.ru* – Lenta.ru : интернет-СМИ. URL: <https://lenta.ru>.
- Life.ru* – Life.ru : интернет-СМИ. URL: <https://life.ru>.
- News.21.by* – News.21.by : интернет-СМИ. URL: <https://news.21.by>.
- Planeta* – Planeta : интернет-СМИ. URL: <https://planeta.press>.
- Postimees* – Postimees : интернет-СМИ. URL: <https://rus.postimees.ee>.
- Sputnik Южная Осетия* – Sputnik Южная Осетия : интернет-СМИ. URL: <https://sputnik-ossetia.ru>.
- Zatosarov.ru* – Zatosarov.ru : интернет-СМИ. URL: <http://zatosarov.ru>.

СЛОВАРЬ

- Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. 812 с.

REFERENCES

- Grashchenkov P.V., 2017. Kak narushit tri zapreta: nemnogo o russkikh glagolakh na sam-...-sja [How to Break Three Prohibitions at a Time: Some Remarks on Russian Verbs with sam-...-sia]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 25-32. DOI: 10.31857/s0373658x0001019-9.
- Dobrosklonskaya T.G., 2020. *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Media Linguistics: Theory, Methods, Directions]. Moscow, KDU Publ., Dobrosvet Publ. 178 p. DOI 10.31453/kdu.ru.91304.0107.
- Zheltukhina M.R., 2020. Aksiologicheskaya mediatranslyatsiya: sotsium – kultura – politika [Axiological Media Broadcasting: Society – Culture – Politics]. *Russkiy yazyk*

- za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 4 (281), pp. 68-73.
- Zamaldinov V.E., 2020. Kognitivnyy aspekt analiza novoobrazovaniy standartnoy slovoobrazovatelnoy struktury v mediynom prostranstve [Cognitive Aspect of the Analysis of Innovations of the Standard Word-formation Structure in the Media Space]. *Novye gorizonty rusistiki* [New Horizons of Russian Studies], no. 10, pp. 46-51.
- Zelenin A. V., Buceva T. N., 2021. Leksiko-semanticheskie i slovoobrazovatelnye osobennosti naimenovaniy lits v period pandemii koronavirusa [Lexical Semantic and Derivational Features of the Names of Persons During the Coronavirus Pandemic]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], vol. 82, no. 1, pp. 74-85. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-74-85.
- Zemskaya E.A., 2000. Aktivnye processy sovremennogo slovooproizvodstva [Active Processes in the Modern Word Derivation]. Zemlyanskaya E.A., ed. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of the End of the 20th Century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., pp. 90-141.
- Ilyasova S.V., 2014. Igrovye sposoby i priemy vyrazheniya socialnoy otsenchnosti v yazyke sovremennykh rossiyskikh SMI [Playful Ways and Means of the Social Evaluation Expression in the Language of the Modern Russian Mass Media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (47), pp. 60-64.
- Issers O.S., 2019. Massovaya rechevaya kultura v aspekte mediatizatsii socialnykh kommunikatsiy [Mass Speech Culture in Terms of Social Communications Mediatization]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 18, no. 6, pp. 177-187. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-177-187.
- Karasik V.I., 2020. Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (80), pp. 25-34. DOI: 10.26170/pl20-02-02.
- Kozlovskaya N.V., 2020. O novykh obyektakh opisaniya v sovremennoy neografii (k postanovke problemy) [On the Problem of New Objects of Description in Modern Neography]. *Aktualnye problemy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin: materialy dokl. i soobshch. XXV Mezhdunar. nauch.-metod. konf. (Sankt-Peterburg, 7 fevr. 2020 g.)* [Actual Problems of Teaching Philological Disciplines. Materials of Reports and Reports of the 25th International Scientific and Methodological Conference (Saint Petersburg, February 7, 2020)]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, pp. 29-35.
- Kormilitsyna M.A., 2020. Massmedia kak osnovnoy faktor izmeneniy v kulture cheloveka informatsionnoy epokhi [Mass Media As the Main Factor in the Culture of the Digital Age Person]. *Lichnost – Yazyk – Kultura: materialy VII Vseros. nauch.-prakt. konf. (Saratov, 27–28 noyab. 2019 g.)* [Personality-Language-Culture. Materials of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference (Saratov, November 27–28, 2019)]. Saratov, Nauka Publ., pp. 13-20.
- Koryakovceva E.I., 2016. *Ocherki o yazyke sovremennykh slavyanskikh SMI (semantiko-slovoobrazovatelnyy i lingvokulturologicheskyy aspekt)* [Essays on the Language of Modern Slavic Media (Semantic-Word-Formation and Linguoculturological Aspects)]. Siedlce, Institute of Polish Philology and applied linguistics. 152 p.
- Koshkarova N.N., Boyko E.S., 2020. Feyk, ya tebya znayu: lingvisticheskie mekhanizmy raspoznavaniya lozhnoy informatsii [Fake, I Know You: Linguistic Tools to Distinguish Mendacious Information]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (80), pp. 77-82. DOI: 10.26170/pl20-02-08.
- Mineeva Z.I., 2020. Neoderivaty v russkom yazyke epokhi pandemii [New Derivatives in the Russian Language of the Pandemic Era]. *Novye slova i slovari novykh slov. 2020: sb. nauch. st.* [New Words and Dictionaries of New Words. 2020. Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, pp. 166-176.
- Polonskiy A.V., 2019. Mediynyy tekst kak fenomen sovremennoy kultury [Media Text As Phenomenon of Modern Culture]. *Teksty novogo veka: materialy Mezhhregion. kruglogo stola (Orel, 27–28 fevr. 2019 g.)* [Texts of the New Century. Materials of the Interregional Round Table (Orel, February 27–28, 2019)]. Orel, Orlovskiy gosudarstvennyy institut kultury, pp. 31-34.
- Popova T.V., 2018. Novoe v izuchenii grafoderivatsii [New in the Study of Graphoderus]. Gridina T.A., ed. *Lingvistika kreativa-4* [Creative Linguistics-4]. Yekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 229-269.
- Samusevich O.M., 2017. Fenomen rechevoy agressii v belorusskoy presse [Phenomenon of Speech Aggression in the Belarusian Press]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 2 (17), pp. 41-51.

- Severskaya O.I., 2020. Kovidioty na karantikulakh: koronavirusnyy slovar kak diagnosticheskoe pole aktualnykh diskursivnykh praktik [Covidioty on Coronacation: Coronaviral Lexicon As a Diagnostic Field for Actual Discursive Practices]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 887-906. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4). 887-906.
- Uluhanov I.S., 1996. *Edinitsy slovoobrazovatelnoy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the Word-Formation System of the Russian Language and Their Lexical Implementation]. Moscow, Russkie slovari Publ. 221 p.
- Yaroshenko N.A., 2020. Pandemiya COVID-19 v zerkale yazyka: leksiko-semanticheskie gruppy slozhnykh neonominiy litsa [The COVID-19 Pandemic in the Mirror of Language: Lexical and Semantic Groups of Complex Facial Neonominations]. Bepalova S.V., ed. *Doneckie chteniya 2020: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Donetsk, 17–18 noyab. 2020 g.)* [Donetsk Readings 2020: Education, Science, Innovation, Culture and Modern Challenges. Materials of the 5th International Scientific Conference (Donetsk, November 17–18, 2020)]. Donetsk, Donetskii natsionalnyy universitet, pp. 145-149.
- SOURCES**
- Alternativa: internet-SMI* [Alternative. Online Media]. URL: <http://alternatio.org>.
- Argumenty i fakty: gazeta* [Arguments and Facts. Newspaper]. URL: <https://aif.ru>.
- Vechernyaya Moskva: internet-SMI* [Vechernyaya Moskva. Online Media]. URL: <https://vm.ru>.
- VolgaNyus.rf: internet-SMI* [Volganyus. RF. Online Media]. URL: <https://volga.news>.
- VoskhodInfo: internet-SMI* [Sunrise info. Online Media]. URL: <http://voskhodinfo.su>.
- Gorod32: internet-SMI* [City 32. Online Media]. URL: <http://go32.ru>.
- Delovoy Peterburg: gazeta* [Delovoy Peterburg. Newspaper]. URL: <https://www.dp.ru>.
- Detali: internet-SMI* [Details. Online Media]. URL: <https://detaly.co.il>.
- Evrasyiysy – novaya volna: internet-SMI* [Eurasians – the New Wave. Online Media]. URL: <http://www.enw-fond.ru>.
- Evreyskiy mir: gazeta* [Jewish World. Newspaper]. URL: <http://evreimir.com>.
- Invest-Forsayt: zhurnal* [Invest-Foresight. Journal]. URL: <https://www.if24.ru>.
- Kavkazskiy uzel: internet-SMI* [Caucasian Knot. Online Media]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu>.
- Karavan: internet-SMI* [Caravan. Online Media]. URL: <https://www.caravan.kz>.
- Klub regionov: internet-SMI* [Club of Regions. Online Media]. URL: <http://club-rf.ru>.
- Kommersant: gazeta* [Kommersant. Newspaper]. URL: <https://www.kommersant.ru>.
- Kommersant-Saratov: gazeta* [Kommersant-Saratov. Newspaper]. URL: <https://www.kommersant.ru>.
- Komsomolskaya pravda: gazeta* [Komsomolskaya Pravda. Newspaper]. URL: <https://www.kp.ru>.
- Kont: internet-SMI* [CONT. Online Media]. URL: <https://cont.ws>.
- Moskovskiy komsomolets v Yaroslavle: gazeta* [Moskovsky Komsomolets in Yaroslavl. Newspaper]. URL: <https://yar.mk.ru>.
- Nasha gazeta: internet-SMI* [NashaGazeta. Online Media]. URL: <https://ng72.ru>.
- Novaya gazeta: gazeta* [Novaya Gazeta. Newspaper]. URL: <https://novayagazeta.ru>.
- Obyektiv: internet-SMI* [Objective. Online Media]. URL: <https://www.objectiv.tv>.
- Pervyy penzenskiy portal: internet-SMI* [First Penza portal. Online Media]. URL: <https://1pnz.ru>.
- Permskiy informatsionnyy portal: internet-SMI* [Perm Information Portal. Online Media]. URL: <https://59i.ru>.
- Pravda.Ru: internet-SMI* [Truth.Ru. Online Media]. URL: <https://www.pravda.ru>.
- Radio Sputnik: sayt radiostantsii* [Radio Sputnik. Website of the Radio Station]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru>.
- Rambler: internet-SMI* [Rambler. Online Media]. URL: <https://news.rambler.ru>.
- Reporter-NN: internet-SMI* [Reporter-NN. Online Media]. URL: <https://reporter-nn.ru>.
- RIA Novosti: internet-SMI* [RIA Novosti. Online Media]. URL: <https://ria.ru>.
- Chastnyy korrespondent: internet-SMI* [Private Correspondent. Online Media]. URL: <http://www.chaskor.ru>.
- Ekspress gazeta: internet-SMI* [Express Newspaper. Online Media]. URL: <https://www.eg.ru>.
- Ekho Rossii: sayt radiostantsii* [The Echo of Russia. Website of the Radio Station]. URL: <https://ehorussia.com/new>.
- BB.lv: internet-SMI* [BB.lv. Online Media]. URL: <https://bb.lv>.
- ExpertTur: internet-SMI* [Expertur. Online Media]. URL: <https://experttur.com>.
- Lenta.ru: internet-SMI* [Lenta.ru. Online Media]. URL: <https://lenta.ru>.

Life.ru: internet-SMI [Life.ru. Online Media]. URL: <https://life.ru>.

News.21.by: internet-SMI [News.21.by. Online Media]. URL: <https://news.21.by>.

Planeta: internet-SMI [Planeta. Online Media]. URL: <https://planeta.press>.

Postimees: internet-SMI [Postimees. Online Media]. URL: <https://rus.postimees.ee>.

Sputnik Yuzhnaya Osetiya: internet-SMI [Sputnik South Ossetia. Online Media]. URL: <https://sputnik-ossetia.ru>.

Zatosarov.ru: internet-SMI [Zatosarov.ru. Online Media]. URL: <http://zatosarov.ru>.

DICTIONARY

Lopatin V.V., Uluhanov I.S. *Slovar slovoobrazovatelnykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word-Forming Affixes of Modern Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.

Information About the Authors

Vladislav E. Zamaldinov, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Language and Speech Culture, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ankudinovskoe Shosse, 3, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, zvlad-nn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4513-3571>

Daiki Horiguchi, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Graduate School of Humanities and Environmental Studies, Kyoto University, 606-8501 Yoshida-honmachi, Sakyo-ku, Kyoto, Japan, horiguchi.daiki.6x@kyoto-u.ac.jp, <https://orcid.org/0000-0003-0724-6209>

Информация об авторах

Владислав Евгеньевич Замальдинов, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи, Нижегородская академия МВД России, Анкудиновское шоссе, 3, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, zvlad-nn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4513-3571>

Даики Хоригути, доктор филологических наук, доцент Высшей школы гуманитарных и экологических исследований, Киотский университет, 606-8501 Йошида-хонмачи, Сакио-ку, г. Киото, Япония, horiguchi.daiki.6x@kyoto-u.ac.jp, <https://orcid.org/0000-0003-0724-6209>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.12>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 28.08.2020
Accepted: 11.05.2021

SECONDARY SOMATIC NOMINATIONS IN MEDIA TEXTS COVERING ECONOMY, BUSINESS AND POLITICS SPHERES

Viktoriya V. Zhura

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

Yuliya V. Rudova

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

Yelena G. Semenova

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

Abstract. The article set out to reveal the specific features of secondary somatic nominations in media texts in the spheres of economy, business, and politics. The significance of the problem under study is implied by a need for elucidating the evolution of language consciousness by shedding light on how corporeal lexis in the Russian language is involved in verbalization of reality in the spheres in question. The study demonstrated that secondary somatic nominations evolve due to transformation of the meaning of a linguistic unit, whose primary meaning is associated with various aspects of the human body existence. This transformation of the meaning seems to be a common way of denotating reality in the texts under investigation. We specified the sources of somatic expansion, whose semantic content is most frequently redefined in the thematic fields in question. We also identified the denotation areas (conceptual fields) where corporeal lexis is used in their secondary meanings. Our research demonstrated considerable pragmatic potential of the texts including somatic linguistic units. We established that their evaluative content results from axiological connotations associated with various corporeal concepts in the Russian linguoculture. Their expressiveness is achieved due to imagery created by unusual contextualization of somatic linguistic units. The results of the current study made it possible to establish the ways of transforming the meanings of somatic linguistic units in the investigated spheres in the Russian language. Transformation of the meanings of somatic lexis occurs by using metaphors, metonymy, similes, irony, epithets, oxymoron, gradation, language game, etc.

Key words: media text, economy, business, politics, somatic linguistic unit, somatic lexis, secondary meaning, axiology.

Citation. Zhura V.V., Rudova Yu.V., Semenova Ye.G. Secondary Somatic Nominations in Media Texts Covering Economy, Business and Politics Spheres. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 153-166. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.12>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 28.08.2020
Дата принятия статьи: 11.05.2021

ВТОРИЧНЫЕ СОМАТИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ В МЕДИАТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ДЕЛОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Виктория Валентиновна Жура

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия

Юлия Владимировна Рудова

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия

Елена Геннадиевна Семенова

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Целью исследования стало изучение особенностей формирования вторичных номинаций на основе соматической лексики в медиатекстах экономической, деловой и политической направленности. Актуальность работы заключается в необходимости описания эволюции языкового сознания путем установления того, каким образом соматизмы русского языка участвуют в вербальном отражении действительности. Показано, что образование вторичных соматических номинаций происходит в результате переосмысления плана содержания языковой единицы, первичное значение которой связано с обозначением различных аспектов функционирования организма человека. Подобные смысловые изменения выступают распространенным способом отображения действительности в текстах указанной тематики. Детализированы источники соматической экспансии, план содержания которых наиболее часто подвергается трансформации в рассматриваемых тематических сферах. Установлены денотативные зоны (понятийные области), в рамках которых они используются во вторичных значениях. Описан прагматический потенциал высказываний, включающих соматические номинации. Их оценочная составляющая формируется на основе аксиологических смыслов, закрепленных в российской лингвокультуре за различными понятиями, ассоциируемыми с человеческим телом. Экспрессивность достигается за счет образности, создаваемой употреблением соматизмов в непривычных для адресата контекстах. Выявлены приемы создания вторичных соматических номинаций, применяемые в изучаемых текстах: метафора, метонимия, сравнение, ирония, употребление единицы в функции эпитета, оксюморон, градация, языковая игра. В.В. Жура разработаны концептуальные аспекты анализа, установлены прагматические особенности высказываний, включающих соматические номинации, и определены способы создания вторичных соматических номинаций. Е.Г. Семеновой проведен сбор и первичный анализ фактического материала. Ю.В. Рудовой осуществлен критический анализ существующих исследований по изучаемой проблематике, рассмотрены источники соматической экспансии, план содержания которых наиболее часто подвергается трансформации.

Ключевые слова: медиатекст, экономика, бизнес, политика, соматизм, соматическая лексика, вторичная номинация, оценочность.

Цитирование. Жура В. В., Рудова Ю. В., Семенова Е. Г. Вторичные соматические номинации в медиатекстах экономической, деловой и политической направленности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 153–166. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.12>

Введение

Стремительный прогресс медицины в XX и XXI в. привел к ее экспансии в различные сферы социальной практики человека и, как следствие, к переосмыслению роли телесного аспекта человеческого бытия. Этот процесс получил название «медиализация» [Жура, Рудова, 2014]. В социологии его обозначают как эволюцию медицины в «социальность» [Дмитриева, 2003]. Последствия возрастающего влияния данной науки на современное общество различны и касаются как изменения моделей социального поведения и практик человека, так и их осмысления и объективации средствами естественных языков. В связи с этим актуальным становится обнаружение способов концептуализации физического бытия человека во всем его многообразии и их проявления в речемыслительной деятельности. Решение данной задачи

позволит определить основные направления эволюции языкового сознания в современном российском обществе, ведущие к изменению отраженной в нем картины мира.

Подобный подход уже был реализован в ряде исследований (см., например: [Бурганова, Савельева, 2009; Голубых, 2019; Рудова, Жура, 2017; Zhura et al., 2017]). Однако объектом изучения в них выступала преимущественно рекламная коммуникация, а проникновение телесно-ориентированного сознания в другие сферы общения не получило всестороннего освещения. Одной из наиболее значимых работ, в которой были затронуты проблемы употребления соматизмов в газетных текстах, стала монография А.П. Чудинова, посвященная когнитивному исследованию политической метафоры. Автором выделены основные понятийные сферы-источники метафорической номинации – человек, социум, природа и вещи [Чудинов, 2001, с. 59–94]. Особый инте-

рес для нашего исследования представляет субсфера «Человек», в рамках которой функционируют физиологическая, морбиальная, сексуальная метафора и метафора родства. В связи с изучением процесса создания вторичных номинаций на основе соматизмов в фокусе внимания А.П. Чудинова были физиологическая и морбиальная метафоры. Первый тип связан с переосмыслением значений названий различных органов и частей тела человека, а также их физиологических функций, во втором осуществляется смысловая перефокусировка различных семантем, сгруппированных в рамках понятийного поля *патологическое состояние человеческого организма*, а именно «пациенты и медицинский персонал», «диагноз», «причины и возбудители болезней», «симптомы заболеваний», «способы лечения, используемые инструменты и лекарства», «состояние пациента» [Чудинов, 2001, с. 68–77]. Объединение этих денотативных областей в пределах указанного поля основано на причинно-следственных связях, существующих между ними в объективной действительности. Отметим, что морбиальная метафора в газетном тексте рассмотрена С.В. Ляпун, однако автором не проводилось детального изучения данного стилистического явления (см.: [Ляпун, 2008]).

Поставив перед собой цель охарактеризовать возможности соматических лексем в формировании вторичных номинаций для обозначения различных аспектов деловой активности, экономической и политической деятельности, мы рассматривали оба вида метафоры (физиологическую и морбиальную), так как они охватывают все виды переосмысления, объектом которых является тело человека (от греч. *soma, atos* – тело).

Методы и методология исследования

В качестве источника материала мы использовали публикации, размещенные в глобальной сети Интернет в рубриках «Бизнес», «Экономика» и «Политика»¹. Тексты, публикуемые в данных разделах, нами обозначены как тексты деловой, экономической и политической направленности. В связи с тем, что в ряде газет разделы «Экономика» и «Бизнес» не дифференцированы (либо статьи

по бизнесу размещены в разделе «Экономика», либо подраздел «Бизнес» включен в раздел «Экономика»), мы объединили такие публикации под общим названием «тексты в сферах бизнеса и экономики».

Примеры вторичных номинаций (146 единиц) отбирались методом сплошной выборки. В ходе работы мы рассмотрели 200 статей, относящихся к сфере бизнеса и экономики, опубликованных в ряде интернет-изданий (СБЕР Про, Газета.ру, Известия, НВ, Мир новостей, Konkurent.ru и др.). Наряду с этим было отобрано 200 статей из рубрики «Политика» (Газета.ру, МКРУ, RT, РИА Новости, Политэксперт, Новая газета, ИА «НТА Приволжье», НВ, Эхо Москвы, «Открытая» газета, Красная весна и др.). Временной период, в который были опубликованы эти материалы, составлял последние 15 лет (с 2006 по 2020 г.).

При проведении данного исследования мы опирались на ряд результатов, полученных А.П. Чудиновым, в частности его классификацию метафор, а также выделенные функции политической метафоры (номинативную, коммуникативную, прагматическую, изобразительную, инструментальную, гипотетическую, моделирующую, эвфемистическую и популяризаторскую) [Чудинов, 2001, с. 49–51].

Под вторичной соматической номинацией в данной работе мы понимаем языковую единицу, первичное значение которой связано с различными аспектами существования организма / тела человека и подвергается переосмыслению для характеристики субъектов, их действий и взаимоотношений, объектов бизнеса, экономической и политической деятельности.

При определении диапазона исследуемых в работе вторичных номинаций мы опирались на расширенную классификацию соматизмов, включающую не только названия различных частей человеческого тела: сононимы (названия частей тела человека), остеонимы (номинаций костей и их сочленений), сплахнонимы (наименования внутренних органов), ангионимы (обозначения составных элементов кровеносной системы), сенсонимы (термины, именующие органы чувств человека), но и единицы, обозначающие различные патологии (о классификации см.: [Голодов, 2010; Лаврищева, 2018; Масалева, 2009а;

2009б; Мугу, 2003; Новрузова, 2009]). Такие лексемы квалифицированы нами как *собственно соматизмы*. Результаты анализа речевого материала позволили расширить классификацию на основе добавления лексем, отражающих новые денотативные зоны (или понятийные области). В связи с существованием тесных причинно-следственных связей между понятиями, обозначаемыми собственно соматизмами, и сигнификатами ряда других лексем, включающими такие признаки, как изменение состояния / статуса тела человека, соматические проявления и функции, манипуляции или воздействие на организм человека, такие лексические единицы были включены нами в «соматические номинации». Их значения, в отличие от значений собственно соматизмов, денотат которых – части организма человека, включают лишь отдельные телесно-ассоциированные семантические / сигнификативные признаки. Эти слова определены нами как *условные соматизмы* и также рассмотрены в работе наряду с собственно соматизмами.

В исследовании применялись процедуры семантического, концептуального, количественного и интерпретативного анализа.

Результаты и обсуждение

Количественный анализ текстов показал, что вторичные соматические номинации использованы в 40 % публикаций на темы экономики и бизнеса и 33 % – на темы политики.

Проведенная количественная оценка отобранного материала свидетельствует о распространенности рассматриваемого феномена в медиатекстах экономической, деловой и политической направленности. С одной стороны, данный факт обусловлен медикализацией общества в результате разработки и внедрения новых здоровьесберегающих технологий, появления инновационных средств и способов лечения. Медицина становится неотъемлемой частью жизни практически каждого человека, а понятия, связанные с функционированием его организма, – боль, страдание, ухудшение / улучшение физического и психического здоровья, смерть, качество жизни, – превращаются в важные экзистенциальные измерения его бытия. Особую

значимость приобретает биомедицинский ракурс осмысления действительности сегодня, в эпоху пандемии и актуализации глобальных усилий по защите здоровья и жизни. С другой стороны, значительная доля явлений вторичной соматической номинации в медиатекстах экономической, деловой и политической направленности связана с особенностями их плана содержания, включающего, как показывают исследования, несколько пластов информации – о том, что сообщается, а также о позиции автора по отношению к сообщаемому (см., например: [Ляпун, 2008, с. 142; Покровская, 2006]). Модусные смыслы переносятся на второй план или в подтекст, что обусловлено своеобразным кодом политкорректности: журналист избегает прямо выражать свое отношение к тому, о чем повествует, поэтому завуалированная оценка при помощи метафорических выражений, связанных с телом человека, имеет мейотическое назначение. В этом мы видим проявление эвфемистической функции политической метафоры (по Чудинову). В то же время повышение экспрессивности высказывания, связанное с переосмыслением соматических терминов, способствует усилению его перлокутивного эффекта, что является важной целью массмедиа-коммуникации.

Корпоральность (телесность) представляет для человека ту реальность, которая неотделима от его сущности. Благодаря ее категориям человек идентифицирует и познает не только свое телесное, но и духовное начало. Закономерности существования объектов неживой окружающей действительности также зачастую осмысляются по аналогии с человеческим организмом. В связи с этим вторичные соматические номинации приобретают особые функции в текстах экономической, деловой и политической направленности: они представляют внешний и внутренний миры человека в терминах соматических понятий, что позволяет осмыслить сложные и абстрактные категории при помощи конкретно-референтных значений, то есть они выполняют инструментальную, моделирующую, а в ряде случаев и популяризаторскую функции.

В массмедийных текстах, опубликованных в рубриках «Бизнес» и «Экономика», вторичные номинации, выражающие телесно-

ассоциированные смыслы, использованы для обозначения субъекта деятельности. В приведенных ниже примерах посредством вторичных номинаций характеризуется и оценивается его:

- экономическое положение:

И еще у нас много идей о том, как нашим пиццериям **выживать** в этот кризис (СБЕР Про. 08.04.2020);

Без кроссовера Datsun скорее всего **не выживет**, но вряд ли сейчас Nissan будет вкладывать в него деньги» (Известия. 16.05.2020);

Малый бизнес **вымирает** (МН. 13.11.2019);

- духовно-нравственная позиция:

Интересно, что месяцем ранее благотворительный фонд, в попечительский совет которого входит Ставницер, **подставил плечо** Зеленскому в борьбе с коронавирусом (НВ. 17.05.2020);

Или в **воспаленных умах** бухгалтеров из Минфина окончательно возобладал принцип «дойти до последнего тех, кого еще можно доить»? (МН. 20.03.2020);

- социальный / профессиональный статус:

Лучшими **глазами и ушами** внутри компании будет ваш *chattered accountant* – местный сотрудник, который станет готовить все отчеты в контролирующие органы Индии (СБЕР Про. 15.05.2020);

- деятельность:

С чего бы это власть столь откровенно задирает поборы с предпринимателей, зарабатывающих на жизнь **своими руками и умом**, не пользующихся (в отличие от приближенных к этой власти) льготами и преференциями государства?! (МН. 20.03.2020);

- физический / биологический статус:

Коллекторы могут исчезнуть как **вид** (МН. 04.09.2019).

Вторичные номинации называют объект деловой активности, раскрывают его в различных экзистенциональных аспектах. При этом наиболее распространенной является оценка экономического положения:

Без масштабной **инъекции** ликвидности, вероятно, последовала бы череда банкротств и масштабные потери организационного капитала» (R. 11.06.2020);

На кредитной **игле** (МН. 05.07.2019);

а также психоэмоционального статуса и духовно-нравственной позиции:

На самом деле подобная категория клиентов может создать **головную боль** практически любой компании (СБЕР Про. 02.04.2020);

Но зато люди с **повышенной тревожностью**, коих у нас в стране большинство, сохраняют свои **нервы** (МН. 18.12.2018).

Оценочная характеристика посредством соматической лексики дается действиям и поведению субъектов и объектов экономической деятельности:

В Госдуме назвали **«безумием»** санкции Украины против научных учреждений РФ (Газета. 15.05.2020);

В последнее время «МН» не раз рассказывал о все более частных **потугах** банкиров и чиновников обложить своим пристальным вниманием и «заботой» кошельки граждан России» (МН. 05.12.2019);

Полгода водили за **нос**, после чего согласились-таки выдать ему эту сумму... (МН. 09.03.2019).

С использованием переосмысленной соматической лексики характеризуется состояние экономической деятельности / деловой активности. При этом оценка состояния может осуществляться как эксплицитно:

Инфраструктура **дышит на ладан** (МН. 23.09.2019);

Именно в те годы формировался тот системный кризис, который нынче стал **хроническим и трудноизлечимым** (МН. 26.07.2018);

так и имплицитно:

Это якобы должно **оживить** российскую экономику» (МН. 07.10.2019).

Кроме того, дается характеристика способов осуществления деловой активности и факторов, влияющих на данный процесс:

Спекулятивный рост цен и паника быстро **съедают** сбережения (МН. 30.03.2020);

Банки по определению существуют **в токсичной среде** (МН. 08.11.2019);

Якобы непогашенные задолженности **надуваются в пузырь**, который в конце концов может **лопнуть**, окончательно похоронив и без того больную российскую экономику (МН. 13.09.2019).

В медиатекстах, опубликованных в рубрике «Политика», соматизмы приобретают новые смыслы при описании субъекта политической деятельности. При этом часто дается характеристика его политической позиции:

По его мнению, Зеленский является «**марионеткой**» в руках тех, кто «находится за его спиной» (Газета. 17.05.2020);

По одной из версий, пристальное внимание к Габышеву проистекает из особенностей сознания нынешнего российского истеблишмента. Последний, мол, и сам **неровно дышит** к эзотерике, поэтому угрозы со стороны шамана воспринимает абсолютно всерьез (МК. 15.05.2020).

Распространенным является употребление соматической лексики для указания на недееспособность политических субъектов:

Похоже, на фоне стресса у губернатора произошло своего рода **раздвоение сознания** (МК. 01.05.2020);

«По странному стечению обстоятельств, МИД является всегда у нас абсолютным рассадником, как бы это сказать, **шизофрени**», сказал депутат в эфире телеканала «112 Украина» (МК. 12.05.2020);

Чиновник такого уровня, глава НАТО делает такие дерзкие, громкие заявления, которые граничат с потерей дипломатических отношений между странами, не подтверждая это ничем, не давая никаких ссылок, никакой фактуры. Это уже их **безумие в агонии**, которую они сегодня переживают» (МК. 15.05.2020).

Для выражения подобных смыслов в высказывании, как правило, актуализируются соматические признаки, указывающие на психоментальные расстройства человеческого организма.

Вторичные соматические номинации используются при определении духовно-нравственной позиции субъекта политической деятельности:

Россия **протянула руку** помощи Европе в борьбе с невидимым противником – коронавирусом (МК. 12.05.2020);

Отдавших жизнь за то, чтобы сей господин мог родиться на свет, кушать яблоки и, повзрослев, походя **плюнуть** на подвиг ни много ни мало – 27 миллионов советских людей, погибших в той войне (МК. 11.05.2020);

Возглавить комиссию должен моральный авторитет... Он будет беспощадным **диагностом с приобретенным** за восемь лет **иммунитетом**. **Заразить** его тяжело (РР. 01.03.2012);

Те единичные сотрудники оттуда, которые никогда не слышали о взятках, послужат прототипом для создания **вакцины** (РР. 01.03.2012).

Выражение путем переосмысления плана содержания соматической лексики получает политическая ситуация:

В НАТО после пандемии начался новый виток русофобной **истерии** (МК. 12.05.2020);

Наконец-то, мол, регионы **вдохнули полной грудью** прописанной в Конституции свободы (МК. 14.05.2020);

Как хочется, чтобы общая коронавирусная беда **прочистила отравленные** фейками **мозги**... (МК. 16.05.2020);

Проблема носит фундаментальный и системообразующий характер. Это настоящая **пандемия**, поразившая страну. Ее опасность в том, что она имеет **латентный характер**, ее невозможно выявить и **диагностировать** ровно до того момента, пока очередной сотрудник правоохранительных органов не будет арестован при получении взятки. Очередность арестов – это недоразумение и признак **гниения** (РР. 01.03.2012).

Употребление соматизмов является также распространенным способом оценки политических действий:

Россия никому не угрожает, а ударный **кулак** у российской границы собирает именно НАТО (РБК. 07.03.2020);

«Относиться серьезно к бульканью из его **рта** невозможно по определению», сказал Соловьев (МК. 11.05.2020);

При этом нынешний президент Украины до сих пор не понимает свою ответственность перед украинцами, пытаясь «морочить им **голову**», рассказывая «сказки» по заученным текстам (ПЭ. 28.04.2020).

Приведенные выше примеры из публикаций на темы экономики, бизнеса и политики обнаруживают особенности семантических трансформаций, происходящих при формировании вторичной соматической номинации.

Первоначально, выходя за рамки медицинского дискурса, значение соматизма эволюционирует в направлении от конкретно-

смыслового (конкретно-референтного) наполнения в сторону размывания его семантических границ. Таким образом, лексическая единица приобретает диффузное значение. Рассмотрим в качестве примера слово *боль*. Семантический анализ контекстов его употребления в изучаемых текстах (*головная боль крымских депутатов; с ее помощью можно выявить «боль» потребителя; фантомные боли рубля; Госдеп пообещал России «последствия и боль» за украинских моряков* и др.) показал, что инвариантом его значения можно считать «отрицательное явление / переживание».

Далее происходит конкретизация диффузного значения соматизма. Она осуществляется на основе взаимодействия его семантики с семантикой ближайшего лексического контекста, определяемого рамками денотативной зоны, в которой создается вторичная номинация.

Например:

По словам члена Совета Федерации Владимира Джабарова, принятая польскими властями новая стратегия национальной безопасности говорит о том, что страна испытывает ностальгическую **боль** из-за России (МК. 13.05.2020).

Переосмысление значения выражения *испытывать боль* связано с формированием новых семантических актантов / валентностей глагола *испытывать* (*страна* вместо *живое существо, ностальгическая* вместо *сильная / пульсирующая, из-за России* вместо *из-за травмы*), актуализация которых определяется характером денотативной зоны. Таким образом, в данном контексте у соматизма *боль* формируется вторичное значение:

«испытывать неприятное эмоциональное переживание, связанное с тоской по временам, когда эта страна (Польша) была союзником России», которое имеет абстрактно-референтный характер.

Трансформация значения при образовании вторичной номинации на основе соматизма может быть представлена схематично (см. рисунок).

Образование вторичных номинаций в медиатекстах экономической, деловой и политической направленности происходит с применением разных приемов. Ведущими являются:

– сравнение:

Власти только бессвязно разрезают **рты**, как аквариумные рыбки (МН. 30.03.2020);

Саратовские чиновники врут, как **дышат** (ПВ. 21.10.2019);

Эта экономическая политика РФ выглядит примерно, как человек, **болеющий от** голода, но сидящий на бочке золота (МН. 23.09.2019);

– метафора:

Режим самосохранения для руководителя это **смерть** (СБЕР Про. 13.05.2020);

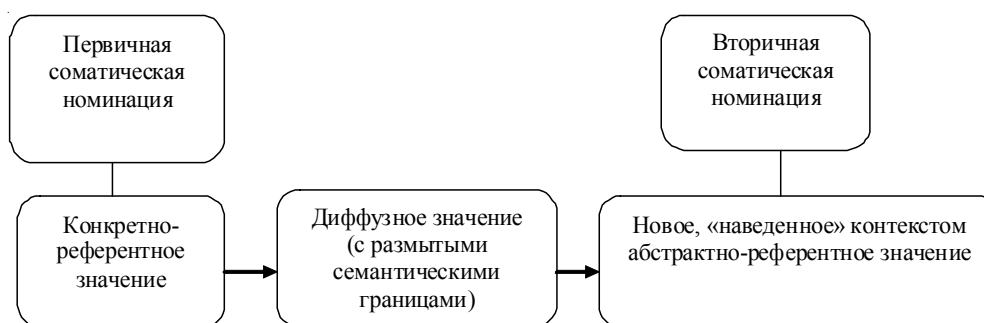
гангрена армии (КП. 28.01.2006);

атрофия стыда и морали (ОГ. № 38(530) от 03.10.2012);

– метонимия:

с появлением все большего числа независимых от Запада экономических держав, способных платить своим **мозгам и рукам** без посредников (Р. 31.03.2020);

– употребление языковой единицы в функции эпитета:

Трансформация значения вторичной соматической номинации

Transformation of secondary somatic meaning

самоубийственными экономическими санкциями; **кровно** заработанные деньги; **атипичное** здравоохранение (НГ. 19.06.2006);

– а также использование устойчивых фразеологических сочетаний, содержащих соматизмы с экспрессивно-оценочными коннотациями:

Опасно безрассудно забегать вперед, но нельзя и сидеть **слож**а руки, избегая ответственности (МК. 11.05.2020);

Стало понятно, что надо от них уходить, так как они нас **держат за горло** и не дают проекту развиваться (МК. 13.05.2020).

В случае метафорического и метонимического переноса при формировании нового значения реализуется несколько возможностей переосмысления языковых единиц, ассоциированных с телесностью:

– переосмысление физиологических процессов, протекающих в организме человека:

Структура госуправления осталась без изменения еще с советских времен, несмотря на все реформаторские **потуги** (Коммерсант. 14.05.2014);

Финансовые планы кировских чиновников **дышат** осторожным **оптимизмом** (ФП. 16.09.2009);

И, следовательно, «брат» избирателя нужно, пока он **«тепленький»** (МК. 16.05.2020);

– смысловая переоценка патологических состояний человеческого организма:

Синдром приобретенной дезинформации (Коммерсант. 13.06.2020);

...в России наблюдается «пугающий» уровень **«атрофии» общественной активности** (ИА. 09.10.2006);

Это, по его мнению, может привести к **отторжению некоторых территорий** Украины (МК. 16.05.2020);

Почему все чиновники Минздрава **близорук**ие (НГ. 16.10.2006);

Мы же и насытим его наиболее явными **симптомами болезни**. Не ограничиваясь, такими как: 1) **невыносимая тяга** к дорогим иномаркам; 2) **болезненное стремление** отдельных сотрудников завести себе личного портного, с целью пошива модной формы (РР. 01.03.2012);

Закупорка реальных каналов коммуникации общества и власти (НезГ. 04.04.2017);

– переосмысление функционала медицинских вмешательств и средств воздействия на человеческий организм:

На мой взгляд, это **успокоительная пилюля** от Центробанка и для бизнеса, и для населения. Ее можно сравнить с **лекарством-пустышкой**: вреда нет, но и пользы тоже (МН. 14.02.2020);

Предлагаю в связи со всем этим клиническим и безобразным **зудом** срочно провести **тотальную диспансеризацию** всех без исключения сотрудников специальных служб – полицейских, прокуроров и даже сотрудников нового следственного комитета (РР. 01.03.2012);

пересадка ответственности (НГ. 21.11.2007);

– смысловая переоценка действия патогенов:

Похоже, банкиров поразил **вирус жадности** (МН. 14.05.2020);

А созданные сверху партии лишь **паразитируют** на настроениях, о которых я уже сказал (НезГ. 08.08.2020);

Идеальные паразиты: те, кто сосал кровь у государства, снова требуют от него помощи (НД. 18.04.2020);

Россия – это не пуповина, это **глист**, который высасывает из Украины все соки (Взгляд. 22.11.2013);

Против меня направлены все **ядовитые ковидные** стрелы (Z. 04.08.2020).

Последний пример представляет собой цитату из речи белорусского президента Александра Лукашенко, который в данном случае имеет в виду, что его враги пытаются использовать пандемию как средство политического давления на него.

Названия болезнетворных микроорганизмов, сопряженные с прецедентным подтекстом, могут также стать ресурсом для языковой игры:

Бацилла и Харибда.

Как в Москве сражаются с **коронавирусом** (НГ. 28.02.2020);

Как **прогноулась** Светлана Хоркина (НГ. 16.02.2004).

В первом примере замена одного прецедентного мифологического имени на основе фонетической адаптации (Сцилла) на ассоциативно связанную с воздействием на организм лексику **бацилла** позволяет создать яркий и эмоционально заряженный образ современной ситуации. Во втором примере оценка духовно-нравственной и гражданской позиции известной олимпийской чем-

пионки по спортивной гимнастике Светланы Хоркиной осуществляется на основе переосмысления значения лексемы, указывающей на ее физические способности.

Особое место в рассматриваемых медиатекстах занимает олицетворение, при котором неодушевленным объектам приписываются признаки и функции живого организма:

Хоронить профессии (Газета. 05.04.2020);

Выживает крупнейший. Почему в России **умирает** малый бизнес (ФП. 11.11.2019).

В случае использования устойчивых фразеологических сочетаний переосмыслению подвергаются следующие денотативные зоны (понятийные области):

– понятия анатомии человека, связанные с обозначением частей тела и органов человека:

Злоумышленник вываливает на **голову** испуганному человеку вполне конфиденциальную информацию (Новые Ведомости. 17.04.2019);

Его **руки** были по **локоть** в американской и иранской **крови** (ФП. 09.01.2020);

...а провластные политехнологи рвут на себе **волосы** (ЕАН. 16.08.2019);

Ненавижу это признавать, но карты, которые есть **«на руках»** у коронавируса, объективно сильнее (МК. 11.05.2020);

прочистить им **мозги** должно государство (МН. 12.04.2019);

– понятийный аппарат физиологии человека, называющий проявления и функции живого организма:

Впрочем, **передышка** окажется временной (МН.13.09.2018);

Нечего **кормить** чужого дядю (МН. 26.07.2018); откровенный **плевок** властей в лицо стариков (Газета. 11.02.2020);

И властям **начхать** на данный проблемный участок дороги (47News. 08.08.2016);

Прокуратура **дышит** в затылок (Коммерсант. 30.08.2018);

– медицинские понятия, ассоциированные с семантикой терапевтических вмешательств:

его пытаются **привести в чувства** (МК. 11.05.2020);

план должен быть такой: **дать глоток** свежего **воздуха** экономике (Ведомости. 26.01.2015);

Укол совести (НГ. 14.02.2020);

прививка от жадности (НГ. 10.12.2007);

– патофизиологический понятийный аппарат, определяющий болезненные состояния тела человека:

мелкий и средний бизнес **«загибается** на глазах» (МК. 12.05.2020);

Ярославский бизнес **задыхается** в условиях коронавируса (R. 26.05.2020);

– понятия, обозначающие воздействие на физическую сущность человека или его реакцию на него:

Затянули пояса (Газета. 14.05.2020);

На какую сумму им будет выгодней **ободрать** клиента (МН. 16.01.2020);

Поднимают пенсионный возраст и налоги в качестве исключительного варианта «для **поддержки** штанов» (МН. 04.11.2019);

Выколачивают с бедняг все до последних штанов (МН. 04.09.2019);

Вынырнешь – значит, «гибкий подход», примененный федеральным центром, себя оправдал. За что ему, центру, честь и хвала. **Утонешь** – сам виноват (МК. 14.05.2020).

Наряду с рассмотренными выше случаями употребления соматизмов в переносном значении, когда соматическая лексика подвергается переосмыслению и получает приращение смысла, отвечающие конкретному контексту употребления, в проанализированных медиатекстах она используется в прямом значении, зафиксированном в словарях. Это происходит в публикациях, затрагивающих вопросы здоровья и благосостояния людей:

Главное – себя **прокормить** (Газета. 13.05.2020);

В Молдове размер прожиточного минимума показывает, какая минимальная сумма нужна человеку, чтобы **не умереть от голода и болезней**. То есть этот показатель включает лишь те потребности, пренебречь которыми нельзя в силу биологической необходимости. Без них в **организме запускаются дегенеративные процессы – ослабление, голод, болезни и, как итог, смерть** (NM. 16.10.2019);

Великобритания может столкнуться с внутренним кризисом из-за **пандемии COVID-19** (Газета. 14.05.2020).

Приведенные контексты свидетельствуют о том, что применение соматической лексики позволяет создать второй план, или подтекст, сопровождающий передачу фактуальной информации. Он имеет субъективный характер и передает авторскую оценку сообщаемого. Последняя, как правило, эмотивна, что обусловлено существованием устойчивых коннотаций, закрепленных за лексемами, выражающими базовые понятия физического существования человека. Так, смерть, боль, страдание, различные виды заболеваний и патологических изменений организма упоминаются при характеристике негативной ситуации:

Смерть демократии в Нигерии (НВ. 06.03.2019);

Страдает при этом и политика, и история (Ведомости. 29.09.2016);

Головная боль крымских депутатов и чиновников (ЭМ. 07.11.2014);

Министр культуры РФ: польских политиков **поразила** историческая **амнезия** (КВ. 04.08.2017).

Выздоровление, улучшение здоровья имеют положительный аксиологический потенциал:

Российской экономике предрекли быстрое **выздоровление** после пандемии (Л. 06.08.2020);

Китайская экономика **пошла на поправку**, но по-прежнему остается в минусе (Эксперт. 30.03.2020).

Образное содержание вторичной номинации, создаваемое в результате взаимодействия прямого и переносного значений в ходе употребления соматизмов в нетривиальных контекстах, также способствует эмоциональному восприятию описываемой ситуации:

Рынок труда в Приморья **бьется в конвульсиях** (К. 04.07.2019).

Оценочность, появляясь в качестве ассоциативного компонента прямого значения соматических лексем, впоследствии может фиксироваться в словарной дефиниции их переносного значения и усиливаться за счет контекстуального наведения эмотивных сем в тексте. Рассмотрим пример:

Бацилла радикализма всегда в обществе присутствует, **как вирусы в организме человека**. Но

если **иммунитет достаточен, болезнь не развивается** (Ведомости. 16.12.2010).

В контексте использована лексема *бацилла*, у которой в настоящее время зафиксировано два значения: 1. Болезнетворная бактерия в форме палочки. 2. *перен.* О каком-н. *отрицательном, вредоносном* свойстве, распространяющемся подобно заразе (СИС) (выделено нами. – В. Ж.). В содержание первого лексико-семантического варианта включено указание на характер этой бактерии – *болезнетворная*, что реализует ее негативный аксиологический потенциал. В переносное значение входят оценочные атрибутивы – *отрицательное, вредоносное*, прямо указывающие на характер оценки данного явления. Под влиянием данной лексемы происходит переосмысление слова *радикализм*, обозначающего решительный образ действий, за счет добавления негативной эмотивно-оценочной семы. Кроме того, развернутая метафора, создающая образ общества как живого организма, подвергающегося атакам чужеродных патогенов и включающего механизм защиты против них, усиливает оценочный аспект, одновременно выражая эмоциональные смыслы тревоги и переживания за происходящее.

В следующем примере эмотивно-оценочный потенциал высказывания возникает в результате употребления развернутой метафоры, сопряженной со стилистической градацией:

Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что **в борьбе за здоровье падут** целые полицейские службы. Мы, очевидно, потеряем и УБЭП, и ГИБДД, как **полностью пораженные и иммуноинфицированные**. Обидно, но **не смертельно**. **По аналогии с гангреной их придется ампутировать** (РР. 01.03.2012).

Автор призывает к борьбе с коррупцией в органах власти (*борьба за здоровье*), которая должна привести к радикальной мере – *их ампутации*. Эмоциональная образность данного высказывания направлена на эвокацию таких чувств, как глубокое осуждение и презрение. Кроме того, экспрессивность содержания способствует адекватному восприятию авторской расстановки смысловых акцентов в тексте.

Полученные нами данные подтверждают выводы других исследователей о преимущественно эмотивном характере морбиальной

метафоры [Чудинов, 2001, с. 69; Ляпун, 2008, с. 143], который акцентирует и усиливает, главным образом, негативную оценочность этого стилистического явления в экономических и политических текстах современной эпохи. В политических текстах соматические вторичные номинации выступают мощным средством создания иронии. Так, в заголовке политической статьи *Гнойники в здравоохранении* (Зebra. 31.10.2013) иронический эффект возникает в результате сочетания двух разнополюсных понятий по типу оксюморона. Отрасль государственной деятельности, целью которой является сохранение здоровья социума, сама становится носителем заболевания.

Рассмотрение эмотивно-оценочного потенциала высказываний с вторичными соматическими номинациями позволило выявить такие важные функции этих номинаций, как изобразительная и прагматическая.

Заключение

В последние два десятилетия в медиатекстах экономической, деловой и политической направленности для концептуализации действительности активно используются соматические лексемы, что обусловлено медиализацией современного общества и общей гносеологической направленностью категоризации внешнего мира через призму телесности.

В результате изучения функционирования вторичных номинаций на основе соматизмов установлены и детализированы источники соматической экспансии, лежащие в основе переосмысления, то есть семантические области, к которым рассматриваемые вторичные номинации относятся в первичном значении. Смысловой трансформации подвергаются собственно соматизмы, представляющие такие сферы, как названия различных частей человеческого тела и патологии организма, и условные соматизмы, то есть номинации, включающие в свое значение понятийные признаки, указывающие на изменение состояния /статуса тела человека, соматические проявления и функции, манипуляции или воздействие на организм человека.

Выявлены новые денотативные зоны / понятийные области, для означивания которых применяются вторичные соматические номинации в изучаемых медиатекстах. В публи-

кациях экономической и деловой направленности это: субъект и объект деятельности, их действия и поведение, состояние экономической деятельности / деловой активности, в публикациях политической направленности – субъект политической деятельности, его духовно-нравственная позиция, политическая ситуация и события. Последовательность изменений в семантике вторичных семантических номинаций состоит из следующих этапов: первоначально соматическая номинация имеет конкретно-референтное значение, используя в профессиональных медицинских и научных контекстах. При перемещении ее в другие дискурсы присущее ей значение приобретает диффузный характер, возникает нечеткость его семантических границ. Впоследствии появляется новое, абстрактно-референтное значение, «наведенное» контекстом.

Вторичные номинации в изучаемых текстах создаются посредством разнообразных приемов: сравнения, метафоры, метонимии, использования устойчивых фразеологических сочетаний, эпитетов, а также иронии, оксюморона, градации и языковой игры.

Выявлено, что эмотивная оценочность, сопровождающая вторичные соматические номинации, является результатом существования устойчивых эмоциональных и оценочных коннотаций, закрепленных за данными лексемами в их первичном значении. Последние обусловлены тем фактом, что такие лексические единицы обозначают явления, процессы, ставящие под угрозу либо оптимизирующие физическое существование человека. Установлено, что использование вторичных соматических номинаций в медиатексте создает, как правило, эмоционально окрашенное, наглядно-образное представление того или иного объекта, требующее от реципиента выхода за рамки узувального значения для декодирования / расшифровки перлокутивного эффекта сообщения, что способствует достижению прагматической цели высказывания.

Вторичные номинации выполняют в текстах экономической, деловой и политической направленности функцию номинирования, представляя внешний и внутренний мир человека в терминах соматических понятий, а также инструментальную, моделирующую и эвфемистическую функции.

Изучение особенностей вторичного переосмысления соматизмов в экономических, деловых и политических медиатекстах позволило раскрыть концептуальный и ценностный аспекты языковой картины современного российского общества и установить направления и способы текстовой репрезентации реальности в указанных сферах.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Контексты, извлеченные из данных источников, использованы исключительно в качестве материала исследования. Мнение авторов статьи может не совпадать с мнением авторов публикаций, размещенных в сети Интернет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурганова Л. А., Савельева Ж. В., 2009. Медикализация и эстетизация здоровья в рекламной коммуникации // Социологические исследования. № 8. С. 100–107.
- Голодов А. Г., 2010. Вторичная номинация в отраслевой лексике // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. № 2 (27). С. 77–87.
- Голубых А. А., 2019. «Медикализация» современной англоязычной интернет рекламы (на материале рекламных видеороликов видеохостинга Youtube) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 2, № 4. С. 162–169.
- Дмитриева Е. В., 2003. Еще раз о понятиях. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. № 11. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-11/dmitrieva.pdf>. (дата обращения: 18.08.2020).
- Жура В. В., Рудова Ю. В., 2014. Корпоральная культура как отражение процесса медикализации общества и ее репрезентация в медицинском дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. № 2. С. 551–554.
- Лаврищева Е. В., 2018. Роль физиологической метафоры в репрезентации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 4, № 1. С. 13–21.
- Ляпун С. В., 2008. Метафорическая оценочность в аналитическом газетном тексте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 7 (63). С. 141–147.
- Масалева Н. В., 2009а. Семантические трансформации в соматической лексике (на материале русского, чешского и сербского языков) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : материалы Восьмой Международной конф. Владимир : ВГУ. С. 209–212.
- Масалева Н. В., 2009б. Феномен «телесной» красоты в русской и сербской фразеологии // Личность. Культура. Общество. Т. 11, № 2 (48–49). С. 389–393.
- Мугу Р. Ю., 2003. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп. 24 с.
- Новрузова Г. Г., 2009. Соматическая лексика антропоцентрической направленности русского и английского языков // Lingua mobilis. № 5 (19). С. 168–176.
- Покровская Е. В., 2006. Прагматика современного газетного текста // Русская речь. № 3. С. 81–87.
- Рудова Ю. В., Жура В. В., 2017. Метафорические номинации в характеристике понятий корпоральной культуры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2 (42). С. 94–106.
- Чудинов А. П., 2001. Россия в метафорическом зеркале : Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 238 с.
- Zhura V. V., Rudova Yu. V., Martinson Zh. S., 2017. Narrative Continuum of Corporeal Culture. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities” (CILDIAH 2017). Paris : Atlantis Press. Vol. 97. P. 342–347. DOI: <https://doi.org/10.2991/cildiah-17.2017.60>.

ИСТОЧНИКИ

- Ведомости* – Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru>.
- Взгляд* – Взгляд. Деловая газета. URL: <https://vz.ru>.
- Газета* – Газета. URL: <https://gazeta.ru>.
- ЕАН* – ЕАН. Интерактивные новости. URL: <https://eanews.ru>.
- Зебра* – Зебра. URL: <https://zebra-tv.ru>.
- ИА* – ИА «НТА Приволжье». URL: <https://nta-nn.ru>.
- Известия* – Известия. URL: <https://iz.ru>.
- КВ* – Красная весна. URL: <https://rossaprimavera.ru>.
- Коммерсант* – Коммерсантъ. URL: <https://kommersant.ru>.
- КП* – Комсомольская правда. URL: <https://kp.kz/daily>.
- МК* – МК. URL: <https://mk.ru>.
- МН* – Мир новостей. URL: <https://mirnov.ru>.
- НВ* – НВ. URL: <https://nv.ua>.

Новые ведомости – Новые ведомости. URL: <https://nvdaily.ru>.
НГ – Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru>.
НД – Новости дня. URL: <https://19rus.info/index.php>.
НезГ – Независимая газета. URL: <https://ng.ru>.
ОГ – «Открытая» газета. URL: <https://opengaz.ru>.
ПВ – Пугачевское время. URL: <https://pugachevskoevremya.ru>.
ПЭ – Политэксперт. URL: <https://politexpert.net>.
Р – Рамблер. URL: <https://news.rambler.ru>.
РБК – РБК. URL: <https://rbc.ru>.
СБЕР Про – СБЕР Про. URL: <https://sber.pro>.
СИС – Словарь иностранных слов. URL: <https://classes.ru>.
ФП – ФедералПресс. URL: <https://fedpress.ru>.
Эксперт – Эксперт. URL: <https://expert.ru>.
ЭМ – Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru>.
К – Konkurent.Ru. URL: <https://konkurent.ru>.
L – LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru>.
47News – 47News. URL: <https://47news.ru>.
NM – NewsMaker. URL: <https://newsmaker.md>.
PP – PEN & PAPER. URL: <https://pen-paper.ru>.
R – ИА Regnum. URL: <https://regnum.ru>.
Z – Znak. URL: <https://www.znak.com>.

REFERENCES

- Burganova L.A., Saveleva Zh.V., 2009. Medikalizatsiya i estetizatsiya zdorovya v reklamnoy kommunikatsii [Medicalization and Optimization of Health in Advertising]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 8, pp. 100-107.
- Golodov A.G., 2010. Vtorichnaya nominatsiya v otraslevoj leksike [Secondary Nomination in Professional Jargon]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Esenin], no. 2 (27), pp. 77-87.
- Golubykh A.A., 2019. «Medikalizatsiya» sovremennoy angloyazychnoy internet-reklamy (na materiale reklamnykh videorolikov videohostinga youtube) [“Medicalization” of Modern Internet Advertising (Based on English Youtube Commercials)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], vol. 2, no. 4, pp. 162-169.
- Dmitrieva E.V., 2003. Eshhe raz o ponyatiyakh. Ot sotsiologii mediciny k sotsiologii zdorovya [On Definitions of Medicine Once Again. From Sociology of Medicine to Sociology of Health]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-11/dmitrieva.pdf> (accessed 18 August 2020).
- Zhura V.V., Rudova Yu.V., 2014. Korporealnaya kultura kak otrazhenie protsessa medikalizatsii obshchestva i ee reprezentatsiya v meditsinskom diskurse [Corporeal Culture As a Reflection of the Process of Medicalization of Society and Its Representation in Medical Discourse]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, no. 2, pp. 551-554.
- Lavrishheva E.V., 2018. Rol fiziologicheskoy metafory v reprezentatsii kognitivnogo fragmenta «emotsionalnoe prostranstvo» [The Role of a Physiological Metaphor in the Representation of the Cognitive Fragment “Emotional Space”]. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], vol. 4, no. 1, pp. 13-21.
- Lyapun S.V., 2008. Metaforicheskaya otsenochnost v analiticheskom gazetnom tekste [Metaphorical Evaluation in an Analytical Newspaper Text]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumatirnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], no. 7 (63), pp. 141-147.
- Masaleva N.V., 2009a. Semanticheskie transformatsii v somaticheskoy leksike (na materiale russkogo, cheshskogo i serbskogo yazykov) [Semantic Transformations in Somatic Lexis (As Exemplified by Russian, Czech and Serbian languages)]. *Yazykovye kategorii i edinitsy: sintagmaticheskiy aspekt: materialy Vosmoy Mezhdunar. konf.* [Language Categories and Units: The Syntagmatic Approach. Proceedings of the 8th International Conference]. Vladimir, VGGU, pp. 209-212.
- Masaleva N.V., 2009b. Fenomen «telesnoy» krasoty v russkoy i serbskoy frazeologii [The Phenomenon of “Body” Beauty in Russian and Serbian Phraseology]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo* [Person. Culture. Society], vol. 11, no. 2 (48-49), pp. 389-393.
- Mugu R. Yu., 2003. *Polisemantizm somaticheskoy leksiki (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Polysemantism of Somatic Lexis (Based on Materials of the Russian and German Languages). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Maykop. 24 p.
- Novruzova G.G., 2009. Somaticheskaya leksika antropotsentricheskoy napravlenosti russkogo i angliyskogo yazykov [Somatic Human-Centred Lexis in the English and Russian Languages]. *Lingua mobilis*, no. 5 (19), pp. 168-176.
- Pokrovskaya E.V., 2006. Pragmatika sovremennoy gazetnogo teksta [Pragmatics of Modern Newspaper Text]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 3, pp. 81-87.
- Rudova Yu.V., Zhura V.V., 2017. Metaforicheskie nominatsii v kharakteristike ponyatiy korporealnoy kultury [Metaphors As the Main Concepts of Corporeality]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], no. 2 (42), pp. 94-106.

- Chudinov A.P., 2001. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphors]. Yekaterinburg, Uralsky gosudarstvenny pedagogichesky universitet. 238 p.
- Zhura V.V., Rudova Yu.V., Martinson Zh.S., 2017. Narrative Continuum of Corporeal Culture. *Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities” (CILDIAH 2017)*. Paris, Atlantis Press. Vol. 97, pp. 342-347. DOI: <https://doi.org/10.2991/cildiah-17.2017.60>.

SOURCES

- Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru>.
- Vzglyad. Delovaya gazeta*. URL: <https://vz.ru>.
- Gazeta*. URL: <https://gazeta.ru>.
- EAN. Interaktivnye novosti*. URL: <https://eanews.ru>.
- Zebra*. URL: <https://zebra-tv.ru>.
- IA «NTA Privolzh'e»*. URL: <https://nta-nn.ru>.
- Izvestija*. URL: <https://iz.ru>.
- Krasnaja vesna*. URL: <https://rossaprimavera.ru>.

- Kommersant*. URL: <https://kommersant.ru>.
- Komsomol'skaja pravda*. URL: <https://kp.kz/daily>.
- MK*. URL: <https://mk.ru>.
- Mir novostej*. URL: <https://mirnov.ru>.
- NV*. URL: <https://nv.ua>.
- Novye vedomosti*. URL: <https://nvdaily.ru>.
- Novaja gazeta*. URL: <https://novayagazeta.ru>.
- Novosti dnja*. URL: <https://19rus.info/index.php>.
- Nezavisimaja gazeta*. URL: <https://ng.ru>.
- «Otkrytaja» gazeta*. URL: <https://opengaz.ru>.
- Pugachevskoe vremja*. URL: <https://pugachevskoevremja.ru>.
- Politjeksper*. URL: <https://politexpert.net>.
- Rambler*. URL: <https://news.rambler.ru>.
- RBK*. URL: <https://rbc.ru>.
- SBER Pro*. URL: <https://sber.pro>.
- Slovar' inostrannyh slov*. URL: <https://classes.ru>.
- FederalPress*. URL: <https://fedpress.ru>.
- Jekspert*. URL: <https://expert.ru>.
- Jeho Moskvj*. URL: <https://echo.msk.ru>.
- Konkurent.Ru*. URL: <https://konkurent.ru>.
- LENTA.RU*. URL: <https://lenta.ru>.
- 47News*. URL: <https://47news.ru>.
- NewsMaker*. URL: <https://newsmaker.md>.
- PEN & PAPER*. URL: <https://pen-paper.ru>.
- IA Regnum*. URL: <https://regnum.ru>.
- Znak*. URL: <https://www.znak.com>.

Information About the Authors

Viktoriya V. Zhura, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russia, vvzhura@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8128-701X>

Yuliya V. Rudova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russia, juliarud@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7722-6831>

Yelena G. Semenova, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russia, yaitskova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9027-494X>

Информация об авторах

Виктория Валентиновна Жура, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Россия, vvzhura@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8128-701X>

Юлия Владимировна Рудова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Россия, juliarud@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7722-6831>

Елена Геннадиевна Семенова, старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Россия, yaitskova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9027-494X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.13>

UDC 81'42:659.1
LBC 81.055.51.6

Submitted: 14.03.2021
Accepted: 11.05.2021

REPRESENTATION OF THE PHENOMENON “TRUST” IN MEDICAL ADVERTISING DISCOURSE

Nikolay L. Shamne

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina V. Shishkina

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

Abstract. The problem of creating institutional trust in modern Russian society is considered on the example of advertising activities of companies that produce and promote drugs on the consumer market. In order to identify techniques that contribute to the effective impact on the recipient – the formation of a trusting attitude towards the advertised product, the commercials shown on Russian television from 2010 to 2020 were analyzed. Using the methods of content analysis, discourse and stylistic analysis, elements of component and distributive analysis, it has been established that professional participants in medical advertising discourse use such techniques as the use of toponyms, lexical units borrowed from military discourse, terms, words with positive or negative connotations, presentation of statistical data, construction of a first-person statement, rhetorical questions. It was found that the mention of the country of origin of the drug, which is authoritative for the Russian consumer, has a positive effect on the confidence of patients in this drug; military vocabulary evokes associations with speed, accuracy, direction, strength and testifies to the effectiveness of the drug; medical, chemical, biological terms, statistical data objectify the transmitted information; rhetorical questions, self-narrative and others contribute to the establishment of close contact with the consumer.

Key words: medical discourse, advertising discourse, trust, linguistic and stylistic technique, impact, impact effectiveness.

Citation. Shamne N.L., Shishkina E.V. Representation of the Phenomenon “Trust” in Medical Advertising Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 167-176. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.13>

УДК 81'42:659.1
ББК 81.055.51.6

Дата поступления статьи: 14.03.2021
Дата принятия статьи: 11.05.2021

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОВЕРИЯ В МЕДИЦИНСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Николай Леонидович Шамне

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Екатерина Викторовна Шишкина

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Проблема создания институционального доверия в современном российском социуме рассмотрена на примере рекламной деятельности компаний, производящих и продвигающих на потребительском рынке лекарственные препараты. С целью выявить приемы, способствующие эффективному воздействию на получателя – формированию доверительного отношения к рекламируемому продукту, проанализированы рекламные ролики, демонстрировавшиеся по российскому телевидению с 2010 по 2020 год.

С применением методов контент-анализа, дискурсивного анализа, а также элементов компонентного, дистрибутивного и стилистического анализа определено, что профессиональными участниками медицинского рекламного дискурса для установления доверия со стороны клиентов дискурса используются такие приемы, как употребление топонимов, лексических единиц, заимствованных из военного дискурса, терминов, слов с положительной или отрицательной коннотацией, приведение статистических данных, построение высказывания от первого лица, риторические вопросы. Выявлено, что упоминание страны-производителя препарата, авторитетной для российского потребителя, положительно влияет на доверие пациентов к лекарственному средству; военная лексика вызывает ассоциации со скоростью, точностью, направленностью, силой и свидетельствует о действенности медпрепарата; медицинские, химические, биологические термины, статистические данные объективируют транслируемую информацию; риторические вопросы, я-нарратив и другие способствуют возникновению близкого контакта с потребителем.

Ключевые слова: медицинский дискурс, рекламный дискурс, доверие, лингвостилистический прием, воздействие, эффективность воздействия.

Цитирование. Шамне Н. Л., Шишкина Е. В. Репрезентация доверия в медицинском рекламном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 167–176. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.13>

Введение

Актуализация дихотомии «доверие – недоверие» в российском социуме обусловлена как общемировыми тенденциями развития информационного общества, так и локальными социальными трансформациями последних десятилетий. В этой связи С. Купрейченко характеризует сформировавшийся в российском обществе к середине 1990-х гг. общественно-психологический феномен, получивший наименование «дефицит доверия». Он является негативным последствием радикальных политических и экономических преобразований, которые происходили в нашей стране в начале 1990-х гг. и привели к становлению континуума социальной неопределенности. Дефицит доверия остро ощущался в тот исторический период в большинстве сфер жизнедеятельности людей, особенно в экономике, политике и социальной сфере [Купрейченко, 2008, с. 7]. Проблема снижения уровня доверия в обществе остается актуальной и сегодня (согласно докладу о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 г. всего 39,5 % граждан доверяют организациям, в деятельности которых они могут лично убедиться).

В связи с этим в последние годы усиливается научный интерес к исследованию институционального доверия в разных аспектах (см., например: [Данкин, 2013; Изотова, 2009; Коулман, 2001; Левада, 2001; Таханова, Цыренова, 2013; Thom et al., 2002]), что отразилось в толкованиях данного понятия. Так, социальное доверие определяется как институ-

ализированная форма деятельного признания достоинства и индивидуальности всякого другого (не только родственника, единоверца, друга, соседа), осуществляемого в бессрочный символический кредит с негарантированной (государством, бюрократическими структурами, правительственными комиссиями) возможностью погашения этими другими или третьими лицами в неопределенном будущем. [Мальцева и др., 2017, с. 40–41]. Ф. Фукуяма рассматривает доверие как релевантный ресурс социального капитала, необходимый для объединения людей в коллектив, их сотрудничества для достижения общих целей [Фукуяма, 2004, с. 56]. Многие ученые приравнивают доверие к отношению (см.: [Frederiksen, 2014, Larzelere, Huston, 1980; Levi, Stoker, 2000; Lewis, Weigert, 1985; и др.]), что, на наш взгляд, является одним из самых естественных подходов к изучению этого феномена, поскольку доверие не возникает безотносительно и всегда неизменно коррелирует с отношением одного индивидуума к другому.

В научной литературе представлены классификации доверия: выделяются личностное, межличностное, институциональное, общее, а также вертикальное, горизонтальное, локальное, системное [Дементьев, 2011; Ляско, 2004; Трапкова, 2004; Шапошникова, 2008; Stolle, 2002]. Межличностное, межиндивидуальное, персонифицированное, или горизонтальное доверие, характеризует взаимоотношения между партнерами. Институциональное доверие отражает отношение граждан к социальным институтам и их представителям: си-

стемам образования и здравоохранения, институту церкви, брака и т. д., возникающее под воздействием социокультурных, политических и экономических процессов.

Исследователи неизменно противопоставляют доверие и недоверие, отмечая, что первое оказывает позитивное воздействие на жизнедеятельность субъекта, а второе, напротив, – негативное. Однако невозможно полностью согласиться с такой трактовкой, поскольку доверие и недоверие выполняют ряд схожих функций: отражают социально-психологическое окружение индивидуума, регулируют связи с окружающим миром и др. Не только недоверие, но и некоторые формы и виды доверия выполняют деструктивные функции при формировании сознания и поведения субъекта, что приводит к негативным последствиям.

Несмотря на имеющиеся достижения в научном осмыслении институционального доверия, в области медицинского дискурса проблемы его возникновения и проявления остаются неконцептуализированными. Здоровье – это базовая человеческая ценность, а медицинские услуги всегда сопряжены для пациента не только с надеждами на улучшения качества жизни, выздоровление, но и с определенными рисками для здоровья. По данным опроса агентства социологических исследований и коммуникативных решений Фонда общественного мнения (далее – ФОМ; <https://fom-gk.ru/>), при возникновении симптомов заболевания лишь 33 % россиян незамедлительно обращается к врачу, а 63 % предпочитают лечиться самостоятельно, 42 % респондентов из обратившихся к врачам не в полной мере доверяют полученным предписаниям. Анкетирование, проведенное ФОМ среди медицинского персонала показало, что 37 % врачей не нуждаются в доверии со стороны пациента. Однако подавляющее большинство опрошенных (63%) уверены, что оно необходимо для установления взаимодействия с пациентом и положительного исхода лечения.

В сложившихся условиях отмечается увеличение поисковых запросов о здоровье (возможностях лечения, симптомах болезней, профилактике) в глобальной сети: в 2005 г. информацию, относящуюся к здоровью, искали 117 миллионов пользователей; в 2006 г. их количество возросло на 16 %, а в 2019 г. – пре-

высило миллиард (см. статистику поисковых запросов на yandex.ru и google.com). Не менее востребованным источником медицинской информации является реклама лекарственных препаратов. Так, на вопрос «Почему не следует запрещать рекламу безрецептурных лекарственных препаратов?», заданный ФОМ респондентам, были получены следующие ответы: «Это возможность получить информацию о лекарствах», «Сложно, неудобно за любым лекарством идти к врачу», «Иногда такая реклама помогает», «У людей должно быть право выбора», «Лекарства без рецепта безопасны» (<https://fom-gk.ru/>).

В наших предыдущих публикациях среди факторов, способствующих самодиагностике и самолечению, выделены следующие: низкий уровень квалификации медицинского персонала; увеличение стоимости визита к врачу; свободный доступ к медицинским инструментам для самодиагностики и самолечения; отпуск медикаментов без рецепта; недоверие пациента к лечащему врачу; избыточное количество информации медицинского характера в свободном доступе (см., например: [Шамне, Шишкина, 2017]).

В настоящей статье проблема доверия потребителей к общественным и частными институтам исследуется на примере рекламной деятельности компаний-производителей лекарственных средств и маркетинговых агентств. В частности, выделяются приемы, которые используются для установления доверительного отношения со стороны получателя рекламы лекарственных препаратов.

Материал и методы

Материалом для анализа послужили 106 рекламных роликов медицинских препаратов, обнаруженные в результате сплошной выборки из видео-рекламы, транслировавшейся на российском телевидении в период с 2010 по 2020 год. Изучаемый материал находится в свободном доступе в сети Интернет. В исследовании применялись контент-анализ, дискурсивный анализ, элементы компонентного, дистрибутивного и стилистического анализа. Учитывается, что реклама, будучи жанром медицинского научно-популярного дискурса, отражает статусное неравноправие его участни-

ков, которое определяет выбор ими дискурса приемов, служащих для эффективного воздействия на получателя.

Результаты и обсуждение

Для установления доверительного отношения со стороны реципиента рекламодатели используют целый ряд приемов: употребление топонимов, лексических единиц военной сферы, медицинской и другой терминологии, просторечий, риторические вопросы, создание я-нарратива, упоминание статистических данных и др. Рассмотрим их подробно.

Результаты эксперимента, проведенного ФОМ, свидетельствуют о том, что более половины респондентов предпочитает иностранные лекарственные препараты отечественным (<https://fom.ru/Ekonomika/12729>). Следовательно, такие топонимы, как *Германия*, *Чехия* и др., вызывают доверие зрителей. Примером может служить реклама сиропа от кашля «Амбробене» (<https://www.youtube.com/watch?v=IuHL1N1zrAU>), где колоритный немец с соответствующим акцентом поет: *я из Германия прибыть, сироп целебный привозить*. Помимо устного упоминания о стране-производителе, на экране крупным шрифтом приведена надпись *Господин из Германии* (рис. 1). Германия давно известна высоким качеством оказываемых услуг. Эта стра-

на с развитым медицинским туризмом: по данным ФОМ, 35% процентов россиян хотели бы лечиться здесь (<https://fom.ru/Ekonomika/12729>). В рекламном ролике также сообщается о преимуществах данного лекарственного средства перед другими: *без консервантов он лечит, он бронхи очищает, мокроту разжижает*. При этом на экране появляется надпись *Без красителей, загустителей и консервантов*.

Очевидно, что для потребителей, которые заботятся о своем здоровье, положительным фактором, вызывающим доверие, является натуральный состав лекарственных препаратов и отсутствие вредных вспомогательных компонентов. Поэтому лексемы *краситель*, *загуститель*, *консервант* обладают негативной коннотацией в сознании клиентов медицинского дискурса.

Производители лекарственных средств активно используют в рекламе лексические единицы, характерные для военного дискурса: *ликвидировать*, *блокировать*, *сопротивление*, *противоборствующий*, *оперативное применение*, *защитные силы*, *уничтожение*:

(1) Эргоферон – **борьба** с вирусами, снятие воспаления, **укрепление** иммунитета (<https://www.youtube.com/watch?v=uY4Vh4PxxzGA>);

(2) Арбидол **блокирует** размножение вирусов и способствует их **ликвидации**, **защищая** семью (<https://www.youtube.com/watch?v=nFyAzM0zYZI>).

Рис. 1. Фрагмент рекламы лекарственного средства «Амбробене»

Fig. 1. *Ambrobene* drug advertisement excerpt

В сознании человека военная сфера ассоциируется с точностью, направленным действием, быстротой реагирования, в связи с этим употребление соответствующих лексических единиц способствует укреплению доверия со стороны потенциальных потребителей лекарственных средств.

В конце каждого ролика, рекламирующего медикаменты, производитель обязательно ссылается на наличие противопоказаний и необходимость проконсультироваться со специалистом (рис. 2), что соответствует пункту 6 статьи 44 Федерального закона №122-ФЗ «О лекарственных средствах».

Среди лексических средств, служащих для репрезентации доверия необходимо отметить терминологические единицы. Реципиентами медицинской научно-популярной информации являются люди, не имеющие специализированного образования, поэтому умеренное использование профессиональной лексики способствует пониманию информации получателем и формированию образа компетентного, дружелюбного и готового помочь отправителя. Например, реклама противовирусного препарата «Кагоцел» сообщает:

(3) Когда вирусы простуды и гриппа атакуют, а лечение опаздывает, тогда на помощь придет «Кагоцел». Он вызывает образование **интерферонов** с

высокой противовирусной активностью (<https://www.youtube.com/watch?v=xbzURoP122c>).

Благодаря активной рекламе противовирусных средств, большинство потребителей знают, что интерфероны – это некие вещества, помогающие иммунной системе человека бороться с инфекцией. Однако медицинская дефиниция данного понятия сложнее: «Интерфероны (сокр. IFN) – общее название ряда белков со сходными свойствами, выделяемых клетками организма в ответ на вторжение вируса, некоторые бактериальные вещества и низкомолекулярные химические соединения [Большой словарь медицинских терминов, 2007, с. 407].

Некоторые термины, не вошедшие в речевой обиход населения, сопровождаются в рекламе пояснением. Так, профессиональные участники медицинского дискурса знают, что лизоцим – антибактериальный агент, фермент класса гидролаз, разрушающий клеточные стенки бактерий гидролизом пептидогликана (муреина) [Большой словарь медицинских терминов, 2007, с. 458]. Однако для потребителей доступно объясняются основные функции данного вещества в рекламе препарата «Лизобакт»:

(4) Лизобакт содержит **лизоцим, он борется с бактериями, грибами и вирусами** (<https://www.youtube.com/watch?v=XPEZY3K4au4>).

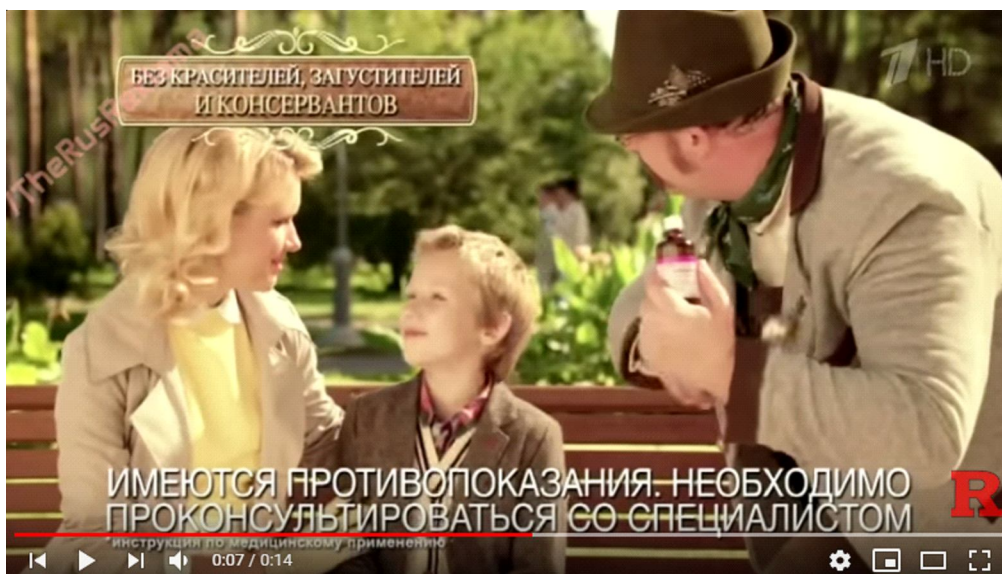

Рис. 2. Фрагмент рекламы лекарственного средства «Амбробене»

Fig. 2. *Ambrobene* drug advertisement excerpt

Термин «фосфолипид», использованный в рекламе препарата «Эссенциале Форте Н», раскрывается в рекламе через описание его воздействия на организм человека, а не его структуры как сложного липида или эфира высших жирных кислот и многоатомных спиртов:

(5) Только Эссенциале Форте Н содержит высокую концентрацию **фосфолипидов EPL, которые способствуют регенерации клеток печени и нормализации метаболических процессов** (https://www.youtube.com/watch?v=A__j_kKhHIs).

При этом производители препарата «Фосфоглив» используют медицинскую терминологию только в надписях (рис. 3), а закадровый голос произносит:

(6) Два активных компонента «Фосфоглива» созданы устранять причины повреждения и восстанавливать клетки печени (<https://www.youtube.com/watch?v=553owdj5z0s>).

Отправитель сознательно избегает озвучивания непонятных для клиентов медицинского дискурса терминов «глицирризиновая кислота» и «эссенциальные фосфолипиды».

Убежденность потребителей в действенности того или иного препарата часто основывается на их личном опыте или опыте других потребителей. Именно поэтому производители лекарственных средств приводят в тексте рекламы статистические данные. Так, в рекламе пробиотика «Энтерол» говорится:

(7) Родители более чем в 90 странах знают, что прием антибиотиков надо сопровождать курсом «Энтерола» (<https://www.youtube.com/watch?v=HyNxMlCGtuo>).

Завершает ролик дублированная надпись «Пробиотик № 1 в мире» (см. рис. 4).

В рекламе зубной щетки «OralB» видеоряд дублируется высказыванием:

(8) OralB – марка зубных щеток № 1, которую рекомендуют стоматологи во всем мире (https://www.youtube.com/watch?v=_WPRy6Gjc4U).

Производители противовирусного средства «Анаферон» также используют этот прием и завершают свою рекламу следующим текстом:

(9) Марка № 1 в России в категории «Противовирусное средство» в 2015 году (<https://www.youtube.com/watch?v=3c4DoSvHdec>).

Статистические данные приводят производители кисломолочного напитка «Имунел»:

(10) По статистике до 36 % мужчин не надевают зимой кальсоны. Более 50 % женщин считают, что шапка – враг прически. А среднестатистический школьник съедает за зиму до 4 метров сосуллек (<https://www.youtube.com/watch?v=oiCKvZS6ET0>).

Для того чтобы вызвать доверие со стороны потребителя, отправитель нивелирует разностатусный характер дискурса и строит высказывание от первого лица (создает я-нарратив):

Рис. 3. Фрагмент рекламы лекарственного средства «Фосфоглив»

Fig. 3. *Phosphogliv* drug advertisement excerpt

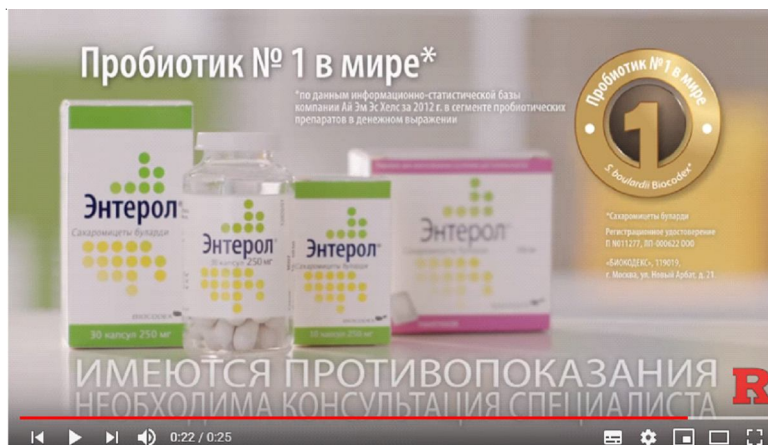

Рис. 4. Фрагмент рекламы лекарственного средства «Энтерол»

Fig. 4. *Enterol* drug advertisement excerpt

(11) **Мы** в Colgate считаем, что структура полости рта уникальна. Зубная эмаль – самая твердая ткань в нашем организме. Десять тысяч вкусовых рецепторов обновляются каждые десять дней. Вот почему **мы** создали зубную пасту ColgateTotal» (<https://www.youtube.com/watch?v=fvATh6h1TxM>);

(12) «Анаферон детский» создан специально для детей. А для себя **я** тоже выбираю «Анаферон» (<https://www.youtube.com/watch?v=3c4DoSvHdec>).

Укреплению доверия к медицинскому препарату способствует участие в рекламных роликах знаменитостей. Так, рекламируя спрей от боли в горле, с экрана убедительно поет известный рэп-исполнитель Тимати:

(13) Сильное средство, даже сильнее цунами. Это тот случай, когда можно доверять рекламе (<https://www.youtube.com/watch?v=j7WZO2sDXZE>).

Певец заявляет, что сам использует данный медикамент и считает его действенным. Здесь доверие / недоверие переходит с институционального на межличностный уровень: получатель выражает свое отношение не столько к производителю медикамента или самому продукту, сколько к человеку, транслирующему информацию.

Приемом, способствующим укреплению доверия со стороны непрофессиональных участников медицинского дискурса, является риторический вопрос, на который потенциальный потребитель лекарственного средства мог бы дать положительный ответ:

(14) Вздутие живота? Чувствуете себя неловко? Испытываете неудобство? Пытаетесь скрыть симптомы? (<https://www.youtube.com/watch?v=XrUl8Cp5QRs>).

Далее предлагается решение имеющих проблем:

(15) Попробуйте «Эспумизан»! «Эспумизан» помогает устранить вздутие, «схлопывая» пузырьки газа в кишечнике, и вы снова чувствуете себя уверенно! (<https://www.youtube.com/watch?v=XrUl8Cp5QRs>).

В этом тексте наблюдается также использование просторечного глагола *схлопывать*, что делает понятным для реципиента процесс действия лекарственного средства на организм. Риторические вопросы используются, как правило, при упоминании проблем со здоровьем, говорить о которых пациенты смущаются (дисфункция кишечника, нарушения деятельности мочеполовой системы и пр.):

(16) Беспокоят проблемы с пищеварением? Дискомфорт после еды? Примите «Креон»! В отличие от других препаратов «Креон» содержит сотни уникальных мини-микросфер. Они достигают максимальной активности уже через 15 минут и улучшают пищеварение (<https://www.youtube.com/watch?v=T5ZsKVsrw5o>).

С помощью выявленных в результате исследования приемов рекламодатели презентуют медицинские препараты, информируя потенциального потребителя о лучших качествах своей продукции. Цель таких рекламных роликов – достичь доверительного отношения со стороны реципиента, главного потребителя рекламируемого продукта.

Выводы

В результате анализа материала были установлены приемы, позволяющие профессиональным участникам медицинского рекламного дискурса установить доверие со стороны клиентов дискурса: использование топонимов, лексических единиц, заимствованных из военного дискурса, терминов, слов с положительной или отрицательной коннотацией, я-нарратива, риторических вопросов, аргументации, подкрепленной статистическими данными и участием в ней знаменитостей. Упоминание страны-производителя, авторитетной в глазах российского потребителя, положительно влияет на доверие пациентов к данному лекарственному средству; военная лексика вызывает ассоциации со скоростью, точностью, направленностью, силой и свидетельствует о действенности препарата; термины из областей медицины, химии, биологии, а также статистические данные объективируют транслируемую информацию, усиливают аргументацию в пользу того или иного препарата; а риторические вопросы, относящиеся к проблемам со здоровьем, и я-нарратив способствуют установлению близкого контакта с потребителем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большой словарь медицинских терминов : А-Я, 2007 / сост. В. Д. Федотов. М. : Центрполиграф. 958 с.
- Данкин Д. М., 2013. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ. 564 с.
- Дементьев И. А., 2011. Доверие как индикатор социального капитала // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 1. С. 40–45.
- Изотова А. В., 2009. Доверие в системе «врач – пациент» // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. Т. 6, № 1. С. 137–143.
- Коулман Дж., 2001. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.
- Купрейченко А. Б., 2008. Психология доверия и недоверия. М. : Ин-т психологии РАН. 564 с.
- Левада Ю. А., 2001. Механизмы и функции общественного доверия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 7–13.
- Ляско А. К., 2004. Проблема доверия в социально-экономической теории. М. : Ин-т экономики РАН. 189 с.
- Мальцева А. П., Поляков С. Д., Семикашева И. А., Силакова М. М., Еремина Л. И., 2017. Социальное доверие как новое направление исследований в педагогике // Поволжский педагогический поиск. № 1 (19). С. 38–44.
- Таханова О. В., Цыренова Е. Д., 2013. Институт доверия в современной экономике России. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ. 180 с.
- Трапкова А. В., 2004. Доверие в российском малом и среднем бизнесе // Общественные науки и современность. № 4. С. 36–48.
- Федеральный закон №122-ФЗ «О лекарственных средствах». Статья 44. Реклама лекарственных средств. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-22061998-n-86-fz-o/>.
- Фукуяма Ф., 2004. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ ; Ермак. 730 с.
- Шамне Н. Л., Шишкина Е. В., 2017. Научно-популярные медицинские интернет-издания на немецком языке: структурный и функциональный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 16, № 2. С. 143–151. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.15>.
- Шапошникова В. В., 2008. Институт доверия как нравственная основа социального капитала // Вестник Костромского государственного технологического университета. № 18. С. 16–19.
- Frederiksen M. 2014. Relational Trust: Outline of a Bourdieusian Theory of Interpersonal Trust // Journal of Trust Research. № 4 (2). P. 167–192.
- Larzelere R. E., Huston T. L., 1980. The Dyadic Trust Scale: Toward Understanding Interpersonal Trust in Close Relationships // Journal of Marriage and the Family. Vol. 42, № 3. P. 595–604.
- Levi M., Stoker L. 2000. Political Trust and Trustworthiness // Annual Review of Political Science. Vol. 3. P. 475–507.
- Lewis J. D., Weigert A. J., 1985. Trust As a Social Reality // Social Forces. Vol. 63, № 4. P. 967–985.
- Thom D. H., Kravitz R. L., Bell R. A., Krupat E., Azari R., 2002. Patient Trust in the Physician: Relationship to Patient Requests // Family Practice. Vol. 19, № 5. P. 476–483.
- Stolle D., 2002. Trusting Strangers : The Concept of Generalized Trust in Perspective // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. Bd. 31, № 4. S. 397–412.

REFERENCES

- Fedotov V.D., ed., 2007. *Bolshoy slovar meditsinskikh terminov* [Large Dictionary of Medical Terms]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ. 958 p.
- Dankin D.M., 2013. *Doveriye i nedoveriye v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva* [Trust and Mistrust in the Development of Civil Society]. Moscow, Izdatelskiy dom NIU VSHE. 564 p.
- Demyantsev I.A., 2011. *Doveriye kak indikator sotsialnogo kapitala* [Trust As an Indicator of Social Capital]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [Bulletin of the Pomor University. Series: Humanities and Social Sciences], no. 1, pp. 40-45.
- Izotova A.V., 2009. *Doveriye v sisteme «vrach – patsiyent»* [Trust in the “Doctor – Patient” System]. *Zdorovye – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya* [Health is the Basis of Human Potential: Problems and Ways to Solve Them], no. 1, pp. 137-143.
- Koulman Dzh., 2001. *Kapital sotsialnyy i chelovecheskiy* [Social and Human Capital]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], no. 3, pp. 122-139.
- Kupreychenko A.B., 2008. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of Trust and Distrust]. Moscow, Institut psikhologii RAN. 564 p.
- Levada Yu.A., 2001. *Mekhanizmy i funktsii obshchestvennogo doveriya* [Mechanisms and Functions of Social Confidence]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 3, pp. 7-13.
- Lyasko A.K., 2004. *Problema doveriya v sotsialno-ekonomicheskoy teorii* [The Problem of Trust in Socio-Economic Theory]. Moscow, Institut ekonomiki RAN. 189 p.
- Maltseva A.P., Poliakov S.D., Semikasheva I.A., Silakova M.M., Eremina L.I., 2017. *Sotsialnoye doveriye kak novoye napravleniye issledovaniy v pedagogike* [Social Trust As a New Research Direction in Pedagogy]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk* [Volga Region Pedagogical Search], no. 1, pp. 38-44.
- Takhanova O.V., Tsyrenova Ye.D., 2013. *Institut doveriya v sovremennoy ekonomike Rossii* [Institution of Trust in the Modern Economy of Russia]. Ulan-Ude, Izd-vo VSGUTU. 180 p.
- Trapkova A.V., 2004. *Doveriye v rossiyskom malom i srednem biznese* [Confidence in Russian Small and Middle Business]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], no. 4, pp. 36-48.
- Federalnyy zakon no. 122-FZ «O lekarstvennykh sredstvakh»*. Statya 44. *Reklama lekarstvennykh sredstv* [Federal Law No. 122-FZ “On Medicines”. Article 44. Advertising of Medicines]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-22061998-n-86-fz-o/>.
- Fukuyama F., 2004. *Doveriye: sotsialnyye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow, AST Publ., Yermak Publ. 730 p.
- Shamne N.L., Shishkina Ye.V., 2017. *Nauchno-populyarnyye meditsinskiye internet-izdaniya na nemetskom yazyke: strukturnyy i funktsionalnyy aspekty* [German Popular Scientific Medical Online Media: Structural and Functional Aspects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanije* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 143-151. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.15>.
- Shaposhnikova V.V., 2008. *Institut doveriya kak nraivstvennaya osnova sotsialnogo kapitala* [Institution of Trust As the Moral Basis of Social Capital]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State Technological University], no. 18, pp. 16-19.
- Frederiksen M., 2014. *Relational Trust: Outline of a Bourdieusian Theory of Interpersonal Trust*. *Journal of Trust Research*, no. 4 (2), pp. 167-192.
- Larzelere R.E., Huston T.L., 1980. *The Dyadic Trust Scale: Toward Understanding Interpersonal Trust in Close Relationships*. *Journal of Marriage and the Family*, vol. 42, no. 3, pp. 595-604.
- Levi M., Stoker L. 2000. *Political Trust and Trustworthiness*. *Annual Review of Political Science*, vol. 3, pp. 475-507.
- Lewis J.D., Weigert A.J., 1985. *Trust As a Social Reality*. *Social Forces*, vol. 63, no. 4, pp. 967-985.
- Thom D.H., Kravitz R.L., Bell R. A., Krupat E., Azari R., 2002. *Patient Trust in the Physician: Relationship to Patient Requests*. *Family Practice*, vol. 19, no. 5, pp. 476-483.
- Stolle D., 2002. *Trusting Strangers: The Concept of Generalized Trust in Perspective*. *Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft*, Bd. 31, Nr. 4, S. 397-412.

Information About the Authors

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Ekaterina V. Shishkina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russia, e.w.shishkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8620-8387>

Информация об авторах

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Екатерина Викторовна Шишкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Россия, e.w.shishkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8620-8387>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.14>

UDC 811.133.1'01
LBC 81.471.1-03

Submitted: 08.02.2021
Accepted: 11.05.2021

ABSOLUTE PARTICIPIAL CONSTRUCTION THEORY: CONTROVERSIAL ISSUES

Yulia V. Bogoyavlenskaya

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia;
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The study focuses on current problems associated with the evolution of absolute participial construction and its linguistic status in the French language. It has been established that, borrowed from classical Latin, the absolute construction with an ablative was accepted to the Old French language, presumably in the 13th–14th centuries thanks to translations from the Latin language. Widely used in literature, the construction caused disputes among grammarians and only at the beginning of the 20th century it was recognized as normative. In the second part of the article, a review of the Russian and foreign scientific literature is made, the most controversial issues and the author's own position based on corpus data are formulated. The properties inherent in all types of absolute participial constructions are determined: binarity, semantic duality, expression of predominantly temporary, causal meaning or value of an accompanying action, mobility, syntactic optionality in relation to a matrix sentence, the possibility of functioning only as part of a complex sentence. It was revealed that this construction is an economical formal way of expressing a proposition based on a secondary predicative connection. The features of constructions with present participles, past participles and complex past participles are analyzed. The conclusion is made about the need for a differentiated approach to the analysis of these types of absolute structures. The prospect of further studies of linguistic structures is shown.

Key words: absolute participial construction, history of the French language, syntax, secondary predicativity, participle.

Citation. Bogoyavlenskaya Yu.V. Absolute Participial Construction Theory: Controversial Issues. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 177-190. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.14>

УДК 811.133.1'01
ББК 81.471.1-03

Дата поступления статьи: 08.02.2021
Дата принятия статьи: 11.05.2021

ТЕОРИЯ АБСОЛЮТНОЙ ПРИЧАСТНОЙ КОНСТРУКЦИИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Юлия Валерьевна Богоявленская

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия;
Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Аннотация. Исследование посвящено актуальным вопросам, связанным с эволюцией абсолютной причастной конструкции и ее лингвистического статуса во французском языке. Установлено, что заимствованная из классической латыни абсолютная конструкция с аблятивом укоренилась в старофранцузском язы-

ке предположительно в XIII–XIV вв. благодаря переводам с латинского языка. Широко используемая в литературе, конструкция вызывала споры среди грамматистов и только в начале XX в. была признана нормативной. На основе обзора отечественной и зарубежной научной литературы сформулированы наиболее дискуссионные вопросы и собственная позиция автора, опирающегося на корпусные данные. Определены свойства, присущие всем типам абсолютной причастной конструкции: бинарность, семантическая двойственность, выражение преимущественно временного, причинного значений или значения сопутствующего действия, мобильность, синтаксическая факультативность по отношению к матричному предложению, возможность функционирования только в составе сложного предложения. Выявлено, что данная конструкция представляет собой экономичный формальный способ выражения пропозиции на основе вторичной предикативной связи. Охарактеризованы особенности конструкций с причастиями настоящего, прошедшего и сложного причастия прошедшего времени. Сделан вывод о необходимости дифференцированного подхода к анализу этих видов абсолютных конструкций. Показана перспектива дальнейших исследований в русле лингвистики конструкций.

Ключевые слова: абсолютная причастная конструкция, история французского языка, синтаксис, вторичная предикативность, причастие.

Цитирование. Богоявленская Ю. В. Теория абсолютной причастной конструкции: дискуссионные вопросы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 177–190. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.14>

Введение

Абсолютные причастные конструкции – грамматическое явление, составляющее неотъемлемую часть синтаксической системы романских, германских, славянских и других языков. Они позволяют разнообразить синтаксический рисунок текста, выступают альтернативой придаточным предложениям, компактно передавая заложенное в них содержание. Конструкции прошли сложный путь эволюции в языках и вызывали среди лингвистов неоднозначные, порой полярные, мнения – от полного неприятия до восхищения их краткостью, живостью и красотой. Споры вокруг их происхождения, лингвистического статуса и многих других вопросов не утихают до сих пор, а потому требуется всесторонний анализ таких конструкций с учетом достижений современной лингвистики.

В научной литературе наблюдается существенное варьирование в использовании терминологии, интерпретации синтаксических, семантических, прагматических и стилистических характеристик абсолютных причастных конструкций, что, по выражению Жака Фейе, анализирувавшего систему причастий во французском языке, свидетельствует о глубоко непонимании лингвистами ее сущности. По словам ученого, только тщательный анализ этого лингвистического феномена поможет преодолеть значительные препятствия на пути осмысления значений причастий и их

столь богатого потенциала [Feuillet, 1989, p. 9]. С момента констатации этого факта прошло более 30 лет, лингвисты неоднократно обращались к изучению свойств абсолютной причастной конструкции (далее – АПК). Однако до сих пор существует немало дискуссионных вопросов, касающихся прежде всего происхождения конструкции и ее нормативности. Разногласия обнаруживаются при определении статуса конструкции в современном французском языке: одни лингвисты рассматривают ее как обстоятельство «особого типа», другие – как «причастные придаточные» или «абсолютные причастные» предложения. Полемику вызывает вопрос о предикативности АПК.

В рамках предлагаемой статьи мы рассмотрим спорные вопросы теории АПК, обоснуем избранный подход к ее изучению и проведем сопоставительный анализ различных типов конструкции в современном французском языке.

Материал и методы исследования

Для исследования обозначенных выше вопросов на первом этапе работы мы обратимся к изучению истории конструкции, которая восходит, по мнению многих лингвистов, к латинскому языку, что предопределило ее синтаксические и семантические особенности, стилистические оттенки. Второй этап исследования – анализ «положения дел» в научной литературе, затрагивающей вопросы тео-

рии АПК. Третий этап работы – анализ языкового материала: 450 конструкций, собранных смешанным способом, под которым мы имеем в виду комбинирование результатов автоматической выборки в корпусах французского языка (смешанный французский корпус Лейпцигского университета, устный корпус заседаний Европарламента и корпус Википедии на платформе Corpus Eye) и обработки текстов вручную, которая дала богатый и ценный материал, не введенный еще в научный обиход. В корпус вошла личная переписка с коллегами из Франции и других франкофонных государств. Собранный массив был пополнен научными и публицистическими текстами, текстами инструкций, учебных пособий, рекомендаций для преподавателей, блогов, новостных сайтов, институциональных и персональных веб-страниц, комментариев к ним, постами социальных сетей, произведениями религиозной и современной художественной литературы (Katherine Pancol, Danyel Pennac, Amélie Notomb, Albertine Sarrazin, Anna Gavaldà). Разнообразие источников необходимо для изучения реального функционирования конструкции в современном французском языке, выхода за рамки художественной литературы, к анализу которой преимущественно обращались исследователи. Собранный материал обрабатывался в системе экспертного анализа «Лингвистика».

Результаты и обсуждение

Происхождение абсолютной причастной конструкции во французском языке

Большинство исследователей истории французского языка полагают, что абсолютная конструкция восходит к *ablativus absolutus*, использовавшемуся в классической латыни [Grevisse, Goosse, 2008; Togeby, 1973]. Как пишут Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева, данный оборот состоял из субъекта в аблятиве, выступающего в роли логического подлежащего (субъекта), и согласованного с ним прилагательного, причастия I, II или герундива и «синтетически» передавал различные обстоятельственные значения: временные, причинные, инструментальные, уступич-

тельные, точный смысл которых определялся из контекста. После исчезновения падежных флексий *ablativus absolutus* превратился в романских языках в «абсолютный причастный оборот», который употреблялся для передачи видо-временного отношения «результативного предшествования». Его отличительная черта также состояла в отсутствии «коррелятивных элементов», соединяющих конструкцию с основным предложением [Алисова, Репина, Таривердиева, 2007, с. 381].

Однако это не единственная точка зрения. Ш. Балли утверждал, что абсолютные конструкции типа *L'ennemi vaincu, l'armée se retire* (Враг побежден, армия возвращается) восходят не только к *ablativus absolutus*, но и к сегментации. «Здесь также обнаруживается сочинительное происхождение. Вначале говорили: *L'ennemi (est) vaincu; l'armée se retire*; в дальнейшем аналогия с такими предложениями, как *Maintenant que l'ennemi est vaincu, après la défaite de l'ennemi ...* “Теперь, когда враг побежден, после разгрома врага...”, вызвала изменение толкования одновременно с изменением интонации. Латинский *ablativus absolutus hoste victo* “победив врага” служил в качестве вспомогательного средства, особенно в книжном языке, но он не является единственной отправной точкой этого типа» [Балли, 1955, с. 78]. Родство абсолютной причастной конструкции в других романских языках с *ablativus absolutus*, как правило, также принимается лингвистами (см., например: [Moliner, 2008]).

Исследователи отмечают, что заимствованная из латыни абсолютная конструкция употреблялась в старофранцузском языке (X–XIV вв.), хотя их мнения расходятся относительно ее частотности: А. Боннар и К. Ренье утверждают, что она встречалась довольно редко [Bonnard, Regnier, 1991], в то время как Ф. Брюно настаивает на том, что ее частотность в этот период была довольно высока, но преимущественно в переводах, подверженных влиянию латинского языка. Ученый приходит к выводу о том, что регулярно абсолютная конструкция с причастием в других романских языках стала употребляться лишь с XVI в. [Brunot, 1966]. Э. Бурсье полагает, что конструкция вернулась в старофранцузский язык лишь в XIII в. благодаря переводам

с латинского языка: «...что касается употребления так называемого “*ablativus absolutus*” в качестве обстоятельства времени, то он был воспринят, по-видимому, не непосредственно; его вновь ввели около XIII в. переводчики: *il me fu demouré douze vins livres, ma nef raïée* “у меня осталось 240 ливров по уплате за корабль” (*Joinv.*, 136)» [Бурсье, 2004, с. 315].

До XVI в. латынь была языком администрирования, науки, образования, литературы и оказывала существенное влияние на европейские языки, в том числе на французский, который заимствовал из латыни многие лексические единицы и грамматические формы. В 1539 г. король Франциск I подписал ордонанс, который, помимо прочего, был направлен на закрепление статуса французского языка как единого государственного. Органы управления при составлении документов были обязаны отныне опираться на его парижскую норму вместо латыни. В XVI–XVII вв. латынь уступает место французскому языку во всех областях, даже в науке и высшем образовании, где она еще некоторое время сохраняла свое исключительное положение. Явления, проникшие во французский язык из латинского, теперь часто воспринимаются критически. В частности, К. Вожла в «*Remarques sur la langue française*» (1647), стремясь к «очищению» и «облагораживанию» французского языка, даже не упоминает абсолютную причастную конструкцию, а относительно *cela dit* категорически утверждает, что это сочетание некорректно и требуется писать *ayant dit cela*. Л. де Тамплери критикует употребление причастной конструкции со своим подлежащим и предлагает перестраивать ее, используя глагол в личной форме (см. об этом: [Brunot, 1966]).

Однако в этот период целый ряд ученых заняли противоположную позицию. В «Истории французского языка: от истоков до 1900 года» Ф. Брюно приводит цитаты ученых, восхищающихся красотой и краткостью абсолютной конструкции и рекомендующих ее употребление, поскольку она позволяет сделать предложение емким, живым, ясным и понятным. В частности, по мнению Ля Арп, «этот тип аблатива сейчас приемлем, даже в прозе, так как он делает фразу более быстрой, не нанося вред ее ясности» (цит. по:

[Brunot, 1966, p. 47]). Д. Буур называл конструкцию «самой красивой в языке, поскольку она позволяет выражаться кратко и живо» (цит. по: [Brunot, 1966, p. 49]). Представляется, что именно это свойство и обеспечило конструкции дальнейшую жизнеспособность и востребованность в письменной речи.

В XVIII в. писатели активно использовали конструкцию в своих произведениях, споры по ее поводу среди грамматистов утихли. Однако еще в течение двух веков Французская академия выступала против ее употребления в речи, особенно конструкции с причастием прошедшего времени, настоятельно рекомендуя заменять его на личную форму глагола. Только в начале XX в. конструкция стала восприниматься как естественная для французского языка и приобрела статус нормативной.

Лингвистический статус абсолютной причастной конструкции в современном французском языке

Прежде всего обратимся к анализу терминологии для обозначения этого явления, затем перейдем к обзору научных трудов и изложим свою позицию.

В российской научной литературе крайне мало работ, посвященных АПК. В трудах преимущественно используется два термина, определяющие подходы к интерпретации конструкции: «абсолютный причастный оборот» и «абсолютная причастная конструкция». При первом подходе «абсолютное» причастие трактуется как часть оборота, имеющего особый синтаксический статус, служит в предложении обстоятельством образа действия, времени, причины (см., например: [Заславская, Алямская, Пашинина, 1978, с. 224; Илия, 1962, с. 273; Кузнецов, 1991, с. 135]). В этих работах хотя и признается некоторая самостоятельность конструкции, но она рассматривается в рамках простого осложненного предложения.

При втором подходе данная структура рассматривается как промежуточная между простым и сложным предложением. В.Г. Гак и Е.Б. Ройзенблит считают, что поскольку причастие является неличной формой глагола, несколько «ущербной» в модальном, временном, видовом и залоговом планах, то пре-

дикат абсолютного оборота следует называть «вторичным». Однако силы предикативного заряда, типа синтаксической связи с главным предложением (бессоюзное сочинение), интонационного рисунка оказывается достаточно, чтобы назвать такое предложение сочиненным по смежности. Предложения с абсолютным оборотом авторы относят к разряду синтаксических комплексов с бессоюзным паратаксисом. В работе отмечается, что абсолютный оборот не имеет специализированного значения и актуализируется только в контексте [Гак, Ройзенблит, 1965, с. 243]. Близкой позиции придерживаются Е.А. Реферовская, А.К. Васильева, понимающие под абсолютной причастной конструкцией ту, в которой «функция причастия сближается с функцией сказуемого» [Реферовская, Васильева, 1982, с. 276–277].

Е.А. Ванчикова подходит к изучению «абсолютного причастного оборота» (далее – АПО) с точки зрения семантико-функционального направления. Его отличие от обычного причастного оборота лингвист видит в том, что причастие имеет «своего носителя предикативного признака». Само причастие рассматривается как носитель вторичного предикативного признака. Признавая наличие самостоятельной пропозиции в АПО, Е.А. Ванчикова считает, что предикативные отношения в нем неполноценны, так как процесс в них выражен неличной формой глагола. Предложение, в которое входит АПО, по мнению автора, «несмотря на полипропозициональность... является простым, а не сложным» [Ванчикова, 2012, с. 97], то есть, по мнению автора, конструкция занимает промежуточное положение между причастной конструкцией и придаточным предложением и является частью простого предложения. Подобный подход реализуется в работе М.С. Нелюбиной, рассматривающей данную конструкцию как причастный оборот с подлежащим, которое не совпадает с подлежащим главного предложения [Нелюбина, 2014, с. 144]. В наших предыдущих работах мы также придерживались этой точки зрения [Богоявленская, Нелюбина, 2015; Нелюбина, Богоявленская, 2016].

Исследуя АПК в статусе промежуточного феномена, Е.А. Алексеева и Д.Э. Передериев рассматривают ее как конструкцию,

«самостоятельно формирующую небазисную пропозицию, подобно предикативному ядру придаточного предложения, состоящего из “аналога” подлежащего и “аналога” реляционно-предметного сказуемого (Le soir, les journeaux étalés sur ma table, nous discutons l'affaire...)» [Алексеева, Передериев, 2015, с. 66]. Конструкция квалифицируется как «пониженная в ранге автономная пропозиция» [Алексеева, Передериев, 2015, с. 66].

В научной литературе находит отражение и третий подход к изучению АПК. Так, Н.М. Штейнберг прибегает к термину «proposition participale absolue» (абсолютное причастное предложение) [Штейнберг, 1972, с. 226] и предлагает посмотреть на АПК не как на «группу слов» или «особый оборот», а как на особый бессоюзный способ оформления придаточного предложения, имеющего чаще всего значение времени или причины. Глагол в таком предложении воплощается в одной из форм причастия, а подлежащее не совпадает с подлежащим главного предложения [Штейнберг, 1972, с. 70].

Зарубежные лингвисты проявляют заметно более активный интерес к АПК. Необходимо отметить, что на страницах франкоязычных научных журналов активно ведется дискуссия о структурах вторичной предикативности, в число которых попадают абсолютные конструкции различных типов. Например, в 2003 г. вышел специальный номер журнала «Langages», полностью посвященный причастию настоящего времени и герундию. В ряде работ были затронуты и вопросы АПК. Например, Б. Комбетт придерживается мнения, что данные синтаксические образования представляют собой причастные придаточные предложения (*subordonnée participiale*) и практически приравнивает причастие к личной форме глагола [Combettes, 2003, р. 6]. А. Липски утверждает, что существительное, стоящее перед неличной глагольной формой, нельзя рассматривать как подлежащее, отрицает, что причастие выполняет функцию предиката в данной структуре, хотя признает, что эти формы содержат указание на лицо, подразумевают его. Лингвист видит в данном синтаксическом образовании лишь обстоятельство главного предложения [Lipsky, 2003, р. 72, 76]. Т. Арнавель видит в конструкции

вторично-предикативную структуру, включающую существительное или местоимение и причастие, которое выполняет роль центра этого оригинального типа синтагмы, структура которой близка к структуре предложения и к субъектно-предикатным отношениям [Arnavielle, 2003, p. 42]. Как видим, даже в рамках одного выпуска научного журнала конструкция получила неоднозначную трактовку.

В целом, обобщая зарубежный исследовательский опыт, можно сказать, что наибольшие дискуссии вызывает вопрос о грамматическом статусе АПК. Большая часть лингвистов относят АПК к вторично-предикативным структурам, однако характер предикативных отношений оценивается по-разному. Так, Б. Куллан считает, что причастие выступает в роли предиката и образует с именной группой синтаксическое ядро, в котором устанавливаются автономные вторичные предикативные отношения [Kulland, 2008, p. 19]. Д. Эрнандес интерпретирует все французские абсолютные конструкции как дискурсивное проявление вторичной предикации и рассматривает с семантико-прагматической точки зрения как предикативное отношение, интегрированное в предикат более высокого уровня [Hernández, 2010, p. 96]. О. Альмой обращается к изучению форм на *-ant*, в том числе и к абсолютной конструкции с *Participe Présent*, в которой эта форма выполняет «чистую» предикативную функцию. Причастие со своим субъектом образует «нексус» (термин, введенный О. Есперсеном и часто используемый в скандинавской лингвистике для обозначения широкого круга вторично-предикативных структур) (см.: [Halmøy, 2008]).

Д. Дени и А. Сансье-Шато признают, что причастие в АПК является носителем предикативного признака, полагают, что в рамках данной конструкции причастие составляет вместе с темой логическое предложение: что-то утверждается (предикат) о чем-либо (субъект) [Denis, Sancier-Château, 1994, p. 393], но авторы отрицают возможность рассмотрения конструкции в качестве грамматически самостоятельного предложения в связи с тем, что причастие лишено категории лица, тогда как глагол в грамматическом предложении должен быть употреблен в личной форме. К этому же мнению склоняется Ж. Тамин-Гард,

которая считает, что для построения предложения необходим глагол в личной форме [Tamine-Gardes, 1998].

Р. Вагнер и Ж. Пеншон, изучая конструкцию с причастием прошедшего времени, рассматривают его как отглагольное прилагательное. Исследователи полагают, что причастие не обладает категорией времени, но имеет «хронологическое значение» в зависимости от контекста, в котором оно употреблено. По мнению лингвистов, оно не имеет глагольных признаков, а выражает признак, возникший в результате действия и приписываемый лицу или предмету [Wagner, Pinchon, 1991]. Такую точку зрения можно принять с оговоркой, что это лишь первичная функция причастия. Мы согласны с В.Г. Гаком, что в абсолютной конструкции причастие «выполняет свою вторичную функцию», а именно «заменяет личную форму глагола, следовательно, самостоятельно выражает предикацию» [Гак, 2000, с. 396].

В «Критической грамматике французского языка» М. Вильме пишет, что подобные конструкции следует рассматривать как обстоятельства [Wilmet, 1997, p. 313]. Как и А. Липски, М. Вильме не признает «подлежащее» конструкции, поскольку причастие не изменяется по лицам, а значит, такое «подлежащее» не может им управлять. Автор обосновывает свою позицию анализом примеров, в которых предлагает трансформировать конструкцию в обстоятельство: *Sa nièce arrivant* (= *à l'arrivée de sa nièce*), *c'était le feu à la maison*.

Таким образом, рядом лингвистов отрицается возможность распространения статуса предложения на абсолютную конструкцию с причастием. Одни исследователи аргументируют свою позицию отсутствием глагольных признаков у причастия, другие – тем, что подлежащее конструкции не является синтаксическим подлежащим, поскольку не управляет лицом глагола. При этом подходе конструкция трактуется как обстоятельство особого типа.

Вступая в дискуссию с теми лингвистами, которые не признают за подлежащим конструкции его функции, К. Мюллер отмечает, что существительное (или местоимение), стоящее перед причастием, является не только

логическим, но и полноценным синтаксическим подлежащим. Во-первых, оно занимает правостороннюю позицию по отношению к причастию, что отражает фиксированный, прямой порядок слов в современном французском языке; во-вторых, оно не выполняет никаких функций в главном предложении, а следовательно, оно управляется причастием и составляет с ним отдельное предложение. Лингвист иллюстрирует выдвинутое положение примером *La porte étant fermée, Marie s'en alla* / **La porte, Marie s'en alla* [Muller, 2007, p. 21]. Эти доводы представляются убедительными: подлежащее причастия синтаксически не подчинено никакому элементу в матричном предложении («phrase matrice», «structure matrice») и составляет с ним отдельную синтагму.

В зарубежной лингвистике также оформилась точка зрения, в соответствии с которой АПК трактуется как причастное предложение, чаще всего придаточное. Лингвисты, поддерживающие эту позицию, часто проводят параллели с союзными придаточными предложениями. В частности, М. Рижель, Ж. Пелла, Р. Риуль усматривают в высказывании *Le chat parti, les souris dansent* семантический эквивалент временного, причинного и условного придаточных: *Dès que le chat parti, les souris dansent, Comme le chat parti, les souris dansent, Si le chat parti, les souris dansent* [Riegel, Pellat, Rioul, 1994]. А. Фронтье, полагая, что грамматические и логические категории не должны разделяться, настаивает на том, что «причастное предложение является полным предложением (содержит субъект и предикат) и это предложение является придаточным по отношению к главному предложению» [Frontier, 1997, p. 626]. Той же позиции придерживаются М. Гревисс и А. Гусс [Grevisse, Goosse, 2008].

Полагаем, что такой подход уместен при анализе абсолютных конструкций с причастием прошедшего времени, которые имеют вышеуказанные значения, но неприемлем для конструкций с причастием настоящего времени и сложного причастия прошедшего времени. Ср.:

(1) Cette journée connaît différentes appellations, **chacune d'entre elles véhiculant une certaine conception politique** (КА. URL: [https://](https://fr.wikipedia.org/wiki/Journée_internationale_des_femmes)

fr.wikipedia.org/wiki/Journée_internationale_des_femmes);

(2) Elle travaillait tellement qu'elle ne s'était pas rendu compte que c'était Noël; **son «bienfaiteur» s'étant bien gardé de le lui rappeler de crainte qu'elle ne perde la cadence...** (КА. Gavalda A. Ensemble, c'est tout. 2004).

Выделенные комплексы с АПК представляют собой сложные бессоюзные предложения с присоединительными отношениями, на которые невозможно распространить понятие придаточного предложения.

Мы поддерживаем методологическую установку Ф. Муре, который рассматривает абсолютные причастные конструкции как полноценные предложения, состоящие из предиката, выраженного неличной формой глагола, и именной группы в качестве субъекта, и говорит о важности отдельного рассмотрения конструкций с причастием настоящего и прошедшего времени, поскольку степень проявления глагольных признаков в них различна [Mouret, 2011]. Правомочность данного подхода становится очевидной при сопоставлении абсолютных конструкций с Participe présent, Participe passé и Participe passé composé. Этот анализ мы начнем с выявления общих черт, идентифицирующих АПК, затем перейдем к анализу различий.

Сопоставительный анализ типов абсолютной причастной конструкции в современном французском языке

Несмотря на чувствительные различия в потенциале причастий, все типы АПК обладают следующими свойствами:

– бинарность: АПК включает два конституента – именную группу (существительное или местоимение, которые могут иметь зависимые слова) и причастие;

– предикативность: АПК представляет собой экономичный формальный способ выражения пропозиции на основе вторичной предикативной связи;

– семантическая двойственность: АПК выражают предикацию, зависимую от матричного предложения, но, присоединяясь к ней бессоюзным способом, они выражают эту связь недифференцированно, что относит весь комплекс к паратаксическим построениям;

– временная отнесенность: АПК имеет значение одновременности, закреплён-

ное за *Participe présent*, или предшествования действию (*Participe passé* и *Participe passé composé*), выраженному глаголом в личной форме в настоящем или в одном из прошедших или будущих времен в матричном предложении;

– выражение (определенно или синкретично) временного, каузального значений, значения сопутствующего действия, редко – условного, уступительного значений и значения следствия;

– мобильность: конструкция может предшествовать матричной структуре, следовать за ней или вклиниваться в нее;

– синтаксическая факультативность АПК по отношению к матричной структуре;

– возможность функционирования только в составе сложного предложения: без опорной (матричной) структуры АПК использоваться не может.

Перейдем к анализу конструкций с причастием настоящего времени (*Participe présent*), в которых наиболее полно раскрываются глагольные свойства: такие конструкции могут употребляться в утвердительной (3)¹ и отрицательной (4) форме, могут иметь активный, пассивный (5) и местоименный залог (6), могут встраиваться в выделительно-ограничительную конструкцию (7), иметь подлежащее с отрицательным значением, вследствие чего опускается вторая часть отрицания после причастия (8), иметь дополнения, выраженные местоимениями и существительными (9), к причастию, строиться с модальными глаголами разной семантики: *pouvoir* (10), *devoir* (11), *sembler* (12) и др., причастие-сказуемое может быть как глагольным, так и именным (13):

(3) L'été **arrivant** à grands pas, nous travaillons actuellement sur nos programmes de FLE intensifs de juillet et août (КА. Проффессиональная переписка. 17.03.2019);

(4) La manne pétrolière **n'étant pas** sans inconvénient les autorités se montrent prudentes (French Mixed Corpus. LCC. URL: www.malikounda.com (date of access: 19.09.2006));

(5) L'air dans les villes **étant pollué**, les produits de ces jardins le sont sans doute aussi (КА. Alter Ego 3+: Guide pédagogique/ Guilloux M. [et al.]. 2013);

(6) La mise en ligne est assujettie à une modération, la direction de HAL **se réservant** le droit

de refuser les articles ne correspondant pas aux critères de l'archive (КА. HAL. URL: https://hal.archives-ouvertes.fr);

(7) Le Droit **n'étant enseigné qu'**en Faculté, les étudiants ne le connaissent généralement pas à l'avance (French Mixed Corpus. LCC. URL: www.univ-ubs.fr.txt (date of access: 21.10.2007));

(8) Lundi, calme plat, **aucune statistique influente n'étant** attendue (French Mixed Corpus. LCC. URL: www.boursier.com (date of access: 11.05.2007));

(9) Charlotte venait de mettre fin à une liaison de deux ans avec un homme marié qui avait rompu au téléphone, sa femme **lui soufflant les mots fatals** à l'oreille (КА. Pancol K. La valse lente des tortues. 2008);

(10) L'Américain **ne pouvant plus** esquisser le moindre geste, l'arbitre avait arrêté le match (French Mixed Corpus. LCC. URL: www.sport.france2.fr (date of access: 22.09.2005));

(11) Premièrement, cette réglementation se veut une réponse à la réalité économique actuelle, les entreprises **devant** réagir à la pression croissante de la concurrence et s'adapter à un marché en continuelle évolution (Corpus Eye. Parliamentary Debates);

(12) La qualification **semblant** dans la poche, Marseille commettait l'erreur de baisser le pied (French Mixed Corpus. LCC. URL: www.radiofrance.fr (date of access: 21.07.2006));

(13) Les journaux ne sont pas communément considérés comme des 'viviers' de diatopismes, leur emploi y **étant en principe peu intense**, par rapport aux romans régionalistes traditionnels (КА. Wissner I. Les grands corpus du français moderne : des outils pour étudier le lexique diatopiquement marqué ? // SKY Journal of Linguistics. 2011. № 25).

Отметим, что в конструкциях со сложным причастием прошедшего времени (*Participe passé composé*) наблюдаются те же свойства, однако проявляются они иногда иначе, чем в конструкциях с причастием настоящего времени. Например, список модальных глаголов, от которых образуются причастия, значительно меньше и встречаются они гораздо реже.

Наиболее слабая и наиболее сложная для анализа позиция у конструкций с причастием прошедшего времени (*Participe passé*), которое ряд лингвистов считает лишенным глагольных свойств (см., например: [Wagner, Pinchon, 1991]).

Данный вид причастия, действительно, существенно отличается от причастия настоящего времени и сложного причастия прошед-

шего времени. Все вышеперечисленные свойства, за исключением активного и пассивного залогов и наличия дополнений-существительных, у него не обнаружены.

Специфика причастий прошедшего времени в составе АПК проявляется в следующем: это причастие согласуется с подлежащим в роде и числе (14), употребляется с временными маркерами *une fois* (15), *sitôt* (16) и некоторыми другими, допускает, хотя и редко, инверсионный порядок слов (17), может иметь активный (14) или пассивный (18) залог – входящие в состав сложной активной формы непереходного глагола и сложной пассивной формы переходного глагола элементы *étant*, *ayant été* могут опускаться, конструкция редуцируется до данного типа (18), в редких случаях может иметь дополнения, выраженные существительными (19):

(14) Et, l'aube **venue**, quand chacun repartait de son côté, c'était comme s'ils restaient ensemble (KA. Pennac D. L'œil du loup. 1984);

(15) **Une fois** le montage achevé, le mini-film sera mis en ligne sur les sites Internet, téléchargeable sur les réseaux sociaux et envoyé à l'avance à tous les lieux d'enseignement du français en Russie (KA. Профессиональная переписка. 21.10.2019);

(16) Et **sitôt** sa signature apposée au bas de son nouveau contrat, Ronaldo part pour l'Italie (French Mixed Corpus. LCC. URL: www.cahiersdufootball.net (date of access: 27.09.2007));

(17) On regarde le jeune intellectuel errer dans les rues de Paris, la nuit, **une fois refermé le manuel de médecine**, quand l'étudiant part faire un tour, sortant "du cliché de sa chambre de bonne mansardée" et se promenant, "seul, toujours", dans cette ville "boule de cristal rougeoyante", où il entend "un coeur comme le sien qui bat" (KA. Simon C. Sur les traces de Frantz Fanon // Le Monde. 2013. 17 July);

(18) Le déjeuner (**étant, ayant été**) **terminé**, Philippe rentra chez lui à pied (KA. Pancol K. La valse lente des tortues. 2008);

(19) L'OTAN se retire, l'armée afghane **livrée à elle-même** (Bobin F. L'OTAN se retire, l'armée afghane livrée à elle-même // Le Monde. 2014. 26 Dec.).

Результаты анализа языкового материала убеждают в правомерности позиции Ф. Мурре, утверждающего, что абсолютные конструкции с причастием прошедшего времени можно рассматривать как безглагольное предложение. Проведя тест с квантификатором *tous*, автор убедительно доказывает, что

именная группа реализуется как полноценное подлежащее [Mouret, 2011, p. 54]. Мы также полагаем, что отсутствие у причастия личных форм не препятствует выполнению функции сказуемого, поскольку лицо задается его подлежащим (существительным, указательным или неопределенным местоимением), соотносимым с 3-м лицом единственного или множественного числа. Более того, в нашем материале встречаются примеры с подлежащими, выраженными личными ударными местоимениями 3-го лица:

(20) Ses parents étaient de modestes baptistes qui ont eu cinq enfants, **lui étant** le deuxième (Corpus Eye. Wikipedia. 10.11.2020);

(21) Il se moquait de ses robes à 1100 dollars et hésitait à se marier, **elle étant** «trop parfaite» (Corpus Eye. Wikipedia. 10.11.2020);

(22) **Lui s'étant déclaré candidat** mi janvier 2018 et **elle ayant quitté** le cabinet de Macron début Février 2018, ils ont peut être pensé que si on vérifiait sur l'organigramme on verrait rien et que c'était ok! (KA. Twitter. 15.03.2018).

Исследователи также признают, что это подлежащее может быть выражено и личными ударными местоимениями 1-го и 2-го лица: **Moi parti, mes manuscrits (trois malles maintenant) restent dans la maison...** (пример из [Borillo, 2006]), **Vous parti, j'ai perdu le sommeil, la gaieté** (V. Hugo) (пример из: [Abdoulhamid, 2009]).

Характеризуя конструкцию в целом, полагаем, что нет оснований настаивать на ее «ущербности» или «неполноценности». АПК является результатом синтаксической компрессии, раскрывающей предикативные ресурсы французского языка. Поэтому мы считаем более уместным говорить о некоторой недоопределенности в темпоральном, модальном и залоговом планах в некоторых речевых реализациях АПК. Эта недоопределенность выводится из вербализованного контекста.

Возвращаясь к вопросу о терминологической неопределенности, отметим, что для обозначения изучаемого явления используются термины «абсолютный причастный оборот», «причастная конструкция», «абсолютная причастная конструкция», «причастное предложение», «придаточное причастное предложение», «construction participe absolue

circonstantielle» (абсолютная причастная обстоятельственная конструкция), «proposition participe (participiale)» (причастное предложение), «subordonnée participiale» (причастное придаточное предложение), «proposition participe absolue» (абсолютное причастное предложение). На наш взгляд, следует признать термин «абсолютный причастный оборот» неудачным, поскольку он соотносится с односубъектными причастными оборотами в составе предложения, привносящими дополнительные признаки атрибутивного или обстоятельственного характера и выполняющими функцию второго или второстепенного сказуемого. Абсолютная же конструкция имеет собственное логическое и синтаксическое подлежащее и выражает «абстрагированное значение сопутствующего действия» [Гак, Ройзенблит, 1965, с. 243]. Полагаем, что термин «конструкция» в этом сочетании более корректен и перспективен, поскольку «конструкциями считаются языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения» [Лингвистика конструкций, 2010]. В качестве синонима, на наш взгляд, приемлем термин «абсолютное причастное предложение». Как мы уже упоминали, рассматривать АПК в качестве придаточного причастного предложения нельзя, поскольку в данном построении, во-первых, отсутствуют формальные средства связи, позволяющие установить логическое соотношение предложений в составе сложного; во-вторых, АПК может иметь не только значения, присущие придаточным предложениям (времени, причины и др.), но и присоединительное значение.

Заключение

Заимствованная из классической латыни абсолютная конструкция с аблятивом укоренилась в старофранцузском языке предположительно в XIII–XIV вв. благодаря переводам с латинского языка. В связи с утратой падежных флексий в XIV–XV вв. оборот трансформировался в причастную конструкцию с субъектом. Широко используемая в литературе, конструкция вызывала споры сре-

ди грамматистов, которые либо проявляли полное ее неприятие и рекомендовали заменять на личную форму глагола, либо восхищались ее емкостью, краткостью и красотой. Лишь в начале XX в. абсолютная конструкция с причастием была признана нормативной во французском языке.

В отечественной и зарубежной научной литературе оформились три основных подхода к изучению АПК в современном французском языке: рассмотрение ее как обстоятельства, как структуры с «особым статусом» (промежуточным между простым и сложным предложением) и как предложения. Последний подход представляется наиболее обоснованным. Результаты анализа языковых данных убеждают в необходимости дифференцированного изучения абсолютных конструкций с причастиями, поскольку они имеют различные характеристики.

Изучение научных трудов и исследовательского материала привело нас к выводу о нетривиальности данного синтаксического комплекса: обладая внешней простотой и стройностью, он вступает в сложные отношения с матричной структурой; ее значение актуализируется только в контексте. На данный момент недостаточно полно описаны свойства компонентов АПК – субъекта причастия, его морфологические особенности и накладываемые конструкцией ограничения, его взаимоотношения с подлежащим матричной структуры, а также самого причастия, его грамматических и семантических свойств, условия мобильности конструкции относительно матричной структуры и др.

Как показал собранный нами материал, сфера употребления конструкции не ограничивается художественной литературой и прессой, на материале которых она традиционно изучалась. Мы установили, что различные виды конструкции довольно частотны в текстах научного и официально-делового стилей, а также в устной речи. Были обнаружены примеры использования форм причастий прошедшего времени в значении действия в будущем, с имплицитным (нулевым) подлежащим и т. д.

АПК содержит постоянные и переменные компоненты, комбинация которых или же наличие (отсутствие) которых влияет на

транслируемые смыслы, что требует подробного описания и осмысления. Это составляет перспективу исследования, воплощение которой возможно в рамках наиболее перспективного и активно развивающегося в последнее время направления – лингвистики конструкций, исходящего из установки синтаксического равноправия конститuentов и необходимости одновременного анализа элементов различных уровней.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее в тексте в круглых скобках даны ссылки на примеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. А., Передирьев Д. Э., 2015. Абсолютная конструкция как один из способов предметной квалификации (на материале французского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 65–69.
- Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А., 2007. Введение в романскую филологию. М. : Высш. шк. 454 с.
- Балли Ш., 1955. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Инostr. лит. 416 с.
- Богоявленская Ю. В., Нелюбина М. С., 2015. Корпусное исследование французских абсолютных причастных конструкций // Гуманитарный вектор. Серия: Филология. Востоковедение. № 4 (44). С. 39–48.
- Бурсье Э., 2004. Основы романского языкознания. М. : УРСС. 671 с.
- Ванчикова Е. А., 2012. Конструкции с двумя разными носителями предикативного признака // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 2. С. 94–98.
- Гак В. Г., 2000. Теоретическая грамматика французского языка. М. : Добросвет. 832 с.
- Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б., 1965. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М. : Высш. шк. 378 с.
- Заславская П. И., Алянская Н. В., Пашина П. А., 1978. Грамматика французского языка. М. : Высш. шк. 323 с.
- Илия Л. И., 1962. Синтаксис современного французского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз. 280 с.
- Кузнецов В. Г., 1991. Функциональные стили современного французского языка (публицистический и научный). М. : Высш. шк. 159 с.
- Лингвистика конструкций, 2010 / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Азбуковник. 584 с.
- Нелюбина М. С., 2014. Французская и испанская абсолютные причастные конструкции в ряду конструкций с неличными формами глагола // Иностраные языки: лингвистические и методические аспекты : сб. науч. тр. Тверь : Твер. гос. ун-т. Вып. 26. С. 142–146.
- Нелюбина М. С., Богоявленская Ю. В., 2016. Абсолютная причастная конструкция и смежные явления во французском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 3. С. 5–15. DOI: 10.17223/19986645/41/3.
- Реферовская Е. А., Васильева А. К., 1982. Теоретическая грамматика современного французского языка. М. : Просвещение. 430 с.
- Штейнберг Н. М., 1972. Грамматика французского языка. В 2 ч. Ч. 2. Синтаксис простого и сложного предложения. Л. : Просвещение. 240 с.
- Abdoulhamid A., 2009. La subordonnée participiale au participe passé en Français: de la phrase au discours. Paris : Université de la Sorbonne nouvelle – Paris III. 290 p.
- Arnavielle T., 2003. Le participe, les formes en -ant : positions et propositions // Langages. № 149. P. 37–54.
- Bonnard H., Regnier C., 1991. Petite grammaire de l'ancien français. P. : Magnard. 240 p.
- Borillo A., 2006. Quelques structures participiales de valeur temporelle en prédication seconde // Travaux Linguistiques du Cerlico: Les formes non finies des verbes. № 19. P. 1–16.
- Brunot F., 1966. Histoire de la langue française, dès origines à 1900. P. : A. Colin. 360 p.
- Combettes B., 2003. L'évolution de la forme en -ant : aspects syntaxiques et textuels // Langages. № 149. P. 6–24.
- Denis D., Sancier-Château A., 1994. Grammaire du français. P. : Librairie générale française. 608 p.
- Feuillet J., 1989. Le système participial français // L'Information grammaticale. № 41. P. 6–9. DOI: 10.3406/igram.1989.1998.
- Frontier A., 1997. La grammaire du français. P. : Belin. 752 p.
- Grevisse M., Goosse A., 2008. Le bon usage. 14e éd. Bruxelles : De Boeck, Duclot. 1760 p.
- Halmøy O., 2008. Les formes verbales en -ant et la prédication seconde // Travaux de linguistique. № 57. P. 43–62.
- Hernández D. G., 2010. La traduction français-espagnol des constructions absolues dans la presse // Synergies Espagne. № 3. P. 95–106.
- Kulland B., 2008. Les constructions participiales du français et leurs traductions norvégiennes

- correspondantes. Masteroppgave : University of Oslo. 93 p.
- Lipsky A., 2003. Pour une description sémantique et morpho-syntaxique du participe français et allemand // *Langages*. № 149. P. 71–85.
- Moliner M., 2008. *Diccionario de uso español* : Edición electrónica. Madrid : Gredos. 1680 p.
- Mouret F., 2011. Deux types de constructions absolues dans *La Jalousie de Robbe-Grillet* // *L'Information grammaticale*. № 128. P. 51–56.
- Muller C., 2007. Participe présent, conjonction et construction du sujet // *Travaux Linguistiques du Cerlico : Les formes non finies du verbe 2*, no. 19. Rennes : Presses Universitaires de Rennes. P. 19–36.
- Riegel M., Pellat J. C., Rioul R., 1994. *Grammaire méthodique du français*. P. : PUF. 1168 p.
- Tamine-Gardes J., 1998. *La grammaire : Syntaxe*. P. : Armand Collin. 174 p.
- Togoby K., 1973. *Précis historique de grammaire française*. Copenhague : Akademisk Forlag. 260 p.
- Wagner R., Pinchon J., 1991. *Grammaire du français classique et moderne*. P. : Hachette. 687 p.
- Wilmet M., 1997. *Grammaire critique du français*. P. : Hachette. 670 p.

ИСТОЧНИКИ

- КА – картотека автора.
- Bobin F. L'OTAN se retire, l'armée afghane livrée à elle-même // *Le Monde*. 2014. 26 Dec. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2014/12/27/l-otan-se-retire-l-armee-afghane-livree-a-elle-meme_4546633_3210.html.
- Corpus Eye. Parliamentary Debates. URL: <https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html> (date of access: 10.11.2020).
- French Mixed Corpus. Leipzig Corpora Collection. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=fra_mixed_2012.
- Gavalda A. *Ensemble, c'est tout*. P. : La Dilettante, 2004. 608 p.
- Guilloux M., Turbide E., Pons S., Dollez C., Rousse M. *Alter Ego 3+ : Guide pédagogique*. P. : Hachette, 2013. 224 p.
- HAL. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr> (date of access: 06.02.2020).
- Pancol K. *La valse lente des tortues*. P. : Albin Michel, 2008. 677 p.
- Pennac D. *L'œil du loup*. P. : Editions Fernand Nathan, 1984. 63 p.
- Simon C. Sur les traces de Frantz Fanon // *Le Monde*. 2013. 17 July. URL: https://www.lemonde.fr/culture/article/2013/07/18/sur-les-traces-de-frantz-fanon_3449261_3246.html.

- Twitter. URL: <https://twitter.com/tweeter> (date of access: 15.03.2018).
- Wikipedia. La Journée internationale des femmes. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Journée_internationale_des_femmes (date of access: 09.11.2020).
- Wissner I. Les grands corpus du français moderne : des outils pour étudier le lexique diatopiquement marqué ? // *SKY Journal of Linguistics*. 2011. № 25. P. 233–272.

REFERENCES

- Alekseeva E.A., Perediriev D.Ye., 2015. Absolyutnaya konstruktziya kak odin iz sposobov predmetnoy kvalifikatsii (na materiale francuzskogo yazyka) [Absolute Construction As a Means of Object Qualification (Based on the French Language)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 2, pp. 65–69.
- Alisova T.B., Repina T.A., Tariverdieva M.A., 2007. *Vvedenie v romanskuyu filologiyu* [Introduction to Romance Philology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 454 p.
- Balli Sh., 1955. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ. 416 p.
- Bogoyavlenskaya Yu.V., Nelyubina M.S., 2015. Korpusnoye issledovaniye frantsuzskikh absolyutnykh prichastnykh konstruktziy [Corpus Research of French Absolute Participial Constructions]. *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filologiya. Vostokovedeniye* [Humanitarian Vector. Philology. Oriental Studies], no. 4 (44), pp. 39–48.
- Bursie E., 2004. *Osnovy romanskogo yazykoznaniya* [Foundations of Romance Linguistics]. Moscow, URSS Publ. 671 p.
- Vanchikova E.A., 2012. Konstruktsii s dvumya raznymi nositelyami predikativnogo priznaka [Constructions with Two Different Possessors of Predication Sign]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 2, pp. 94–98.
- Gak V.G., 2000. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the French Language]. Moscow, Dobrosvet Publ. 832 p.
- Gak V.G., Royzenblit E.B., 1965. *Ocherki po sopolstavitelnomu izucheniyu frantsuzskogo i*

- russkogo yazykov* [Essays on the Comparative Study of the French and Russian Languages]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 378 p.
- Zaslavskaya P.I., Alyamskaya N.V., Pashinina R.A., 1978. *Grammatika frantsuzskogo yazyka* [French Grammar]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 323 p.
- Iliya L.I., 1962. *Sintaksis sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Syntax of Modern French]. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh. 280 p.
- Kuznetsov V.G., 1991. *Funktsionalnye stili sovremennogo frantsuzskogo yazyka (publitsisticheskii i nauchnyi)* [Functional Styles of Modern French (Publicistic and Scientific)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 159 p.
- Rakhilina E.V., 2010. *Lingvistika konstruktsiy* [Linguistics of Structures]. Moscow, Azbukovnik Publ. 584 p.
- Nelyubina M.S., 2014. Frantsuzskaya i ispanskaya absolutnye prichastnye konstruktsii v ryadu konstruktsiy s nelichnymi formami glagola [French and Spanish Absolute Participial Constructions with Impersonal Forms of the Verb]. *Inostrannye yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty: sb. nauch. tr.* [Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects. Collection of Scientific Papers]. Tver, Tverskoy gosudarstvennyy universitet, pp. 143-146.
- Nelubina M.S., Bogoyavlenskaya Yu.V., 2016. Absolutnaya prichastnaya konstruktsiya i smezhnye yavleniya vo frantsuzskom yazyke [The Absolute Participial Construction in the French Language and the Adjoining Phenomena]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 3, pp. 5-15. DOI: 10.17223/19986645/41/3.
- Referovskaya E.A., Vasilyeva A.K., 1982. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Theoretical Grammar of Modern French]. Moscow, Prosveshcheniye Publ. 430 p.
- Shteynberg N.M., 1972. *Grammatika frantsuzskogo yazyka. V 2 ch. Ch. 2. Sintaksis prostogo i slozhnogo predlozheniya* [French Grammar. In 2 Parts. Part 2. Syntax of Simple and Complex Sentences]. Leningrad, Prosveshcheniye Publ. 240 p.
- Abdoulhamid A., 2009. *La subordonnée participiale au participe passé en Français: de la phrase au discours*. Paris, Université de la Sorbonne nouvelle – Paris III. 290 p.
- Arnavielle T., 2003. Le participe, les formes en -ant : positions et propositions. *Langages*, no. 149, pp. 37-54.
- Bonnard H., Regnier C., 1991. *Petite grammaire de l'ancien français*. Paris, Magnard. 240 p.
- Borillo A., 2006. Quelques structures participiales de valeur temporelle en prédication seconde. *Travaux Linguistiques du Cerlco: Les formes non finies des verbes*, no. 19, pp. 1-16.
- Brunot F., 1966. *Histoire de la langue française, dès origines à 1900*. Paris, Armand Colin. 360 p.
- Combettes B., 2003. L'évolution de la forme en -ant : aspects syntaxiques et textuels. *Langages*, no. 149, pp. 6-24.
- Denis D., Sancier-Château A., 1994. *Grammaire du français*. Paris, Librairie générale française. 608 p.
- Feuillet J., 1989. Le système participial français. *L'Information grammaticale*, no. 41, pp. 6-9. DOI: 10.3406/igram.1989.1998.
- Frontier A., 1997. *La grammaire du français*. Paris, Belin. 752 p.
- Grevisse M., Goosse A., 2008. *Le bon usage*. Bruxelles, De Boeck, Duclot. 1760 p.
- Halmøy O., 2008. Les formes verbales en -ant et la prédication seconde. *Travaux de linguistique*, no. 57, pp. 43-62.
- Hernández D.G., 2010. La traduction français-espagnol des constructions absolues dans la presse. *Synergies Espagne*, no. 3, pp. 95-106.
- Kulland B., 2008. *Les constructions participiales du français et leurs traductions norvégiennes correspondantes*. Masteroppgave, University of Oslo. 93 p.
- Lipsky A., 2003. Pour une description sémantique et morpho-syntaxique du participe français et allemand. *Langages*, no. 149, pp. 71-85.
- Moliner M., 2008. *Diccionario de uso español*. Madrid, Gredos. 1680 p.
- Mouret F., 2011. Deux types de constructions absolues dans La Jalousie de Robbe-Grillet. *L'information grammaticale*, no. 128, pp. 51-56.
- Muller C., 2007. Participe présent, conjonction et construction du sujet. *Travaux Linguistiques du Cerlco: Les formes non finies du verbe 2, no. 19*. Rennes, Presses Universitaires de Rennes, pp. 19-36.
- Riegel M., Pellat J.C., Rioul R., 1994. *Grammaire méthodique du français*. Paris, PUF. 1168 p.
- Tamine-Gardes J., 1998. *La grammaire: Syntaxe*. Paris, Armand Collin Publ. 174 p.
- Togebly K., 1973. *Précis historique de grammaire française*. Copenhagen, Akademisk Forlag. 260 p.
- Wagner R., Pinchon J., 1991. *Grammaire du français classique et moderne*. Paris, Hachette. 687 p.
- Wilmet M., 1997. *Grammaire critique du français*. Paris, Hachette. 670 p.

SOURCES

Author's Index Card.

Bobin F. L'OTAN se retire, l'armée afghane livrée à elle-même. *Le Monde*, 2014, 26 December. URL: <https://www.lemonde.fr/international/article/>

- 2014/12/27/l-otan-se-retire-l-armee-afghane-livree-a-elle-meme_4546633_3210.html.
Corpus Eye. Parliamentary debates. URL: <https://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html> (accessed 10 November 2020).
French Mixed Corpus. Leipzig Corpora Collection. URL: https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=fra_mixed_2012.
 Gavalda A. *Ensemble, c'est tout*. Paris, La Dilettante, 2004. 608 p.
 Guilloux M., Turbide E., Pons S., Dollez C., Rousse M. *Alter Ego 3+ : Guide pédagogique*. Paris, Hachette Publ., 2013. 224 p.
 HAL. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr> (accessed 6 February 2020).
 Pancol K. *La valse lente des tortues*. Paris, Albin Michel, 2008. 677 p.
 Pennac D. *L'œil du loup*. Paris, Fernand Nathan, 1984. 63 p.
 Simon C. Sur les traces de Frantz Fanon. *Le Monde*, 2013, 17 July. URL: https://www.lemonde.fr/culture/article/2013/07/18/sur-les-traces-de-frantz-fanon_3449261_3246.html.
 Twitter. URL: <https://twitter.com/tweeter> (accessed 15 March 2018).
 Wikipedia. *La Journée internationale des femmes*. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Journée_internationale_des_femmes (accessed 9 November 2020).
 Wissner I. Les grands corpus du français moderne : des outils pour étudier le lexique diatopiquement marqué ? *SKY Journal of Linguistics*, 2011, no. 25, pp. 233-272.

Information About the Author

Yulia V. Bogoyavlenskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russia; Professor, Department of German and French, Petrozavodsk State University, Prosp. Lenina, 33, 185910 Petrozavodsk, Russia, jvbog@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4500-1491>

Информация об авторе

Юлия Валерьевна Богоявленская, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Россия; профессор кафедры немецкого и французского языков, Петрозаводский государственный университет, просп. Ленина, 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия, jvbog@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4500-1491>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.15>UDC 81'37:801.631.5
LBC 81.055.5Submitted: 11.03.2021
Accepted: 07.06.2021**POETIC DICTION AND STANDARD LANGUAGE: PREDICTIVE ASPECT****Svetlana N. Shevchenko**Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
Russian State Geological Prospecting University (Stary Oskol Branch), Stary Oskol, Russia

Abstract. The article deals with the interdiction convergence on the example of evolutionary changes in lexical semantics of poetic language. The current study contributes to the development of the methodology for studying the language evolutionary processes. The paper describes certain trends of dynamic changes and their specifics; it gives some prediction about the further lexis convergence of different types of functional styles. The findings contribute to the development of lexicography which is going to reflect not only static but also dynamic characteristics of lexical units including stylistic ones. The subjectivity of labeling poetic vocabulary in dictionaries can be partially removed through the analysis of corpus data by comparing frequency indices in different subsections, however this method is not always accurate, moreover, it doesn't effectively trace evolutionary changes. The data from the psycholinguistic experiments can help reveal the dynamics of changes. On the one hand, the results of scaling show the extent of poetry in connotative meanings; on the other hand, the open-response associative experiment allows us to calculate the archaization index of a lexeme through summing up the numerical values of certain selected parameters. The research gives obvious evidence of active archaization of some specific poetic lexemes. The findings also prove that the dynamic changes in stylistic connotation are not synchronous with the changes in the denotative layer of a lexical unit.

Key words: interdiction convergence, poetic connotation, archaization index, frequency, psycholinguistic experiment, psychosemantics, poetic word, archaism.

Citation. Shevchenko S.N. Poetic Diction and Standard Language: Predictive Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 5, pp. 191-204. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.15>

УДК 81'37:801.631.5
ББК 81.055.5Дата поступления статьи: 11.03.2021
Дата принятия статьи: 07.06.2021**ПОЭТИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА:
ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****Светлана Николаевна Шевченко**Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия;
Старооскольский филиал Российского государственного геологоразведочного университета
им. Серго Орджоникидзе, г. Старый Оскол, Россия

Аннотация. В статье рассматривается межстилевая конвергенция на примере эволюционных изменений в лексике поэтического языка. Исследование вносит вклад в совершенствование методики изучения динамических процессов языка. В работе описаны тенденции эволюционных изменений в поэтической лексике, дан прогноз о дальнейшем сближении функциональных стилей на лексическом уровне. Результаты исследования способствуют развитию лексикографии, которая сможет отражать не только статические, но и динамические характеристики в семантике языковой единицы, в том числе стилистические. Показано, что субъективность маркирования поэтической лексики в словарях можно преодолеть посредством анализа корпусных данных путем сравнения частотных индексов в разных корпусах, но этот метод не всегда точен и не позволяет в полной мере отслеживать эволюционные процессы. Для выявления особенностей изменений словаря мы предложили основываться на данных психолингвистических экспериментов. Помимо установ-

ления степени поэтичности лексемы по результатам шкалирования, психолингвистический эксперимент позволяет вычислить коэффициент архаизации некоторых поэтизмов с помощью отобранных автором параметров. Показан процесс активного устаревания отдельных специфичных для поэзии лексем. Определено, что эволюционные процессы в стилистическом коннотативном слое значения не всегда синхронны с динамическими изменениями в денотативном слое.

Ключевые слова: межстилевая конвергенция, поэтическая коннотация, коэффициент архаизации, частотность, психолингвистический эксперимент, психосемантика, поэтизм, архаизм.

Цитирование. Шевченко С. Н. Поэтический функциональный стиль в общей системе языка: прогностический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 191–204. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.15>

Введение

Актуальность исследования функциональных особенностей лирики продиктована интересом науки к прагматико-стилистическим компонентам речи. В то же время динамические процессы современной цивилизации подвигают к более пристальному изучению особенностей диахронических изменений языка. Глобализация и стирание границ, понимаемые в широком смысле, отражаются и на эволюционных изменениях в функциональных стилях языка; в связи с этим научный интерес представляет выявление особенностей межстилевой конвергенции, затрагивающей поэтический язык, в частности его словарь.

В последнее время семантика слова широко изучается с помощью когнитивных и психолингвистических методов. Однако коннотативные слои значения попадают в поле зрения ученых-лингвистов нечасто. Данное исследование направлено на рассмотрение стилистического поэтического компонента значения с использованием комплекса методов, центральным из которых является психолингвистический. Предлагается оригинальный метод вычисления коэффициента архаизации лексем, основанный на параметрическом подходе. Его принципы могут быть использованы в изучении других аспектов языка, в связи с чем статья вносит вклад в развитие неструктурных подходов исследования лексики и семантики.

Работа направлена на решение спорных до настоящего времени теоретических вопросов, связанных с уточнением понимания терминов «литературный язык», «поэтизм», антинормии литературного и поэтического языков. Языковые процессы рассматриваются в свете конвергенции функциональных стилей.

Материал и методы

Материалом исследования в его практической части послужила поэтическая лексика. Словарные единицы изначально отбирались в лексикографических источниках (лексемы с пометами «поэтическое», «возвышенное», «книжное»); далее наличие у слова поэтической коннотации доказывалось с помощью анализа корпусных данных (сопоставлялись частотности слов в основном и поэтическом корпусах русского языка); метод психолингвистического шкалирования позволил вскрыть актуальное стилистическое содержание коннотативного слоя лексем, в частности выявить поэтические коннотации как у специфических для лирики слов, так и у некоторых слов, характерных для обывденного языка.

В серии психолингвистических экспериментов на шкалирование определялась общая выраженность поэтического стилистического значения, изучалась роль уменьшительных суффиксов в формировании у слова поэтической коннотации.

Центральным моментом, представляющим научный интерес, является разработка методики исследования степени архаизации поэтизмов и возвышенной лексики, основанной на анализе данных свободного ассоциативного эксперимента. Процесс устаревания лексем отслеживается на основе выделенных параметров; присвоение им числовых значений и их математическая обработка лежат в основе предложенного метода вычисления коэффициента архаизации слова.

В исследовании поэтический язык рассматривается не как автономное образование: изучаются его связи с другими функциональными стилями, определяются основания и приводятся примеры взаимодействия и сближения.

Результаты и обсуждение

Антиномия литературного и поэтического языков: терминологические трудности

При описании уровней системы национального, в том числе и литературного, языка обнаруживаются некоторые терминологические сложности. В частности, представляется затруднительным найти противоположность поэтической разновидности языка при сравнении поэтической и непоэтической речи. Такое сопоставление необходимо для выявления поэтически маркированных элементов языка. Поэтический язык рассматривается в лингвистике как часть литературного, или, как он обычно именуется в западной традиции, стандартного (*standard*), в котором используются литературные варианты лексики (*learned words*). В таком понимании поэтический язык, несмотря на наличие стилистической специфики, не противопоставлен литературному (стандартному) языку, поскольку пользуется той же грамматикой и в целом той же лексикой: «...поэзия – это лишь концентрированное выражение обыденной речи» [Плунгян]. В то же время стандартный язык антагонистичен лирике, поскольку первый трактуется в лингвистике как *school* (школьный), *academic* (академический), *formal* (официальный), *educated* (грамотный), *good* (хороший), *correct* (правильный), *proper* (приличный) язык [Hudley et al., 2010, p. 36], в чем видится несоответствие между такими свойствами языка, как стандартность, академическая правильность и поэтическая обособленность, возвышенность. Более того, как отмечает М. Стабс, «there is enormous confusion about terms such as ‘standard’, ‘correct’, ‘proper’, ‘good’, ‘grammatical’ or ‘academic’ English, and such terms are at the centre of much debate» [Stubbs, 1986, p. 83] – «существует огромная путаница в отношении таких терминов, как “стандартный”, “правильный”, “приличный”, “хороший”, “грамотный” или “академический” английский, содержание данных терминов все еще уточняется» (здесь и далее перевод наш. – С. Ш.).

С одной стороны, стандартный язык включает наряду с языком науки, публицис-

тики, официально-делового общения и язык литературы. Так, по определению энциклопедии Британники, стандартный язык используется в делопроизводстве, литературе, экономике – «in administrative matters, literature, and economic life» (Британника); по мнению Дж. Пикетта, «the term *Standard English* refers to both an actual variety of language and an idealized norm of English acceptable in many social situations» [Pickett, 2005, p. 18] – «термин “стандартный английский” относится как к активно используемому варианту, так и к идеализированной норме английского, применимой в разнообразных ситуациях». С другой стороны, высказываются мнения, что некоторые престижные в социальном плане формы или культурно-возвышенные варианты речи не включены в стандартный язык, например: «...many nonstandardised features appear in famous novels, plays and poetry» [Hudley et al., 2010, p. 44] – «...многие нестандартизированные формы встречаются в известных романах, пьесах и стихах». Таким образом, мы не обнаруживаем однозначного рационального понимания существа взаимодействия литературного / стандартного и поэтического языков.

Очевидно, что в поэтическом языке происходит некоторое нарушение определенных норм стандартного языка: «The distortion of the norm of the standard is, however, of the very essence of poetry, and it is therefore improper to ask poetic language to abide by this norm» [Mukařovský, 2014, p. 50] – «Нарушение норм представляет собой саму сущность поэзии, поэтому было бы неправильно требовать от поэзии подчинения», но в то же время общеязыковая норма стандартного языка остается до некоторой степени устойчивой, она всего лишь несколько расшатывается при переходе языка из одной подсистемы в другую: «Many of the linguistic components of a work of poetry do not deviate from the norm of the standard because they constitute the background against which the distortion of the other components is reflected» [Mukařovský, 2014, p. 43] – «Большой объем элементов поэтического языка следует нормам обыденного языка, поскольку на фоне традиционного употребления неконвенциональное творческое использование языковых возможностей выглядит более выпукло и ярко». В этом можно согласить-

ся с П. Стоквеллом: «Literary language is not in itself special or unique, though it is used in particular ways» [Stockwell, 2019, с. 17] – «Художественный язык сам по себе не особенный и не уникальный, хотя он используется необычным образом».

Итак, антиномия «поэтический язык – литературный язык» определяется тем, что, с одной стороны, первый генетически обусловлен вторым, с другой – язык лирики не лишен своеобразия собственного генезиса и функционирования, то есть он является одновременно и частью, и противоположностью. Для преодоления данной антиномии и нахождения области непоэтического, противоположного поэтическому, целесообразно противопоставлять не поэтический и литературный (стандартный) языки, а поэтический и обыденный (будничный, повседневный) или поэтический и официальный, которые пользуются соответственно возвышенной лексикой и нейтральной. Однако на данном этапе эволюции лингвистики с активным развитием психолингвистики и широким применением ее инструментов было многократно показано, что психосемантика лексических единиц отражает эмоции и оценки, личностные смыслы, связь с различными жизненными ситуациями, и найти эмоционально нейтральные, экспрессивно неокрашенные лексемы представляется затруднительным. С точки зрения психолингвистики существование нейтральной лексики сомнительно, поскольку, как будет показано ниже, прикрепление слов к определенному стилю речи является условно-ситуативным, речевой и жизненный контексты легко нарушают связь некоего слова с тем или иным функциональным стилем.

До сегодняшнего дня нерешенной проблемой остается определение поэтической лексики и в частности термина «поэтизм». В западной лингвистике к данному понятию в его транслитерированной форме практически не прибегают. Тем не менее как отечественные, так и зарубежные словари активно маркируют возвышенные единицы, которые не востребованы (редко востребованы) обыденным языком. Специфическая для лирики лексика в словарях сопровождается пометами «поэтическое», «традиционно-поэтическое», «народно-поэтическое», «поэтическое архаи-

ческое», «высокое», «книжное», «церковнославянское», «литературное» (последнее характерно для зарубежных словарей). Разнообразие стилистических помет обусловлено тем, что отнесение слова к тому или иному функциональному стилю представляет собой определенную проблему в силу того, что критерии использования стилистических помет научно не определены и, по мнению Б.В. Орехова, «в отсутствие внятной теории составитель словаря оказывается дезориентирован в том, какой лексеме и на каких основаниях необходимо присваивать такую (поэтическое. – С. III.) помету» [Орехов, 2012, с. 1647]. Кроме того, как показал Р. Цур, поэтический язык связан с передачей слабо рационализируемых, размытых поэтических значений, неясных значений: «lowly-differentiated, diffuse emotional qualities», «blurred meanings» [Tsur]. В связи с этим лексикографы, как правило, делают выбор, основываясь на своем субъективном чувстве и понимании стилистического расслоения языка. В то же время поэтические специфические единицы, будучи маркерами стихотворного дискурса, неоднородны, их коннотативный слой также разнообразен по выраженности звуковой поэтичности, архаичности, эмоциональности, оценочности, метафоричности, диалектичности и пр., выделяются многочисленные факторы, оказывающие влияние на формирование поэтических коннотаций [Шевченко, 2020].

В настоящее время критерием отнесения слова к поэтизмам могли бы послужить данные корпусных исследований, основанных на методе сравнения частности лексемы в основном и поэтическом корпусах. Исходя из нашей практики, мы можем утверждать, что во многих случаях данный метод работает: единицы, помеченные в словарях как поэтические, демонстрируют более высокую частотность в поэтических разделах корпусов, чем в основных. Однако у корпусного метода имеются и серьезные недостатки. Один из них связан с содержанием текстовой базы корпусов. Так, в основной корпус, как правило, включены и художественные тексты, что сказывается на достоверности числовой картины. К другим недостаткам корпусного метода можно отнести валидность принципа частотности как показателя поэтичности. Например,

мы обнаружили противоречие между данными Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и результатами психолингвистического шкалирования на определение роли уменьшительных суффиксов в формировании у слова поэтической коннотации. Согласно корпусным данным словоформа *золотой* употребляется в поэтическом корпусе 1 941 раз, в то время как уменьшительный дериват *золотистый* – только 164 раза. Однако результаты психолингвистического шкалирования на выбор поэтической формы из цепочки морфологических синонимов показывают, что предпочтение отдается уменьшительной форме (50 против 13). Данное расхождение возникает по той причине, что диминутивы имеют существенно более низкую частотность в языке в целом и наличие у них поэтических коннотаций не приводит к замещению ими слов без уменьшительных суффиксов в поэзии. Практическое решение данной проблемы видится в вычислении сложных коэффициентов на основе корпусных данных, например определении интенсивности возрастания частотности диминутивов относительно безсуффиксальных форм при сравнении данных поэтического и основного корпусов.

Достоверность коэффициентов частотности может снижаться и по причине многозначности слова. Особенностью поэтических произведений является частое использование известных слов в метафорическом значении как проявление речемыслительной иносказательности, лексические единицы обогащаются метафорическими смыслами. Стандартные для общеупотребительного языка слова используются не в прямых, а в переносных значениях, часто развивая новое неожиданное значение («a fresh or surprising meaning» [Hudson, 1910, p. 41]) с акцентированием коннотативных компонентов семантики, в результате мы наблюдаем явление, когда лексические единицы по форме типичны для стандартного языка, но по передаваемым с их помощью смыслам редки или даже окказиональны (*сиреневые ночи* у С. Есенина). Отмеченный Ю.М. Лотманом факт, что «слово в поэзии “крупнее” этого же слова в общезыковом тексте» [Лотман, 1996, с. 91], учесть в ходе корпусного анализа не всегда удается, в силу чего частотность словоформы не коррелирует с частотностью поэтического значения или поэтической коннотации, которую мы исследуем.

лирует с частотностью поэтического значения или поэтической коннотации, которую мы исследуем.

О том, что частотность – это не основной показатель поэтичности, свидетельствует и выраженная окказиональность поэтического языка по сравнению с другими функциональными стилями (научным, официально-деловым и т. д.) вследствие высокой степени осуществления творческого процесса в речи. Поэтические неологизмы являются трансляторами поэтических смыслов, хотя могут не быть не только частотными, но иногда и узуальными единицами (например, *луненья* у И. Северянина, *лунность* у С. Есенина, *чудесапель* у Хлебникова). Поэзия – это область циркуляции автономных форм (по А.А. Леонтьеву), которые «не стереотипны, не кодифицированы. Они-то и несут в себе основную художественную нагрузку» [Леонтьев, 1997, с. 134]. Очевидно, что автономность обособляет поэтический язык от стандартного и первый не вполне правомерно рассматривать как неотъемлемую часть второго.

Особенности межстилевой лексической конвергенции

Лексика поэтического языка в целом совпадает с кодифицированным словарем общеупотребительного языка, но в лирике как одной из функциональных подсистем языка развиваются и используются характерные именно для нее черты. Свои особенности имеют и другие функциональные стили. Однако между ними нет непреодолимых границ, незамкнутость и диффузность приводят к межстилевой размытости и конвергенции. Изначально на формирование стиля оказывает влияние речевая деятельность и ее особенности: цели, мотивы, ситуативная обстановка. «Каждая речевая среда обладает при этом ассимилятивной силой, которая заставляет слово нести те, а не иные функции и окрашивает их тоном деятельности», – считал Тынянов; он указывал на «окраску слова характером той деятельности или среды, которая его впервые изменила и создала» [Тынянов, 1924, с. 57–58]. Действительно, иногда слова появляются для реализации исключительно особых целей определенного вида дискурса, однако, во-первых,

количество таких специфических слов в общей системе национального языка не столь велико, а во-вторых, стилистически маркированные слова легко заимствуются другими стилями, в то же время некоторые структуры удовлетворяют условиям разных видов деятельности. Так, поэтами часто используются разговорные и просторечные единицы, в связи с чем они не являются исключением в стихотворных текстах, легко адаптируются под требования лирики, приобретают стилистические коннотации и становятся маркерами не только разговорного, но и поэтического стилей. Существует особый тип стихов, например сатирических, где просторечные элементы встречаются особенно часто. В целом они придают поэзии большую достоверность, отражая не столько «идеальные» возвышенные переживания, сколько реальные эмоции. Например, слово *нынче*, помеченное в словарях как разговорное, показывает весьма высокий коэффициент частотности (*ipm*) в поэтическом корпусе – 132,36, в то время как частотность его в устном – 22,99, в основном – 49,15. Учитывая этот факт, в словарях для слова *нынче* правомерно к помете «разговорное» добавлять и «поэтическое».

Более того, сама разговорная речь не лишена поэтичности. В.В. Химик в работе «Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен» анализирует современное городское просторечие как особую сферу поэтического самовыражения говорящего [Химик, 2000]. Фольклор (частушки, народные песни), будучи носителем лирического начала, наполнен чувствами, красками, метафорами, которые являются маркерами поэтического. Одной из форм проявления метафорического поэтического мышления в народной разговорной среде можно считать ритмизированные и/или рифмованные пословицы, поговорки и присказки. Они не лишены поэзии, поскольку иносказательны, образны, для них нехарактерно линейно-рациональное развертывание мысли, и они часто музыкальны по форме. Здесь правомерно говорить о сращивании и взаимопроникновении элементов разговорного и поэтического стилей.

Если рассматривать основания, которые позволяют сближаться поэзии и просторечию, то в качестве одного из них можно указать на

их противопоставление общеупотребительному языку. Стоит отметить, что и поэзия, и разговорный язык характеризуются отличными от официального способами выражения; например, если определенная лексема в языке может существовать как в полногласной, так и редуцированной форме, то в разговорной и поэтической речи предпочтение отдается сокращениям и усечениям [Плетнева, 2011; Шевченко, 2019]. Редуцирование в рассматриваемых функциональных стилях имеет специфику и не протекает параллельно, случаи словоупотребления часто не совпадают, но иногда наблюдается пересечение. В качестве примера можно привести редуцированную форму *уж*, характерную как для разговорного, так и поэтического стилей. Маркированные в поэзии и устной речи всевозможные сокращения форм слова тем не менее выполняют разные функции: в разговорной речи к ним прибегают чаще для быстроты общения, в поэзии – для приспособления к ритмометрическому рисунку.

К стилистически выделенным элементам поэтического языка можно отнести некоторые архаические и диалектные формы, которые часто обнаруживаются и в просторечии. В словарях помета «поэтическое» часто соседствует с пометой «архаическое». Сближение поэтического и разговорного стилей отчетливо прослеживается в устно-поэтическом народном языке, который представляет собой, по словам В.И. Собинниковой, «диалект в его образно-эстетической функции», «художественный тип диалектного языка» [Собинникова, 1969, с. 79].

Разговорный и поэтический стили в противопоставление официальному отличаются также повышенной субъективной эмоциональностью и оценочностью. Эмоциональность реализуется, в частности, в использовании иного (измененного) способа наименования. «Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции» [Арутюнова, 1999, с. 81–82]. Эмоциональные способы выражения связаны с частотным использованием уменьшительных суффиксов, передающих эмотивный компонент значения, характерных для разговорного и поэтического стилей и редко употребляемых в официальной речи.

Поэтическую и разговорную речь сближает отсутствие жесткой нормы: языки обоих стилей имеют более прозрачные границы, чем официальный, они чаще подвержены изменениям. В них нередко формируются новые языковые средства, которые позже могут адаптироваться общеупотребительным национальным языком. В просторечии – это жаргонные, диалектные слова, в поэзии – слова в метафорических значениях, грамматические и фонетические варианты (в частности, с вариантными ударениями).

В некоторых случаях в обоих стилях схожи цели: самовыражение автора, воплощение его переживаний, взглядов, иронии, конструирование субъективной картины мира, а не передача объективной информации и отражение в деталях особенностей внешнего мира. Отчетливо противопоставлены безличность официального языка с одухотворенностью поэзии и эмоциональностью просторечья. В официальной речи субъект оперирует оболочками форм, основываясь на простой и прямой референции, в поэтической и разговорной – на первый план выходят личные ассоциации, вербализация оценок и эмоций, творческое выражение мыслей с некоторым отклонением от кодифицированных норм.

Поэзия может пересекаться и с другими функциональными стилями. Например, взаимопроникновение публицистики и лирики отражено в политической сатире. Иногда можно обнаружить взаимопроникновение более чем двух функциональных стилей. Так, творчество современного поэта В. Лютова основано на симбиозе поэтических, разговорных и публицистических элементов. Публицистичность создается посредством использования современных газетных выражений и обращения к концептуальному содержанию медиадискурса, политическим темам и темам общественной жизни. Разговорность проявляет себя в обилии и нарочитом использовании просторечных слов: *Дональдюша* (о Трампе), *телек*, *побазарить*, и диалектизм: *тады* (тогда), *мои други*, *энти*, *жисть*, *Рассея*, *погутарить*.

Поэтический стиль в наше время взаимодействует с научным. Глобализация, характерная для современного мира, затрагивает и сферу языка, что проявляется в конвергентных процессах в разных сферах жизни как

некое усреднение или объединение: стираются не только национальные, но и социальные различия, унифицируется система образования и т. д. Всеобщая академическая грамотность приводит к тому, что научный дискурс проникает в поэтический, давая основание появлению новых метафор, основанных на переносе научных представлений в поэтическую картину мира. Ярким примером может служить стихотворение И.А. Князевой (выделение единиц научно-технической речи наше. – С. Ш.): *Мелькают счетчиком года, / Вся жизнь в стремительном движении, / А мы находимся всегда, / Как ЛЭП, в высоком напряжении. / Сгорают нервы словно спички, / И так порою припечет, / Что впору вывесить табличку: / «Не подходи, а то убьет»... / ...Но грозы всякие проходят, / Как в марте вьюга на дворе, / И хорошо, что не подводит / Души защитное реле* (НКРЯ. Князева И.А. Средство от стрессов. Вестник ЗОЖ. № 22, 2018. С. 38).

Как справедливо отметил Р. Колеман, «in fact no words were too prosaic to appear in even in the highest poetic contexts» – «на самом деле нет такого прозаического слова, которое не могло бы использоваться в самом возвышенном поэтическом тексте» [Coleman, 1999, p. 21]. Для описания поэзии как способа образного мышления М.Н. Эпштейном предложен термин «сверхпоэзия», который трактуется как «поэтические миры природы и общества, научных открытий и технических изобретений» [Эпштейн, 2016, с. 3].

Рассмотренные выше явления, свидетельствующие о взаимопроникновении различных функциональных стилей языка, позволяют сделать вывод о том, что функциональное разграничение не представляется устойчивым и статичным. В связи с этим можно предположить, что в будущем неизбежно сближение лексики разных стилей языка, а поэзия в скором времени лишится многих диалектизм, архаизмов, поэтизм, поэтических усеченных форм.

Параметры архаизации некоторых поэтизм

Для определения параметров изучения устойчивости / динамичности традиционных

поэтизмов и архаизмов мы обратились к методу свободного ассоциативного психолингвистического эксперимента. Респондентами выступили студенты неязыковых и негуманитарных специальностей вузов (всего 85 человек), что позволило выявить представления о семантике языковых единиц не специалистов, а людей, знакомых с поэтическим наследием лишь в общих чертах. В качестве стимулов были предложены как устаревшие, так и еще актуальные поэтизмы и общеупотребительные слова с выраженной стилистической поэтической коннотацией. В числе реакций участникам эксперимента разрешалось давать определения и толкования, приводить известные строки из стихотворений с использованием предложенных стимулов, кроме того, составлять собственные свободные словосочетания.

Мы выделили несколько параметров, отражающих процессы изменения актуальности слова, опираясь на предложенную В.А. Пищальниковой систему исследования семантической динамики [Пищальникова, 2019, с. 55].

По нашему мнению, доказательствами архаизации слова-стимула служат: 1) высокий процент полученных отказов генерирования реакций, свидетельствующий о том, что респонденты с трудом ассоциируют лексическую форму с разными смыслами; 2) сужение объема ассоциируемых с поэтическим значением слова реакций и увеличение количества паронимических и парадоксальных ассоциаций; 3) уменьшение объема ассоциативного поля, часто с преобладанием лишь устойчивых выражений языка и известных литературных строк. В ходе анализа полученных данных были сделаны некоторые выводы:

1. Среди стимулов, вызвавших наибольшие затруднения, можно отметить следующие (цифра в скобках обозначает количество отказов): *сонмы* (69), *просинь* (65), *зычный* (64), *неизбывный* (60), *мирады* (59), *благоговенье* (56), *кручина* (54), *сырый* (53), *вешний* (53), *сень* (52), *денница* (52), *разверстый* (51). Данные слова-стимулы непонятны большинству опрошенных и, видимо, большинству носителей языка в настоящее время, следовательно эти единицы практически завершили переход в разряд устаревших.

Несколько меньше затруднений в генерировании реакций вызвали следующие сти-

мулы: *нега* (47), *полымя* (46), *ретивый* (45), *вереница* (43), *дол* (42), *рдеть* (42), *стезя* (40), *алчущий* (37), *сизый* (30). Приведенные слова можно отнести к архаичным единицам, семантика которых до определенной степени остается «живой» для носителей языка.

2. Опора только на один параметр в изучении процессов архаизации дает не совсем объективную картину. Иногда респонденты охотно генерировали реакции, являвшиеся паронимическими по отношению к слову-стимулу, поэтому семантика предложенного слова не раскрывалась, например, *лазурь* – *глазурь*; *вешний* – *вещий*; *грезится* – *гроза*; *вереница* – *не верится*; *сырый* – *сырой*; *нега* – *нуга*; *реять* – *сеять*; *полымя* – *попынь*; *сень* – *день* и пр. Большое количество подобных этим реакций свидетельствует о потере словом исконных значений. Кроме того, слово может оказаться многозначным и, несмотря на обилие мотивированных значением ассоциативных реакций, поэтическое значение стимула занимает периферийное положение в ассоциативном поле. Показателен, например, стимул *зефир*. Опрашиваемые были изначально предупреждены, что реакции должны быть связаны с поэтическими представлениями, а не с продуктом питания. Однако лишь трое респондентов ассоциировали слово с *ветром*, остальные не смогли извлечь из памяти связь *зефир* – *ветер* и привели «сладкие» ассоциации. В данном случае количество отказов невелико – 15, но, несмотря на это, можно констатировать, что слово *зефир* в значении «ветер» перешло в разряд абсолютных архаизмов, поскольку поэтическое значение даже целенаправленно вспомнить респонденты не смогли. Аналогична ситуация со словом *брань*. Количество отказов небольшое – 16, но лишь по одному разу упоминаются *поле брани*, *битва*, *борьба*. Представление о сражениях является архаичным, на данный момент значение слова связывается с речевыми действиями.

Кроме того, респондентами были даны парадоксальные реакции, то есть такие, в которых остается непонятной связь стимула и реакции. Чаще всего они возникали в тех случаях, когда опрашиваемые пытались вспомнить известные словосочетания, но, не найдя ничего в памяти, придумали сами, в результа-

те связь между словами не прослеживается / трудно прослеживается: *сень льда, сень волны, сонмы неба, просинь на луну, неизбежный художник*. К таким ассоциациям относятся и «неверные» толкования: *стезя – природное явление, сизый – глухой, сизый – лютый*, но парадоксальность их не всегда абсолютна: она может быть языковой (нарушение норм традиционной сочетаемости), но в когнитивном плане сниматься: ассоциация *зыбь – кружево* немотивирована, поскольку корпус языка не находит примеров сочетания *зыбк* кружев**, с одной стороны, однако между значением слова *зыбкий* «неустойчивый, шаткий» и представлением о кружеве может существовать определенная связь. В целом же парадоксальных ассоциаций было получено немного, по количеству они существенно уступают паронимическим.

3. О жизнеспособности слова можно судить и по объему ассоциативного поля. Например, устаревшее слово *мурава* вызвало затруднения лишь у 22 участников, но разнообразия приводимых реакций не продемонстрировано – их оказалось всего 10, центральное место занимают *трава-мурава* и *травушка-муравушка*, периферия ассоциативного поля не выражена. Ассоциирование здесь обусловлено литературным опытом и не свидетельствует о том, что слово на данный момент современно. Схожие результаты получены для стимула *витать*: 16 отказов, но всего 15 вариантов разнообразных реакций с преобладанием идиоматического выражения *витать в облаках* (40 упоминаний, около половины всех опрошенных). Приведем еще примеры использования устойчивых единиц в качестве реакций: *мглою небо кроет* (стимул *мгла*); *(открой) сомкнуты негой взоры* (стимул *нега*); *там лес и дол видений полны* (стимул *дол*); *ветер реет на просторе* (стимул *реять*); *отныне и во веки веков, Вещий Олег* (стимул *отныне*), *из огня да в полымя* (стимул *полымя*); *райские кущи* (стимул *кущи*). Можно сделать вывод, что сжатие ассоциативного поля является показателем архаизации. В то же время наличие устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, включающих архаичную лексему или поэтизм, замедляют процесс их выхода из употребления.

4. В ходе анализа результатов эксперимента нами был сделан еще один важный вывод: денотативный компонент значения лексемы в процессе эволюционной архаизации часто стирается раньше коннотативного эмоционального, который какое-то время продолжает осознаваться носителями русского языка. В случае с некоторыми лексемами было очевидно, что респонденты четко не представляют их предметного объективного содержания, но чувствуют эмоциональное наполнение значения, могут сказать, связано ли данное слово с чем-то хорошим или плохим. Так, стимул *стезя* вызвал значительные затруднения, отмечено около половины (40) случаев отказа от генерирования реакций. Тем не менее отчетливо выступает негативное эмоциональное восприятие данного слова: *тяжела стезя кого-нибудь, опять на мне стезя, испытание, долг (эмоциональный груз)*. Стимул *лазурь* вызвал незначительные затруднения у респондентов, однако указать однозначно оттенок цвета, обозначенный им, опрашиваемые не смогли, точнее, не смогли сказать синий ли это цвет или голубой, они оба упоминались примерно равное количество раз: 5 и 6 соответственно, 10 раз было сказано, что это цвет или оттенок без попытки его идентификации. Такие данные свидетельствуют о том, что денотативное значение лексемы утрачивается, тем не менее опрошенные единодушно считают, что слово связано с чем-то приятным, поскольку наделяют его возвышенными эпитетами: *лазурь нежная, сочная, красивая, искрящаяся*. Аналогичным примером является слово *благоговение*. Сохраненная коннотация на это слово-стимул подтверждается такими реакциями, как *что-то приятное* или *что-то церковное*. При исчезающей денотации все еще сохраняется эмотивный / стилистический смысловой компонент.

Однако не у каждой лексемы эмоциональная коннотация изначально выражена. Некоторые поэтизмы (часто глаголы) оценочно нейтральны, поэтому утверждать, что во всех случаях рассмотрение эмоциональной составляющей является важным при изучении особенностей архаизации слов, было бы неверным.

5. Мы также обнаружили, что в процессе архаизации слова может происходить не-

который сдвиг в эмоциональном коннотативном семантическом слое значения. Например, традиционно восприятие слова *алчущий* ближе к нейтральному (*алчущие правды, алчущие преобразования, алчущий дух* – примеры из НКРЯ), однако результаты ассоциативного эксперимента показывают, что сегодня слово воспринимается негативно: получены такие реакции, как *злой* (11), *кровожадный, эгоистичность, коварный, унылый*. Видимо, данный сдвиг в сторону негативных эмоциональных коннотаций вызван смещением значений слов *алчущий* и *алчный*. На первую лексему переносятся характеристики второй, поскольку единица *алчущий* устарела и утратила большую часть своих значений.

Примером выраженности всех описанных выше параметров архаизации в ассоциативном поле может служить лексема *вешний*. Во-первых, на стимул было получено большое количество отказов ассоциирования – 53 (62 %). Во-вторых, ассоциативное поле не отличается разнообразием вариантов, их всего 12. В-третьих, большая часть из них – 8 – не связана с традиционным значением слова, значительную долю ассоциаций составляют паронимические. В-четвертых, в ассоциативном поле этого слова-стимула отсутствуют эмотивы, следовательно коннотативная семантика не сохранилась и слово вышло из широкого употребления. Кроме того, не обнаружено ни одной литературной ассоциации: опрошенные не вспомнили ни *вешние воды*, ни *гонимы вешними лучами*. Параметрический подход к анализу ассоциативного поля лексемы *вешний* подтверждает высокую степень ее архаизации.

Для доказательства эффективности методики подсчета коэффициента архаизации на основе выделенных параметров нами была сформирована «контрольная группа», в которую были включены употребительные лексемы. В качестве примера охарактеризуем слово-стимул *могучий*. Его выраженная поэтичность подтверждается значительным сдвигом индекса *ipt* в поэтическом корпусе относительно основного (173,97 против 38,45). Поэтичность этого слова подтверждают и данные проведенного психолингвистического шкалирования на выбор наиболее подходящего для лирики слова из цепочки синонимов. На-

блюдается значительный сдвиг в сторону *могучего: могучий* (163) – *могучий* (20) – *крепкий* (15) – *сильный* (15).

В ходе свободного ассоциативного эксперимента не было получено ни одного отказа от генерирования реакции на слово *могучий*, со стороны опрашиваемых был предоставлен широкий спектр правильно ассоциируемых со стимулом вариантов (27), не обнаружено ни одной паронимической или парадоксальной ассоциации. Общая семантическая картина дополнена множеством культурных ассоциаций – *ветер, ветер, ты могуч, могучий русский язык; заяц могучий (из мультфильма «Три богатыря на дальних берегах», с большими морковками)*.

По результатам анализа специфики ассоциативных полей были выявлены и другие лексемы-стимулы, не имеющие выраженных признаков завершения процесса архаизации: *померкнуть, оглашать, нынче, очи, зарево, отныне, озябший, багряный, отрадно, внимать, тщетно, лучезарный, мгла*.

В ходе обобщения полученных данных и вычисления коэффициента архаизации мы ограничились рассмотрением трех наиболее валидных параметров: параметр 1 – количество отказов предоставить реакцию; параметр 2 – количество паронимических и парадоксальных ассоциаций; параметр 3 – сжатость ассоциативного поля со скудной периферией. Общий коэффициент архаизации вычислялся путем сложения отдельных параметрических показателей.

В целом параметрический подход к анализу ассоциативного поля с целью прослеживания процессов устаревания лексики показал свою действенность, однако имеются некоторые сложности, связанные с определением границ между проявленностью и непроявленностью признака и его количественным выражением. Для фиксации степени архаизации мы прибегли к системе +++, основанной на полуколичественном представлении данных. Границы между степенями выраженности признаков проведены следующим образом. Для параметра 1: количество отказов от генерирования реакции (от числа всех опрошенных): +++ (60–100 %), ++ (35–60 %), + (15–35 %). Для параметра 2: количество паронимических и парадоксальных ассоциаций (от количества

сгенерированных реакций): +++ (60–100 %), ++ (35–60 %), + (15–35 %). Для параметра 3: сжатость ассоциативного поля (количество реакций от числа опрошенных): +++ (не более 14 %), ++ (15–20 %), + (21–25 %).

Предложенный метод не является совершенным, поскольку границы проводятся несколько условно, при появлении пограничных показателей решение о степени выраженности признака исследователем принимается на основе субъективного суждения. Тем не менее данный метод вычисления коэффициента архаизации позволяет показать динамические процессы в семантике лексических единиц. На наш взгляд, более мелкое деление на большее количество степеней или работа с про-

центными показателями без перевода их в систему +++ затруднит восприятие из-за громоздкости и сложности результатов. В предложенной системе коэффициент архаизации находится в диапазоне от 0 до 9, чего вполне достаточно для наблюдения за динамикой. Данные ассоциативного эксперимента, на которых базируются вычисления, могут различаться в тех или иных группах респондентов, поэтому объективность числовых показателей здесь недостижима.

Показатели архаизации некоторых исследованных лексем систематизированы в таблице. Знак «–» означает, что исследуемый параметр не выражен; знак «–/+» маркирует наличие пограничных значений.

Степень архаизации некоторых поэтизмов

Degree of archaisation of some poetic words

№	Стимул	<i>ipm</i> в основном разделе корпуса (НКРЯ)	<i>ipm</i> в поэтическом разделе корпуса	Параметры архаизации			Коэффициент архаизации
				1	2	3	
1	<i>лучезарн*</i>	3,55	40,3	–	–	–	0
2	<i>внимать (внимае*)</i>	0,83	24,28	–	–	–	0
3	<i>могуч*</i>	38,45	173,97	–	–	–	0
4	<i>багрян*</i>	4,07	72,9	–/+	–	–	0,5
5	<i>лазурн*</i>	2,95	85,8	–	–/+	–	0,5
6	<i>померк*</i>	4,36	51,8	–/+	–	–	0,5
7	<i>оглаша*</i>	4,4	11,85	+	–	–	1
8	<i>нынче</i>	49,65	132,35	–	–	+	1
9	<i>благоуха*</i>	9,18	80,44	+	–	–	1
10	<i>ретив*</i>	3,2	18,8	++	–	–	2
11	<i>сизы*</i>	5,7	38,8	+(++)	+	–	2,5
12	<i>кущи</i>	0,65	8,7	++	–	–/+	2,5
13	<i>возвеща*</i>	5,17	17,9	+++	–	–	3
14	<i>очи</i>	12,4	258,58	–	–	+++	3
15	<i>верениц*</i>	7,9	32,0	++	+	–	3
16	<i>разверст*</i>	2,28	11,03	+++	–	–	3
17	<i>дол</i>	1,5	34,9	++	+(++)	–	3,5
18	<i>грезит*</i>	1,47	24,6	+	+++	–	4
19	<i>польмя</i>	0,53	5,15	++	–	++	4
20	<i>реет</i>	0,43	19,6	+++	+	+	5
21	<i>сиры*</i>	0,95	16,02	+++	+	++	6
22	<i>кручин*</i>	8,15	40,87	+++	++	+	6
23	<i>зычн*</i>	3,57	7,43	+++	++	+	6
24	<i>рдеет (зарде*)</i>	1,77	17,4	++	+++	+	6
25	<i>денниц*</i>	0,6	35,9	+++	+++	+	7
26	<i>неизбывн*</i>	2,1	6,04	+++	+++	+	7
27	<i>сень</i>	1,7	32,37	+++	+++	++	8
28	<i>мириад*</i>	1,9	8,9	+++	++	+++	8
29	<i>просинь*</i>	0,13	5,8	+++	++	+++	8
30	<i>сонм*</i>	3,57	74,64	+++	+++	+++	9
31	<i>вешн*</i>	3,98	79,7	+++	+++	+++	9

Заключительный этап исследования был посвящен поиску корреляций между степенью архаичности лексемы и потерей ею поэтических коннотаций. Наличие поэтических коннотаций определялось с помощью психолингвистического шкалирования – опрашиваемые выбирали из цепочки синонимов наиболее поэтическое на их взгляд слово. Результаты показали, что архаизация напрямую не связана с потерей лексемой поэтических коннотаций. Устойчивой тенденции к игнорированию архаизмов при отборе слов с более выраженной поэтичностью не отмечено. Архаичные слова были востребованы во всех случаях, хотя и в разной степени. Так, устаревшее по данным свободного ассоциативного эксперимента слово *мирады* (коэффициент архаизации 8) показало достаточно выраженную поэтичность: *мирады* (59) – *миллионы* (23) – *миллиарды* (18). Устаревшая единица *вешний* в поэтичности не уступает словам *весенний* и *апрельский* (31, 30 и 39). Слово *сизый* (коэффициент архаизации 2) оказалось недостаточно поэтичным: *сизый* (18) – *синеватый* (44) – *серый* (38). Таким образом, коннотат может не зависеть от денотата и, определяясь разными факторами, в том числе звуковой оболочкой слова, может актуализироваться в семантике устаревшей лексемы.

Выводы

В результате проведенного исследования выявлена тенденция к межстилевой конвергенции на лексическом уровне. Она проявляется в архаизации специальной стилистически маркированной лексики и стирании стилистических границ в использовании слов, но процесс этот происходит с разной интенсивностью у разных лексем. Архаизация может протекать с потерей денотативного значения и активным сохранением коннотативного, то есть прямой зависимости между выходом слова из употребления и потерей им коннотативных значений не наблюдается. Таким образом, мы делаем вывод, что стилистическая коннотация проходит до некоторой степени автономный от денотативного значения путь эволюционирования.

Полученные прогностические оценки свидетельствуют о том, что в будущем поэзия не будет активно как раньше прибегать к своей специфической лексике, а будет пользоваться в основном обыденным языком; в лексическом плане расстояние между функциональными стилями максимально сократится.

Эволюционные изменения в семантике слова эффективно выявляются с помощью психолингвистических инструментов. Во-первых, психолингвистическое шкалирование позволяет установить актуальное наполнение стилистического слоя значения лексемы поэтической коннотацией и определить степень поэтичности того или иного слова или его формы на данный момент. Во-вторых, ассоциативный эксперимент дает возможность проследить процесс архаизации поэтизмов и показать, что они сохраняют актуальность. На основе отобранных параметров анализа данных свободного ассоциативного эксперимента можно вычислить коэффициент архаизации того или иного слова. Сопоставление данных, полученных с помощью психолингвистических методов и корпусного анализа, позволяет выявить динамику лексико-семантических явлений.

Работа вносит вклад в развитие лексикологии и лексикографии. Предложенные методы могут быть востребованы для изучения не только поэтического языка, но и лексико-семантических особенностей других функциональных стилей в их развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». С. 81–82.
- Леонтьев А. А., 1997. Психопоэтика // Основы психолингвистики. М. : Смысл. 287 с.
- Лотман Ю. М., 1996. О поэтах и поэзии : Анализ поэтического текста. СПб. : Искусство–СПБ. 846 с.
- Орехов Б. В., 2012. Поэтизм: логический анализ термина // Вестник Башкирского университета. Т. 17, № 3 (I). С. 1647–1648.
- Пищальникова В. А., 2019. Эксперимент как составная часть методологии сопоставительных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 17, № 3. С. 52–63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4>.

- Плетнева Н. В., 2011. Функциональные особенности усечений в современном английском языке // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. № 1. С. 105–109.
- Плунгян В. А. О (бес)конечности языка. URL: http://old.russ.ru/krug/19991022_plun.html (дата обращения: 24.04.2020).
- Собинникова В. И., 1969. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 103 с.
- Тынянов Ю. Н., 1924. Проблема стихотворного языка. Ленинград : Академия. 139 с.
- Химик В. В., 2000. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 272 с.
- Шевченко С. Н., 2019. Стилистические особенности редуцированных слов в поэзии (в английском, русском и итальянском языках) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. № 2. С. 108–118.
- Шевченко С. Н., 2020. Факторы формирования лексических поэтических коннотаций (результаты психолингвистического эксперимента) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 16–24.
- Эпштейн М. Н., 2016. Поэзия и сверхпоэзия : О многообразии творческих миров. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус. 480 с.
- Coleman R. G. G., 1999. Poetic Diction, Poetic Discourse and the Poetic Register // *Aspects of the Language of Latin Poetry* (Proceedings of the British Academy 93). Oxford : Oxford University Press. P. 21–93.
- Hudley A. H. Ch., Mallinson C., 2010. Understanding English Language Variation in U.S. Schools. N. Y. : Teachers College Press. 192 p.
- Hudson M., 1910. The Science of Poetry and the Philosophy of Language. N. Y. : Funk & Wagnalls Company. 294 p.
- Mukařovský J., 2014. Standard Language and Poetic Language // *Chapters from the History of Czech Functional Linguistics* / ed. by J. Chovanec. Brno : Masarykova univerzita. P. 41–53.
- Pickett J., 2005. The American Heritage Guide to Contemporary Usage and Style. Introduction. Boston : Houghton Mifflin. 536 p.
- Stockwell P., 2019. Cognitive Poetics: An Introduction. 2nd ed. L. : Routledge. 246 p.
- Stubbs M., 1986. Educational Linguistics. Oxford : Blackwell. 286 p.
- Tsur R. Aspects of Cognitive Poetics. URL: http://cogprints.org/3239/1/Aspects_of_Cognitive_Poeti.html (date of access: 12.04.2020).

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru/new/> (дата обращения: 04.03.2020).
- Британника – Энциклопедия Британника. URL: <https://www.britannica.com/topic/dialect/Standard-languages#ref393732> (дата обращения: 02.05.2020).

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and the World of the Human]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury” Publ., pp. 81-82.
- Leontev A.A., 1997. *Psihopoetika. Osnovy psiholingvistiki* [Psychopoetics. The Basics of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ. 287 p.
- Lotman Yu.M., 1996. *O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta* [About Poets and Poetry: The Analysis of the Poetic Text]. Saint Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ. 846 p.
- Orekhov B.V., 2012. Poetizm: logicheskiy analiz termina [Poetism: Logical Analysis of the Term]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 17, no. 3 (I), pp. 1647-1648.
- Pishchalnikova V. A., 2019. Eksperiment kak sostavnaya chast metodologii sopostavitelnykh issledovaniy [Experiment As an Integral Part of Methodology of Comparative Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 3, pp. 52-63. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.4>.
- Pletneva N. V., 2011. Funkcionalnye osobennosti usecheniy v sovremennom angliyskom yazyke [Functional Peculiarities of Reduction in the Modern English Language]. *Aktualnye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, no. 1, pp. 105-109.
- Plungyan V.A. *O (bes)konechnosti yazyka* [About the (In)Finiteness of the Language]. URL: http://old.russ.ru/krug/19991022_plun.html (accessed 24 April 2020).
- Sobinnikova V.I., 1969. *Konstruksii s odnorodnymi chlenami, leksicheskim tozhdestvom i parallelizmom v narodnykh govorakh* [Constructions with Homogeneous Terms, Lexical Identity and Parallelism in Vernacular Dialects]. Voronezh, Voronezhskogo universiteta. 103 p.
- Tynyanov Yu.N., 1924. *Problema stihotvornogo yazyka* [The Problem of Verse Language]. Leningrad, Akademiya Publ. 139 p.

- Himik V.V., 2000. *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kulturnyj fenomen* [The Poetry of the Low, or The Common Parlance As a Cultural Phenomenon]. Saint Petersburg, Philologicheskii fakultet SPbGU. 272 p.
- Shevchenko S.N., 2019. Stilisticheskie osobennosti redutsirovannykh slov v poezii (v angliyskom, russkom i italyanskom yazykakh) [Stylistic Features of Reduced Words in Poetry (In the English, Russian and Italian Languages)]. *Nauchny rezultat. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], no. 2, pp. 108-118.
- Shevchenko S.N., 2020. Faktory formirovaniya leksicheskikh poeticheskikh konnotatsiy (rezultaty psiholingvisticheskogo eksperimenta) [Factors of Developing Lexical Poetic Connotations (The Results of the Psycholinguistic Experiment)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 16-24.
- Epshtejn M.N., 2016. *Poeziya i sverhpoeziya: O mnogoobrazii tvorcheskikh mirov* [Poetry and Superpoetry: About the Diversity of Creative Worlds]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ. 480 p.
- Coleman R.G.G., 1999. Poetic Diction, Poetic Discourse and the Poetic Register. *Aspects of the Language of Latin Poetry (Proceedings of the British Academy 93)*. Oxford, Oxford University Press, pp. 21-93.
- Hudley A. H. Ch., Mallinson C., 2010. *Understanding English Language Variation in U.S. Schools*. New York, Teachers College Press. 192 p.
- Hudson M., 1910. *The Science of Poetry and the Philosophy of Language*. New York, Funk & Wagnalls Company. 294 p.
- Mukařovský J., 2014. Standard Language and Poetic Language. Chovanec J., ed. *Chapters from the History of Czech Functional Linguistics*. Brno, Masarykova univerzita, pp. 41-53.
- Pickett J., 2005. *The American Heritage Guide to Contemporary Usage and Style. Introduction*. Boston, Houghton Mifflin. 536 p.
- Stockwell P., 2019. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London, Routledge. 246 p.
- Stubbs M., 1986. *Educational Linguistics*. Oxford, Blackwell. 286 p.
- Tsur R. *Aspects of Cognitive Poetics*. URL: http://cogprints.org/3239/1/Aspects_of_Cognitive_Poeti.html (accessed 12 April 2020).

SOURCES AND DICTIONARIES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (accessed 4 March 2020).
- Encyclopedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/dialect/Standard-languages#ref393732> (accessed 2 May 2020).

Information About the Author

Svetlana N. Shevchenko, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Laboratory of Psycholinguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia; Senior Lecturer, Russian State Geological Prospecting University (Stary Oskol Branch), Lenina St, 14/13, 309514 Stary Oskol, Russia, floradale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0439-1865>

Информация об авторе

Светлана Николаевна Шевченко, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории психолингвистики, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия; старший преподаватель, Старооскольский филиал Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе, ул. Ленина, 14/13, 309514 г. Старый Оскол, Россия, floradale@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0439-1865>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2022 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2022 года 1939 руб. 38 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2022 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2022 is 1939.38 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

